

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ ИВАН СЕРОВ

Никита Петров

Никита Петров

Первый
председатель
КГБ

ИВАН СЕРОВ

МАТЕРИК

Никита Петров

Первый председатель КГБ
ИВАН СЕРОВ

Москва
Материк
2005

ББК 63.3(2)6-8Серов
П12

ISBN 5-85646-129-0

© Издательство «Материк», 2005
© Н.В. Петров, 2005
© В.Я. Черниевский, оформление, 2005

ВВЕДЕНИЕ

...Серов — очень честный человек в своей партийности, и если что за ним и было, как за всеми, так сказать, чекистами, то он здесь тоже стал, ну, жертвой общей политики, которую проводил Сталин¹.

Н.С. Хрущев

...именно, по принципу личной преданности, И.А.Серов, на совести которого были тысячи загубленных и который подлежал суду, оказался во главе органов государственной безопасности и стал самым приближенным человеком Хрущева².

Д.Т. Шепилов

Так уж сложилась судьба будущего первого председателя КГБ Ивана Александровича Серова — оставив военную службу в тридцать с небольшим лет, он стал чекистом. И действительно, за ним было много такого, за что других чекистов сталинской формации сажали или расстреливали, что по большому счету было вполне справедливо. Хрущев все это прекрасно знал и понимал. Тем не менее, на переломном этапе советской истории, когда после смерти Сталина вырисовывалась иная конфигурация власти, именно Серову новое руководство доверило возглавить и провести реформирование и чистку госбезопасности.

Свою роль и в преобразовании чекистского ведомства, и в упрочении личной власти нового лидера страны — Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева — Серов сыграл добросовестно и преданно. Но наградой ему стало перемещение из кресла руководителя КГБ в Министер-

¹ Хрущев Н. Воспоминания: Избранные отрывки. Нью-Йорк: Чалидзе Пабл-кейшенс, 1982. С. 156.

² Шепилов Д. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001. С. 159.

ство обороны на должность начальника Главного разведывательного управления (ГРУ). Пост хоть важный и ответственный, но почти незаметный в высшей советской иерархии.

Серов оказался как бы в политической тени. Его имя выпало из обоймы упоминаемых в советской печати лидеров средней руки. И хотя его карьера была фактически окончена, он вплоть до начала 1963 года еще сохранял свои регалии и относительно высокое положение начальника ГРУ. Однако при этом реального политического влияния уже не имел. Его имя даже не значится в списках делегатов открывшегося в октябре 1961 года XXII съезда КПСС, получившего эпохальное название «съезда строителей коммунизма». А в последующие 1970—80-е годы имя Серова практически не встречается в советской исторической литературе. Оно и понятно. Вышколенные советские историки предпочитали не касаться скользких тем.

И все же Серов не был забыт. Только в нашумевшей книге Джона Баррона «КГБ», вышедшей в 1974 году, его имя упоминается четырежды. Но о нем чаще пишут лишь на Западе, да и то в связи с тайными операциями — похищениями и убийствами, проведенными КГБ в 1954—1959 гг. в Германии, а также в связи с делом офицера советского ГРУ Пеньковского, оказавшегося английским агентом, собственно, после разоблачения которого Серов и был растоптан Хрущевым.

Интерес к личности Серова, влиятельного руководителя тайной полиции хрущевской эпохи, значительно возрос в последнее время. Это вполне объяснимо. Только сейчас стали доступны, хотя фрагментарно и частично, ранее тщательно оберегаемые от посторонних взглядов архивные материалы МВД, КГБ и ЦК КПСС. Тем самым заметно расширился круг источников для изучения биографии И.А. Серова и его подлинной роли во многих громких событиях времен Сталина и Хрущева.

Имя Серова теперь часто встречается в подборках публикуемых документов о массовом выселении народов Северного Кавказа, подавлении польского национального движения в 1944—1945 гг., репрессиях в послевоенное время на территории Восточной Германии, подавлении народного восстания в Венгрии в 1956 году и т.д. Однако до сих

пор исчерпывающей и подробной биографии И.А. Серова опубликовано не было. Исключение, пожалуй, составили лишь несколько научных и журнальных публикаций, часть из которых появилась за рубежом¹.

Бесспорно, историческую ценность имеет не только сама по себе биография Серова. Не меньший интерес вызывает и история руководимых им карательных подразделений. Особенно таких, как аппарат Советника при министерстве общественной безопасности Польши, в чьи задачи входила силовая поддержка просоветского временного польского правительства во главе с коммунистами. Или аппарат Уполномоченного НКВД при 1-м Белорусском фронте, преобразованный в аппарат Уполномоченного НКВД-МВД в Германии, который проводил широкие полицейские акции, имевшие целью привести к власти на востоке Германии угодных Кремлю руководителей.

И в том и другом случае видна решающая роль Серова. В деле советизации Польши «заслуги» Серова, как он сам отмечал в своих позднейших заявлениях, заключались не только в том, чтобы «обеспечить деятельность Польского Комитета Национального Освобождения, работе которого активно противодействовали буржуазные националисты, руководимые из Лондона»², но и в том, чтобы подчинявшихся лондонскому правительству польских руководителей найти и арестовать. Что он и сделал:

«После освобождения Варшавы нам пришлось долго разыскивать «Министров польского правительства». Сталин И.В. дважды звонил и требовал быстрее их захватить. Наконец после удачной комбинации мы взяли всех «министров» и генерала Окулицкого, которых по указа-

¹ См.: Pietrow N. Cien Sierowa // KARTA (Warszawa). 1992. № 9. P. 79—84; Бажан О. Слуга, або фрагменти життя генерала Серова // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Київ, 1994. № 1. С. 229—240; Parrish M. The Lesser Terror. Westport, Connecticut; London, 1996. P. 294—297. Петров Н.В. Первый председатель КГБ генерал Иван Серов // Отечественная история. 1997. № 5. С. 23—43; См. также: General Ivan Serov — der erste Vorsitzende des KGB // Forum für osteuropäische Ideen — und Zeitgeschichte, 2. Jahrgang. 1998. H. 2. S. 161—207. Жирнов Е. Великий депортатор // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 2000. 12 декабря (№ 49). Млечин Л.М. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы / 3-е изд. доп. М., 2001. С. 427—480.

² Российский государственный архив документов новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 454. Л. 54.

нию ГКО отправили в Москву, где их Военный Трибунал судил по законам военного времени»¹.

Немецкий период работы Серова не менее впечатляющ. В оккупированной Германии с первых же дней советского присутствия проводились аресты и расстрелы т.н. «фашистских» и «враждебных» элементов. Широко практиковались интернирование и вывоз гражданского населения на принудительные работы в СССР, а на месте нацистских были открыты спецлагеря НКВД². На этом фоне Советской военной администрации было проще готовить и проводить социальные преобразования и насаждать политическую систему советского образца. После таких шоковых методов немцы любую «нормализацию», даже с коммунистической подкладкой, должны были воспринимать с облегчением.

Отдельной, но не менее важной темой являются конфликты внутри сталинской верхушки, особенно среди руководителей различных карательных ведомств: внутренних дел, госбезопасности и военной контрразведки. В какой степени они носили принципиальный характер, а в какой были обусловлены лишь межведомственными трениями и соперничеством в борьбе за внимание и расположение вождя? Большая часть таких конфликтов и долговременная вражда между карательными ведомствами имела причиной примитивную личную неприязнь между руководителями различных спецслужб. Вместе с тем, можно с уверенностью утверждать, что лишь вслед за этим могли проявиться и принципиальные расхождения во взглядах на те или иные проблемы и способы их решения.

Но принципы были лишь вторичным фактором, своего рода камуфляжем или внешней аргументацией, прикрывавшей и объяснявшей вражду ведомств. На самом деле, ничего иного кроме внутривидовой борьбы за этим не было. Да и сам Сталин поощрял соперничество и взаимный контроль спецслужб, так, ему казалось, гораздо лег-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 94. Д. 50. Л. 10.

² О различных аспектах советской карательной политики в послевоенной Германии см.: *Sowjetische Straflager in Deutschland 1945 bis 1950*. Berlin: Akademie Verl., 1998. Bd. 1. 1999. Bd. 2.; то же на русском языке: Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. 2. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945—1950 гг.: Сборник документов и статей. М., 2001.

че управлять страной. Однако такие нравы и порядки в сталинском окружении чаще всего приводили к трагическим последствиям. По крайней мере, долгая и острая вражда И.А. Серова и В.С. Абакумова самым серьезным образом отразилась на карьере обоих. Министр госбезопасности Абакумов пал жертвой Сталина. В июле 1951 года он был снят с должности, арестован, и его будущий расстрел был предрешен.

Серову же в этом смысле повезло, вплоть до смерти Сталина он сохранял свой пост первого заместителя министра внутренних дел. Тем не менее нельзя сказать, что это противостояние никак на нем не отразилось. За несколько послевоенных лет Абакумов сумел накопить и направить Сталину огромное количество различных материалов компрометирующего свойства против Серова. Они-то и стали своего рода миной замедленного действия. Даже благоволивший Серову Хрущев не мог закрыть глаза на подобное.

Все это вполне вписывалось в правила советской номенклатуры и составляло суть кремлевской повседневности. Когда пришел срок, Серову припомнили все, что за ним числилось, и не только по «абакумовскому счету», прибавились и депортации народов Кавказа, за которые Серов был в свое время осыпан полководческими орденами, и участие в работе внесудебных органов, проводивших репрессии. Взлет и падение Серова и его нешуточная борьба с Абакумовым составляют, пожалуй, главный стержень его биографии.

В чем же секрет стремительной карьеры Серова в системе НКВД, куда он был направлен в числе многих других посланцев партии в начале 1939 года для укрепления кадров наркомата после смещения «железного сталинского наркома» Н.И. Ежова и изгнания его людей? Этот предвоенный взлет Серова объясняется прежде всего тем, что Сталиным были востребованы и особо ценимы надежные исполнители для выполнения широкого спектра репрессивных мероприятий: от арестов и расстрелов до выселения целых народов.

Шаг за шагом возвышение Серова демонстрирует, что он со всеми сталинскими поручениями успешно справлялся. Проработав около полугода на различных должностях в центральном аппарате НКВД, он перебрался с по-

вышением на Украину. Там с размахом провел репрессии в западных областях, уничтожил тысячи людей и вновь занял теперь уже более ответственный пост первого заместителя наркома госбезопасности СССР в Москве. Весной 1941 года он получает новое «ответственное задание» — провести массовое выселение из республик Прибалтики. За этим «мирным занятием» его и застает война.

Каким запомнился Серов всем тем, кому доводилось с ним встречаться? Сохранилось не слишком уж много описаний его внешности. Будущий начальник военной контрразведки КГБ А.М. Гуськов, впервые увидевший Серова в 1943 году, описывает его так: «невысокого роста, светлый шатен, очень подвижен, речь быстрая, с небольшим акцентом на «о»¹. Ему вторит ветеран — чекист Борис Есиков: «небольшого роста, но крепкий, подтянутый, уверенный в себе»².

В то же время характеристики и оценки личных и деловых качеств Серова, встречающиеся в мемуарной и исторической литературе, как правило, однотипны. Почти все сходятся во мнении о его невысоком интеллектуальном уровне. Причем большинство оценок резко отрицательны. Лишь ветераны-чекисты осторожны в характеристиках, но и они отмечают «крутой нрав» и грубость Серова в отношениях с подчиненными.

Ф.Д. Бобков вспоминает, что будучи назначенным председателем КГБ Серов держался «очень уверенно, раскованно, по-хозяйски»³. Вместе с тем, пишет Бобков, «не могу сказать, чтобы к Серову относились с большим уважением. Отсутствие гибкости, штампованное мышление вызывали настороженность»⁴. Сыгравший роковую роль в судьбе Серова полковник военной разведки Олег Пеньковский в своих записках писал, что Серова «трудно назвать блестящей личностью», и отмечал сложившееся мнение о нем сотрудников ГРУ: «он знает, как допрашивать, как сажать в тюрьму и расстреливать. В более сложных материях разведки он разбирается куда хуже»⁵.

¹ Гуськов А.М. Под грифом правды. М., 2004. С. 114.

² Жирнов Е. Великий депортатор // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 2000. 12 декабря (№ 49).

³ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 134.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 83—84.

Несколько разнятся мнения о характере Серова: от почти нейтральных до резко отрицательных. Тот же Пеньковский, наблюдая, как Серов провожал жену и дочь в аэропорту, был «немало удивлен тем, как он растрогался, прощаясь с ними. Трудно было поверить, что этот суровый человек, чьи руки обгарены кровью, мог испытывать такую нежную привязанность к своим близким»¹. Вместе с тем наблюдавший Серова исключительно в служебной обстановке В.Е. Семичастный вспоминал, что тот «отличался крутым нравом»².

Н.С. Захаров пишет в своих воспоминаниях о Серове:

«Как оперативный работник, он был профессионально грамотен, имел солидный опыт оперативной работы, но по общему крутозору был человеком невысокой культуры, по характеру груб и самоуверен. Свое мнение считал непрекаемым и с мнением подчиненных почти не считался»³. «Пользуясь дружественной поддержкой Н.С. Хрущева, — отмечает Захаров, — он пренебрежительно относился к другим членам Политбюро и секретарям ЦК КПСС»⁴.

Но наиболее резко и негативно о Серове пишет бывший секретарь ЦК КПСС Д.Т. Шепилов:

«Это был глубоко аморальный и невежественный человек, прямо и непосредственно причастный ко многим злодеяниям органов госбезопасности в прошлом. Но он в 1939-1941 гг. работал на Украине при Хрущеве наркомом внутренних дел УССР и все последующие годы был близок к нему и готов с холопским усердием выполнять любые его противозаконные указания и удовлетворять личные хрущевские прихоти»⁵.

Более единодушны в своих оценках историки и публицисты. В их трудах Серов предстает типичным злодеем сталинской эпохи. Однако, рисуя портрет бериевского опричника, каковым Серов, безусловно, и был, ему порой приписывают и то, чего он, конечно же, не совершал. Например, Д.А. Волкогонов пишет:

«...зловещая и мрачная личность, получившая в свое время самые высшие награды государства за высылку на-

¹ Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 83—84.

² Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 168.

³ Захаров Н.С. Сквозь годы. Тула: Гриф и К. 2003. С. 101.

⁴ Там же.

⁵ Шепилов Д. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001. С. 269.

родов и другие омерзительные дела. Достаточно сказать, что он лично провел 150 «заседаний» пресловутых «троек», отправивших на тот свет многие тысячи людей»¹.

Хотя следует признать, что здесь есть определенная неточность. Никаких «троек», существовавших в 1937—1938 годах, Серов не возглавлял. Скорее, речь идет о вынесении внесудебных решений, в том числе и о расстрелах, Особым совещанием (ОСО) при НКВД, на котором во время войны Серов иногда председательствовал.

«Злодейскую» роль Серова, притом совершенно напрасно, ищут и в деле маршала Жукова. Некоторые авторы полагают, что он виноват в послевоенной травле полководца. Они называют Серова «космическим мерзавцем» и почему-то именно его числят одним из виновников бед, обрушившихся на маршала, полагая, что «охота за жуковскими «сокровищами» превратилась в навязчивую идею партийно-чекистской мрази, все пытавшейся скомпрометировать великого полководца», и что люди из МГБ «обратили в свою веру даже Сталина»². В действительности, и об этом еще будет сказано, Серов и Жуков были на дружеской ноге и оба стали жертвами интриг начальника контрразведки СМЕРШ Абакумова³.

Так в чем же конкретно заключалось участие Серова в сталинских репрессиях и какова его роль в тех или иных громких делах? Надо сказать, что такого рода «послужной список» Серова весьма внушительен. Здесь же отметим лишь бесспорное. То есть репрессивные акции, осужденные еще в хрущевское время, а также в конце 1980-х годов — в период перестройки и получившие одностороннюю оценку как преступные.

Прибыв в сентябре 1939 года на Украину, Серов проводит широкие репрессии против населения на захваченной Советским Союзом территории Польши. В период с сентября 1939 по февраль 1941 года в западных областях УССР было арестовано: 21 449 поляков, 19 982 украинца, 12 695 евреев и 178 белорусов⁴. Еще большее число, около

¹ Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 1. М., 1996. С. 356.

² Спар У., Яковлев Н.Н. Полководец Г.К. Жуков: Взлет и падение: К 100-летию со дня рождения. М., 1996. С. 457, 461.

³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000. С. 34, 37—43.

⁴ Горланов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939—1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 88.

170 тысяч человек, подверглось в 1940 году выселению из западных областей УССР в «места не столь отдаленные», а именно в Сибирь¹. Более того, в следующем, 1940 году Серов проводит в жизнь решение о бессудном расстреле польских офицеров, содержащихся в Старобельском лагере, и гражданских лиц в западных областях Украины в рамках реализации решения Политбюро от 5 марта 1940 года. Сегодня эта акция известна как «Катынский расстрел» — по названию местности под Смоленском, где впервые были обнаружены тела казненных. Всего было расстреляно 21 857 человек², из них на территории Украины — 3820 офицеров в тюрьме Харьковского УНКВД и 3435 человек в тюрьмах западных областей³. В июне 1941 года, буквально за несколько дней до начала войны с Германией, Серов занят депортацией в Сибирь неугодных советской власти жителей Прибалтийских республик. Всего было арестовано и выселено: из Эстонии 10 тысяч человек, из Литвы 17 тысяч человек и из Латвии 16 тысяч человек⁴.

В годы войны список сталинских преступлений множится, и Серов активно в них участвует. Но теперь уже счет иной, и речь идет о тотальной депортации коренного населения ряда республик. Так, Серов участвовал в выселении советских немцев, чеченцев и ингушей, крымских татар.

Но помимо, так сказать, массовых акций Серов выдает и «штучную продукцию». Известна его роль в репрессиях против видных деятелей науки в бытность работы заместителем наркома госбезопасности в 1941 году. Именно Серов утвердил обвинительное заключение по делу знаменитого ученого-генетика Н.И. Вавилова⁵. После войны сыграл активнейшую роль в деле коменданта ста-

¹ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940—1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 119.

² Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Сост. Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вошинский, В. Матерский; Под ред. Р.Г. Пихои, А. Гейштора. М., 1997. С. 521.

³ Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 408, 468.

⁴ Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае – июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 150, 151, 153.

⁵ Birstein Vadim J. The perversion of knowledge. Cambridge, 2001. P. 219.

линской дачи И.И. Федосеева. Причем не просто вел следствие, но и, выполняя прямые сталинские директивы, усердно избивал несчастного.

И наказанные народы, и отдельные лица, репрессированные Серовым, были уже при Хрущеве реабилитированы. А что же Серов? Он занимал должность председателя КГБ и невозмутимо участвовал в проведении реабилитации, готовил наверх порой весьма интересные и содержательные доклады о тех или иных преступлениях Сталина¹. Так как же все это понимать? И как совмещается одно с другим?

В фигуре Серова достаточно выпукло отразилась двойственность хрущевской либерализации. Реформы проводились представителями все той же «старой гвардии», а проведение чистки и реорганизации чекистского ведомства было поручено человеку, чье персональное участие в сталинских репрессиях было всем очевидно. Но, тем не менее, Серова чуть более четырех лет терпели на этом посту. И причина отнюдь не только в его личной преданности Хрущеву. Просто сказывались привычки командно-административного метода управления, который Хрущев впитал еще при Сталине. В качестве руководителя КГБ был нужен прежде всего надежный и послушный исполнитель, а вовсе не требовалось иметь во главе этой грозной организации самостоятельно мыслящего политика.

¹ См. документ № 40.

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Родился Иван Александрович Серов 25 августа (по новому стилю) 1905 года в деревне Афимская на территории нынешней Вологодской области в семье крестьянина-середняка. Правда, сам он в автобиографии указывал 28 августа, как день своего рождения¹. Как сообщал Серов при заполнении учетно-партийных документов, его отец после 1917 года продолжал работать в своем хозяйстве, с 1932 года находился на иждивении детей, а в 1940 году умер². Однако, по некоторым свидетельствам, его отцом был «старший офицер конного урядника полицейской стражи Кадомской тюрьмы»³. Этот факт приводит в своих воспоминаниях Н.П. Дудоров, бывший в 1956—1960 годах министром внутренних дел. В частности, он пишет:

«В 1957 году начальник УВД Вологодской области привез мне в МВД личное дело отца Серова — Александра Павловича Серова, найденное в архивах специальной Кадомской тюрьмы в Вологде для политических заключенных, где, кстати сказать, в 1912 году отбывал «наказание» Иосиф Сталин. В этой тюрьме работал отец Серова в качестве «старшего офицера конного урядника полицейской стражи Кадомской тюрьмы» за период с 1905 года по день Октябрьской революции 1917 года, после чего скрылся в неизвестном направлении, а Иван Серов скрывал от партии о прошлом его отца»⁴.

При этом стоит обратить внимание на то, что Сталин вовсе не «отбывал наказание» в этой тюрьме. Согласно биографической хронике, 14 декабря 1911 года Сталин был выслан на 3 года под гласный надзор полиции в Вологду, а уже 29 февраля 1912 года бежал из вологодской

¹ См. документ № 1.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17. Оп. 107. Регистрационный бланк члена КПСС И.А. Серова № 00105001.

³ Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995. С. 317.

⁴ Там же.

ссылки. 22 апреля он был вновь арестован в Санкт-Петербурге и 2 июля 1912 года направлен в Нарымский край под гласный надзор полиции, но всего лишь на свои не отбытые 3 года¹.

Если бы отцом Серова был жандарм, то ему бы для карьерного продвижения в советских условиях пришлось бы всю жизнь тщательно скрывать сей факт. Однако это вряд ли было бы возможно при выдвижении Серова на руководящую работу в НКВД. Ведь существовали довольно строгие правила проверки и самого претендента и его многочисленной родни. Конечно, бывали случаи, когда работники НКВД удачно скрывали правду о своем происхождении, но, в основном, это были те, кто поступил на работу в «органы» до середины 1930-х, когда правила проверки не были столь уж строгими. В 1935 году была введена анкета «спецпроверки» для всех поступающих на работу, связанную с секретностью, включая, разумеется, и всех тех, кто поступает на работу в НКВД и партийные органы. И при таком раскладе установить истинные занятия отца Серова, если бы он в анкете указал неправду, для кадровиков НКВД не составило бы труда. Они всегда запрашивали сведения о родственниках с мест через региональные органы НКВД.

Министр внутренних дел Дудоров в конце 1950-х годов с азартом выискивал любые материалы, могущие скомпрометировать Серова. И нет сомнения, что какой-то Александр Серов действительно служил в Вологде в тюремной страже, но, вероятнее всего, это лишь однофамилец или дальний родственник. В автобиографии Серов писал: «родители до революции и после занимались земледелием по месту моего рождения»². По крайней мере, никакими другими свидетельствами о занятиях отца Серова мы не располагаем. Еще раньше, чем Дудоров, происхождением Серова всерьез заинтересовался Абакумов. Но и ему не удалось ничего наверняка доказать.

С семи лет Ивана Серова отдали учиться в приходскую школу. В 1916 году он окончил сельскую школу в городе Кадников Вологодской губернии, затем в 1923 году школу 2-й ступени там же. С мая 1923 года он стал работать заведующим избой-читальней в селе Покровском Кадни-

¹ Сталин И.В. Сочинения. М., 1951. Т. 2. С. 416–418.

² См. документ № 1.

ковского уездного отдела политического просвещения. С этого же года он член комсомола. Так молодой Серов обозначил свой политический выбор. Хотя, впрочем, после окончания Гражданской войны иного пути у молодежи и не осталось. В сентябре 1923 года Серов становится председателем Замошского сельсовета и возглавляет его вплоть до своего призыва в армию в 1925 году. Его избирают также членом волостного исполкома.

Такие выдвижения не были редки в то время. Для руководства многочисленными низовыми советскими органами требовались прежде всего грамотные (умеющие читать и писать) и лояльные люди. Серов, несомненно, был из их числа. В июне 1925 года его принимают в кандидаты в члены партии, а через год он уже член ВКП(б). В августе 1925 года Вологодский губернский комитет партии посылает его на учебу в Ленинградскую пехотную школу (военное училище). По окончании училища с августа 1928 года он находился на службе на командных должностях в артиллерии РККА. Сначала он командир огневого взвода в 22-й стрелковой дивизии в Краснодаре. В 1931-м обучался на артиллерийских курсах усовершенствования командного состава РККА, по окончании которых в том же году получил назначение на должность помощника командира батареи в 9-м корпусе. Здесь Серов прослужил до 1934 года, последовательно занимая должности командира батареи, помощника начальника штаба полка и временно исполняющего обязанности начальника штаба полка. В 1934 году Серов получил назначение в 24-й артиллерийский полк.

В 1935 году, как и многие красные командиры, Серов поступил на учебу в Военно-инженерную академию РККА, из которой в 1936 году перевелся в Военную академию им. Фрунзе в Москве. В январе 1939 года в звании майора он закончил эту академию.

До сих пор биография Серова ничем не примечательна, она точная копия тысячи других жизнеописаний кадровых советских офицеров — выходцев из крестьянских семей. Но в январе 1939 года произошел резкий поворот в его жизни. По окончании академии на службу в войска он не попал. Решением ЦК ВКП(б) Серов направлен на работу в центральный аппарат НКВД СССР. После смещения в ноябре 1938 года Ежова и развернутой новым

наркомом внутренних дел Берией чистки кадрового состава госбезопасности, в НКВД открылось множество вакансий. И в условиях острой нехватки кадров на руководящую работу в органы госбезопасности в конце 1938 и начале 1939 гг. было направлено многочисленное пополнение из партийных, советских и комсомольских органов, а также выпускники вузов и слушатели военных академий. Майор артиллерии Серов попал в этот поток, и 9 февраля 1939 года, сразу же, был назначен на высокую должность заместителя начальника Главного Управления рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) НКВД СССР. Его непосредственным начальником был В.В. Чернышев, имевший помимо главной милицейской должности и ранг заместителя наркома внутренних дел СССР.

Теперь карьера Серова развивается стремительно. И отчасти этому способствовал случай. Неизвестно, сколько времени проходил бы Серов в должности заместителя начальника милиции, если бы неожиданно не оказалась вакантной должность его шефа. Чернышева переместили заведовать ГУЛАГом. А дело было в том, что назначенный на излете ежовской эпохи начальник ГУЛАГа Г.В. Филаретов оказался серьезно болен. Несчастный Филаретов стал беспокойно спать, у него появились слуховые галлюцинации, выпадение памяти и сердечные приступы. Обследовавший его врачебный консилиум категорически высказался за серьезное лечение. Случилось ли все это от перегрузки по работе или от пережитых волнений и страха разделить судьбу снятого с должности Ежова, сказать трудно. Для Берии ясно было одно: Филаретов с работой не справляется и его надо заменить. Вместо него Берия решил назначить начальником ГУЛАГа Чернышева, а на освободившееся место — Серова. О предстоящей рокировке 15 февраля 1939 года Берия проинформировал Сталина и быстро получил его согласие¹.

Итак, уже 18 февраля 1939 года Серов стал руководителем всей милиции Советского Союза — начальником ГУРКМ НКВД СССР. Растут и его звания. 15 февраля ему

¹ Письмо Берии на имя Сталина от 15 февраля 1939 г. опубликовано: История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н.В. Петров; Отв. сост. Н.И. Владимирцев. М., 2004. С. 155–156.

присвоено специальное звание «майора госбезопасности» (что соответствовало званию комбриг в армии, а впоследствии полковник — в госбезопасности), а 30 апреля 1939 года — «старшего майора госбезопасности» (это уже два ромба в петлице и соответствовало комдиву в армии, а впоследствии генералу-майору в госбезопасности). О таком росте званий Серов в армии не мог и мечтать. Ведь за каких-то три месяца он получил звание равное уровню высшего командного состава.

Ответственная должность и незнакомая работа поначалу ошеломили Серова. В аппарате НКВД в первой половине 1939 года шел активный процесс разоблачения прежнего «вражеского руководства». И Серов не был в стороне, он с головой ушел в поиски врагов. По воспоминаниям бывшего начальника управления рабоче-крестьянской милиции Казахстана М.П. Шрейдера, находящегося в 1939 году под следствием в Москве, на один из допросов вдруг явился Серов. Поболтав о пустяках, он бесхитростно выложил то, за чем пришел: «Вот вы, например, очень могли бы помочь мне, новому в органах человеку...если бы разоблачили работников Главного управления милиции, участвующих в вашем контрреволюционном заговоре. Ведь поймите, я чувствую, что окружен врагами, и не знаю их»¹.

Поведение Серова, только на первый взгляд, кажется нелогичным. Ведь в милиции в результате бериевской чистки и разгона кадров в аппарате и так некому работать, а он ищет, кого бы еще посадить. Но такова установка Берии (читай Сталина) и Серов старательно ее выполняет. Шрейдеру посчастливилось выжить. В 1958 году на одном торжественном вечере в КГБ он оказался в президиуме рядом с Серовым и напомнил ему об этом случае:

«Что-то я не помню такого случая, — изобразив удивление, сказал Серов. — Вы наверняка путаете. — Но, увидев по выражению моего лица, что я не верю в его забывчивость, он добавил: — Во всяком случае, я очень рад, что вы живы и здоровы. А о прошлом надо постараться забыть»².

Руководителем милиции Серов проработал недолго, 29 июля 1939 года его переводят на работу в госбезопасность, где он был назначен начальником 2-го Отдела Главного Управления государственной безопасности (ГУГБ) и од-

¹ Шрейдер М. НКВД изнутри. М., 1995. С. 228.

² Там же.

новременно заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР. Теперь в задачи Серова входит борьба со всеми антисоветскими элементами и враждебными лицами в государственных учреждениях и чекистское наблюдение за наукой, литературой, искусством, а также борьба против представителей духовенства, бывших партийных оппозиционеров и т.п. Отдел, руководимый Серовым, имел название «секретно-политического». До него этот важнейший в госбезопасности отдел возглавлял Богдан Кобулов, ближайший к Берии человек.

Через 10 дней после своего нового назначения Серов был принят Сталиным в своем кремлевском кабинете¹. Обсуждался вопрос о проведении воздушного парада в Тушине. Обычно при проведении массовых действий — парадов, демонстраций, торжественных заседаний с участием «вождей», на НКВД возлагалось «чекистское обслуживание» такого мероприятия. В переводе на нормальный язык это означало прежде всего просмотр и проверку списков участников мероприятия и отсеивание всех неблагонадежных и подозрительных, обеспечение охраны и порядка в ходе самого мероприятия и негласное наблюдение за всеми его участниками. Вероятнее всего, вождь имел намерение и лично познакомиться с новым шефом политического сыска и остался им вполне доволен.

Подготовка к параду была нелегкой. В Тушине за неделю начались репетиции. В итоге военно-воздушный парад, состоявшийся 18 августа 1939 года, был беспрецедентен по своему размаху. Как отмечалось в газетах, «в этом году день авиации в Москве был отпразднован особенно торжественно»². На главной трибуне присутствовали Сталин и члены Политбюро. Парад собрал около миллиона зрителей, а в программе шоу были предусмотрены невиданные ранее аттракционы. Был продемонстрирован новый самолет-гигант «СССР Л-760» с шестью моторами, а на поле был выброшен массовый парашютный десант с двух дирижаблей. Но гвоздем программы стала «инсценировка воздушного нападения на условный военный «объект»»³. На окраине тушинского аэродрома был выстроен огромный макет оборонного завода,

¹ См. раздел «Визиты Серова к Сталину в Кремль».

² Красная Звезда. 1939. 20 сентября.

³ Там же.

из его труб валил дым и как будто выпускалась какая-то продукция. В ходе праздничной феерии «завод» эффектно и красочно разбомбили. Такая игра в войну понравилась Сталину. Но игры играми, а через два года бомбежки стали для москвичей жестокой реальностью.

Быстрое выдвижение Серова на столь высокие и ответственные должности можно объяснить только одним обстоятельством. Он понравился и пришелся по душе самому наркому внутренних дел Берии. Служебный рост Серова продолжался, 2 сентября 1939 года его назначили наркомом внутренних дел Украины. Через два дня приказом НКВД ему присвоили специальное звание «Комиссара госбезопасности 3 ранга» — три ромба в петлицах. В армии это соответствовало званию комкора, а с 1940 года званию генерал-лейтенанта.

Во главе НКВД Украины

До приезда Серова в Киев должность наркома внутренних дел Украины почти год была вакантной. И причиной тому — беспрецедентный случай. Нарком внутренних дел Украины, комиссар госбезопасности 3 ранга А.И. Успенский, опасаясь ареста, 14 ноября 1938 года оставил работу, бежал из Киева и ушел в подполье. Конечно, он позаботился о том, чтобы его не искали, попытавшись всех убедить, что речь идет о банальном самоубийстве. На его рабочем столе осталась записка, из которой следовало, будто он пошел топиться в Днепр.

У Успенского, который являлся выдвиженцем Ежова и его ближайшим соратником, были все основания опасаться ареста. Уже горела земля и под самим «железным наркомом». Но Ежов все же предупредил его о нависшей над ним опасности. Как позднее рассказал на допросе сам Успенский:

«14 ноября утром мне позвонил по телефону Н.И. Ежов и предупредил меня о предстоящем аресте. Ежов сказал мне примерно следующее: «Тебя вызывают в Москву, дела твои будут разбирать. Плохи твои дела». В конце разговора Ежов заявил мне: «А вообще ты сам посмотри, как тебе ехать и куда ехать...»¹.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 6. Д. 3. Л. 385.

В самоубийство Успенского никто не поверил. Его принялись искать, перекрыли все подступы к границе. Еще свежи были воспоминания, как руководитель Дальневосточного НКВД комиссар госбезопасности 3 ранга Генрих Люшков бежал со своего поста в июне 1938 года в Маньчжурию к японцам. И вот второй случай наглого дезертирства. Особенно взбешен был Сталин. О его крайнем негодовании свидетельствует записка направленная 22 ноября в НКВД Берии. И, хотя номинально наркомом еще числится Ежов, ему Сталин уже не доверяет:

«Т-щу Берия.

Нужно поставить чекистам задачу; Поймать Успенского во что бы то ни стало. Задета и опозорена честь чекистов, не могут поймать одного мерзавца — Успенского, который на глазах у всех ушел в подполье и издевается.

Нельзя этого терпеть.

22/XI — 38

И. Сталин»¹.

И Люшков и Успенский были лично хорошо известны Сталину. Они неплохо потрудились, выполняя его кровавые директивы в ходе «большого террора», оба были щедро награждены орденами и приняты самим вождем в его кремлевском кабинете². Искали Успенского долго. А он тем временем жил по фальшивым документам под именем Шмашковского под самым носом у НКВД под Москвой, а затем в Муроме, Арзамасе, Свердловске и Челябинске, пока не был арестован в апреле 1939 года аж за Уралом, в городе Миасс, куда приехал искать работу. Деньги у него давно кончились.

А пока шли поиски, в декабре 1938 года на должность 1-го заместителя наркома внутренних дел Украины был назначен старший лейтенант госбезопасности Амаяк Кобулов. Ему тут же, через одну ступень, присвоили звание майора госбезопасности. Он был младшим братом ближайшего к Берии человека — Богдана Кобулова. Но назначить его полноценным наркомом крупнейшей союзной республики, даже и при таком влиятельном родстве, никак не могли. Уж слишком мал был его предыдущий служебный уровень — начальник райотдела НКВД в Гаграх, и вызывающе ничтожен партийный стаж³. Тем не менее,

¹ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 406. Л. 59.

² Исторический архив. 1998. № 4. С. 112, 176.

³ Позднее ему партийный стаж подправили с 1938 на 1932 год.

до своего назначения в начале сентября 1939 года резидентом НКВД в Берлин, Амаяк Кобулов руководил чекистским аппаратом Украины, официально числясь «исполняющим обязанности» наркома внутренних дел УССР. Именно его назначение в Германию открыло дорогу Серову в Киев. Переехав в Киев, Серов получил неплохую квартиру в доме № 3 по улице Короленко¹.

На Украине Серов оказался в самый подходящий момент, незадолго до советского похода в Польшу. Тут была возможность отличиться и для чекистов.

В самом начале сентября 1939 года нарком Берия подписал приказ, согласно которому формировались оперативные группы НКВД, которые должны были составить основу для будущих УНКВД западных областей Украины и Белоруссии². Вторжение в Польшу было предопределено Советско-Германским пактом. На Украину выехал заместитель наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулов. Вместе с Серовым им предстояло руководить работой чекистов на территории, отторгаемой от Польши. Здесь Меркулов умудрился вступить в конфликт с Хрущевым. Об этом он написал в сентябре 1939 года в своей докладной записке из города Проскурова на имя Берии в Москву. За несколько дней до вторжения в Польшу находящиеся также в Проскурове Тимошенко и Хрущев не давали чекистам автомобили для опергрупп и, более того, сами пытались разместиться в помещении гор. отдела НКВД и выставить оттуда чекистов, потому что там была установлена нужная им правительственная «ВЧ»-связь. Возмущенный Меркулов жаловался Берии, называя Тимошенко самодуром, «не изжившим партизанских привычек»³.

Меркулов имел возможность присмотреться ближе к Серову, и тот произвел на него вполне благоприятное впечатление. Не случайно в феврале 1941 года после разделения НКВД новый нарком госбезопасности Меркулов взял себе в качестве первого заместителя именно Серова.

Советское вторжение в Польшу, вопреки официальной пропаганде, твердившей об «освободительном походе» с

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 7. Д. 134. Л. 90–107.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 70–73.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 468. Л. 161–169.

целью «подать руку помощи своим братьям украинцам и братьям-белорусам»¹, было настоящей войной. И боевые действия против немногочисленных польских частей, оказывавших сопротивление, велись по всем правилам и с присущей любой войне жестокостью и бомбежкой городов. Армейская печать не скупилась на краски, описывая подвиги Красной Армии в этой войне. Вот один из опубликованных очерков о ночной атаке красноармейцев:

«Капитан Гостюшев поднялся во весь рост и крикнул: — За Сталина! За родину! Вперед!

Бойцы ринулись на врага, хотелось крикнуть могучее «Ура», чтобы излить чувства, переполнившие сердца кипением, удачью и силой. Но ночные атаки должны быть безмолвными. Штык и приклад делали свое дело. Группа офицеров, сопротивлявшаяся особенно отчаянно, была уничтожена»... «Отступавшим полякам перерезали дорогу. Красноармейцы залегли и стали забрасывать их гранатами»².

Война против Польши была короткой. Усилиями немецкого вермахта и Красной Армии польская армия была разгромлена и взята в плен. В ходе боевых действий Красная Армия потеряла убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести 1139 человек и 2383 — ранеными³. В советский плен попало 452 536 польских военнослужащих, и среди них 18 789 офицеров⁴.

В Бресте состоялся совместный советско-немецкий военный парад. Сегодня фотографии того парада, где рядышком, вместе стоят командиры Красной Армии и офицеры вермахта, где красная звезда соседствует с имперским орлом со свастикой, кажутся нереальными. До их смертельной битвы оставалось менее двух лет. А тогда был период единства интересов и государственной дружбы двух агрес-

¹ Выступая по радио 17 сентября, Молотов демагогически утверждал, что цель советского вторжения состоит также и в том, «чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью» (Правда. 1939. 18 сентября).

² Красная Армия (газета Украинского военного округа). 1939. 12 ноября.

³ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Сост. В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 407.

⁴ Там же. С. 86.

соров, деливших Восточную Европу. Министр иностранных дел Германии Риббентроп прибыл в Москву, и в результате проведенных 27—28 сентября переговоров был заключен договор «О дружбе и границе между СССР и Германией». Раздел Польши состоялся. Советское руководство торжествовало победу и глумилось над поверженным противником. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года, заявил:

«Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»¹.

А в Киеве была организована выставка захваченного вооружения армии Польши, куда тотчас же потянулись многочисленные зеваки. Посетители этой выставки, проникнутые имперским высокомерием, созерцали довольно скромное вооружение польской армии. А ведь об агрессивности «панской Польши» годами трубила советская пропаганда. На поверку же оказалось, что «агрессор» был очень слабо вооружен. Как издевательски писала красноармейская газета: «Всеобщий смех вызывает «польская» пушка, которая 40 лет тому назад была снята с вооружения в царской России»².

Многие советские командиры, получив боевое крещение, не только не теряли, но, наоборот, поддерживали в себе боевой настрой и желание воевать дальше. Один из них, будущий маршал, выступая на сессии Верховного Совета Белорусской ССР, потерял всякую меру. Вот что сообщал Сталину 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко: «13 ноября на заседании сессии командарм 4 [армии] Чуйков в речи допустил выражение: «Если партия скажет, то поступим по песне — даешь Варшаву, дай Берлин», причем, — указывал Пономаренко, — эта речь транслировалась по радио»³. Сталин, в тот момент смертельно боявшийся каких-либо осложнений с Герма-

¹ Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939—1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 149.

² Красная Армия. 1939. 16 ноября.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 66. Л. 13

нией, не на шутку разозлился и начертил на сообщении Пономаренко резолюцию: «Т. Ворошилову. Чуйков видимо дурак, если не враждебный элемент. Предлагаю сделать ему надiranje. Это минимум. Ст[алин]»¹. Надо полагать, после выволочки у Ворошилова, и особенно после того, как Чуйков узнал, откуда исходит гнев, а уж об этом-то Ворошилов точно сказал, Чуйков стал осторожнее в словах, а урок запомнил на всю жизнь. В 1945 году Чуйков все же оказался в Берлине, позднее возглавил Группу советских оккупационных войск и Советскую Контрольную Комиссию в Германии, а в 1950—1952 годах неоднократно принимался Сталиным в кремлевском кабинете. Интересно, вспоминал ли вождь о той истории?

Серов активно включился в проведение советизации захваченных СССР польских земель. Он подолгу бывает во Львове и лично руководит арестами и «очисткой» города от «буржуазных и польских националистических элементов». Именно во Львове Серов впервые увидел и понял, что такое западная капиталистическая жизнь, о которой он знал лишь понаслышке. Изобилие продуктов и товаров в магазинах, роскошные рестораны, ночные увеселения и музыка, какой в СССР не услышать. Идеальная чистота на улицах и порядок. Таким застали Львов осенью 1939 года советские пришельцы. Все это поразило и увлекло Серова. Его должность дает возможность приобретать в частном секторе товары за бесценок, ведь предстоит закрытие таких магазинов и их национализация. По ряду свидетельств, здесь Серов впервые проходит школу личного обогащения. Этим же заняты почти все присланные для работы в западные области советские функционеры. Они в буквальном смысле слова скупали все, что попадало под руку, и зачастую, не имея денег, расплачивались с поляками облигациями государственного займа, откровенно обманывая их². Серов, между тем, ведет во Львове вполне светскую жизнь, посещает рестораны, театры, ухаживает за артистками.

Работа наркома внутренних дел Украины тесно сблизила Серова с Н.С. Хрущевым — тогда 1-м секретарем ЦК КП(б) Украины. Хотя, первоначально они друг другу

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 66. Л. 13

² Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 19.

очень не понравились. Хрущев традиционно с подозрением смотрел на человека из «органов», полагая, что Серов прислан Берией, для того чтобы шпионить за партийным руководством. Серов, в свою очередь, был шокирован грубостью и бесцеремонностью Хрущева. Он пришел к выводу, что «Хрущев человек высокомерный, не прочь разыграть демократа, ему страшно нравится, когда окружающие льстят ему...»¹. Жалуясь в своем письме к Берии на Хрущева, Серов писал: «Я приму все меры, чтобы установить деловой контакт в работе, но быть подобным некоторым окружающим его я не сумею»². Но, оказалось, сумел и вполне подружился и подчинил себя Хрущеву. Их дружба определила впоследствии процветание Серова, когда многие чекисты из окружения Берии были наказаны, и сделала возможным выдвижение в 1954 году на высокую должность председателя КГБ. На Украине Серов познакомился и сблизился с Г.К. Жуковым — командующим Киевским Особым военным округом во второй половине 1940 года.

К этому времени относится весьма интересный эпизод. Серов увлекся певицей Львовской оперы Евой Бандровской-Турской. Бесцеремонно, по-солдафонски ухаживая за Бандровской-Турской, он своей властью отпугивал прочих ухажеров и, в их числе, будущего переводчика Сталина — Валентина Бережкова. В своей книге воспоминаний Бережков пишет о том, что Бандровская-Турская боялась Серова. «Меня с ним познакомили... Я его боюсь», — говорила она. Серов же, неизменно посещавший оперу, приветствовал певицу «нагловатой усмешкой». Однажды увидев в числе спутников певицы Бережкова, Серов вызвал его за кулисы и в категоричной форме потребовал от него прекратить знакомство, а на недоуменный вопрос Бережкова о причинах ответил: «...мы намерены работать с ней, и никто тут не должен вмешиваться»³.

Партийному руководству, всегда находящемуся на страже «морального облика», и в частности Хрущеву, Серов объяснял свои встречи с певицей необходимостью оперативной работы. Он разрешил Бандровской-Турской выехать в Румынию с условием дальнейшего со-

¹ См. документ № 2.

² Там же.

³ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 298–299.

трудничества с Советами. Нет ничего удивительного в том, что оказавшись за границей певица напрочь забыла о данных в советской неволе обещаниях. Вся эта история дошла до Берии. Серов был вынужден объясняться в Москве в кабинете наркома внутренних дел СССР. Берия серьезно отругал Серова, но простил и не наказал¹.

И после этого эпизода нарком внутренних дел благоволил Серову. Во время своих приездов в Москву Серов неизменно бывает у Берии, тот принимает его не только в официальной обстановке, но и у себя на даче в воскресные дни. По воспоминаниям Павла Судоплатова, в один из воскресных дней мая 1940 года он застал Берию на даче за обедом с И.А. Серовым и С.Н. Кругловым — заместителем наркома внутренних дел по кадрам².

В 1940 году Серов стал соучастником одного из самых отвратительных сталинских преступлений — бессудного массового расстрела поляков — военнопленных и гражданских лиц. Позднее вся эта история получила название «Катынского дела», по наименованию местности под Смоленском, где впервые были найдены останки расстрелянных. Но расстрелы проходили и на Украине. За эту часть операции отвечал Серов. Еще 14 декабря 1939 года он рапортовал Берии о проведенных чекистами Украины дополнительных арестах 1057 польских офицеров, кого не успела взять в плен Красная Армия. Этими новыми арестованными пополнился Старобельский лагерь военнопленных, где общее количество офицеров составило 3878 человек³. На основании решения сталинского политбюро от 5 марта 1940 года практически все они были расстреляны. Расстрелы узников Старобельского лагеря происходили в апреле — мае 1940 года во внутренней тюрьме НКВД в Харькове и общее число расстрелянных польских офицеров составило 3820 человек⁴.

Когда в 1943 году мир узнал об этом преступлении, советская пропаганда поспешила возложить вину на гитлеровцев. Серов, уже будучи председателем КГБ, высказал недовольство чекистами, не сумевшими скрыть следов преступления. «С такой малостью справиться не смогли, —

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 125–126.

² Там же. С. 87.

³ Катынь. Пленники необъявленной войны... С. 263–264.

⁴ Там же. С. 601.

в сердцах проговорился Серов. — У меня на Украине их (расстрелянных поляков. — *Н.П.*) куда больше было. А комар носа не подточил, никто и следа не нашел...»¹.

Выехавшие в марте 1940 года в Белоруссию и на Украину сотрудники центрального аппарата НКВД проводили свою работу (оформление следственных дел для расстрела поляков) в течение двух месяцев. Так, знаменитый следователь Родос пробыв во Львове с «оперативной бригадой НКВД» 2 месяца и был награжден за свою работу лично Серовым именными часами². Подготовка и проведение репрессий регламентировались приказами НКВД СССР, в которых прямо об этом не говорилось, но содержалось указание на необходимость оказать НКВД УССР и БССР помощь в проведении агентурно-оперативной работы. Из Москвы были направлены десятки чекистов³. Для размещения вновь арестованных требовались места в тюрьмах. Берия 22 марта 1940 года выпустил на этот счет специальный приказ № 00350, в котором требовал от Серова вывезти из тюрем западных областей 3 тысячи уже арестованных в тюрьмы центральных областей Украины⁴.

Под непосредственным руководством Серова были проведены массовые депортации населения из западных приграничных районов Украины. Тогда же, осенью 1939 года, Серов утвердил инструкцию о порядке выселения, которая была одобрена в Москве и была столь хороша, что впоследствии применялась при массовых выселениях и арестах в Литве, Латвии, Эстонии в июне 1941 года.

Украинский период работы Серова продолжался до февраля 1941 года. Его акции в глазах Сталина постоянно растут. В январе 1941 года от Ворошиловградской области УССР он был доизбран в состав депутатов Верховного Совета СССР I созыва. Описание его овеянного героической жизненной пути, снабженное парадным портретом, в день выборов — 5 января 1941 года поместила на своих страницах районная газета «Вперед»⁵. Серов прочно входит в высший круг советской и партийной номенклату-

¹ Хрущев С. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М., 1994. Т. 1. С. 204.

² Об этом он пишет в своем прошении о помиловании 28.02.56 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 479. Л. 26–41).

³ См. документы № 3 и № 4.

⁴ Катень. Пленники необъявленной войны... С. 528–531.

⁵ Газета «Вперед» издавалась в селе Ново-Астрахань Ворошиловградской обл.

ры, 20 февраля 1941 года на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) его избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

В знак признания его заслуг в проведении карательной политики на Украине, после выделения из НКВД СССР самостоятельного Наркомата государственной безопасности, Серова назначили 25 февраля 1941 года 1-м заместителем наркома госбезопасности СССР. Наркомом 3 февраля был назначен ближайший соратник Берии — Всеволод Меркулов. Ранее, 26 апреля 1940 года, Серов был награжден своим первым орденом Ленина, а 28 мая 1941 года получил знак «Заслуженный работник НКВД».

Нарком госбезопасности Меркулов 16 мая 1941 года направил в ЦК ВКП(б) проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». Согласно этому постановлению предполагалось, что для проведения арестов и выселения в Прибалтику отправится сам нарком Меркулов, а вместе с ним его первый заместитель Серов и заместитель наркома внутренних дел Абакумов¹. Здесь, пожалуй, впервые пересеклись пути Серова и Абакумова. В дальнейшем им суждено было стать заклятыми врагами.

На кого должны были обрушиться репрессии в Прибалтике? Об этом писал Меркулов в своем указании в Литву 19 мая 1941 года². В ходе предстоящей операции должны были пострадать: члены политических партий и национальных организаций, не принявших советскую власть, в том числе и русские белогвардейцы; бывшие полицейские; крупные чиновники; помещики и фабриканты; офицеры, в том числе и бывшей польской армии; уголовный элемент и проститутки. Всех их следовало предварительно «взять на учет» и обеспечить «подбор необходимого компрометирующего материала». Мало того, согласно указанию Меркулова, на учет следовало взять и членов их семей.

¹ 1941 год. Кн. 2. / Сост. Л.Е. Решин и др.; Под. ред. В.П. Наумова; Вступ. ст. акад. А.Н. Яковлева. М., 1998. С. 221–223.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. М., 1995. С. 149–150.

Итак, начало войны застало Серова за вполне «мирным» занятием. В июне 1941 года он проводил массовые аресты и выселение граждан из Литвы, Латвии и Эстонии.

Дела военные

Через месяц после нападения Германии на СССР 20 июля 1941 года наркоматы внутренних дел и государственной безопасности были объединены в один наркомат внутренних дел СССР. Серов был назначен 30 июля 1941 года заместителем наркома внутренних дел СССР. Его начальником вновь стал Лаврентий Берия. С ним Серов работал в тесном контакте вплоть до декабря 1945 года, когда Берия оставил свой пост в НКВД. По представлению Берии 4 февраля 1943 года Серову было присвоено специальное звание «Комиссара госбезопасности 2 ранга», соответствовавшее в армии генерал-полковнику. При переводе после войны сотрудников НКВД и НКГБ на армейские звания 9 июля 1945 года Серов получил чин генерала-полковника. Берия высоко ценил Серова и при вторичном разделении НКВД в апреле 1943 года, когда НКГБ вновь выделился в самостоятельный наркомат, оставил его работать своим заместителем в НКВД.

В 1941 году, когда часть аппарата НКВД была эвакуирована в Куйбышев и Свердловск, Серов оставался в Москве. В наиболее острый момент, когда Москва могла быть захвачена стремительно наступавшими немецкими войсками, 13 октября 1941 года Серов был назначен начальником Охраны НКВД Московской зоны. В связи с приближением фронта к столице, в его задачи входило «наведение жестокого порядка на тыловых участках». Согласно директивам Государственного Комитета Обороны Московская зона Охраны НКВД была разбита на 7 секторов, отвечавших за «очистку зоны от всех сомнительных и подозрительных элементов, усиление борьбы с дезертирством, наведение порядка на дорогах». Однако в связи с выездом Серова в октябре 1941 года в «спецкомандировку» руководить охраной НКВД Московской зоны, временно, поручили другим заместителям наркома внутренних дел — В.Н. Меркулову и Б.З. Кобулову.

К этому же времени относится и еще одно правительственное поручение Серову, настолько тайное по своему характеру, что даже в тексте совершенно секретного решения не раскрывалась его суть. Оно было продиктовано неуверенностью Сталина, что Москву удастся защитить. Предстояло заминировать и взорвать транспортные и промышленные объекты Москвы и области, в их числе и Метрополитен им. Л.М. Кагановича¹. Постановлением ГКО № 740сс от 8 октября 1941 года была создана «пятерка для проведения специальных мероприятий по предприятиям Москвы и Московской области» в составе И.А. Серова (руководитель) М.И. Журавлева, Г.М. Попова, Б.Н. Чернусова и Котляра.

В декабре 1941 года Серову, кроме прочего, поручили наблюдение за работой созданных 28 декабря специальных лагерей по проверке и фильтрации бывших военнослужащих Красной Армии вернувшихся из окружения и немецкого плена.

В скупых строчках официальной биографии Серова о периоде его военной работы говорится немного: «Во время Великой Отечественной войны находился на фронтах, где выполнял оперативные задания Государственного Комитета Обороны»². Сам Серов с гордостью писал о своих выездах на фронт, но упоминал только военные эпизоды своей деятельности, совершенно не касаясь темы репрессий³. О том, какие у него задания были еще, мы узнаем сегодня из опубликованных многочисленных документов о выселении по решению Сталина народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. Активную роль в этом играл Серов, выезжая на места и выполняя непосредственные указания члена Государственного Комитета Обороны (ГКО) и наркома внутренних дел Берии.

Первое такое задание относится к 1941 году. Тогда, 27 августа Приказом НКВД СССР, Серов был назначен начальником оперативной группы по выселению немцев из Саратовской и Сталинградской областей. Он выехал на место, и с 3 по 20 сентября «успешно» провел выселение.

¹ В 1957 году после изгнания Л.М. Кагановича из Президиума ЦК и из состава ЦК КПСС Московский метрополитен был переименован и ему присвоили имя Ленина.

² Большая Советская Энциклопедия / 2-е изд. М., 1958. Т. 51. С. 268.

³ См. документ № 48.

С порученным, хорошо ему знакомым делом он справился, за что Приказом НКВД СССР № 001353 от 22 сентября 1941 года Серову была объявлена благодарность.

В течение 1942 года отмечены еще два выезда Серова на периферию, в Ашхабад, для проведения совещания оперативных работников НКВД и в Архангельскую и Мурманскую области для оказания помощи в оперативной работе местным чекистам. Кроме того, Серову довелось побывать и на фронте. В апреле 1942 года он был направлен в Крым, а осенью обороняет перевалы Кавказского хребта, здесь, попав под минометный огонь, он был контужен¹. 13 декабря 1942 года Серов награжден вторым орденом Ленина.

В 1942 году Серов выезжал в Узбекистан для проверки работы органов НКВД республики. О его визите вспомнил в своем заявлении 26 октября 1954 года бывший нарком внутренних дел Узбекистана Амаяк Кобулов, осужденный к расстрелу и дожидавшийся казни:

«В 1942 году на обследование НКВД Узбекистана прибыл зам. наркома внутренних дел СССР Серов. Мы поехали с ним в Бухару. Он в присутствии сотрудников избил до крови арестованного узбека, хотя в этом никакой надобности не было, ибо этот узбек до избиения признался, как немцы его завербовали и перебросили через линию фронта для распространения провокационных, поразительных слухов»².

В феврале 1943 года Серов командирован в Сталинград. Там он руководит приемом в лагери военнопленных солдат и офицеров капитулировавших войск. Накануне поездки, 4 февраля Серов и начальник Главного управления по делам военнопленных и интернированных Сопруненко были приняты Сталиным³. Через несколько дней, находящемуся в Сталинграде Серову 8 февраля Берия направил приказ НКВД № 00251 об организации Сталинградского управления лагерей для военнопленных в котором ему поручалось утвердить структуру и штаты нового управления и расстановку по штатам присланных туда 240 работников⁴.

¹ См. документ № 48.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 475. Л. 186.

³ См. раздел «Визиты Серова к Сталину в Кремль».

⁴ Епифанов А.Е. Сталинградский плен 1942–1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). М., 1999. С. 45–46.

По решению Государственного Комитета Обороны № 3551сс от 11 июня 1943 года Серов был командирован вместе с начальником Транспортного управления НКГБ С.Р.Мильштейном проверять аэропорты, их техническое состояние и персонал по воздушной трассе Москва — Красноярск — Уэлькаль. При этом Серов получил разрешение вылетов и в заграничные города Ном и Фербенкс.

Заслуги Серова высоко оценены, 20 сентября 1943 года его наградили орденом Красного Знамени.

Помимо участия в проведении репрессий, что называется «на выезде», Серов приложил руку и к внесудебным репрессиям, находясь в Москве. С 1941 года Особому Совещанию при НКВД СССР было предоставлено право вынесения смертных приговоров. Обычно на ОСО НКВД председательствовал заместитель наркома Богдан Кобулов, бывало Круглов, но встречается под расстрельными протоколами и подпись Серова. Так что и он участвовал в вынесении внесудебных приговоров наравне с другими бериевцами.

К 1944 году относится начало периода активных выездов Серова в прифронтовые районы. Здесь требуется его богатый опыт в подавлении малейшего сопротивления и «очистки тыла» продвигающейся на Запад Красной Армии. Он руководит проведением массовых арестов и выселений гражданского населения. За участие в операции по выселению чеченцев и ингушей Серов был награжден 8 марта 1944 года орденом Суворова 1-й степени. Обычно этот полководческий орден давали за руководство большими операциями на фронте, однако Сталин распорядился наградить большую группу руководящих работников НКВД и НКГБ боевыми полководческими орденами за дело, с точки зрения «вождя» не менее важное — выселение непокорных народов. Так было положено начало, распространившейся потом довольно широко, практики награждения участников карательных акций. И в последующие годы на груди Серова будут появляться новые полководческие ордена, за дела сугубо полицейские.

Донесения Серова с мест командировок о проведенных операциях нарком внутренних дел Берия направляет непосредственно Сталину. По этим докладным мы можем судить о географии перемещений Серова и о выполненных им заданиях. В мае 1944 года заместитель наркома внут-

ренных дел Серов вместе с заместителем наркома госбезопасности Б.З Кобуловым находился в Крыму. Их сообщение о выявлении и арестах «антисоветского элемента» в Севастополе было направлено Сталину 11 мая¹. После этого Серов активно участвует в начавшейся 18 мая 1944 года операции по выселению из Крыма крымских татар.

Советизатор

В июле 1944 года Берия направляет Сталину донесения Серова и командующего 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховского о «разоружении польских офицеров» Армии Крайовой². В июле-августе 1944 года 3-й Белорусский фронт действовал на территории Литвы и занял города Вильнюс, а затем Каунас. Серов в это время вместе с приданными ему войсками НКВД и органами военной контрразведки действует в тылу фронта и проводит аресты членов Армии Крайовой и местного населения. 2 августа 1944 года Сталину была направлена информация Серова о положении в Каунасе и «арестах антисоветского элемента»³. Дальше пути Черняховского и Серова расходятся. 3-й Белорусский фронт готовился к наступлению на Мемель в Пруссию, а Серов концентрирует свое внимание на польских проблемах.

В августе 1944 года Серов переместился в занятый войсками 1-го Белорусского фронта город Люблин, где начал активную работу по подавлению независимого польского национального движения. В его задачи входила организация и приведение к власти в Польше нового промосковского руководства. Значение миссии Серова в Люблине объясняется в контексте глобальной стратегии Сталина по созданию антизападного блока из стран Восточной Европы граничащих с СССР. Как вспоминал позднее Хрущев: «У нас уже было Люблинское правительство Польское, мы уже создали. А правительство польское было в Лондоне, значит. Возглавлял его Миколайчик»⁴. Замысел Сталина, как раз заключался в приведении к власти ма-

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 71–74.

² Там же. Д. 65. Л. 396–399; Д. 66. Л. 11–12.

³ Там же. Д. 66. Л. 114–115.

⁴ Хрущев Н. Воспоминания: Избранные отрывки. Нью-Йорк: Чалидзе Пабл-кейшенс, 1982. С. 62.

рионеточного «Люблинского правительства». Как пишет Хрущев: «чтобы Польша была социалистическая,»[...] «так сказать, советская Польша по форме...»¹

Сталин не замедлил поддержать «Люблинское правительство» материально. 4 сентября 1944 года в Люблин Булганину он сообщил о выделении автомобилей «Польскому комитету национального освобождения» (ПКНО). Сталин обещал дать 350 мотоциклов, 430 грузовых автомобилей и 500 легковых автомобилей марки «Вилис»².

В первую очередь Серов проводит аресты бойцов и активистов Армии Крайовой, составлявших серьезную конкуренцию польским коммунистам. Так, 22 октября 1944 года Серов сообщал Берии о проведенных 14—20 октября широких арестах на территории Польши. Всего, — писал он, — сотрудниками НКВД было арестовано и задержано 944 человек, а польскими отделами безопасности — 915 человек³. В дальнейшем Серов отчитывается перед Берией о проведенных арестах раз в пятидневку, указывая нарастающим итогом общее количество арестованных с 15 октября, с даты начала операции. По очередному сообщению Серова от 6 января 1945 года число арестованных составило 13 142 человека⁴. Почти все это время Серов находился в Люблине. Исключением стали несколько дней, когда 7 октября 1944 года Серов в пожарном порядке вылетел в Румынию, в город Крайова для усмирения вышедшего из под советского контроля румынского военного командования. Серов наводит жестокий порядок и привычным образом проводит аресты. О ситуации в Румынии был информирован Сталин. По крайней мере, пять раз ему сообщал об этом Берия, — 6, 9, 10, 11 и 12 октября, причем к последнему сообщению был приложен предлагаемый Серовым план поддержания порядка в городе Крайова⁵.

Выполнив это задание Серов вернулся в Люблин, где к тому времени по планам Берии должна была быть сосредоточена сводная дивизия войск НКВД общим числом

¹ Хрущев Н. Воспоминания: Избранные отрывки. Нью-Йорк: Чалидзе Паблейшенс, 1982. С. 62.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 61. Л. 29.

³ НКВД и польское подполье 1944—1945. М., 1994. С. 43—51.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 354—355, 365—367, 369—370, 374—375, 380—383.

8850 человек¹. Сталин держал под контролем работу Серова в Польше и придавал ей большое значение. Он регулярно получал информацию об этом от Берии. В течение октября-декабря 1944 года им было направлено Сталину 6 докладных записок с информацией Серова. Однако в конце октября 1944 года у Серова неожиданно рядом появились сильные конкуренты. В Белосток для проведения арестов отправились начальник ГУКР СМЕРШ В.С. Абакумов и нарком госбезопасности Белоруссии Л.Ф. Цанава. Получалось, что Серов уже хозяйничал не на всей территории советских войск в Польше. Это его очень огорчило, Абакумова он не любил и считал своим конкурентом. Абакумов платил ему тем же. В своих донесениях Серов по-прежнему отчитывается об арестах, указывая, что они включают «территорию Польши». Параллельно из Белостока шлют в Москву свои донесения об арестах Абакумов и Цанава. Правда, их сфера деятельности была ограничена Белостокским воеводством. Возможно, Абакумов и Цанава в какой-то момент посчитали свою задачу выполненной, либо Серов интригами добился их отзыва. Как бы то ни было, уже в начале ноября 1944 года они запросились уехать из Белостока, и Берия в письме к Сталину 14 ноября поддержал их просьбу².

Фронт репрессий

Накануне большого наступления советских войск на Запад Сталин, взяв на вооружение польский опыт Серова, принял решение о необходимости в тылу фронтов, по ходу их движения, проводить «очистку», то есть аресты и задержание немецких военнослужащих и гражданских чиновников, всех подозрительных лиц и, особенно, бывших советских граждан оказавшихся в ходе войны в плену или на работе в Германии. В этих целях был учрежден институт Уполномоченных НКВД СССР по фронтам Красной Армии. Приказом НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 года, подписанным Берией, были назначены уполномоченными НКВД:

— по 2-му Прибалтийскому фронту — П.Н. Кубаткин (начальник УНКГБ по Ленинградской обл.)

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 384.

² НКВД и польское подполье 1944–1945. М., 1994. С. 58–59, 82–83.

- по 1-му Прибалтийскому фронту — И.М. Ткаченко (Уполномоченный НКВД и НКГБ по Литовской ССР)
- по 3-му Белорусскому фронту — В.С. Абакумов (начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР)
- по 2-му Белорусскому фронту — Л.Ф. Цанава (нарком госбезопасности Белорусской ССР)
- по 1-му Белорусскому фронту — И.А. Серов (заместитель наркома внутренних дел СССР)
- по 1-му Украинскому фронту — П.Я. Мешик (заместитель начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР)
- по 4-му Украинскому фронту — Н.Н. Селивановский (заместитель начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР).

В задачи уполномоченных входило «проводить необходимые чекистские мероприятия, обеспечивающие выявление и арест шпионско-диверсионной агентуры германских разведывательных органов, террористов, участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп, независимо от национальной принадлежности и гражданства...». В распоряжение каждого уполномоченного было командировано по 150 человек — «опытных чекистов», им же для проведения прочесываний и облав придавались дополнительные соединения пограничных и внутренних войск. Заместителями уполномоченных были назначены начальники Управлений контрразведки СМЕРШ и начальники войск охраны тыла соответствующих фронтов.

Обратим внимание на то, что, во-первых, приказ о назначении уполномоченных подписал нарком внутренних дел Берия, хотя «смершевцы» Абакумов, Мешик и Селивановский формально ему не подчинялись, ими руководил нарком обороны Сталин, а начальником Кубаткина и Цанавы являлся нарком госбезопасности Меркулов; во-вторых, этим же приказом уполномоченным подчинены начальники военной контрразведки (УКР СМЕРШ фронтов), которые на самом деле служили по ведомству опять же Сталина — в НКО. Но такова была воля вождя, поручившего руководство всей работой по «очистке» члену ГКО Л.П. Берия. И Абакумов вынужден был слушаться. Это стало источником серьезных противоречий и причиной столкновения интересов ведомств НКВД и ГУКР СМЕРШ в дальнейшем на территории Германии. При этом нарком госбезопасности Меркулов, преданный бериевец, сохранял нейтралитет.

В Москве пристально следили за действиями Уполномоченных по фронтам и за их перемещениями. Серов 2 февраля 1945 года вылетел из Люблина на самолете «Дуглас» в штаб 1-го Белорусского фронта в Гнезен. Но к месту назначения не прибыл. Двое суток о нем ничего не было слышно. В Москве не на шутку перепугались. 4 февраля Б.З. Кобулов с тревогой сообщил об этом и о начатых поисках¹. Однако Серов нашелся. На письме Кобулова появилась помета «т. Серов обнаружен в Радоме».

Уполномоченные НКВД отправились на фронты и приступили к работе. Вскоре вышел Приказ НКВД № 0061 от 6 февраля 1945 года, в котором на основе Постановления ГКО № 7467сс от 3 февраля 1945 года предписывалось провести мобилизацию всех мужчин немцев годных к физическому труду для принудительной отправки их на работу в СССР. Мобилизации подлежали все мужчины возрастом от 17 до 70 лет. В этом же приказе говорилось о необходимости «жестоко расправляться с лицами, уличенными в совершении террористических и диверсионных актов, путем беспощадного уничтожения их на месте преступления». Между Уполномоченными НКВД развернулось негласное соревнование, кто больше арестует и расстреляет. Периодически они отправляли сообщения о ходе «очистки тыла» в Москву на имя наркома внутренних дел Берии. Лидировать в таком «соревновании» мог не только тот Уполномоченный, чей фронт быстро продвигается вперед и занимает новые территории, но и обеспечивший, при относительной стабильности фронта, четкое взаимодействие и полное подчинение всех звеньев аппарата — органов СМЕРШ, охраны тыла и приданных пограничных и внутренних войск.

В итоговой сводке по «изъятию вражеского элемента» аппаратами Уполномоченных НКВД по фронтам, по состоянию на 13 июня 1945 года — находим следующие цифры. Всего изъято 422 449 человек, из них:

- Ленинградский фронт (в него передан упраздненный 2-й Прибалтийский фронт) — 72 755 чел.;
- 3-й Белорусский фронт — 51 033 чел.;
- 2-й Белорусский фронт — 95 199 чел. до 20 апреля и 2328 арестованных с 20 апреля по 5 июня;

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2220. Л. 85.

— 1-й Белорусский фронт — 66 339 чел.;
— 1-й Украинский фронт — 26 472 чел.;
— 4-й Украинский фронт — 16 767 до 21 апреля и 1219 арестовано в последующие дни, кроме того, в полосе фронта изъято и направлено в лагеря 45 826 военнопленных¹.

Как видим, среди уполномоченных НКВД Серов не самый первый по показателям. Правда, справедливости ради укажем, что некоторые уполномоченные активно включали в статистику и военнопленных, а это порой меняло всю картину. Зато в отсутствии жестокости Серова упрекнуть нельзя, его люди расстреливали заложников-немцев. Как говорилось в отчете: «Войсками фронта (1-го Белорусского. — *Н.П.*), в ответ на террористические проявления немцев, расстреляно 567 участников фольксштурма — членов фашистских партий»².

В начале марта 1945 года, в то время, когда армии 1-го и 2-го Белорусских фронтов решительно развивали военный успех, войска 3-го Белорусского фронта оказались скованными в Восточной Пруссии и впереди оказались войска 2-го Белорусского фронта, совершившие прорыв на Данциг. Уполномоченный НКВД по 3-му Белорусскому фронту Абакумов загрустил. Выходило так, что не ему, а Серову доведется первым войти в Берлин. И все — почет, слава, да и трофеи — тоже достанутся Серову. А еще: знал бы Абакумов, какой приз ждет Серова в подвалах берлинского банка! Но об этом речь пойдет ниже.

Абакумов засобирался в Москву. 5 марта 1945 года он отправил донесение на имя Берии, где сообщал об аресте в полосе своего фронта 22 534 человек — «шпионов, диверсантов, террористов и другого вражеского элемента» и о расстреле на месте за это же время 113 «активных германских террористов», а в конце письма просил разрешение выехать в Москву, мотивируя это остановкой наступления фронта³. Примерно в апреле он такое разрешение получил. Серов же оставался уполномоченным НКВД по 1-му Белорусскому фронту, который под командованием маршала Жукова успешно наступал и штурмовал Берлин. Абакумов возненавидел их обоих и искал случая скомпрометировать в глазах Сталина.

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2226. Л. 113–121.

² Там же.

³ Там же. Д. 2212. Л. 123–124.

Несмотря на не самые лучшие количественные показатели арестов, как было сказано выше, уполномоченный НКВД Серов добирает качеством. Ему выпала честь войти с войсками 1-го Белорусского фронта в Варшаву, а затем в Берлин, он же проводит аресты и наиболее важных персон. По предложению Берии Серов 7 марта 1945 года был назначен Советником НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности (МОБ) Польши. Вовлеченность Серова в польские дела огромна. Именно ему Сталин поручил арестовать руководителей Армии Крайовой. Как писал об этом сам Серов в 1985 году в ЦК КПСС, напоминая о своих заслугах: «После освобождения Варшавы нам пришлось долго разыскивать «Министров польского правительства». Сталин И.В. дважды звонил и требовал быстрее их захватить. Наконец после удачной комбинации мы взяли всех «министров» и генерала Окулицкого, которых по указанию ГКО отправили в Москву, где их Военный Трибунал судил по законам военного времени»¹. Удачная комбинация заключалась в том, что польских руководителей через советских агентов обманом заманили в ловушку. Сам Серов выступал перед поляками под псевдонимом «Иванов» и как будто бы пригласил их на переговоры². Но данное им слово о неприкосновенности поляков было нарушено, всех их арестовали. В Москве, в ходе следствия, Окулицкий рассказал об этом главному военному прокурору Н.П. Афанасьеву. На планируемом открытом процессе такая деталь могла стать скандалом. Сталин, узнав об этом факте, выругался в адрес Серова, обозвав его «лаптем»³. Должность Советника НКВД при МОБ Польши Серов оставил 27 апреля 1945 года.

Постановлением ГКО № 8377сс от 2 мая 1945 года были учреждены должности заместителей командующих фронтами Красной Армии по делам гражданской администрации. В пункте 4-м постановления говорилось: «Установить, что заместители командующих фронтов по управлению гражданскими делами одновременно являются уполномоченными НКВД СССР по борьбе с шпионско-диверсионными и другими вражескими элементами на

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 94. Д. 50. Л. 10.

² НКВД и польское подполье 1944–1945. М., 1994. С. 130–135.

³ Ушаков С.Ю., Стукалов А.А. Фронт военных прокуроров. М., 2000. С. 144.

территории Германии»¹. Этим же постановлением Серов был назначен заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом по делам гражданской администрации. Командующий фронтом маршал Жуков нашел с Серовым общий язык. Кажется, у них никогда не было конфликтов между собой, что вообще явление не частое во взаимоотношениях военачальников и людей из «органов».

С конца 1944-го на Серова просто пролился дождь высоких наград. Дважды он был награжден орденами Красного Знамени (7 июля и 3 ноября 1944 года), затем 21 апреля 1945 года его отмечают орденом Кутузова 1-й степени и, наконец, по ходатайству Жукова, Серову 29 мая 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» и ордена Ленина.

¹ РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 411. Л. 96–97.

ТРОФЕЙНАЯ ГЕРМАНИЯ...

На заключительном этапе войны, после вступления Красной Армии на территорию воевавших с СССР государств, серьезной проблемой стало поведение войск по отношению к гражданскому населению. Уровень жизни и общая экономическая ситуация в странах Восточной Европы и в Германии по сравнению с разоренной войной территорией СССР, выглядели куда более благополучными и создавали массу искушений. Жажда мести, желание получить трофеи, да и прочие низменные инстинкты стали мотивацией вседозволенности по отношению к местным жителям. Солдаты и офицеры Красной Армии, не отличавшиеся и ранее тягой к строгому соблюдению воинской дисциплины, почувствовав близкий конец войны, все больше выходили из под контроля. Как отмечалось в документах управления войск НКВД по охране тыла 1-го Украинского фронта:

«С вступлением на территорию Германии и при дальнейшем продвижении войск фронта на Запад среди военнослужащих Красной Армии появилось немало случаев мародерства, барахольства, изнасилования женщин, девушек и подростков, поджога домов, убоя без всякой необходимости скота, живности и птицы, а также умышленной порчи различных ценностей. В результате употребления метилового спирта появились случаи массового отравления военнослужащих со смертельным исходом»¹.

Немалую роль в формировании настроений в войсках Красной Армии сыграла и советская политическая пропаганда, культивировавшая звериную ненависть к немцам. На протяжении всех военных лет страницы центральной, местной и военной печати наводнялись очерками и статьями, в которых описывалась жестокость немецкого окку-

¹ Из отчета за I квартал 1945 г. от 8 апреля 1945 г. См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 32891. Оп. 1. Д. 270. Л. 165–165 об.

пационного режима. И первую скрипку в этой психологической войне играло бойкое перо Ильи Эренбурга, выпустившего за годы войны не менее полутора тысяч статей. Его хлесткие, едкие и злые публикации отличались особой неистовостью и активно использовались политработниками в войсках. Так, в донесении политотдела 16-го пограничного полка войск НКВД от 13 февраля 1945 года говорилось о том, что «перед вступлением на территорию Германии с личным составом полка были проведены во всех подразделениях беседы, в основу беседы была взята статья Ильи Эренбурга в «Правде» от 24 января 1945», и сообщалось о результатах: «среди личного состава существует вполне здоровое мнение к немцам: «они враги и никакого благодушья, ни капли беспечности»¹.

Неясно, какого эффекта от бесед ожидало командование, но отдельные бойцы понимали призывы Эренбурга слишком буквально. Начальник политотдела этого полка в донесении от 13 февраля отмечал:

«В силу неправильного понимания мести, отдельные бойцы вопрос мести находят в насилии и издевательствах. Так, например: на совещании врач 1 стрелкового батальона Ланина сообщала, что когда она проводила беседы по вопросу венерических заболеваний, бойцы ей заявили (фамилии пока не уточнены) «приятно видеть когда хорошенькая фрау у тебя на руках плачет». На вопрос, что она может «наградить»... — отвечают: «Эх, доктор, да разве ей жалко 9-ти грамм свинца...»².

Между прочим, та статья называлась «Этого не будет!» и в ней Эренбург с негодованием писал об организованной американцами полицейской школе переподготовки кадров для новых органов полиции в освобожденных районах: «Американцы решили приобщить злодеев к некоторым достижениям демократической культуры, а потом снова отправить их на работу; таким образом, мы имеем дело с курсами по повышению квалификации фашистских держиморд»³. Рисуя «идиллическую» картину отношения на Западе к «освобожденным от Гитлера» немцам автор исступленно призывал: «мы покараем зло-

¹ РГВА. Ф. 32888. Оп. 1. Д. 110. Л. 17 об – 18.

² Там же. Л. 14 об.

³ Эренбург И.Г. Война. 1941–1945. М., 2004. С. 700–703.

деев, и мы спасем детей». Особое возмущение Эренбурга вызвал вопрос Нью-Йоркского журнала «Политик»: «Неужели вы не будете протестовать против того, чтобы немецких солдат заставили работать в России в трудовых батальонах?». Знаменательно, но личный состав 16-го пограничного полка как раз и был занят вылавливанием и вывозом на принудительную работу в СССР трудоспособного гражданского немецкого населения.

В начале 1945 года, пока еще шла война, Сталин весьма снисходительно относился к проявлению недисциплинированности и даже к уголовным преступлениям (конечно, если они не были направлены против советских государственных устоев). Как вспоминал Милован Джилас, на сей счет у Сталина было своеобразное оправдание: «Представьте себе человека, который проходит с боями от Сталинграда до Белграда — тысячи километров по своей опустошенной земле, видя гибель товарищей и самых близких людей! Разве такой человек может реагировать нормально? И что страшного в том, если он пошалит с женщиной после таких ужасов?...Воина надо понимать. И Красная Армия не идеальна. Важно, чтобы она била немцев — а она их бьет хорошо, — все остальное второстепенно»¹.

Заявив Джиласу, что Красная Армия «не идеальна», так как в нее попал определенный процент уголовников, — «мы открыли тюрьмы и всех взяли в армию», — Сталин подкрепил свои слова, рассказав один реальный случай. Он лично помиловал приговоренного к расстрелу летчика-майора, застрелившего штатского инженера, который вступился за женщину. «Дело дошло до меня, — сказал Сталин, — я им заинтересовался и — у меня на это есть право как у Верховного Главнокомандующего во время войны — освободил майора, отправил его на фронт. Сейчас он один из героев»².

Бесчинства Красной Армии и репрессивная политика НКВД и СМЕРШ на занятой территории Германии дали сильнейший козырь гитлеровской пропаганде. В руки немцев попали приказы командующих фронтами Жукова и Конева, требующих от вверенных им войск прекра-

¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 82.

² Там же.

тить грабежи и бесчинства. Как писал 2 марта 1945 года в своем дневнике Геббельс, в этих документах приводились «отдельные факты, в точности совпадающие с нашими данными»¹.

В частности, Геббельс писал:

«Конец требует от командиров принятия строжайших мер против разложения советских войск. Он указывает также, что поджоги и грабежи могут производиться только по приказу. Характеристика, которую он дает этим фактам, чрезвычайно интересна. Из нее видно, что фактически в лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно вызывают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от десяти до 70 лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему»².

Днем раньше Геббельс писал: «К нам поступают теперь бесчисленные сведения о большевистских зверствах. Они настолько ужасны в своей правдивости, что дольше ехать некуда. Я намерен довести эти сообщения до сведения международной общественности»³. Предполагалось, что приказы Жукова и Конева будут оглашены генерал-полковником Гудерианом на приеме представителей внутренней и зарубежной печати в Берлине, и тут же будет произведен публичный допрос ряда немецких офицеров, возвратившихся из Познани и «неоднократно видевших собственными глазами произведенные опустошения и совершенные зверства»⁴.

Сталин понял, наконец, какими политическими и военными издержками чреваты армейские безобразия, и хотя и поздно, но осознал, что настало время налаживать отношения с немецким населением. Историк Ральф Поссекель по этому поводу остроумно заметил:

¹ Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи / Пер. с нем. Вступ. слово и общ. ред. А.А. Галкина. Смоленск: Русич, 1993. С. 57, 65–66.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 57, 66.

«Если учесть, что советскому руководству потребовалось почти полгода, чтобы понять связь между обращением с немецким гражданским населением и готовностью немцев воевать до последнего, то уже в этом следовало бы усмотреть причину фатальной индифферентности советского руководства к политическим вопросам. Пока Красная Армия мощными бросками продвигалась от Вислы до Одера, занять Берлин казалось чисто техническим вопросом, зависящем от бесперебойного военного снабжения и крепости льда на Одере. Только когда это наступление приостановилось в Померании и Силезии, когда один город за другим продолжал оказывать ожесточенное сопротивление, когда Эйзенхауэр, над которым еще в январе в Москве смеялись из-за осечки в Арденнах, вдруг оказался недалеко от Берлина, Москва вспомнила о военном значении оккупационной политики»¹.

Лишь 20 апреля 1945 года Сталин подписал приказ, требующий гуманнее относиться к немецкому населению:

«Потребовать от войск изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданскому населению и обращаться с ними лучше.

Жестокое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен.

Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды.

Такое положение нам не выгодно.

Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне»².

По мысли Сталина, прежде всего необходимо было сломить волю к сопротивлению немецких войск, а населению дать надежду на установление твердого и справедливого порядка путем формирования немецких органов власти. Между тем, описывая положение в осажденном Берлине, 23 апреля 1945 года уполномоченный НКВД по 1-му Белорусскому фронту Серов сообщал:

«Из показаний военнопленных и гражданских жителей установлено, что страх среди солдат и населения перед

¹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. 2. С. 296.

² РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 100. Л. 296.

большевиками до сих пор велик. Немецкая пропаганда до последнего дня внушает немцам, что большевики всех режут и в лучшем случае — угоняют в Сибирь. Достаточно указать на тот факт, что когда побежали из немецких окопов русские женщины, то немцы им вслед кричали: «не бегите к русским, они вас убьют». Но, тем не менее, по ним не стреляли»¹.

А за неделю до выхода сталинского приказа Эренбург пал жертвой смены пропагандистского курса. 14 апреля 1945 года его строго одернула главная газета страны — «Правда», поместив статью начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». Кремль считал важным публично дезавуировать прежние кровожадные призывы не только Эренбурга, поставившего свое перо на службу сталинскому агитпропу, но и всех остальных, ранее писавших в том же духе, например, скончавшегося за два месяца до описываемых событий «красного графа» А.Н. Толстого и ему подобных².

Эренбург счел критику в свой адрес обидной и несправедливой. Хотя после поездки в марте 1945 года в Восточную Пруссию кое-что стал понимать. Там он собственными глазами убедился, какова на практике солдатская месть, и пришел в ужас от размаха бесчинств и насилия по отношению к местному населению. Статья в «Правде», по воспоминаниям близких, совершенно деморализовала Эренбурга и ввергла в апатию: «Тупой взгляд Ильи, полное отсутствие интереса ко всему, нежелание ничего есть, за исключением укропа... Написал письмо Сталину и ждет...». Ответа Сталина он так и не получил³.

Но если легко было, задав нужную директиву, изменить отношение высшего командования к немецким гражданам и их проблемам, то в одночасье перестроить сознание и поведение рядовых солдат и младших офицеров, навести должную дисциплину в опьяненной долго-

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 310.

² См. сборник статей: Толстой А.Н. Я призываю к ненависти. Горький, 1942. Или, например, выступления других публицистов: Тихонов Н. О немецком садизме // Красная Звезда. 1942. 3 октября; Павловский И. Двуногие звери // Правда. 1941. 23 сентября.

³ Эренбург И. Г. Письма. Т. 2. 1931–1967. «На цоколе истории...» / Изд. подготовлено Б.Я. Фрезинским. М., 2004. С. 337–339.

жданной победой армии было непросто¹. И после окончания войны дурное поведение военнослужащих Красной Армии на территории Германии продолжало служить помехой плану Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Заместитель командующего войсками 1-го Украинского фронта по делам гражданской администрации Мешик 11 мая 1945 года сообщал Берии: «несмотря на приказ товарища Сталина о необходимости более мягкого отношения к немцам, до сих пор, к сожалению, не прекращены грабежи местного населения и насилие немецких женщин»².

Летом 1945 года главной задачей возлагаемой на немецкие административные органы стала уборка урожая. Об этом прямо говорилось и в документах и на личных встречах советских представителей с руководителями земель. В то же время советское командование получало многочисленные жалобы немецких бургомистров, вызванные произволом военных комендантов и непрекращающимися в Советской зоне оккупации Германии массовыми грабежами и насилием. Подобные «эксцессы» стали серьезным препятствием для налаживания нормальной жизни и мешали не только порядку управления и самим немцам, но и ставили под угрозу хозяйственные планы СВАГ. А уборка урожая и проведение сельскохозяйственных работ в этих планах занимали главенствующее место.

Для исправления сложившегося положения требовались неотложные меры. В телеграмме Жукова и Телегина, направленной 30 июня 1945 года войскам ГСОВГ прямо говорилось: «От местных органов немецкой власти, крестьянских общин и отдельных жителей продолжают поступать многочисленные жалобы на произвол, насилие и отдельные факты прямого проявления бандитизма лиц в форме военнослужащих Красной Армии и репат-

¹ Через год руководители СВАГ в этом убедились. Так, начальник УСВА земли Тюрингия И.С. Колесниченко 26 июня 1946 г. писал члену Военного Совета ГСОВГ Ф.Е. Бокову: «Нельзя отрицать и того факта, что многих из военнослужащих война настолько развратила, что они трудно поддаются воспитанию», и «...среди наших военнослужащих имеется немало людей буквально социально опасных, которые способны допускать бандитские поступки в независимости от социальной среды» (ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 13. Л. 126, 128).

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 126. Л. 130.

риантов. Во многих сельских местах немецкие женщины не выходят на полевые работы и сенокос из-за боязни быть изнасилованными или ограбленными»¹. И далее подчеркивалось, что «несмотря на неоднократные и строжайшие требования Военного Совета о самой суровой борьбе с произволом и самовольством, Военные Советы армий, командиры соединений и частей, военные коменданты и войска охраны тыла до сих пор по настоящему этих требований не выполнили, порядка не навели и своей нерешительностью, мягкотелостью, по существу, поощряют преступное поведение своих подчиненных»². Жуков грозно писал: «Я вынужден последний раз сделать строжайшее предупреждение Военным Советам армий, командирам и начальникам политорганов соединений и частей, военным комендантам, что если в ближайшие 3—5 дней не будет восстановлен должный порядок и не будут прекращены грабежи, насилия и произвол по отношению к местному населению — то будут сделаны самые серьезные выводы, не считаясь с положением и заслугами»³. В телеграмме также говорилось, что в связи с предстоящей «демобилизацией старших возрастов, выводом некоторых полевых Управлений армий и частей на территорию СССР, а также направления походным порядком несколько сот тысяч репатриантов — не исключено увеличение фактов самовольства и произвола»⁴. Конечно, о быстром «перевоспитании» советского воинского контингента не могло идти и речи, и, единственное что оставалось это по возможности ограничить его контакты с гражданским населением. Так что и меры, предложенные Жуковым для прекращения бесчинств, были просты и вполне традиционны:

а) Запретить отпуска и увольнение со двора всех военнослужащих.

б) Установить в каждом населенном пункте района расположения и ночевки офицерский патруль по улицам.

в) Обеспечить, чтобы перед каждым выступлением из населенного пункта с места дислокации или ночевки на территории Германии и Польши, командир и начальник

¹ РГВА, Ф. 38816. Оп. 1. Д. 39. Л. 10.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

части и учреждения, или ответственные офицеры по их поручению обходили занимавшиеся под размещение жилые дома и опрашивали домохозяек о претензиях для немедленного их разбора на месте.

г) Во всех населенных пунктах, через которые будут проходить войска — иметь подвижные патрули с офицерами во главе. Всех отстающих или заходящих в дома — задерживать и строго наказывать. Запретить категорически остановки колонн, автомашин и обозов (или отдельных повозок) в населенных пунктах на пути движения»¹. Отдельным пунктом шло требование: «принять меры к оказанию необходимой безопасности населения на полевых работах и недопущению изъятия сельскохозяйственного инвентаря и тягла»².

Ряд изданных вскоре приказов Главноначальствующего СВАГ свидетельствует, что положение не было исправлено, ни через 3—5 дней, как того желал Жуков, ни через одну две недели, ни позднее. Поведение советских войск стало также и реальной политической проблемой. Как отмечалось в приказе Главнокомандующего ГСОВГ № 063 от 3 августа 1945 года: «Творимые безобразия и самовольства, особенно после войны, очень сильно компрометируют нас в глазах немцев-антифашистов и хорошо помогают фашистам вести против Красной Армии и Советского Правительства агитацию и клевету»³. Приказ предписывал в числе прочих мер направленных на усиление дисциплины в частях ГСОВГ сократить до минимума увольнение и отпуска из расположения войск, запретить какие-либо «экскурсии» в Берлин, запретить ночлег военнослужащих в частных квартирах без разрешения комендантов. Двумя неделями позже Главнокомандующий Жуков заявил, что не остановится перед расстрелом «нескольких десятков тысяч людей» для наведения порядка в зоне оккупации.

Помимо военнослужащих в бесчинствах были повинны советские репатрианты и дезертиры, часто сбивавшиеся в банды. Но не меньше хлопот Советской военной администрации доставляли и подростки, проникающие разными путями на территорию Германии «с целью грабежа и изъ-

¹ РГВА. Ф. 38816. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 297. Л. 30–31.

ятия ценностей у местного населения». Только за сентябрь и первую половину октября 1945 года в Германии было задержано 150 подростков, прибывших из СССР «за трофеем» и «занимавшихся грабежами и насилием»¹.

Некоторые бургомистры, не полагаясь на помощь комендатур в деле наведения порядка, предпринимали собственные меры с целью обезопасить гражданское население от набегов. В сводке 83-го пограничного полка от 4 июня 1945 года говорилось о том, что в Дейчнендорфе «бургомистр набрав в состав полиции до 20 человек немцев, вопреки приказа военного коменданта вооружил их винтовками (оставленными немцами при своем отступлении). Это вооружение бургомистр объяснил тем, что в деревню очень часто приезжают неизвестные лица и занимаются грабежом местного населения и насиланием женщин, задержать которых без оружия невозможно»². По распоряжению командира 83-го полка в Дейчнендорф выслали офицера-разведчика вместе с нарядом. Они разоружили полицию и строго предупредили бургомистра о недопустимости подобной практики³.

Вместе с тем, нередко попытки немцев защититься своими силами от набегов мародеров кончались трагично. Фридрих Шенейман, бургомистр деревни в районе Гарделеген в июле 1945 года проинструктировал мужчин села, что в случае появления красноармейцев и поляков следует объявлять тревогу, вооружаться холодным оружием и задерживать и избивать пришельцев. Но не всегда немцы могли отличить «законное от незаконного» в действиях военнослужащих Красной Армии. Когда военный комендант этой деревни пытался разместить на квартиры своих людей, жителями была поднята тревога, а при попытке коменданта задержать одного из немцев ему было оказано физическое сопротивление. И хотя комендант не пострадал, узнавший об этом случае Серов распорядился «организаторов невыполнения указания военного коменданта и попытку к избиению, арестовать, отдать под суд, после решения суда расстрелять на месте»⁴.

¹ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 101. Л. 180.

² РГВА. Ф. 32891. Оп. 1. Д. 132. Л. 397.

³ Там же.

⁴ Это указание Серова 14 сентября 1945 г. было передано в качестве наказания всем военным комендантам провинции Бранденбург (ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 115. Л. 149).

Бургомистр этой деревни и несколько жителей были расстреляны. Дело по обвинению бургомистра Шенеймана Фридриха (1892 г.р.), Кюйна Вильгельма (1880 г.р.), Вернике Пауля (1922 г.р.) и Шройдера Отто (1896 г.р.) по ст. 58-2 УК РСФСР рассмотрел 24 августа 1945 года Военный трибунал 3-й Ударной армии в закрытом судебном заседании в «упрощенном порядке», то есть без участия сторон — прокурора и адвокатов. Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего принадлежащего им имущества. Вынесенный приговор имел окончательный характер и не подлежал обжалованию.

Точно так же 25 августа 1945 года приговорили к расстрелу бургомистра деревни Кольштедт в Тюрингии Рихарда Шефера, который, как сказано в приговоре, «8 июля 1945 года под предлогом борьбы с воровством издал распоряжение о том, что в случае появления в деревне военнослужащих, все жители обязаны собраться на площади для оказания сопротивления пришедшим». Военнослужащие Красной Армии не заставили себя долго ждать, появившись в деревне уже на следующий день. Они были избиты и заперты в сарай¹.

В приговоре Военного трибунала 132 дивизии действия Шефера были квалифицированы по ст. 58-8 УК РСФСР как «провокация немецкого населения на террористические акты против представителей Красной Армии» и кратко излагались обстоятельства происшествия: «9 июля 1945 года при появлении в д. Кольштедт военнослужащих Красной Армии была поднята тревога и собравшиеся немцы — жители этой деревни, в количестве около 200 человек избili до потери сознания» четырех военнослужащих, а Шефер, «присутствующий при этом избииении и слышавший крики из толпы «русс капут», «комиссар капут», мер к прекращению избииения не принял и вместо оказания медицинской помощи избитым военнослужащим Красной Армии, приказал перенести их и запереть в сарай»².

Между тем, нередко были случаи убийств бургомистров в результате разбойных нападений с целью ограбления со стороны военнослужащих Красной Армии. Так, в

¹ ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 92. Л. 60.

² Там же.

ночь с 25 на 26 августа 1945 года был убит бургомистр дер. Зеетин (округ Магдебург)¹.

Попытавшись положить конец бесчинствам Главкомандующий ГСОВГ Г.К. Жуков пошел на крайние меры. 9 сентября 1945 года он выпустил приказ № 00138/оп, в котором говорилось: «случаи мародерства, хулиганства, грабежей и насилия над немецким населением до сих пор не прекращены и, наоборот, преступность военнослужащих за последнее время значительно усилилась. Недопустимое поведение военнослужащих, репатриантов и демонстрантов, позорящих своим поведением Красную Армию и наш Советский народ, должно быть любой ценой немедленно прекращено»². Этим приказом было установлен порядок, согласно которому с 10 сентября весь офицерский состав армии и военных комендатур до командира роты включительно переводился на казарменное положение и должен был располагаться вместе с подчиненными людьми. Любое увольнение из расположения части всех рядовых, сержантов и офицеров запрещалось. В немецких населенных пунктах разрешалось находиться только суточному наряду, а весь остальной личный состав «должен находиться на занятиях и в казарме». Впредь «до особых указаний» вводились круглосуточные офицерские патрули. Предписывалось взять на учет всех «пьяниц, хулиганов, мародеров и лиц проявляющих бесчинство», составить на них именной список для доклада Главноначальствующему с целью «изъятия их из военных комендатур и направления в особые районы Советского Союза, чтобы они за границей больше не позорили наш Советский народ и Красную армию, в глазах наших Союзников и Германского населения»³.

Трудно сказать, могли ли принести желаемый результат столь беспрецедентные меры, однако, в дело вмешался Сталин. Как Верховный Главкомандующий он 20 сентября 1945 года направил Указание Военному Совету ГСОВГ с требованием отмены приказа № 00138/оп. Сталин писал:

¹ ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 115. Л. 101.

² ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 16. Л. 566.

³ На основании приказа Главкомандующего ГСОВГ и Главноначальствующего СВАГ № 00138/ОП от 9 сентября 1945 г. был выпущен повторяющий его положения приказ по Управлению комендантской службы (УКС) Штаба СВАГ № 0067 от 14 сентября 1945 г. (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 16. Л. 566—568).

«Я случайно узнал вчера от СМЕРШ, что Военный совет Группы советских оккупационных войск в Германии издал приказ от 9 сентября с.г., где он, отмечая мародерские действия отдельных военнослужащих, считает необходимым наказать весь командный состав от сержантов и офицеров до командиров рот включительно путем перевода офицерского состава до командиров рот включительно на казарменное положение с тем, чтобы командиры были расположены вместе с подчиненными с обязательством командирам взводов и командирам рот постоянно находиться со своими подчиненными.

Как оказалось, копия этого приказа не была послана в Генеральный штаб.

Я считаю этот приказ неправильным и вредным. Он неправилен ввиду его огульного характера и несправедливости, так как из-за мародерских действий отдельных военнослужащих огульно и несправедливо наказывается весь командный состав до командиров рот включительно. Он вреден, так как он не укрепляет дисциплину, а наоборот, ломает ее, дискредитируя командный состав в глазах рядовых. Я уже не говорю о том, что если этот приказ попадет в руки руководителей иностранных армий, они не преминут объявить Красную Армию армией мародеров.

Прошу Вас немедленно отменить этот приказ. Найдите форму для отмены приказа, которая бы не набрасывала тень на командование Группы. Я не пишу Вам формального приказа Ставки об отмене Вашего приказа, чтобы не ставить Вас в неловкое положение, но я требую, чтобы:

1. Приказ был отменен немедленно с донесением об этом в Генеральный штаб.

2. Подобные приказы, имеющие серьезный характер, не издавались впредь без предварительного сообщения в Ставку о Ваших соображениях.

3. Копии всех Ваших приказов посылались в Генеральный штаб. Советую Вам усилить политическую работу в войсках группы и почаще прибегать к суду чести, вместо того, чтобы пугать людей приказами и таскать офицеров в суд как проворовавшихся уголовников.

Я думаю, что это будет лучшее средство для ликвидации мародерских действий.

Сталин»¹.

¹ Военно-исторический архив. Вып. 10. М., 2000. С. 146–148.

Жуков незамедлительно выполнил указание Сталина, хотя и постарался «сохранить лицо». В тот же день 20 сентября 1945 года был выпущен приказ Главкомандующего ГСОВГ № 0207 в преамбуле которого сообщалось, что «за последнее время Военные Советы Армий, командиры соединений, частей и полит. органы войск группы провели большую работу по укреплению воинской дисциплины и наведению порядка в войсках. В связи с этим надобность в проведении особых мероприятий, указанных в моем приказе № 00138 отпала»¹. Далее, в полном соответствии с пожеланиями Сталина, предписывалось усилить политическую работу «с целью разъяснения всему личному составу необходимости полного изжития аморальных явлений и дальнейшего укрепления воинской дисциплины», и шире использовать офицерские суды чести и товарищеские суды по отношению к провинившимся, а также шире практиковать меры поощрения к офицерам образцово и честно несущим службу. С приказом следовало ознакомить только офицерский состав, причем до командира роты включительно, но не ниже. А в конце приказа содержалось совсем уж необычное распоряжение: «Учитывая особую секретность моего приказа № 00138 и во избежание его утери, этот Приказ из войсковых штабов изъять, вернуть в штаб ГСОВ в Германии и уничтожить установленным порядком»². Видимо, предостережение Сталина о том, что произойдет, если приказ попадет на Запад, произвело должное впечатление на Жукова.

Остановить бесчинства военнослужащих Красной Армии по отношению к населению оккупированных стран и уменьшить многочисленные нарушения воинской дисциплины было призвано постановление Пленума Верховного Суда СССР № 13/14/V от 27 ноября 1945 года «Об ответственности военнослужащих оккупационных войск за совершенные ими преступления по законам военного времени»³. Это постановление было разъяснено всему личному составу советских войск дислоцированных за границей. Теперь за самовольную отлучку с места службы более 3 часов военнослужащих предавали суду Военного Трибунала.

¹ ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 1222. Л. 119.

К декабрю 1946 года письма с жалобами немцев на продолжающиеся бесчинства со стороны советских военнослужащих¹ стали все больше раздражать И.А.Серова, но он предпочел бороться не с причиной, а со следствием, обратив свой гнев на жалобщиков. Получив очередной доклад о поведении и настроениях немецкого населения, Серов учинил на нем грозную резолюцию: «Т.т. Горохову, Тюльпанову. Надо выбрать из каждой провинции по 2-3 провокационных письма об убийствах и др. и их авторов отдать под суд Военного Трибунала, приговоры которых опубликовать в печати провинций»².

Помимо бесчинств военнослужащих, была и другая проблема, позорящая советские войска — присвоение ценностей. Страсть к наживе охватила все без исключения подразделения армии и, конечно же, войска НКВД и контрразведку. Серов выехав весной 1945 года с проверкой, как охраняется тыл, был поражен увиденным. Пограничники, вместо того, чтобы нести службу, были заняты поисками всяких вещей и «барахла»³.

То, что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Сам Серов имел гораздо больше возможностей по захвату и вывозу ценностей из Германии и личному обогащению, чем любой рядовой боец. История с захваченными ценностями Рейхсбанка в Берлине тому иллюстрация. Уже в первых числах мая банк был захвачен и взят под охрану подразделениями внутренних войск НКВД. Попытки бойцов прикарманить что-то по-мелкому были решительно пресечены. А кое-кто и жестоко наказан⁴. В то же время Серов и его люди организовали хищение ценностей банка в таких размерах, что дух захватывает⁵.

Почву для этого Серов подготовил сразу. Он не стал моментально информировать Москву о том, что банк захвачен и что в нем осталось из ценностей. Он ждал. И только 12 мая 1945 года Серов сообщил Берии в Москву о

¹ Согласно докладом УКС ГСОВГ число задержанных за пьянство, хулиганство, изнасилования и мародерство в масштабах зоны и в конце 1946 г. оставалось стабильно высоким: в августе – 3849, в сентябре – 3336, в октябре – 3178 и в ноябре – 3411 чел. (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 40. Л. 143–145, 219–221, 295, 350.).

² ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 55. Л. 377.

³ См. документ № 11.

⁴ См. документ № 16.

⁵ См. документ № 28.

захваченных ценностях в Рейхсбанке. Золота, — писал Серов, — изъяли 2389 килограммов, серебряных монет — 12 тонн и «большое количество бумажной валюты»¹.

Вот тут Серов не только предпочел не быть точным, и понятно почему, но и, наоборот, постарался напустить туману еще больше, сообщив, что, несмотря на то что для охраны Рейхсбанка был выставлен пост, все же ночью произошло нападение на банк неизвестных лиц, в результате которого был ранен часовой. О том, удалось ли нападавшим хоть что-то унести из Рейхсбанка, Серов благоразумно умолчал, полагая, на всякий случай, иметь этот эпизод про запас. Если впоследствии кому-то вздумается проверять Рейхсбанк, пересчитывать ценности и выявится недостача, то хоть будет на кого списать. Но об этом чуть позже. А пока проследим за организационными мероприятиями в Советской зоне оккупации Германии. Они помогут понять расстановку сил и причины обострения конфликта Абакумова и Серова.

В июне 1945 года находящиеся в Советской зоне Германии войска фронтов были преобразованы в Группу советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Главнокомандующим ГСОВГ был назначен маршал Г.К. Жуков, он же одновременно стал Главноначальствующим Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Эти должности Жуков занимал до марта 1946 года, Серов оставался при нем.

После окончания боевых действий аппараты уполномоченных НКВД по фронтам подлежали ликвидации. Однако Берия 22 июня 1945 года направил Сталину письмо № 718/6 с предложением сохранить на территории Германии при группе войск Жукова аппарат уполномоченного НКВД во главе с Серовым возложив на него прежние задачи по «очистке территорий». Помимо этого Серов являлся (по решению СНК СССР № 1326-301сс от 6.06.45) заместителем Главноначальствующего ГСОВГ Жукова по вопросам гражданской администрации. Такие же аппараты уполномоченных НКВД Берия хотел сохранить при группах войск Конева (Австрия, Венгрия, Чехословакия), Рокоссовского (Польша) и Толбухина (Румыния, Болгария). Предложения Берии Сталин одобрил, наложив на письме резолюцию:

¹ ГАРФ, ф. 9401. Оп. 2. Д. 125. Л. 17–20.

«т-щ Берия. Согласен. И. Сталин»¹. Однако аппарат уполномоченного НКВД был сохранен только в Германии.

Приказом НКВД № 00780 от 4 июля 1945 года Серов был назначен Уполномоченным НКВД СССР по ГСОВГ. С разворотом деятельности Серова и его аппарата в Германии, немцы познали все ужасы советской карательной системы. На месте нацистских концлагерей были организованы спецлагеря НКВД, куда сажали людей без предъявления конкретных обвинений и без каких-либо формальных санкций. В этих лагерях смертность заключенных была чрезвычайно высокой. За четыре года, с мая 1945 по май 1949 года в спецлагерях НКВД-МВД в Германии умерло 41907 немецких граждан, что составило примерно 35% от общего числа немцев, находившихся в них². Смертность советских граждан в этих спецлагерях, была несопоставимо ниже. Для сравнения: из 33641 человек (советских граждан) умерло за тот же период только 64 человека³. Отчасти это объясняется тем, что «советский контингент» по возрасту был намного моложе — в его основе «остарбайтеры», военнопленные и военнослужащие РККА, и находились они в этих лагерях совсем недолго, так сказать, «транзитом». Подавляющее большинство после осуждения отправлялось в места заключения в СССР.

Но зато советские узники этих спецлагерей оставили чрезвычайно важные свидетельства. Оказывается, Серов не только освоил нацистские лагеря, но и зажег печи крематориев. Обычно тела и расстрелянных и умерших в спецлагерях немцев хоронили тут же, в братских могилах. Однако есть сведения и о том, что тела сжигались. Вероятнее всего, это происходило в Бухенвальде. Так, осужденный лейтенант Советской Армии Н.И. Бондаренко⁴, помещенный в специальный лагерь на территории Германии, описывал порядки, царившие там во второй половине 1946 года:

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 8. Л. 52–54.

² ГАРФ. ф. 9414. Оп. 1. Д. 364. Л. 200.

³ Там же.

⁴ Гвардии лейтенант Николай Иванович Бондаренко (1918 г.р.) был осужден ВТ армии ГСОВГ 15 июля 1946 г. за то, что, проходя службу на территории Германии «в ноябре – декабре 1945 года по сфабрикованным им фиктивным документам на аккордеонных фабриках получил 8 аккордеонов, уплатив за каждый по 201–210 марок. Из них 4 аккордеона он продал по спекулятивным ценам от 1200 до 25 500 марок за аккордеон» (ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 92599. Л. 6).

«Это была действительно мощная машина истребления человечества, которая в руках МВД работала четко, чисто и размеренно. Каждую ночь после отбоя большой дизель с прицепом, таким же огромным, через верх забитые трупами подтаскивали к крематорию»¹. И далее: «В лагере царил невыносимый произвол, пытки, мучения и издевательства, существовал страшный самосуд за малейший проступок. Охрана была подобрана исключительно из предателей и изменников родины. Они явно и органически ненавидели советскую власть и фронтовики, воевавших за нашу родину»².

Серов и начальники оперативных секторов МВД в провинциях развернули тотальную слежку за противниками Социалистической единой партии Германии, поставленной Советским Союзом на руководящую роль в Восточной зоне. При этом и за самой СЕПГ он тоже приглядывает. Например, 15 августа 1946 года сообщение Серова о деятельности оппозиционных группировок внутри СЕПГ было направлено Сталину, Молотову, Берии и Жданову³. Разумеется, для такой масштабной работы по проведению репрессий Серову пришлось подчинить себе все советские спецслужбы на территории Советской зоны, в том числе и СМЕРШ. Абакумов этим обстоятельством был крайне недоволен.

Первый, кому пожаловался Абакумов на Серова, был Берия. В письме от 22 июня 1945 года он говорил о «хулиганских выходках» со стороны заместителя наркома внутренних дел СССР Серова. Абакумов писал, что Серов пытается подчинить себе органы СМЕРШ фронта, вмешивается в оперативную работу, требует от контрразведки СМЕРШ отчетности, в Берлине забирает из органов контрразведки без всякого согласования арестованных и добытые материалы и направляет их в Москву, выдавая за захваченные им. На возражения сотрудников СМЕРШ, что передачу арестованных необходимо согласовывать с ГУКР СМЕРШ в Москве, — говорилось далее, — «Серов со свойственным ему нахальством раздражался потоком самых непристойных ругательств, в которых похабней-

¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 92599. Л. 14 об.

² Там же. Л.14 об – 15.

³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 395–399.

шими словами отзывается обо мне». Далее Абакумов писал, что Серов забрал к себе в подчинение заместителя начальника УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта Сиднева. Абакумов сообщил о принятых им контрмерах. Им было дано указание начальнику УКР СМЕРШ ГСОВГ А.А. Вадису и его заместителю Мельникову ничего не давать Серову без указания из Москвы. И завершил свое письмо просьбой к Берии: «Убедительно прошу Вас принять меры к тому, чтобы призвать к порядку Серова»¹. Берия не смог или не захотел разрешить этот конфликт.

Тогда Абакумов предпринимает новые усилия для дискредитации Жукова и Серова. 28 августа 1945 года он отправил Сталину донесение № 824/А, где приводился рапорт бывшего начальника УКР СМЕРШ ГСОВГ А.А. Вадиса и говорится о попытках Жукова и Серова подчинить себе партийно-политические органы Советской военной администрации, которые должны были подчиняться Политуправлению Красной Армии. Абакумов точно знал, что к посягательствам на руководящую роль партии Сталин особенно чувствителен. О Серове, — писал Вадис, — идут разговоры, что Героя Советского Союза он получил незаслуженно, это сделано Жуковым для того, чтоб приблизить Серова к себе. И далее о Жукове, — многие считают, что Жуков является первым кандидатом на пост наркома Оборона. Жуков груб и высокомерен, выпячивает свои заслуги, на дорогах плакаты «Слава маршалу Жукову». В одном из разговоров с армейским политработником, когда тот сослался на директиву Булганина о политорганах, Жуков заявил: «Что Вы мне тычете Булганиным, я кто для Вас», желая подчеркнуть, что он не кто-нибудь, а заместитель наркома Оборона»². Про кандидатство Жукова на пост наркома Оборона Абакумов сообщил не зря, ведь этот пост еще занимает Сталин!

Война закончилась. Абакумов посчитал, что закончилось и время, когда он и фронтовые управления контрразведки СМЕРШ должны были безоговорочно подчиняться Берии и, соответственно, аппаратам уполномоченных НКВД по фронтам. Но Берия считал иначе. Его беспокоили попытки Абакумова выйти из подчинения. В

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 3. Д. 24. Л. 159–160.

² ЦА ФСБ Ф. 14-ос. Оп. 1. Д. 15. Л. 39–45.

своем письме 29 августа 1945 года № 1023/б на имя Сталина он ставил вопрос о помощи Серову со стороны военной контрразведки¹.

Чем занимаются в Германии Серов и его люди, у Сталина была возможность убедиться, что называется, на месте. В июле 1945 года он отбыл в Берлин для участия в Берлинской конференции руководителей трех союзных держав (СССР, США и Великобритании), которая проходила в Потсдаме с 17 июля по 2 августа 1945 года. Меры по охране сталинского поезда были беспрецедентны. По пути следования через каждые 100 метров стоял боец войск НКВД. Вместе со Сталиным в Германию направился и Берия.

Пробывание Сталина в Потсдаме создавало для Серова уникальную возможность заслужить похвалы и расположение вождя, главное — почаще попадаться ему на глаза. Берия и Серов, прямо-таки на пару, танцевали вокруг Сталина, пытаясь создать у него благоприятное впечатление об их деятельности. В частности, в качестве «культурной программы» был запланирован показ Сталину останков Гитлера. Как вспоминал Константин Симонов:

«Кто-то, видимо Берия, или, может быть, Серов, дожив об этом Сталину, предложил не то привезти показать труп, не то поехать посмотреть. Сталин сказал: «Хорошо, завтра утром поеду посмотрю». Потом, когда утром к нему пришли с тем, что нужно ехать, он махнул рукой и сказал: «Не поеду. Пусть Молотов и Берия едут смотрят. Я не поеду»².

Удивительно, что Берия и Серов все-таки звали Сталина куда-то ехать, а не подвезли останки сановному экскурсанту, что называется, прямо под нос. Хотя, с другой стороны, учитывая ту конспирацию, которую Сталин развел вокруг найденного тела Гитлера, не желая почему-то сообщать союзникам о точном установлении факта его смерти, возить останки, особенно к месту жительства делегаций, было бы неосмотрительно. Американцы и англичане могли бы что-нибудь об этом пронюхать. Кстати, согласно опубликованным документам СМЕРШ, тела Гитлера, Евы Браун, Геббельса и его жены и детей были к этому времени уже захоронены (хотя и временно) в расположе-

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 98. Л. 320.

² Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 414.

нии отдела контрразведки СМЕРШ 3-й ударной армии в городе Ратенов¹. Хотя, в угоду высокому начальству, ничего не мешало и откопать их².

В истории с поисками тела Гитлера, как в капле воды, отразилось ожесточенное соперничество советских карательных инстанций — НКВД и СМЕРШ в борьбе за верховенство в советской зоне оккупации Германии. Абакумов и его люди из СМЕРШ, казалось, добились успеха — и первыми нашли в районе Рейхсканцелярии тела Гитлера и Евы Браун. Однако наиболее существенную и добротную информацию Сталин получил все же по линии НКВД от аппарата Серова (разумеется, через Берия)³.

В конце 1945 года, находясь на отдыхе и имея достаточно времени для размышлений Сталин пришел к выводу о необходимости замены руководства и НКВД и НКГБ. Ему казалось, что кадровая перетряска не повредит. Сталин благоволил Абакумову и полагал, что это удачная кандидатура на пост наркома госбезопасности. Но прямо пока об этом не говорил. Он лишь дал задание Берии и Маленкову подумать и подыскать нового наркома госбезопасности. Берия был не в восторге, Меркулов — его надежный и преданный человек. Но что делать! Воля вождя — закон.

Берия и Маленков 31 октября 1945 года направили Сталину на юг шифротелеграмму. «...на Ваше рассмотрение», — писали они о кандидатурах на должность 1-го заместителя наркома госбезопасности, и в первую очередь предложили наркома внутренних дел Украины В.С. Рясного. «Считаем возможным рекомендовать Рясного первым заместителем наркома госбезопасности с тем, чтобы через 1—2 месяца утвердить его наркомом». В качестве других кандидатов «наиболее способных и проверенных чекистов» они предложили Н.К. Богданова (наркома внутренних дел Казахстана), М.И. Журавлева (начальника

¹ Агония и смерть Адольфа Гитлера / Сост. В.К. Виноградов, Я.Ф. Погоний, Н.В. Тепцов. М., 2000. С. 103–106.

² В связи с передислокацией органов контрразведки и самой 3-й ударной армии их все время выкапывали, перевозили и вновь закапывали. Можно насчитать по крайней мере 4 места временного захоронения в районах городов Бух, Финов, Ратенов, и, наконец, в Магдебурге (Там же. С. 104, 107–109.)

³ Козлов В.А. «Где Гитлер?» Повторное расследование НКВД-МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945–1949. М., 2003. С. 56, 66.

УНКВД Москвы и Московской обл.) и Н.Д. Горлинского (уполномоченного НКВД и НКГБ по Эстонии). «Если Вы одобрите эти кандидатуры, — писали Берия и Маленков, — то переговорим с указанными товарищами и представим проект решения»¹.

Желая прояснить обстановку и переломить ситуацию в свою пользу, Берия в тревоге стал проситься на прием к Сталину. 31 октября 1945 года он писал ему на юг: «Прошу разрешить прилететь к Вам на один день»². Сталин на следующий же день ответил холодно и сухо: «Я не считаю целесообразным Ваш приезд. Прошу не выезжать»³.

Не только Берия, но и Молотов в ту осень испытал на себе ледяной сталинский душ. В телеграмме 11 ноября 1945 года он получил от Сталина нагоняй за опубликованную в советской печати речь Черчилля. Причем Молотов не давал на это санкции, вероятно, он просто недосмотрел, зная, что публиковался весьма сокращенный вариант речи. Тем не менее Сталин негодуяюще писал: «Считаю это ошибкой, потому, что даже в напечатанном у нас виде получилось, что восхваление России и Сталина Черчиллем служит для него маскировкой враждебных Советскому Союзу целей. Во всяком случае ее нельзя было публиковать без твоего согласия»⁴. До своего возвращения в Москву Сталин еще несколько раз обидно пенял Молотову на его ошибки. В шифровке от 6 декабря 1945 года Сталин обвинил его не только в «либерализме» по отношению к иностранным корреспондентам, но даже и в «ловкости рук» по отношению к членам Политбюро и вынес жесткий вердикт, что больше не считает Молотова своим первым заместителем. Молотов даже расплакался на заседании, когда Берия, Маленков и Микоян читали ему вслух эту шифровку Сталина⁵.

Между тем, по требованию вождя, от должности 1-го заместителя наркома госбезопасности был освобожден Б.З. Кобулов. Узнав об этом, он на следующий же день — 1 декабря 1945 года написал слезливое письмо Сталину:

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 97. Л. 136.

² Там же. Д. 98. Л. 2.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 100.

⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2002. С. 195–200.

«30 ноября 1945 года товарищ Берия и товарищ Маленков объявили мне, что я освобожден от обязанностей первого заместителя народного комиссара государственной безопасности СССР и отзываюсь в распоряжение ЦК ВКП(б)»¹. Далее Кобулов напоминал о своей 24-летней службе в «органах», подпустив толику самокритики: «я понимаю, что в моей работе немало недостатков» и заверял вождя, что впредь готов работать активно и преданно, заканчивая свое письмо обещанием «Ваше доверие я оправдаю»².

В самом конце 1945 года и сам Берия расстался с постом наркома внутренних дел. Наконец, в мае 1946 года произошла серьезная реорганизация центрального аппарата МГБ. Министром стал Абакумов. Торжествующий, он раздает посты, выдвигает наверх военных контрразведчиков. О Кобулове, недавнем 1-м зама НКГБ, все как будто забыли. Но он сам старается напомнить о себе и пишет 1 июня 1946 года:

«Дорогой товарищ Сталин!

Прошло шесть месяцев, как я нахожусь в распоряжении ЦК ВКП(б).

Поэтому я осмеливаюсь напомнить о себе и просить Вашего указания о возможном ускорении разрешения вопроса о моем использовании.

Ваш Б. Кобулов»³.

Тем не менее, и после выдвижения Абакумова министром госбезопасности их конфликт с Серовым по вопросам подчиненности органов военной контрразведки на территории Восточной Германии продолжался. По своим полномочиям Серов был представителем одного ведомства — НКВД-МВД, но по выполняемым функциям проведения всей карательной политики должен был направлять и координировать усилия всех спецслужб. Нарком госбезопасности Меркулов свои позиции в Германии сдал без боя. Еще 31 января 1946 года совместно с наркомом внутренних дел Кругловым он направил Сталину письмо с просьбой считать Серова одновременно и Уполномоченным НКГБ в Германии. Со стороны Сталина решения не последовало. Видимо, ему нравилось здо-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 182. Л. 91–92.

² Там же. Л. 92

³ Там же. Л. 97.

ровое соперничество спецслужб, ведь в такой обстановке их легче всего контролировать. Так что пусть пишут жалобы друг на друга, а поставить всех на место никогда не поздно. Однако нерешительность и уступчивость Меркулова раздражала Сталина¹.

В январе 1946 года, к явному неудовольствию Серова, в Германию приехал Абакумов. Повод для этого был самый, что ни на есть, официальный — его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР от «особого избирательного округа», который был сформирован на территории Советской зоны оккупации Германии, и голосовать за него должны были советские граждане, находящиеся там, — военнослужащие ГСОВГ и работники СВАГ. Информацию о выдвижении Абакумова кандидатом в депутаты опубликовала издающаяся Политотделом ГСОВГ газета «Красная Армия». На предвыборном собрании выступил заместитель начальника УКР СМЕРШ ГСОВГ Горяинов и не скупился на похвалы своему начальнику, расписывая его достоинства в самых ярких тонах:

«Тов. Абакумов родился в 1908 году в семье московского рабочего. 13-ти лет он добровольцем уходит в Красную Армию. В 1932 году партия посылает его в органы НКВД. Тут он провел большую работу по борьбе с троцкистско-зиновьевскими и бухаринскими бандитами. В 1939 году тов. Абакумов назначается начальником Ростовского областного управления НКВД, а потом выдвигается на руководящий пост в наркомате внутренних дел. В годы Великой Отечественной Войны тов. Абакумов возглавил органы контрразведки Красной Армии и на этом посту проводит огромную работу по борьбе с вражескими лазутчиками, шпионами, диверсантами, засылаемыми немецкой разведкой в тыл Красной Армии. В тяжелые дни войны тов. Абакумов много сделал для укрепления нашего тыла»².

Перечислив ордена, которыми был щедро награжден Абакумов, Горяинов передал слово начальнику УКР СМЕРШ ГСОВГ Зеленину. Тот, в свою очередь, поддержал предложение о выдвижении Абакумова.

Разумеется, подобные предвыборные собрания были не более чем ритуалом — хорошо подготовленным и отрежиссированным спектаклем. На самом деле, решения

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 231–232.

² Красная Армия. 1946. 5 января.

о том, кого и где выдвинуть кандидатом в депутаты, принимались заранее и централизованно в Москве. Все последующее, включая и сами выборы, было лишь формальностью, однако имевшей важный пропагандистский смысл. И по сценарию полагались встречи кандидатов со своими избирателями. Хотя, конечно, не было случая, чтобы избиратели проголосовали против единственного предложенного им кандидата. Так как в бюллетене для голосования был лишь один кандидат, весьма популярной в советское время была шутка о том, что свобода выбора в том и состоит, что надо оставить лишь одного кандидата, а остальных можно вычеркивать.

О предвыборных собраниях с участием Абакумова в Германии рассказывалось в газетных публикациях. Он встретился с летчиками «энской» части, где «многие знают Виктора Семеновича по работе на Юго-Западном и Сталинградском фронтах...»¹, затем с артиллеристами, которым сообщили, что Абакумов прошел «славный путь от простого рабочего до государственного деятеля, от рядового бойца до руководителя советской контрразведки»². Разумеется, Абакумов использовал свое пребывание на востоке Германии, там, где пока безраздельно царили Жуков и Серов, для сбора против них информации и моральной поддержки своих людей. Конечно, не забыл он и сам прихватить для себя трофеев. Как же без этого?

В мае 1946 года было принято решение существенно изменить структуру МГБ и включить в состав министерства органы СМЕРШ. Новым министром госбезопасности стал В.С. Абакумов. Его решительность и напористость импонировали Сталину. Возвышение Абакумова не сулило Серову ничего хорошего. Он не получил формального права считаться Уполномоченным НКГБ-МГБ в Германии и по-прежнему представлял только свое ведомство — МВД. Вопрос подчиненности ему органов военной контрразведки, перешедшей в МГБ и, таким образом, как и раньше руководимых Абакумовым, стал еще более проблематичным. Очевидно, что Абакумов долго терпеть Серова в Германии не будет.

Абакумов, став министром и почувствовав свою силу, тотчас дал указание органам военной контрразведки

¹ Красная Армия. 1946. 25 января.

² Там же. 27 января.

ГСОВГ внимательно наблюдать за Серовым и собирать на него компрометирующие материалы. От бдительных контрразведчиков не могла укрыться сверхактивность Серова по вывозу трофеев в Москву на закрепленном за ним (а по сути, личном самолете). Первым делом они решили заменить экипаж самолета, которым бесконтрольно пользовался Серов и которому мог вполне доверять. Демарш контрразведки не на шутку обеспокоил Серова. Для него стало вполне очевидным, что за его действиями теперь открыто следят. В своем письме 8 сентября 1946 года рассказывая о кознях Абакумова он жаловался Сталину:

«Так, например, на днях хорошего летчика, с которым я летал всю войну, объявили ненормальным, пытавшимся дважды покончить самоубийством. При проверке это не подтвердилось. Тем не менее, через командира авиадивизии генерала Грачева, сняли его с должности командира самолета. Затем проявили обо мне «заботу» и потребовали, чтобы я дал согласие на замену всего экипажа самолета, т.к. люди «технически неграмотные» и «морально неустойчивые» (после 4 лет войны).

Я не согласился с этим предложением, а затем, когда командир дивизии генерал Грачев летел в Париж, спросил у него, почему такое отношение к экипажу самолета, на котором я летаю 4 года. На это мне генерал Грачев ответил: т. Серов, экипаж хороший, у нас к нему никаких претензий, но на нас давят работники СМЕРШ и говорят, что они давно добираются до экипажа Серова»¹.

Абакумов добился принятия решения о передаче всей оперативной и следственной работы в Германии из МВД в МГБ. Это было закреплено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) 20 августа 1946 года. Теперь вводилась должность Уполномоченного МГБ СССР в Германии. На эту должность в августе 1946 года был назначен заместитель министра госбезопасности Н.К. Ковальчук. Серову предстояло передать ему все дела. Но без боя сдаваться он не собирался. До глубокой осени 1946 года Серов продолжал бороться за свое влияние в Советской зоне. Ему обидно было терять столь «хлебное место».

В июле 1946 года Жуков был снят с должностей Главкома сухопутных войск и заместителя министра вооруженных сил и отправлен руководить Одесским военным

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 28. Л. 151.

окрутом. Эта новость дошла до Серова. У него не оставалось сомнений, что Жукова свалили Булганин и Абакумов. Но если такое происходит с прославленными героями войны, то что же может ждать связанных с Жуковым людей помельче? Конечно, Серов не мог знать подробностей состоявшегося Главного военного совета, в котором принимали участие все маршалы, а выступал на нем сам Сталин. Жукову были брошены очень серьезные обвинения: «что он неправильно ведет себя, что у него есть высказывания против правительства, что он преувеличивает свою роль в войне, делает вид, что все победы связаны с ним, дает интервью в иностранную печать»¹. Обличая Жукова, Сталин, помимо прочего, сослался на полученные Абакумовым показания арестованного командующего ВВС А.А. Новикова. После Сталина, в унисон с ним, выступили Берия и Каганович. Однако присутствующие на совете маршалы И.С. Конев, П.С. Рыбалко, В.Д. Соколовский, К.К. Рокоссовский, кто смелей, а кто осторожней и дипломатичней стали защищать Жукова. В конце концов, Сталин смягчил тон и предложил направить Жукова в Одесский военный округ на должность командующего. Однако у присутствующих сложилось впечатление, что у Сталина было заготовлено решение об аресте Жукова и, не будь их поддержки, оно точно было бы реализовано².

Настало время и самому Серову побеспокоиться о своей судьбе. Кто он по сравнению с Жуковым! Проискам Абакумова он мог противопоставить только одно, опередить его и обратиться напрямую к Сталину.

И 8 сентября 1946 года Серов написал Сталину жалобу о «непартийном» отношении к нему Абакумова. Серов суммировал все свои обиды и постарался вывалить как можно больше деталей порочащих Абакумова и его людей в Германии³. В письме говорилось о том, как Абакумов «особенно резко возмутился» решением Сталина о введении уполномоченных по фронтам, «восстал против посылки в их аппараты оперативных работников», старался отделить от них органы СМЕРШ. Абакумов приказывал начальнику управления контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта А.А. Вадису и его заместителю

¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 419.

² Там же. С. 420–421.

³ См. документ № 19.

А.М. Сидневу не являться к Серову по вызовам, затем во все отозвал Вадиса и прислал «надежного» П.В. Зеленина. По утверждению Серова, Абакумов ему сказал: «Ты во время войны много мне и моим работникам крови испортил». Теперь, — жаловался Серов, — Абакумов собирает на меня компромат. В письме Серов взял под защиту и опального Жукова, сообщив Сталину о неизменном почтении маршала к вождю, и пересказал слышанные из уст Жукова лестные отзывы о Сталине, которого он за глаза якобы уважительно называл «Хозяин». В конце письма Серов просил Сталина оградить его от «оскорблений и преследования Абакумова»¹.

Свое письмо Серов написал на следующее утро после визита к Сталину. Возможно, Сталин пересказал ему некоторые обвинения Абакумова, который был у Сталина в тот же день, что и Серов, только полутора часами раньше. Серов был последним посетителем. Больше Сталин в Кремле никого не принимал и вскоре уехал до середины декабря 1946 года в отпуск².

Надо полагать, Сталина раздосадовали эти склоки, и он распорядился решать их самим министрам, в рамках взаимоотношений МВД и МГБ. По крайней мере, следующие свои жалобы Абакумов уже направляет прямо Круглову³. Но все же кое-что Сталина задело в жалобах Серова. И уже с юга он 12 сентября направил Абакумову категорическое указание прекратить слежку за Серовым⁴. Абакумов, сделав удивленный вид, бойко и аргументированно отвечал, что никакой слежки ни он, ни подчиненные ему органы за Серовым не ведут⁵. Интересно, поверил ли Сталин?

Серов не желал сдавать позиции и продолжал борьбу за свое руководство в Германии и после решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 августа 1946 года в котором, в частности, предписывалось всю агентурно-оперативную работу передать в МГБ:

«Оперативно-чекистскую и следственную работу в советской зоне оккупации Германии сосредоточить в Ми-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 28. Л. 147–153.

² Исторический архив. 1996. № 4. С. 130.

³ См. документы № 22, 23

⁴ См. документ № 20.

⁵ См. документ № 21.

нистерстве Государственной Безопасности СССР, передав из МВД СССР в МГБ СССР агентурно-осведомительную сеть, разработки, личный состав, КПЗ и внутренние тюрьмы, имущество, здания и материальные ценности.

Оставить за МВД СССР тюрьмы для осужденных и пересыльные, спецлагери и конвоирование арестованных.

Установить, что аресты за политические преступления в советской зоне оккупации Германии производят только органы МГБ.

Оперативно подчинить МГБ СССР имеющиеся в советской зоне оккупации Германии войска МВД СССР (7 полков)»¹.

Часть функций — надзор за персоналом СВАГ и немецкими органами самоуправления, Серов пытался оставить за собой в подведомственных ему отделах (секторах) внутренних дел УСВА провинций и земель. А присланному из Москвы в Берлин уполномоченному МГБ Н.К. Ковальчуку передавал оперативные секторы НКВД-МВД, оперативные группы и всю их репрессивную работу против немецкого населения. Ковальчук возмутился и написал 15 октября 1946 года докладную записку Абакумову в Москву:

«Считая это неправильным, я пытался разрешить вопрос с тов. Серовым. При этом я сослался на решение ЦК ВКП(б) о сосредоточении всей агентурно-оперативной работы по Германии в Министерстве Государственной Безопасности и настаивал на запрещении отделам внутренних дел СВА вести агентурно-оперативную работу и производить аресты.

Тов. Серов со мной не согласился.

Докладываю на Ваше распоряжение»².

На следующий же день Абакумов направил это сообщение Ковальчука в МВД Круглову письмом № 1557/А, добавив от себя просьбу — дать указание Серову о выполнении решения Политбюро, строго напоминая, что оперативно-чекистская работа в Советской зоне должна быть сосредоточена в МГБ, и «аресты там должны производить только органы МГБ»³.

В конце концов, 2 ноября 1946 года Серов сдал дела Уполномоченному МГБ в Германии Ковальчуку. Управле-

¹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. 2. С. 354–355.

² См. документ № 22.

³ Там же.

ние оперативными секторами в провинциях перешло в МГБ. Но покидать Германию Серов не торопился, задерживали его, в числе прочих причин, опасения, что в Москве Абакумов может расправиться с ним. И Серов, оставаясь по-прежнему в Карлсхорсте, чинил мелкие пакости людям Абакумова. В его ведении оставались спецлагеря, подчиненные отделу внутренних дел СВАГа, и порядки там устанавливали подчиненные Серова. Они вдруг потребовали от органов МГБ в Германии непременно получения санкции прокурора, прежде чем направить того или иного задержанного в спецлагерь. Известие об этом просто взбесило Абакумова, 13 марта 1947 года он направил об этом письмо № 2216/А Круглову. В нем говорилось, что в спецлагерях в Германии все время был порядок приема арестованных без санкции прокурора, в лагеря помещались лица независимо от возраста и пригодности к труду. Однако, — писал Абакумов, — после передачи оперативных секторов органам МГБ, спецлагеря МВД по непонятным причинам сразу же изменили существовавший ранее порядок, требуя санкционированных прокурором постановлений на направление арестованных в лагеря. Более того, отдел спецлагерей МВД в Германии дал указание принимать в лагеря арестованных только в возрасте до 45 лет и лишь годных к физическому труду. В результате, — жаловался Абакумов, — в тюрьмах оперативных секторов скопилось свыше 850 арестованных. Абакумов просил Круглова дать указание о возвращении прежнего, до передачи оперсекторов, порядка приема в спецлагерь¹.

А все же любопытно, как междуведомственная свара может служить делу укрепления законности. Серов вдруг вспомнил о прокурорах! Ведь и Серов, и Абакумов всегда творили произвол и законниками никогда не были. Но иногда закон и им нужен, хотя бы для сведения счетов друг с другом. Может быть это напоминание Абакумову о законе не прошло даром. Пройдет всего немного времени, и теперь уже он будет разоблачать все прежнее руководство Уполномоченного НКВД-МВД в Германии во главе с Серовым, обвинив их в нарушении социалистической законности, коррупции и стяжательстве. Но пока Абакумов и его сотрудники собирают материалы.

¹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. 2. С. 61–62.

Положение Серова в Берлине обязывало его заняться еще одной проблемой. Ему предстояло искать все материалы по реактивной технике и связанных с этим немцев. Постановлением Совета Министров СССР № 1017-419сс от 13 мая 1946 года он был включен в члены Спецкомитета по реактивной технике при СМ СССР. А 10 мая 1947 года этот Спецкомитет был переименован в Комитет № 2 при СМ СССР. Серов оставался в его составе, хотя уже и покинул к этому времени Германию. Следы деятельности Серова на этом поприще можно обнаружить в его докладных записках в Москву. После августа 1946 года он уже не посылает Крутлову пространных записок о положении в Советской зоне оккупации, ибо теперь это прерогатива МГБ. Его внимание сконцентрировано на поисках материалов и немецких специалистов для их привлечения к разработке нового советского оружия. Сталину, Молотову, Берии и Маленкову 26 июля 1946 года была направлена его докладная записка о интересе союзников к работам по реактивной технике на территории Советской зоны и их попытках вывезти немецких специалистов¹. В сентябре 1946 года Серов занят вопросом организации добычи кобальта и висмута в Саксонии². Не меньше усилий он затратил и на организацию добычи и вывоза из Германии урана. Этому вопросу Сталин придавал первостепенное значение. В начале сентября 1946 года, сразу после встречи со Сталиным, Серов получает широкие полномочия по выявлению материалов и отлову всех немецких специалистов оборонной отрасли. Наверное, Сталин дал ему задание перевернуть для этого Германию вверх дном. Масштабы задуманной акции отчетливо просматриваются в тексте Распоряжения Совета Министров СССР № 10805-рс от 9 сентября 1946 года, где Министерству госбезопасности СССР предлагалось на время проведения этой операции выделить в распоряжение Серова 2500 оперативных работников и 1500 переводчиков немецкого языка. И после возвращения из Германии Серов время от времени получает аналогичные задания. Так, Постановление Совета Министров СССР № 2477-758сс от 14 июля 1947 года обязывало Серова (МВД) и Соколовского (СВАГ) вывести из Германии

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 304–306.

² Там же. Д. 150. Л. 295–317.

100 немецких специалистов и 25 высококвалифицированных рабочих. Наверное, сами специалисты ехать в СССР не желали, поэтому Абакумову, как водится, предписывалось выделить в распоряжение Серова оперативников от МГБ.

За вывозом специалистов следил сам Сталин и оказывал необходимое содействие. В личном сталинском фонде сохранилась неподписанная записка (по-видимому из аппарата МВД), помеченная октябрём 1946 года и адресованная Поскребышеву: «Звонил из Берлина Серов. Операция по вывозу немецких специалистов заканчивается успешно, но, как и следовало ожидать, имеются небольшие политические осложнения. Секретарь социал-демократической партии в английской зоне Норман выступил с протестом», который завтра будет опубликован в печати. Далее излагался план Серова — сработать на опережение и тем «нейтрализовать» протест Нормана: для того чтоб не давать опровержений, Серов предлагает самим завтра в газете, издаваемой в Советской зоне, дать заметку (по примеру американцев), что выехало несколько групп для работы в Советском Союзе, для работы по специальности, многие взяли семьи, для инженеров с семьями были выделены пассажирские вагоны, а для имущества — товарные. И далее: «Тов. Серов просит Вас спросить мнение т. Берия по этому вопросу, если от нас звонка не будет, то заметка помещена не будет»¹. На документе помета: «Ответ сообщен. П[оскребышев]»².

О вывозе специалистов из Германии Серов непосредственно докладывал и Сталину в Кремле. По этому вопросу он четыре раза был на аудиенции в кремлевском кабинете вождя: 14 марта и 7 сентября 1946 года и 17 апреля и 1 июля 1947 года³. На апрельской встрече 1947 года вместе с Серовым к Сталину был приглашен сотрудник Военно-воздушного отдела СВАГ Г.А. Токаев, специалист в области ракетной техники. Однако с ним случилась незадача. По возвращении в Германию он вместе с женой перешел в английскую зону и впоследствии написал ряд книг с разоблачением советского режима и его агрессивных планов.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 101. Л. 132.

² Там же.

³ См. раздел «Визиты Серова к Сталину в Кремль».

В конце 1946 года вновь, как и в 1945 году, проявилось недовольство Сталина своими соратниками. Оказалось, что Микоян не способен навести порядок в торговле и снабжении, Хрущев «отгораживается» от требований центра, проявляя местничество, а Молотов — по-прежнему «пасует» перед Западом.

Микоян, в частности, вызвал недовольство вождя тем, что не смог навести порядок в ценообразовании, хлебных ресурсах и снабжении населения. 3 октября 1946 года Сталин писал из Сочи: «Причем, как выяснилось, тов. Микоян, ведущий наблюдение за министерствами занятыми этими вопросами, оказался совершенно не подготовленным не только к решению этих вопросов, но даже к их пониманию и постановке на обсуждение»¹. Микоян, оправдываясь, сообщил Сталину о разработанных по его поручению Б.А. Двинским предложениях по сокращению расхода хлеба². Сталин 15 октября 1946 года одобрил предложения Двинского, правда, при этом написал: «Никакого доверия в этом деле не оказывать Микояну, который благодаря своей бесхарактерности расплодил воров вокруг дела снабжения»³.

Не менее трудно было с заготовками хлеба на Украине. Здесь Хрущев совершенно вывел Сталина из себя своими записками о положении дел. 19 октября 1946 года Сталин написал Хрущеву из Сочи:

«Я получил ряд Ваших записок с цифровыми данными об урожайности на Украине, о заготовительных возможностях Украины, о необходимом количестве пайков для населения Украины и тому подобное.

Должен Вам сказать, что ни одна из Ваших записок не заслуживает внимания. Такими необоснованными записками обычно отгораживаются некоторые сомнительные политические деятели от Советского Союза для того, чтобы не выполнять задания партии.

Предупреждаю Вас, что если Вы и впредь будете стоять на этом негосударственном и небольшевистском пути, дело может кончиться плохо. И. Сталин»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 101. Л. 85–87.

² Записка министра заготовок Б.А. Двинского от 23 сентября и письмо А.И. Микояна Сталину от 4 октября 1946 г. опубликованы: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 221–222, 224.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 101. Л. 105.

⁴ Там же. Л. 122.

Сталин не позволил Хрущеву «отгородиться» и спасти украинцев от голода. В начале 1947 года он сместил его с должности 1-го секретаря ЦК КП(б)У и назначил вместо него Кагановича. Хрущеву оставили лишь пост председателя Совета Министров Украины¹.

В это же самое время, в октябре 1946 года, Серов направил Берии пространную записку с предложением вывезти из Советской зоны оккупации Германии «излишки» продовольствия в СССР. Он писал, что «существующее положение со снабжением генералов, офицеров и советских работников, находящихся в Германии, являются неправильным, а выдаваемые продовольственные нормы снабжения чрезмерно увеличенными», и предлагал пересмотреть нормы снабжения офицерского и вольнонаемного состава СВАГ, а кроме того, откомандировать из Германии лишних людей — «различных представителей от министерств», сократив их количество в 4 или 5 раз, оставив лишь тех, кто «обеспечивает работы по репарациям для СССР и занимается специальными вопросами по решению Совета Министров»².

Кроме того, Серов обращал внимание на наличие в органах снабжения СВАГ «непредвиденных запасов», которые можно было бы направить в СССР. Отдельно Серов коснулся вопроса о нормах снабжения немецкого населения:

«Попутно следует доложить, что в адрес т. Соколовского от ЦК Социалистической Единой Партии получена просьба о том, чтобы немцев, получающих карточки по 4 категории перевести на 3 категорию. Каких-либо серьезных мотивов к этому не приводится. Таких немцев, которые получают карточки по 4 категории и нигде не работают, насчитывается более 8 млн. человек. Это потребует большие расходы хлебных ресурсов. Как заявил подполковник Шумилин, член Военного Совета т. Боков хочет частично поддержать эту просьбу³. Я считаю неправильной просьбу Социалистической Единой Партии, которая стремится завоевать авторитет народа мероприятиями за счет СВА, а не работой»⁴.

¹ Однако Каганович провалился на этой работе, и в декабре 1947 г. Хрущев вновь возглавил Украинский ЦК.

² См. документ № 25.

³ Читавший записку Серова Сталин, слева от этого абзаца написал: «Не поддерживать».

⁴ См. документ № 25.

Если не менять нормы снабжения немецкого населения, — писал Серов, — то в резерве останется до 150 тысяч тонн зерна, до 250 тысяч тонн сахара и до 300-400 тонн картофеля. Он отмечал, что торговый отдел СВАГ не сообщал в Москву об этих потенциальных резервах и предлагал следующее: «Если учесть, что у союзников нормы снабжения, кроме американцев, значительно ниже, то можно вполне рассчитывать, что эти резервы в Германии не потребуются и их можно отправить в Советский Союз»¹.

Берия, посчитав записку чрезвычайно важной, отправил ее 20 октября 1946 года отдохавшему на юге Сталину. Предложения Серова пришлись как нельзя кстати. Воодушевленный Сталин 3 ноября 1946 года продиктовал с юга в Москву телефонограмму в Политбюро, в которой просил обратить внимание на предложения Серова, добавив от себя, что их можно принять². «Через два месяца, — писал далее Сталин, — наши войска в Германии будут сокращены на 40%. Хорошо было бы в связи с этим выкроить какие-либо продовольственные резервы для Советского Союза и завести их в нашу страну». Сталин просил вызвать в Москву Соколовского «и передать ему мою просьбу в духе изложенных выше требований», а «тов. Серову передать от меня благодарность за его записку»³.

Вывоз продовольствия с востока Германии серьезно отразился на и без того скудном снабжении населения. Это привело к массовому недовольству и осложнило работу немецкого самоуправления. Немцы справедливо винили в своих бедах не только советскую оккупационную власть, но и немецкие органы самоуправления и правящую партию — СЕПГ. Но это не смущало Серова, а, наоборот, полностью укладывалось в его рецепты, прописанные немцам. Годом раньше на совещании руководящего состава СВАГ 16 августа 1945 года он поделился своими оригинальными соображениями о снабжении продовольствием немецкого населения: «наше правительство не допустит чтобы мы пирожными немцев кормили, но оно не позволит, чтобы дело дошло до опухания (голода)»⁴.

¹ См. документ № 25.

² См. документ № 26.

³ Там же.

⁴ См. документ № 15.

Акции Серова в глазах Сталина моментально выросли во сто крат. Он получил, своего рода, индульгенцию на будущее и защиту от Абакумова. Такие вещи Сталин не забывал. Разумеется, об особой благодарности Сталина Серову узнал не только руководящий состав МВД и СВАГ, но и широкий круг руководящих лиц в Москве. А доброе слово вождя, когда о нем знает и начальство и подчиненные, дорогого стоит.

Серов вполне мог ощущать себя именинником, а Абакумову оставалось лишь зеленеть от злости. Вот такие штуки порой выкидывает жизнь. Еще накануне, 2 ноября 1946 года Серов пишет упадническое письмо о том, что он сдал дела по опергруппам, выполнил все поручения и ему, дескать, больше нечего делать в Германии¹. И тут вдруг, как солнце выглянуло и фортуна вновь ему улыбнулась. Теперь Серов уже не торопится в Москву. Он понял, что Сталин доволен его работой, претензий к нему нет и как будто и не было. А его письмо с просьбой о переводе в Москву Круглов, понимая изменение ситуации, положит в долгий ящик.

¹ См. документ № 24.

БИТВА ТИТАНОВ

Серов, между тем, получив назначение 24 февраля 1947 года на пост 1-го заместителя министра внутренних дел, возвращается в начале апреля в Москву. Здесь он, не теряя времени, развернул активную борьбу против Абакумова. Совместно с Кругловым 9 апреля 1947 года он направил записку Берии и Абакумову, где говорилось о безобразном поведении и грубости работников Главного управления охраны МГБ, одетых в милицейскую форму и расставленных на наружных постах, на центральных, прилегающих к Кремлю улицах и правительственных трассах¹. Абакумов оскорбился. На следующий день, 10 апреля, он информировал Берию, что сами Круглов и Серов ничего подобного ему в глаза не говорили. «Тов. Серов, — пишет он далее, — известен своими провокационными выходками и склоками, которые он иногда допускает, поэтому пора положить конец этому и предупредить его»². По словам Абакумова, ранее Серов плохо отзывался о транспортной милиции, переданной в МГБ, также Серов считает, что МГБ, приняв внутренние войска, работу по борьбе с бандитизмом проваливает. По мнению Абакумова, Серов и Круглов просто обижены передачей внутренних войск и железнодорожной милиции в состав МГБ³.

Весной 1947 года Абакумов взялся серьезно проверять родословную Серова. А дело в том, что скромный архивист разыскал в архивах материалы, из которых вырисовывалось, что вроде бы отец Серова был царским жандармом. Произошло это так. В годы войны незаметный труженик архивной системы, входившей тогда в состав НКВД, В.Ф. Коротков — начальник отделения отдела секретных фондов Главного архивного управления, разбирая в картотеке карточки, нашел, как он это потом описывал, сведе-

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 177. Л. 113—115.

² ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 5. Д. 12. Л. 518—529.

³ Там же.

ния о двух сотрудниках Вологодского губернского жандармского управления (ГЖУ), по установочным данным сходные с отцом Серова. Это были Серов Александр Павлович, 1870 года рождения, сотрудник ГЖУ с 1907 по 1913 год, и Серов Александр Павлович (без года рождения), работавший там же с 1911 по 1917 год¹.

Коротков быстро выяснил, что дела на них хранятся в архиве УМВД по Вологодской области в фонде 35, дело 1750 и в фонде 17, дело 330. После чего предусмотрительно снял копии с карточек и в конце 1944 года доложил начальству. Его непосредственный начальник отдела Гордеев доложил о находке начальнику Главного архивного управления И.И. Никитинскому. А потом, якобы, сообщил Короткову, что речь идет действительно об отце заместителя наркома Серова. Но почему-то дальнейшего развития история не получила. В том же отделе, вспоминал Коротков, работала и родная сестра Серова — Христина Серова. Так что, вероятнее всего, Серов знал о затеянной в архиве возне. А Короткова вскоре начали травить, как он пишет: «несмотря на то, что я по-прежнему выявлял массу документов разоблачающих врагов Советской власти...»².

После войны Коротков перешел на работу в МГБ, а на его место в архиве была назначена Х.А. Серова. В МГБ Коротков передал летом 1947 года копии карточек начальнику 1-го отдела 5-го управления Агаянцу. В тот же день заместитель начальника 5-го управления Волков объявил, что Короткова вызывает к себе министр Абакумов! Скромный архивист удостоился приема на самом высоком министерском уровне. А уж Абакумов как обрадовался можно и не говорить. Абакумов подробно обо всем расспросил Короткова, тут же вызвал начальника учетно-архивного отдела Герцовского и дал задание проверить Серова по архивам отдела.

Через два дня Коротков и Агаянец были направлены в Вологодский архив. Однако Агаянец почему-то не спешил отличиться, тяготился своей миссией и по дороге распекал Короткова за это «грязное дело» и осторожно похваливал Серова. В Вологде удалось выяснить немногое. Там

¹ Письмо В.Ф. Короткова с описанием всей этой истории см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 172. Л. 1—10.

² Там же. Л. 4.

в архиве оказались две точно такие же карточки, как и в Москве, а дела № 1750 на месте не оказалось. Так же не было найдено и второе дело, под его номером хранилось совершенно не то. Начальник архива ничего прояснить не смог, заявив, что он лишь недавно на этой работе.

На следующий день Коротков и Агаянц выехали в Кадников, где будто бы служил А.П. Серов. Там Агаянц, как пишет мнительный Коротков, всячески оттеснял его от проведения расспросов местных жителей, делая все сам. Однако Короткову удалось выяснить, что отец Серова после 1905 года приобрел себе в Замощье хутор с пашней, лесом и лугом, имел скот и хозяйство, а в 1913 году начал строить в Кадникове двухэтажный особняк. Война 1914 года помешала закончить строительство. Дом, отмечал Коротков, и по сей день стоит на улице Советской № 23.

Затем отправились в Замощье. Там отец Серова имел хутор, но жил в нем только летом. По рассказам односельчан, Серов и его отец родились в Замощье, но поиски Короткова в церковных книгах ничего не дали. После этого, заказав самолет У-2, Агаянц и Коротков отправились в село Залесье искать следы другого А.П. Серова, служившего в ГЖУ с 1913 по 1917 год. Там лишь установили, что такой человек действительно был и потом находился в ссылке.

В Москву Агаянц и Коротков вернулись практически ни с чем. Коротков пожаловался начальнику управления Волкову, что расследование «проведено необъективно». Тот обещал доложить Абакумову, но результатов Коротков так и не дождался. Вернее, результатом стало то, что Волков, по словам Короткова, стал относиться к нему «тенденциозно» и «гонял» из отдела в отдел, несмотря на то что тот «вскрыл и ликвидировал террористическую группу из студентов МГУ»¹. В 1953 году Короткова и вовсе уволили из «органов», дав мизерную пенсию.

Так что же произошло? Дело, которое Абакумову казалось столь перспективным, лопнуло как мыльный пузырь. Если бы он смог доказать, что отец Серова — жандарм, его противник был бы повержен. А так вопрос повис в воздухе. С другой стороны, демонстративная проверка родных мест Серова, затеянная Абакумовым, была слишком за-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 172. Л. 1—10.

метной. Серов о ней узнал. Он поддерживал связь с односельчанами и во время войны даже наведывался к ним и привозил подарки.

Позднее, 24 февраля 1954 года, Коротков направит подробное сообщение с изложением всей этой истории Маленкову. Но и на этот раз никакой реакции не последует. На бумаге лишь появятся пометы «тов. Хрущев читал» и «хранить в архиве Президиума ЦК. 10.03.59. В. Малин»¹.

А тогда, в 1947 году, Абакумов понимает, нужны более серьезные шаги против Серова, чтобы заставить его утихнуть надолго. Свой план по уничтожению Серова он начинает реализовывать осенью 1947 года. Постепенно в центральном аппарате МГБ скапливаются компрометирующие Серова материалы. Сообщая 14 октября 1947 года Сталину об обстоятельствах дела арестованного начальника отдела правительственной связи МВД И.Я. Воробьева, Абакумов писал, что курирующий работу этого отдела Серов давал в декабре 1942 года указание готовить ежедневную справку о всех разговорах Верховного Главнокомандующего (Сталина), и такие справки составлялись до конца 1944 года. После выезда Серова на фронт, — отмечает Абакумов, — составление справок прекратилось². Итак, Абакумов нащупал что-то очень похожее на несанкционированное подслушивание разговоров, и не кого-нибудь, а самого «Верховного». Этого Сталин очень не любил. За такое Серов мог жестоко поплатиться.

Серов как 1-й заместитель в МВД курирует органы милиции. Абакумов наносит еще один удар. 23 октября 1947 года официальным письмом он сообщает Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову о фактах взяточничества со стороны работников московской милиции.

Абакумов точно рассчитывает удары. Они должны следовать один за другим. 29 ноября 1947 года он направляет Сталину и Кузнецову новое письмо. На этот раз о случаях мародерства, хищений и присвоении ценностей и вещей бывшим начальником оперативного сектора МВД в Тюрингии генералом-майором Г.А. Бежановым. В приложенной к письму справке сообщались факты непомерного обогащения Бежанова. Им была изъята шкатулка с драгоценностями у генерала Гартмана, а изъяв иму-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 172. Л. 1.

² ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 5. Д. 21. Л. 232—235.

щество у «нациста» Менге, Бежанов распорядился его отпустить. Вскрывались и другие преступления. Бежанов широко использовал метод провокации и создавал фиктивные «подпольные нацистские группы». Когда немец Бетцель отказался вступить в такую группу, «с санкции Бежанова, двум агентам МВД было дано задание убить Бетцель, что ими и было выполнено. На трупе Бетцель была оставлена записка такого содержания: «Так будет со всеми изменниками немецкого народа»¹. В справке говорилось о необоснованных арестах немцев проводимых оперсектором в Тюрингии и сообщалось, что 10 человек покончили с собой, находясь под стражей. Теперь Абакумов заложил настоящую бомбу под Серова. О реакции Сталина можно судить по резолюции на письме. По обыкновению Абакумов устные резолюции Сталина сам записывал на прочитанных вождем бумагах. В этот раз он записал: «Предложено арестовать Бежанова. Указание о том мною получено лично от т. Сталина 6.12.47»². Дело о коррупции в Группе советских оккупационных войск в Германии начало раскручиваться.

Уже первые результаты допросов Бежанова несказанно обрадовали Абакумова. 28 января 1948 года он сообщает Сталину: «Бежанов дал показания о том, что Серов присваивал ценности и переправлял их в СССР»³. Бежанов рассказал и о захваченных людьми Серова в Рейхсбанке при штурме Берлина мешках с деньгами. Германские рейхсмарки были пущены Серовым как бы на «оперативные расходы». Да, интересно получалось, кто-то штурмовал Рейхстаг, а кто-то Рейхсбанк! В этом письме Абакумов просил санкции на арест бывших начальников оперсекторов Саксонии и Берлина генералов С.А. Клепова и А.М. Сиднева и, помимо них, М.А. Хренкова — адъютанта Серова. Санкцию Сталин дал.

Вскоре, 24 февраля 1948 года, Абакумов направил, теперь уже Сталину, Молотову и Кузнецову, новое письмо с приложенным протоколом допроса арестованного Хренкова. Бывший у Серова адъютантом с ноября 1942 по август 1947 года, Хренков показал, что Серов «занимался мажордерством и личным обогащением», тем же занимались и

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 5. Д. 22. Л. 18—22.

² Там же.

³ Там же. Оп. 6. Д. 2. Л. 39—63.

его подчиненные Сиднев, Бежанов и Клепов. «Должен сказать, что Серов, будучи человеком падким к чужому добру, начал заниматься присвоением ценностей и имущества еще в период нахождения его в Польше», — говорил на следствии Хренков¹. Приводились следующие факты. В городе Лодзи, имущество из особняка немецкого гауляйтера Серов в вагоне отправил в Москву. Сопровождали вагон жена Серова и Хренков с бумагой от Серова о бестамованном пропуске. В особняке гросс-адмирала Редера в Бабельсберге, по приказанию Серова, Хренков выломал мраморный камин, и позднее его установили на московской квартире Серова. Захваченные в подвале Рейхсбанка мешки с деньгами не были должным образом оприходованы, Серов и Сиднев бесконтрольно тратили их содержимое². Абакумов просил у Сталина санкцию на арест Л.С. Никитина — другого адъютанта Серова. Еще один сотрудник Серова — В.М. Тужлов, его секретарь, уже был арестован. Как видим, Абакумов постарался не зря и теперь основательно обложил Серова.

Тужлов сообщил следствию тоже немало важного о Серове: «В сентябре или октябре 1946 года, когда оперативные секторы МВД Германии передавались в ведение МГБ, Серов затребовал к себе от Сиднева все записи по расходу германских марок и затем эти записи по его же указанию были сожжены»³.

Клепов на следствии рассказал, как в мае 1945 года ему позвонил Серов и позвал на работу в аппарат НКВД в Германии. Серов лично звал к себе тех, кого хорошо знал и проверил в предыдущих делах. Клепов как раз был одним из тех, с кем Серову уже доводилось вместе проводить акции по выселению народов. Клепов подтвердил, что «Жуков и Серов были большими друзьями, постоянно ездили на охоту», и сообщил, что Серов, посещая Дрезден, всегда «уезжал с полной машиной вещей», а все изъятые у арестованных ценности (золото, бриллианты, валюта) направлялись лично Серову⁴.

О том, какими методами Абакумов добивался быстрых признаний, не стоит строить теорий. Они известны. Об

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 6. Д. 4. Л. 145—168.

² Там же.

³ Там же. Л. 531.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 172. Л. 41—47.

этом рассказывал в своем окружении многое переживший Клепов. По иронии судьбы, сообщение об этом легло на стол председателя КГБ Серова в ноябре 1954 года, когда Абакумов был уже три года как в тюрьме и близок был час его осуждения и расстрела. А всесильный Серов не выпускал из поля зрения тех, кто много знал о его похождениях в Германии.

В агентурном донесении Сталинградского УКГБ, поступившем 30 ноября 1954 года в секретариат КГБ в Москву, говорится, что 4 октября 1954 года на вечеринке у друзей был Клепов и рассказал своему родственнику (а тот источнику) о причинах своего ареста. По прибытии в Москву (арестован в Германии по обвинению в превышении власти и использовании служебного положения), Клепов был доставлен к Абакумову, где от него потребовали показаний на Серова, Хрущева и Кагановича. Клепов отказался дать такие показания и якобы ударил Абакумова, после чего был избит и посажен в камеру «с ветерком». Это была камера размерами метр на метр, построенная из решеток, через которую все время пропускают сквозной воздух. После суточного пребывания в ней Клепов четыре месяца пролежал в госпитале. Клепов был осужден и работал на Волго-Донском канале. Освобожден в 1953 году. На 1954 год Клепов реабилитирован, имеет звание генерала в отставке (запасе), но в партии не восстановлен, работает штамповщиком на одном из московских заводов¹.

А тогда, в конце сороковых, Абакумов замахнулся широко. Он захотел показаний не только на Серова, но и, подумать страшно, на членов Политбюро Хрущева и Кагановича. Вряд ли он делал это втайне от Сталина.

Обширные показания Сиднева от 6 февраля 1948 года, уличающие Серова в присвоении денег и ценностей, Абакумов в тот же день направил Сталину². В них говорилось о тесной связи Серова и Жукова: «Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга». Бежанов назвал и количество захваченных опергруппой НКВД в Берлине денег — 80 миллионов марок в ста мешках. Выяснялось, что Серов и Жуков одинаково виновны в присвоении трофеев³. К разграблению Германии Ста-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 36. Л. 363—364.

² См. документ № 28.

³ Там же.

лин относился достаточно спокойно, но все же полагал, что обогащение подчиненных должно иметь хоть какую-то меру. Он распорядился изъять у Жукова часть присвоенных ценностей.

Серов был загнан в угол. И все же он не только оправдывается, но и наносит ответный удар. Дважды, 31 января и 8 февраля 1948 года, он пишет Сталину. В первом письме Серов резко критиковал Абакумова и объяснял его личную неприязнь и ненависть тем, что Абакумов якобы опасался, будто именно Серова, а не его могли назначить министром госбезопасности в 1946 году. Это, по мнению Серова, и было причиной, побудившей Абакумова отдать приказ своим людям следить за ним и собирать компрометирующие материалы¹. Вскоре, 8 февраля 1948 года, Серов пишет Сталину пространное письмо, в котором итожит все свои претензии к Абакумову. Здесь Серов переходит в наступление, сообщая о фактах обмана Абакумовым ЦК ВКП(б) и Сталина, недостатках в работе органов МГБ и их враждебности к МВД. «Такого враждебного периода в истории органов никогда не было», — пишет Серов². В письме Серов не забывает рассказать, что Абакумов в 1941 году проявлял панические настроения, собираясь бежать из Москвы, выслуживался перед Жуковым «как мальчик», а в марте 1946 года, на первой сессии Верховного Совета СССР, сидел рядом с Жуковым в президиуме и, наконец, о том, как Абакумов сам занимался «самоснабжением» и вывез из Германии полный вагон имущества. Серов с тревогой пишет об аресте Абакумовым до 10 сотрудников, работавших с ним в Германии, и завершает письмо мольбой: «...я очень прошу Вас, дорогой товарищ Сталин, поручите комиссии ЦК ВКП(б) разобраться с делом, которое создал Абакумов против меня для того, чтобы свести со мной личные сче-ты»³.

Сталин уберег Серова от абакумовских преследований. Несмотря на кажущееся преимущество в положении Абакумова (все-таки министр), Серов — кандидат в члены ЦК, в политическом смысле весомее. Абакумов же не яв-

¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000. С. 42—43.

² См. документ № 29.

³ Там же.

лся членом высших партийных выборных органов. Конечно, не это остановило Сталина. При желании он мог расправиться с любым, хоть с членом Политбюро. Видимо, он почувствовал, что в деле Серова, несмотря на очевидную его виновность, Абакумов преследует и какие-то свои личные интересы. А этого Сталин не любил. В итоге Серов сохранил свои высокие должности и звания, правда, Сталин его в своем кремлевском кабинете больше не принимал¹. А Бежанов, Сиднев и Клепов были позднее осуждены². Абакумов же был поставлен на место и Сталину о Серове больше не писал. Но, разумеется, продолжал за ним присматривать. А всего через пару лет пришел и его час держать ответ перед Сталиным. И обвинили его, в числе прочего, в «обмане Центрального Комитета». А ведь Серов писал об этом еще в 1948 году! Не его ли письмо заронило в душу Сталина первые сомнения относительно преданности Абакумова?

А основание присмотреться к ведомству Абакумова повнимательнее появилось у Сталина уже летом 1947 года. Непорядки вскрылись в Главном Управлении охраны МГБ, призванном охранять вождя и его соратников. Сталин узнал, что в его отсутствие на «ближней» даче происходят всякие безобразия. Об этом ему доложила одна из официанток дачи. Комендант дачи генерал-майор С.А. Ефимов и его заместитель подполковник И.И. Федосеев, — по словам официантки, — устраивали пьянки, на которые привозили проституток из города, воровали из дачных припасов вино и продукты. Но самое страшное заключалось в том, что Федосеев и его сомнительные подружки заглядывали в совершенно секретные бумаги, лежавшие на столе у Сталина. Вождь решил провести расследование сам, без Абакумова. 23 июня 1947 года Федосеев был тайно арестован и расследование его дела было поручено Серову. Да, именно ему, главному врагу Абакумова, Сталин поручил разобраться.

Поначалу об аресте Федосеева министр госбезопасности ничего не знал. Но С.Ф. Кузьмичев — начальник Управления охраны № 1, которого Сталин просил держать арест Федосеева в тайне, проговорился Абакумову, зная о его неприязни к Серову. Позднее, находясь под арестом, он объяснил свой поступок так: «Я не доверял Серову, так

¹ Исторический архив. 1998. № 4. С. 160.

² См. документы № 31—36.

как, сталкиваясь с ним при исполнении служебных обязанностей, убедился, что он способен на обман»¹. Кузьмичев высказал свои сомнения относительно Серова и Сталину. Получив известие о судьбе Федосеева, Абакумов и начальник Главного Управления охраны МГБ Н.С. Власик не на шутку встревожились. «Ну теперь Серов состряпает дело», — сказал Власик². Кузьмичев, не без ведома Абакумова, написал письмо Сталину, в котором пытался очернить Серова, но действия оно не возымело.

Невольное участие Серова в деле Федосеева (ведь не сам же он на это не вызвался — ему Сталин приказал) многое объясняет. Может быть, не будь этого, Абакумов не докапывался бы так яростно под него, расследуя дела о хищении ценностей в Германии. А может, и наоборот, Сталин, зная о желании шефа МГБ любыми средствами скомпрометировать Серова, решил немного поразвлечься, и именно Серову, абакумовскому недругу, поручил дело Федосеева. В этом случае вождь точно знал: Серов уж постарается!

И точно. В ходе расследования этого дела Серов лично избивал Федосеева и арестованную вместе с ним жену, а 14 июля 1948 года доложил Сталину об окончании следствия и предложил направить дело на Особое совещание при МГБ и дать Федосееву «20 лет со строгой изоляцией»³. Но Сталин распорядился иначе. Дело Федосеева было все же передано к Абакумову в МГБ и с осуждением было решено не торопиться. В марте 1950 года, незадолго до расстрела, Федосеева дважды из тюрьмы доставляли в здание ЦК ВКП(б) на допросы к Маленкову⁴.

Но и Сталин не забывал о Федосееве. После введения вновь в январе 1950 года смертной казни он получил от Абакумова для утверждения первый список на расстрел и не разглядел там Федосеева. Тут же следом Абакумов написал Сталину записку о том, что Федосеев и его жена есть в списке. В апреле 1950 года Сталин подписал первый список на расстрел. И Федосеева расстреляли одним из первых — 18 апреля. Абакумов и Власик, опасаясь, что Сталин может вновь потребовать дополнительного расследования,

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 31. Л. 98—137.

² Там же.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 449. Л. 194.

⁴ Там же.

спасать Федосеева не стали. Прокурор П.А. Кульчицкий позднее рассказал, что ему было поручено присутствовать при исполнении приговора. Федосеев перед расстрелом заявил, что его избивал Серов и что он не совершал никаких преступлений. Тут же прибыл из Комитета партийного контроля Захаров, и они с Герцовским увели Федосеева в помещение для расстрела. Сотрудник учетно-архивного отдела Воробьев, присутствовавший при расстреле, рассказал, что и там Федосеев продолжал твердить о своей невиновности¹.

Так чем действительно Федосеев провинился перед Сталиным? Почему с ним так жестоко поступили? Сейчас трудно понять. Мемуары Серова, его обвинителя, могли бы помочь, если бы он, конечно, захотел об этом написать. Как бы то ни было, еще в 1956 году Федосеев был реабилитирован².

После ареста Абакумова, последовавшего в июле 1951 года, новое руководство МГБ начинает разбираться со старыми делами. Вновь всплывает дело арестованного секретаря Серова — Тужлова, он, как оказалось, еще не был осужден и томился в тюрьме. О его деле 8 сентября 1951 года новый министр госбезопасности С.Д. Игнатьев проинформировал Берия. В письме говорилось, что по указанию Берии Игнатьев вызвал Тужлова и сам допросил. Тужлов заявил, что ранее на допросах его запугивали, грозили арестовать жену и детей и принуждали подписывать протоколы. Тужлов признал, что подписал фиктивный акт на израсходование 7 млн. марок, подтвердил факты хищения ценностей в Германии, но в разговоре заявил Игнатьеву, что оклеветал Серова на следствии. Далее Игнатьев сообщал, что дело Тужлова и связанных с ним людей будет закончено в ближайшее время, окончание следствия поручено Рюмину³.

А тогда, в начале 1948 года, все успокоилось, и Серову, кажется, сошло все с рук. Конечно, Сталин об этом всегда помнил и при надобности мог поднять в МГБ необходимые дела. Но не делал этого. Пусть Серов так и остается с подмоченной репутацией. Руководить такими людьми всегда проще. Хотя не исключено, что ведомство Абаку-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 172. Л. 18—23.

² См.: Расстрельные списки // Вечерняя Москва. 1994. 16 мая.

³ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 18. Л. 161—162.

мова продолжало присматриваться к Серову. По крайней мере за Жуковым точно следили. Так, 16 сентября 1948 года Абакумов доложил Сталину о содержании разговора Жукова с женой, состоявшегося днем раньше на московской квартире маршала. Завидная оперативность! Жуков винил в своей опале Булганина, полагая, что тот «нашептывает» на него Сталину. Булганин «орудует» — повторял Жуков. Конечно, Абакумов выделил в донесении сказанное Жуковым о Сталине:

«Я раньше думал, что Сталин принципиальный человек, а он слушает, что ему говорят его приближенные. Ему кто-нибудь что скажет и он верит. Вот ему про меня сказали и я в немилости. Ну, х.. с ними, пусть теперь другие повоюют!»¹.

И хотя Жуков оставался командующим Уральским военным округом, уже в марте 1950 года Сталин проявил милость к маршалу и разрешил ему быть депутатом Верховного Совета СССР. О реакции Жукова 7 июля 1950 года было доложено Сталину. В сообщении Абакумова говорилось, что артистам ГАБТ, находившимся на гастролях в Свердловске, Жуков заявил, что ему «везде хорошо» и за него хорошо голосовали на выборах в Верховный Совет, особенно ссыльные. «Вот где у меня друзья, — сказал Жуков, правда, тут же добавил с опаской: — Как бы меня к ним не приобщили»².

Абакумов продолжал внимательно следить за деятельностью Серова, выискивая, где бы его можно было бы подловить. Одним из участков ответственности Серова стало Главное управление по делам военнопленных и интернированных. Оказалось, что не только народному хозяйству СССР требовался труд военнопленных, их использовали и в личных целях представители высокой военной номенклатуры. Хотя, конечно, это было против советских правил и могло повлечь за собой наказание. Один из таких примеров носил анекдотичный характер. Министр госбезопасности Абакумов направил 20 октября 1949 года Сталину докладную записку № 6067/А об использовании служебного положения в «целях личного обогащения» маршалом Соколовским. В записке рассказывалось о том, как Соколовский, будучи Главнокомандующим Группы советских

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 6. Д. 18. Л. 391—394.

² Там же. Оп. 8. Д. 7. Л. 158—159.

оккупационных войск в Германии(ГСОВГ), и начальник тыла ГСОВГ генерал-полковник Шебунин организовали в районе 46-го км Дмитровского шоссе под Москвой¹ строительство индивидуальных дач «большой стоимости», причем строительные средства и материалы были взяты со складов ГСОВГ:

«Кроме того, значительное количество материалов было заготовлено в немецкой строительной конторе земли Бранденбург и доставлено в Москву на строительство дач. Туда же было направлено 400 военнослужащих и 200 военнопленных немцев, привезенных из Германии <...>

В архитектурном оформлении дачи Соколовского используется военнопленный немец, бывший видный берлинский архитектор Карл Браун»².

Далее говорилось о том, что Соколовский незаконно увеличил свой участок с 2,8 гектара до 3,8 гектара, построил двухэтажный дом площадью 306 кв. метров и двухэтажный дом с гаражом площадью 135 кв. метров, ряд надворных построек, заложил фруктовый сад на 1-м гектаре, установил металлическую изгородь, вывезенную из Германии, разместил в доме мебель, люстры, рояли, также вывезенные из Германии, и оставил в своем личном пользовании при переводе из Германии на работу в Москву 10 автомобилей.

Но самое удивительное было не это. Особое внимание Сталина министр госбезопасности обращает на отношения, сложившиеся на строительстве генеральских дач:

«Следует отметить, что на строительстве дач сложились своеобразные отношения между «застройщиками» и военнопленными. Эти отношения роняют достоинство советских генералов. Так, Шебунин лично договаривается с немцами о выполнении работ из стройматериалов самих пленных. Немцы воруют материалы у конторы индивидуального строительства № 331 Главвоенстроя и переносят их на дачи Соколовского, Шебунина и других генералов, где получают за это деньги наличными»³.

¹ Ныне это дачный кооператив в поселке Трудовая на Икшинском водохранилище. Дачи были отстроены для Соколовского, Чуйкова, Катукова, Лелюшенко, Ротмистрова, Шебунина, Пронина, Руденко и др. Об этом поселке по телеканалу НТВ было рассказано в передаче из цикла «Дачники» 5 декабря 2004 г.

² ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 18. Л. 381—384.

³ Там же.

Таким же порядком, говорилось в письме, договаривается с немцами и жена Соколовского.

«Жена Соколовского, выполняя просьбу немцев, подарила им аккордеон. По этому случаю немцы написали письмо Соколовскому, в котором благодарили его за внимательное к ним отношение»¹.

Больше всего возмутило автора докладной записки то, что с немцами жена Соколовского была чутка и внимательна, хваля и благодаря их за хорошую работу, а к русскому обслуживающему персоналу дачи относилась грубо и издевательски, ругая их за безделье и неумелость. За последние 3 месяца, говорилось далее, по этой причине уволились: повар, дворник, истопник и уборщица².

Вообще использование труда немцев на строительстве дач было доброй традицией. Так, генерал-лейтенант Тарас Филиппов, начальник ГУПВИ, давал 1 октября 1947 года объяснения министру Круглову о причинах снятия 155 военнопленных со строительства дач для советских академиков в районе города Звенигорода. Круглов затребовал объяснений после жалобы министра строительства военных и военно-морских предприятий СССР Николая Дыгая. Выяснилось, что занимавшееся строительством дач для Академии наук лагерное отделение № 8 лагеря для военнопленных № 465 совершенно не приспособлено для содержания в нем пленных, бараки пришли в негодность, а часть людей вообще проживала в палатках. Многие из них заболели. Поэтому из лагерного отделения и начали вывозить пленных. Но после жалобы министра Дыгая начальник ГУПВИ Филиппов вынужден был заверить Круглова, что примет все меры к продолжению строительства дач силами военнопленных³.

Лагерный куратор

Если не считать постоянной угрозы со стороны Абакумова, то в остальном служебная деятельность Серова в Москве в 1947—53 гг. проходит относительно размеренно и спокойно. Его обязанности 1-го заместителя министра

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 18. Л. 381—384.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2665. Л. 364—367.

внутренних дел включают в основном руководство милицмейско-войсковой и лагерной сферами деятельности МВД. Так, по распределению обязанностей между замми МВД в феврале 1947 года Серову поручили наблюдение за Главным Управлением милиции, Главным Управлением по борьбе с бандитизмом, Главным Управлением пограничных войск, Отделом контрразведки в МВД, Отделом правительственной «ВЧ»-связи, Управлением войск правительственной связи и Специальными отделами — 1-м (учетно-архивным) и 2-м (шифровальным)¹.

В июле 1948 года его обязанности несколько меняются. Из сферы кураторства Серова уходят подразделения правительственной связи, переданные из МВД в МГБ и 2-й Спецотдел, а вместо них появляется Главное Управление по делам военнопленных и интернированных. Так постепенно Серов втягивается в руководство лагерями (пока только военнопленных и интернированных). А в остальном он курирует те же подразделения, что и в 1947 году².

Теперь от Серова зависят вопросы трудового использования остающихся в СССР пленных немцев. А их к тому времени, несмотря на протесты западных стран, давно закрывших для себя этот вопрос и отпустивших пленных, их оставалось в СССР еще довольно много. По состоянию на 1 января 1949 года в лагерях МВД СССР для военнопленных содержалось чуть больше 421 тысячи немцев³. Почти полмиллиона! Серов же организует и массовое осуждение военнопленных немцев в конце 1949 — начале 1950 года и, таким образом, задержку в СССР вплоть до 1955—1956 годов. Заметим, в нарушение всех международных правовых норм⁴. Чтобы скрыть от Запада предстоящую кампанию массовых судов над немецкими военнопленными Серов 23 ноября 1949 г. издает специальное распоряжение № 730сс, запрещающее

¹ Распоряжение МВД № 92 от 25 февраля 1947 г. См.: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник / Авторы-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров; Под. общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2003. С. 92—93.

² Приказание МВД № 436 от 19 июля 1948 г. См.: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник... С. 96—97.

³ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996. С. 162.

⁴ Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941—1956. М., 2002. С. 197—202.

им переписку с родственниками¹. В этом деле Серову активно помогал Амаяк Кобулов, возглавлявший Оперативное управление ГУПВИ и отвечавший за проведение агентурной работы среди военнопленных и ведение следствия по их делам.

Между тем Абакумов прибирал к рукам все новые и новые направления деятельности, ранее сосредоточенные в МВД. Аппарат МГБ продолжал усиливаться. В феврале 1950 года Абакумов направил Сталину вполне рутинную записку с информацией, о состоявшемся 10 февраля 1950 года очередном заседании ОСО МГБ, на котором были рассмотрены дела 1599 чел². Ничего по форме нового он не сообщал, такие записки он регулярно, из месяца в месяц, направлял и ранее. Абакумов писал, что к заключению на 25 лет приговорены 34 человека, к ссылке под надзор органов МГБ — «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков и участников других антисоветских организаций и групп» (освобожденных из тюрем и лагерей после войны) — 115 чел., к высылке под надзор органов МВД — «членов семей участников националистических банд и их пособников» — 1286 человек. Обычно Сталин просто прочитывал такие сообщения и принимал к сведению, но на этот раз вдруг начертил на бумаге Абакумова резолюцию: «А кто отвечает за побеги?»³.

Эти несколько слов привели к серьезным организационным переменам в деле руководства спецпоселениями. На повестку дня встал вопрос о том, чтобы вся эта работа была сосредоточена в МГБ. Вероятно, для Круглова и руководимого им Министерства внутренних дел это стало полной неожиданностью, за которой можно было усмотреть очередную интригу Абакумова. Руководители МВД не на шутку встревожились, передача спецпоселений в МГБ неизбежно вела к ослаблению влияния МВД и, что также немаловажно, к сокращению довольствия, штатов и упразднению большого числа районных отделов МВД.

Министр Круглов решился на смелый шаг: 23 июня 1950 года он направил Сталину, Берии и Маленкову запи-

¹ Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. М., 1998. С. 56.

² Письмо Абакумова № 6463/А от 13 февраля 1950 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 182. Л. 93).

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 183. Л. 93.

ску со своими возражениями. В качестве главного аргумента использовался тезис о том, что без спецпоселенцев МВД будет трудно решать «большие народнохозяйственные задачи в отдельных районах страны, где использование другой рабочей силы крайне затруднительно»¹. Разделив ответственность, эту записку также подписали заместители министра внутренних дел И.А. Серов, В.В. Чернышев и В.С. Рясной.

Сталин принятого им решения менять не стал и 14 июля 1950 года выпустил постановление Совета Министров СССР «О передаче спецпоселений из министерства внутренних дел СССР в министерство государственной безопасности СССР»². И хотя постановление оставило в ведении МВД отдельные категории спецпоселенцев, понятно, что у руководителей МВД, ревниво следивших за усилением МГБ, любви к Абакумову не прибавилось.

В феврале 1951 года происходит существенное изменение выполняемых Серовым функций. К этому времени милиция, пограничники и борьба с бандитизмом давно переданы в МГБ. Теперь Серов занимается в основном лагерной и хозяйственной сферами. В его обязанности входит курирование: Главного Управления лагерей (ГУЛАГа), Главного Управления по делам военнопленных и интернированных, Главного Управления военного снабжения, Тюремного управления, Хозяйственного Управления, 1-го Спецотдела, Отдела контрразведки в МВД, Отдела перевозок, автотранспортного отдела, юридической части МВД и Главного арбитража³.

Еще большую вовлеченность Серова в лагерные дела наблюдаем в январе 1953 года. Ему дополнительно поручается курирование Главспецнефтестроя, Особого дорожно-строительного корпуса и Отдела ведомственной охраны. При этом из его сферы исключены все перевозки, арбитраж и юридическая часть. Остальное, если не считать, что Главное управление по делам военнопленных и интернированных перестало быть Главным, а стало просто Управле-

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 347—348. Текст записки опубликован: Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы 1940—1950-е гг. / Под. ред. В. Дмитренко. М., 1994. С. 687—689.

² Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник... С. 647—651.

³ Распоряжение МВД № 155 от 10 февраля 1951 г. См.: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник... С. 103—104.

нием, осталось то же¹. Кроме постоянных были и разовые поручения Серову. Некоторые исходили с самого верха. Все-таки Сталин по-прежнему доверял ему.

В 1952 году должно было закончиться строительство последнего великого сталинского канала между Волгой и Доном. Казалось, в многочисленных лагерях, разбросанных по трассе канала, работы шли полным ходом, уже летом можно открыть движение судов. Действительное положение существенно отличалось от победных рапортов: «на протяжении 15 километров канал не прорыт, а из 15 шлюзов не было ни одного готового»².

Серов 10 марта 1952 года был командирован на Волго-Донстрой на весь период, до ввода в действие канала. Поездка не была напрасной. Руководя армией зеков, он добился выполнения намеченного графика работ. Да и как иначе. Позднее Серов вспоминал, как ему «в Калач позвонил Сталин и предупредил, что «если к 1 июня не будет закончен канал, то у вас голова с плеч полетит», и хлопнул телефонную трубку»³. После такого сталинского «напутствия» оставалось творить чудеса.

Установленные сроки открытия канала и заполнения водой были чрезвычайно жесткими и, «несмотря на то что в котловане строители доделывали последние работы, шлюзы были открыты. На церемонию была приглашена писательница Ольга Берггольц, которая пережила ленинградскую блокаду. От увиденной картины у нее случился нервный срыв»⁴.

Выполняя сталинское напутствие, Серов не останавливался ни перед чем. Все его внимание было переключено на выполнение графика работ, а обстановка в лагерях и жалобы заключенных на произвол лагерного начальства его не волновали. Жесткая позиция Серова вызвала неудовольствие прокуратуры. Начальник управления по надзору за местами заключения Прокуратуры СССР позднее жаловался в ЦК ВКП(б):

«Сообщаю, что заместитель министра внутренних дел СССР тов. Серов в отношении органов прокуратуры занял

¹ Распоряжение МВД № 6 от 3 января 1953 г. См.: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник... С. 108—110.

² См. документ № 48.

³ Там же.

⁴ Лесков С. Вниз по вертикали, или откуда взялась проклятая русская депрессия // Известия. 2004. 11 ноября.

неправильную линию поведения: противодействует органам прокуратуры в осуществлении надзора за законностью, режимом и условиями содержания заключенных в лагерях и колониях... Серов запретил всем органам МВД, начальникам лагерей и колоний предоставлять какие-либо данные по лагерям и колониям. Это указание распространил и на органы прокуратуры... МВД СССР и, в частности т. Серов, не хотят выносить сор из избы, а положение с законностью, режимом и условиями содержания в лагерях и колониях МВД СССР является крайне неудовлетворительным и вызывает тревогу»¹.

Однако в ЦК знали, что в данный момент было важнее, законность в лагерях или ввод канала в намеченный срок. И жалоба прокурора не имела для Серова каких-либо видимых последствий.

Волго-Донский канал был открыт. Накануне от подчиненных Серов получил докладную записку со сметой расходов — 2,5 миллиона рублей на торжества по случаю открытия навигации на канале. Мысленно съездившись под взглядом Сталина и припомнив события своего недавнего прошлого, Серов решительно начертил на представленной смете резолюцию; «2,5 миллиона рублей — вздор»². В итоге было выделено 450 тысяч рублей и решено провести торжества «красиво, но скромно и без больших затрат средств»³. Вскоре Серова в числе других высокопоставленных работников МВД наградили 19 сентября 1952 года орденом Ленина.

Правда, к этому времени Серов уже не являлся депутатом Верховного Совета СССР. В Верховный Совет Серова избирали в январе 1941 года и в феврале 1946 года (во 2-й созыв, сложивший свои полномочия в 1950 году). В состав депутатов Верховного Совета СССР 3-го созыва, избранного в марте 1950 года Серов не попал. Это не означало какого-либо понижения его политического статуса. Такова была особенность тех советских выборов. Сталин решал, кому из руководителей и где быть депутатом. Тогда в депутаты не избрали даже министров Абакумова и Круглова, а уж что говорить о Серове, который был всего лишь 1-м заместителем министра внутренних дел.

¹ Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2001. № 6. С. 111.

² Там же. № 7. С. 113.

³ Там же.

На XIX партийном съезде в октябре 1952 года Серов сохранил свое положение кандидата в члены ЦК КПСС. Правда, на пленуме ЦК КПСС, состоявшемся сразу же после закрытия съезда 16 октября 1952 года, Серов не присутствовал. В списках присутствовавших напротив его фамилии значится — «в командировке»¹.

Так что Серов был лишен удовольствия наблюдать, как стареющий диктатор обрушился публично с резкой критикой и на своих многолетних соратников Молотова, Ворошилова, Микояна и, что самое приятное, на «обанкротившееся» бывшее руководство МГБ во главе с Абакумовым, проглядевшее «дело врачей».

По воспоминаниям Д.Т. Шепилова, «Сталин с презрительной миной говорил о том, что Молотов запуган американским империализмом, что будучи в США он слал оттуда панические телеграммы, что такой руководитель не заслуживает доверия, что он не может быть в руководящем ядре партии»; в том же тоне вождь высказался и о Ворошилове, выставив его чуть ли не «шпионом», и о Микояне, обвинив его, как и Молотова, в «капитулянтстве»². Микоян пытался оправдываться, сваливал вину на Молотова, но его речь выглядела «мелкой и недобропорядочной»³. В результате все трое — Молотов, Микоян и Ворошилов, хоть и были избраны в состав Президиума ЦК КПСС, но не вошли в состав «узкого руководства» — Бюро Президиума.

Этот пленум хорошо запомнился и Константину Симонову. Речь Сталина, по его воспоминаниям, длилась около полутора часов, и говорил он «сурово, без юмора», тяжело и цепко вглядываясь в зал. О Молотове Сталин говорил «долго и беспощадно», приводя примеры его «трусости и капитулянтства». О Микояне вождь говорил меньше, но еще более «зло и неуважительно»⁴. Молотов оправдывался, но и его, и Микояна речи скорее походили на последнее слово подсудимых, которые уже не в силах изменить свою участь⁵. На собравшихся выступление Сталина произвело тяжелое впечатление. Повеяло

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 6—20.

² Шепилов Д. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001. С. 227.

³ Там же.

⁴ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 241—242.

⁵ Там же. С. 243.

явно чем-то зловещим: «И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, — все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению...»¹.

Для Серова было важно одно. Абакумов повержен. Но как это произошло? Об этом речь ниже.

¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 243.

ПАДЕНИЕ АБАКУМОВА

После возникновения «Ленинградского дела» и ареста в 1949 году бывшего Секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова, тень сталинского недоверия легла и на Абакумова. И это неслучайно, ведь Абакумов имел довольно тесные отношения со своим бывшим куратором. Причем настолько, что ряд текущих вопросов предпочитал решать на уровне Кузнецова, не доводя их до Сталина. Еще в начале 1948 года вождь обратил на это внимание. Тогда, без согласования с ним Кузнецов разрешил Абакумову предать «суду чести» в МГБ двух проштрафившихся офицеров. По инициативе разгневанного Сталина Политбюро 15 марта 1948 года вынесло взыскание Абакумову за действия «без ведома и согласия Политбюро» и Кузнецову за «единоличное согласие на организацию суда»¹.

Трудно сказать, тогда ли у Сталина возникла мысль вообще избавиться от министра госбезопасности, но, по крайней мере, незуитский расчет вождя состоял в том, что именно Абакумов должен обеспечить проведение «Ленинградского дела», по которому в числе прочих проходил Кузнецов. А уж потом, когда нужда в Абакумове отпадет — избавиться от него.

Есть явные признаки, свидетельствующие о потере Абакумовым доверия Сталина. Так, в феврале 1950 года он поручил Г.М. Маленкову организовать «особую тюрьму» для «самых важных политических обвиняемых», которая находилась бы не в системе МГБ, а в подчинении Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б)². При этом не следователи МГБ, а сотрудники партийного аппарата сами вели следствие по делам этих арестованных.

¹ Хлевнюк О. Сталин и органы государственной безопасности в послевоенный период // *Carriers du Monde russe*. 42/2-3-4. Avril — decembre 2001. P. 538.

² Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000. С. 63.

Есть свидетельства, что и Серов играл важную роль в организации этой тюрьмы¹.

Весной 1950 года Сталин неожиданно высказал Абакумову свои соображения о необходимости ареста начальника отдела «ДР» (диверсионной и террористической работы) МГБ генерал-лейтенанта П.А. Судоплатова, его заместителя генерал-майора Н.И. Эйтингона и ряда других ответственных работников МГБ. Абакумов, к неудовольствию вождя, не только проявил нерешительность в этом вопросе, но, хуже того, поделился своими сомнениями с Берией.

Позднее Берия, будучи уже арестованным, сам рассказал об этом эпизоде, проливающим дополнительный свет на предысторию арестов в МГБ:

«...в 1950 году в середине или в начале года Абакумов, будучи у меня в Совете Министров по другим вопросам, рассказал, что он имеет указание И.В. Сталина арестовать Судоплатова, Эйтингона и ряд других сотрудников. Абакумов не сказал мне, за что их надо арестовать. Для меня было ясно, что арест Судоплатова означал его уничтожение. Поэтому я сказал Абакумову, чтобы он еще раз поговорил со Сталиным, тем более что причин ареста Судоплатова Абакумов не назвал. Я сказал Абакумову: «Я бы на твоём месте сохранил Судоплатова и не дал бы уничтожить»².

Другой демарш Сталина против Абакумова и его всевластия в аппарате МГБ лежал в организационной плоскости. В январе 1950 года Сталин решил создать в МГБ Коллегию и дал соответствующее указание Абакумову. По замыслу Сталина этот коллегиальный орган управления министерством усилил бы контроль за деятельностью Абакумова и помог бы растворить его амбиции. Первоначальные предложения были подготовлены Абакумовым и С.И. Огольцовым еще 31 января 1950 года и направлены Сталину. В их письме, в частности, содержалось предложение направить в МГБ «одного-двух крупных партийных работников, имея в виду, чтобы они были также членами Коллегии МГБ СССР». За предыдущие 3 года, писалось да-

¹ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 167.

² Этот эпизод вошел в подготовленное в 1954 г. обвинительное заключение по делу Абакумова (ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 13. Л. 214). См. также: АП РФ. Ф.З. Оп. 24. Д. 466. Л. 156.

лее, в МГБ было направлено 540 партийно-советских работников, но при этом «среди них нет работников крупного масштаба с широким кругозором, которых можно было бы иметь в числе членов Коллегии МГБ СССР»¹. Но Сталин почему-то не торопился с решением и дал время Абакумову конкретизировать предложения.

Второй вариант (и окончательный) письма Абакумова Сталину о создании Коллегии МГБ СССР, увеличении числа заместителей министра до 7 человек и кадровых перемещениях руководящего состава, был подготовлен 2 августа 1950 года. К нему уже был приложен и проект постановления Политбюро ЦК². Однако решение о создании Коллегии МГБ было принято почти через полгода — 31 декабря 1950³, лишь после возвращения Сталина из очередного длительного отпуска, в котором он находился с 11 августа по 21 декабря 1951 года. Вероятнее всего, он просто не успел принять решение до отъезда, и вряд ли проволочка в этом деле связана с решением Сталина дождаться окончания «Ленинградского дела», как об этом иногда пишут⁴.

Приехав после отпуска в Москву, Сталин резко сократил контакты с Абакумовым, пригласив его в свой кремлевский кабинет только один раз — 6 апреля 1951 года⁵. Трудно сказать, понял ли Абакумов, сколь серьезен этот знак и что против него что-то затевается. После этого в журнале посетителей кремлевского кабинета Сталина фамилия Абакумова встретится только 5 июля 1951 года, когда уже было принято решение снять его с должности министра.

Начало кампании кадровой чистки системы МГБ, сопровождавшейся арестами высокопоставленных сотрудников, было положено специальным решением Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б) после рассмотрения заявления М.Д. Рюмина — старшего следователя следственной части по особо важным делам (ОВД) МГБ СССР. Вернее будет сказать, что заявление Рюмина было скорее поводом, ибо

¹ АП РФ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 183. Л. 61—70.

² ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 8. Д. 8. Л. 40—48.

³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 гг. М., 2002. С. 342—343. В книге по ошибке оно датировано 3 декабря (в действительности — 31 декабря 1950 г.).

⁴ Хлевнюк О. Указ. соч. С. 540.

⁵ Исторический архив. 1998. № 4. С. 16.

мысль о проведении чистки и арестов в МГБ, как показано выше, зрела у Сталина давно. После того как Сталин получил в руки заявление Рюмина, настала пора действовать¹. Что же писал этот следователь? В письме Рюмина, датированном 2 июля 1951 года, содержался ряд обвинений против Абакумова. Во-первых, он «погасил» очень перспективное, с точки зрения автора письма, дело арестованного МГБ врача Я.Г. Этингера, который мог дать важные показания о «врачах-вредителях». Во-вторых, Абакумов скрыл от ЦК важную информацию о недостатках в контрразведывательной работе в Германии на предприятиях «Висмута», где добывалась урановая руда. И, наконец, в-третьих, грубо нарушал установленные решениями партии и правительства правила ведения следствия. В письме Рюмин назвал Абакумова «опасным человеком» на важном государственном посту².

По заявлению Рюмина 5 июля 1951 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее решение (П82/404): «поручить комиссии в составе т.т. Маленкова (председатель) Берия, Шкирятова и Игнатьева проверить факты изложенные в заявлении Рюмина, и доложить о результатах Политбюро ЦК ВКП(б). Срок работы комиссии 3-4 дня»³.

В ночь с 5 на 6 июля 1951 года Сталиным в Кремле были приняты Рюмин и руководители МГБ Абакумов и его первый заместитель С.И. Огольцов. При этом присутствовали Молотов, Булганин, Берия и Маленков. Сталин точно продумал сценарий встречи. Сначала в присутствии других членов Политбюро в кабинет ровно в час ночи был приглашен Абакумов, и лишь после того, как Сталин имел возможность выяснить у него все интересующие вопросы, в 1 час 40 минут в кабинет позвали Рюмина (очень похоже на очную ставку). А Огольцова пригласили лишь за пять минут до конца аудиенции. Вероятнее всего, для того чтобы возложить на него временное исполнение обязанностей министра госбезопасности⁴.

Абакумов еще не был арестован, но уже 8 июля 1951 года побывал на допросе у исполняющего обязанности Гене-

¹ Существует версия, что письмо Рюмина попало в руки Сталина не без помощи Маленкова и его помощника Д.Н. Суханова (Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2001. С. 455—456.).

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10.

³ Там же. Д. 216. Л. 1

⁴ Исторический архив. 1997. № 1. С. 24.

рального прокурора К.А. Мокичева. Накануне, 7 июля, Абакумов написал объяснительную записку по выдвинутым против него обвинениям. В записке рассказывалось об обстоятельствах дела Этингера: в ноябре 1950 года Абакумов направил Сталину в Сочи записку с просьбой дать санкцию на арест Этингера; Поскребышев переадресовал Абакумова к Булганину, который и дал санкцию. Этингер был арестован 18 ноября 1950 года и, по уверениям Абакумова, никаких существенных показаний не давал, у него были частые сердечные припадки, и в конце концов, в результате допросов, проводимых Рюминым, он умер. Все обвинения Рюмина в связи с делом Этингера Абакумов отменял, заверяя Сталина в своей личной преданности¹. Тем не менее 12 июля 1951 года Абакумов был арестован и доставлен в «особую тюрьму»². Следствие по его делу было поручено вести Прокуратуре СССР.

11 июля Политбюро ЦК ВКП(б) принимает специальное решение (П82/437) «о неблагоприятном положении в МГБ», в котором повторены все обвинения Рюмина в адрес Абакумова и добавлены новые, например: «обман партии», затягивание следственных дел. Текст постановления «закрытым письмом» был разослан для ознакомления руководителям партийных органов и органов МГБ³. Следом за Абакумовым 13 июля были арестованы начальник следственной части МГБ А.Г. Леонов и его заместители М.Т. Лихачев и Л.Л. Шварцман. Чуть позже, 25 июля 1951 года был арестован управляющий делами МГБ М.К. Кочегаров, а 26 июля 1951 года арестовали еще одного заместителя начальника следственной части МГБ В.И. Комарова. После этого аресты руководящих работников МГБ приобрели более или менее регулярный характер.

После смещения Абакумова исполнять обязанности министра стал С.И. Огольцов. Но 3 августа 1951 года он направил Сталину сообщение, что болен и по заключению врачей ему прописан постельный режим. Огольцов предложил временно возложить исполнение обязанностей министра госбезопасности на Е.П. Питовранова и на

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 40—59.

² Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 64.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 11—13 об. Опубликовано: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник... С. 660—663.

него же «возложить участие в допросах по делу Абакумова»¹. Так и случилось. Вплоть до назначения Игнатьева министром, все докладные записки из МГБ на имя Сталина подписывал Питовранов.

Незадолго до отпуска Сталин 24 июля 1951 года провел одну важную встречу с руководителями МГБ в присутствии Берии и Маленкова, на которой дал указания о серьезной перестройке агентурно-оперативной работы, предложив сократить тайную сеть МГБ на $\frac{2}{3}$ (оставив только часть агентов и сократив всех осведомителей). Накануне своего отъезда Сталин 9 августа 1951 года назначил министром госбезопасности партийного аппаратчика С.Д. Игнатьева, демонстративно оставив его по совместительству, в должности заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б). В том же месяце был пересмотрен состав заместителей министра госбезопасности. Вместо партийного выдвиженца В.Е. Макарова, призванного 31 декабря 1950 года проводить партийную линию и контролировать кадровую работу в МГБ, заместителем министра госбезопасности по кадрам был назначен А.А. Епишев, ранее работавший первым секретарем Одесского обкома партии, затем инспектором ЦК ВКП(б). Помимо этого еще два штатских работника были назначены заместителями министра госбезопасности: И.Т. Савченко (инспектор ЦК) и С.В. Евстафеев (заместитель управляющего делами СМ СССР). При этом ряд заместителей министра госбезопасности из числа профессионалов-чекистов лишились своих постов².

М.Д. Рюмин, в награду за разоблачение Абакумова, был назначен в июле исполняющим обязанности начальника следственной части по ОВД МГБ СССР и получил звание полковника. Но останавливаться на достигнутом он не желал и, направив Сталину на юг новое разоблачительное письмо, стал инициатором очередной волны арестов в аппарате МГБ. Копию этого письма 10 октября 1951 года Рюмин послал Маленкову. В нем говорилось о недостатках в работе 2-го главного управления МГБ и о том, что ру-

¹ Огольцов писал о том, что он болен острым тромбозом и сообщал о решении врачебного консилиума в составе академиком Бакулева и Виноградова и профессора Егорова (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 14. Л. 50).

² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 гг. М., 2002. С. 347.

ководящие работники МГБ: Е.П. Питовранов, Ф.Г. Шубняков, Л.Ф. Райхман, Н.Н. Селивановский, А.С. Блинов, В.П. Рогов, И.А. Чернов и другие, многие годы тесно работали с Абакумовым и находились под его враждебным влиянием.

Примерно в середине октября 1951 года¹ министр госбезопасности С.Д. Игнатъев и его заместитель Н.П. Стаханов выехали для встречи со Сталиным на юг². При встрече Сталин подробно расспрашивал Игнатъева о работе МГБ и, в частности, о том, хорошо ли работают Е.П. Питовранов, Ф.Г. Шубняков и другие высокопоставленные чекисты. Игнатъев ответил, что в настоящий момент «чекисты работают лучше», а те, о ком Сталин спрашивает — «честные люди». Выслушав его, Сталин заявил: «Слепой вы человек, ничего не видите, что вокруг вас делается», и дал Игнатъеву прочитать письмо Рюмина с обвинениями против Питовранова и других. Тут же, по ходу дела, Сталин дал указание «убрать всех евреев» из МГБ. Игнатъев, недоумевая, спросил — куда? И тут вождь изрек: «Я не говорю, чтоб вы их выгоняли на улицу. Посадите и пусть сидят», добавив фразу, которой суждено стать крылатой: «У чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму»³.

На этой же встрече Сталин в категоричной форме потребовал назначить Рюмина не только начальником следственной части, но и заместителем министра госбезопасности. Игнатъев пробовал возражать, сославшись на то, что начальником следственной части МГБ уже утвержден А.Н. Кидин (работавший первым секретарем Владимирского обкома)⁴, на что Сталинотреагировал довольно резко, заявив: «Я такого не знаю». Разумеется, Сталин прекрасно знал всех первых секретарей обкомов, но кандидатура Кидина его не устраивала. Решение Сталина о

¹ Вероятнее всего этот визит состоялся в один из дней в период с 11 по 15 октября 1951 г.

² Игнатъев об этом визите к Сталину написал в своей объяснительной записке в 1953 г. (ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 455—458).

³ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 455—458.

⁴ См. решение Политбюро от 6 октября 1951 г. (Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952: Каталог. Т. 3. М., 2001. С. 828.) Неизвестно, как бы сложилась судьба А.Н. Кидина после 1953 г., если бы ему пришлось работать на «лубянской кухне» в такой опасной должности. Но Кидину повезло, и он оставался до 1955 г. первым секретарем Владимирского обкома.

начальнике следственной части было неукоснительно выполнено. Постановлением Совета Министров СССР № 4010-1837сс от 19 октября 1951 года М.Д. Рюмин был утвержден заместителем министра госбезопасности, членом Коллегии МГБ СССР и начальником следственной части по ОВД МГБ СССР.

Указание Сталина «убрать евреев» из МГБ, по-видимому, не вызвало внутреннего сопротивления Игнатьева и было сразу же проведено в жизнь. 19 октября 1951 года последовали аресты. Заодно с чекистами 19 октября был арестован как «еврейский националист» и Лев Шейнин, бывший начальник следственного отдела прокуратуры, а на момент ареста — литератор, мастер детективного жанра, член Союза писателей¹.

Уже 24 октября 1951 года Игнатьев направил Сталину докладную записку о ходе следствия по делам Л.Ф. Райхмана, А.Я. Свердлова, А.М. Палкина, Н.И. Эйтингона, Л.Е. Иткина и Павловского². Через несколько дней был арестован бывший заместитель начальника 1-го управления МГБ СССР М.И. Белкин. Оказалось, что помимо национальности, причин для его ареста было много. Позднее, в середине 50-х годов, когда буря кадровых перемещений, бушевавшая в стенах МГБ, улеглась, арест Белкина во внутренних бумагах объяснялся просто и понятно: «В 1950-51 гг. в бывшее Министерство государственной безопасности СССР поступило два заявления о том, что Белкин является американским шпионом, в связи с чем в конце 1951 года был арестован и обвинялся в измене Родине»³.

Действительные причины ареста Белкина изложены в справке, направленной Игнатьевым 25 октября 1951 года

¹ Основанием для ареста Шейнина стали показания на него Шварцмана. Ходатайство о прекращении дела на Шейнина было направлено руководством МВД 16 ноября 1953 г. на имя Хрущева и Маленкова. В нем говорилось, что все давшие на Шейнина уличающие показания от них отказались. Правда, в этом письме говорилось о и попытках бериевцев так или иначе использовать Шейнина. «В марте 1953 г. Шейнин вызывался на допрос Кобуловым который, по словам самого Шейнина, сказал ему, что «эта башка (то есть Шейнин) еще поработает» и в дальнейшем его неоднократно вызывал на допросы Райхман, которому Кобулов поручил перед освобождением Шейнина завербовать его в агентурную сеть (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 15. Л. 67—76).

² ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 37.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 183. Л. 134.

Сталину. Оказалось, за Белкиным Михаилом Ильичем (а на самом деле Белкиным Моисеем Эльновичем, как между прочим, сообщал Игнатъев) много чего числилось. Так, работая начальником контрразведки, он создал «черную кассу», занимался спекуляцией, вел себя «недостойно в быту» — встречался с женщинами, которые в свою очередь имели связи с иностранцами, а, кроме того, Белкин и его жена поддерживали знакомство с писателем-драматургом А.А. Соловьевым, который «разрабатывался МГБ», и характеризовался как «резко антисоветски настроенный человек». Но и это еще не все, дальше хуже. Оказывается, из Вены от некоего арестованного хорвата М. Вомачка поступило сообщение о «связях» Белкина с «масонской ложей и иностранными разведками». Далее мимоходом сообщалось о посещении Белкиным ресторанов и связях с иностранцами в далеких 1917—18 гг., а также о проводимых им «арестах невинных людей» (уж в этом можно было обвинить любого чекиста) в бытность его службы в особом отделе 1-й Конной армии, а потом и на Лубянке. После этого следовал «убойный факт». Сам Ягода подарил Белкину свою фотокарточку с надписью: «Удачливому мушкетеру от восхищенного ценителя». Такая близость Белкина к объявленному «врагом народа» и расстрелянному наркому могла прямо привести его в тюрьму еще в 1937 году. И в довершении сообщалось, что Абакумов об этом знал, но «дал команду» проверку фактов против Белкина не проводить¹. Направляя Сталину эту справку, Игнатъев писал: «Прошу Вашего согласия на арест Белкина»². Сталин без промедления дал санкцию на арест, и 28 октября 1951 года Белкин был арестован.

Для ареста других лиц, упомянутых в доносе Рюмина Игнатъеву потребовалось напоминание вождя. Вскоре с юга пришло указание арестовать заместителя министра госбезопасности Е.П. Питовранова и с ним ряд других руководителей МГБ. Питовранов был арестован 27 октября. Также в самых последних числах октября — начале ноября 1951 года были арестованы: начальник 1-го управления МГБ Г.В. Утехин (29 октября), бывшие заместители

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 23. Л. 227—229.

² Там же. Л. 226.

министра госбезопасности Н.Н. Селивановский (2 ноября)¹ и Н.А. Королев (4 ноября), начальник 2-го главного управления МГБ Ф.Г. Шубняков. Хотя не все «абакумовцы», упомянутые в письме, Рюмина были арестованы. Например, избежали ареста А.С. Блинов и В.П. Рогов.

Аресты «людей Абакумова» продолжились и потом. Заместитель начальника секретариата МГБ Я.М. Броверман был арестован 13 ноября 1951 года и 22 декабря его начальник — И.А. Чернов.

Также продолжались и аресты чекистов — евреев, и 2 ноября был арестован бывший чекист Я.Н. Матусов, а 6 ноября 1951 года еще один бывший чекист, а на момент ареста — литератор и сценарист И.Б. Маклярский.

Была и другая волна арестов 1951 года, связанная, преимущественно со случаями коррупции. Так, 20 октября был арестован генерал-лейтенант П.В. Зеленин, за то, что находясь в Германии занимался личным обогащением. 3 декабря 1951 арестовали генерал-майора Н.М. Карпенко — его также обвинили в том, что «...работая в 1945 году начальником отдела контрразведки армии, скрыл от сдачи в Госбанк СССР большое количество ценностей и валюты, изъятых в отделении Рейхсбанка в Берлине, из которых часть присвоил, а некоторые ценности незаконно раздал своим подчиненным и другим лицам»².

А вот министр госбезопасности Украины, ранее работавший Уполномоченным МГБ в Германии, генерал-лейтенант Н.К. Ковальчук избежал ареста, хотя в 1952 году бывший начальник УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта А.А. Вадис подал заявление руководству МГБ о том, что Ковальчук «привез с фронта два пульмановских вагона трофейных вещей и ценностей»³.

Но это были, пожалуй, лишь отголоски арестов, проведенных еще в 1947—48 гг., когда были взяты некоторые близкие к Серову руководящие работники аппарата

¹ Н.Н. Селивановский очень тяжело переживал свой арест. При этом следствию не удалось добиться каких-либо важных показаний, он лишь признавал определенные служебные ошибки, да и то объяснял их «преступными указаниями» Абакумова. В конце концов, Селивановский обнаружил «затяжное реактивное состояние в форме психического параноида» и 2 января 1952 г. был направлен на стационарное психиатрическое исследование (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 1. Л. 36).

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 185. Л. 68.

³ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 15. Л. 15—24.

НКВД-МГБ в Германии¹. И, хотя о следствии против Зеленина и Карпенко Сталину докладывали одновременно с остальными делами арестованной верхушки абакумовского МГБ, все же они не были подверстаны к «заговорщикам» и их осудили довольно быстро, уже в 1952 году, да и без лишней огласки — во внесудебном порядке на Особом совещании при МГБ.

Но не все арестованные в этот период сотрудники МГБ оставались в ранге политзаключенных. Часть из них еще до смерти Сталина осудили за хозяйственные и другие уголовные преступления. Помимо упомянутого выше А.М. Палкина, осужденного 13 октября 1952 года за хищения (что не помешало оставить его обвиняемым по делу Абакумова), это — заместитель начальника отдела МГБ П.С. Ильяшенко (арест 13 декабря 1951 года), осужденный ОСО при МГБ к 10 годам 11 февраля 1953 года также «за хищение социалистической собственности»², и Г.М. Майрановский (арест 13 декабря 1951 года), осужденный ОСО при МГБ 14 февраля 1953 года на 10 лет «за незаконное хранение сильно действующих ядов и злоупотребления по службе». Полковник медицинской службы Майрановский — самая зловещая фигура сталинской госбезопасности. Именно он под руководством П.А. Судоплатова и Н.И. Эйтингона провел серию тайных политических убийств с помощью ядов курарина и рицина. Эти убийства были преподнесены как несчастные случаи³.

Также к февралю 1953 года было закончено и передано на ОСО при МГБ дело бывшего старшего советника МГБ в Северной Корее Н.Н. Петрова (арестован в октябре 1951 года).

Особняком стоит дело А.Т. Никифорова — начальника Тамбовского УМГБ, снятого с работы за злоупотребления по службе и написавшего анонимное клеветническое заявление. В октябре он был уволен из МГБ, в апреле 1952 года исключен из партии, а 30 декабря 1952 года Военная Коллегия Верховного Суда вынесла ему смехо-

¹ См. документ № 28.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 480. Л. 153.

³ См. о нем: Московские новости. 1990. 10 июня и 30 сентября; 1992. 2 и 30 августа.; Известия. 1992. 16 мая; Бобренов В., Рязанцев В. Варсанофьевские призраки // Родина. 1995. № 11. С. 52—57; Бирштейн В.Я. Эксперименты на людях в стенах НКВД // Человек. 1997. № 5. С. 114—132.

творный приговор «за клевету» на полтора года лишения свободы¹.

«Мингрельское дело»

В ноябре 1951 года разорвалась очередная бомба. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло 9 ноября постановление «о взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия». Несомненно, текст этого постановления был продиктован «знатоком» местной специфики Сталиным. Ряд выражений в тексте постановлений недвусмысленно об этом свидетельствует, например пассаж о том, как Барамия, заступаясь за изгнанных из МГБ Грузии мингрельцев, «поскакал в Москву» и добился восстановления в аппарате госбезопасности «явно негодных работников». Кроме того, Сталин собственноручно внес окончательную правку в текст документа².

На смену законченному к тому времени «Ленинградскому делу» пришло «мингрельское дело». Для мингрела по национальности Берии, все сильного члена Политбюро, настала тревожная пора. В постановлении ЦК речь шла не только о мингрельском национализме, в нем сохранились инвективы против грузинской эмиграции, якобы связанной с американской разведкой: «Грузинская эмиграция в Париже (Жордания-Гегечкори), как известно, обслуживает своей шпионской информацией о положении в Грузии американскую разведку, получая за это доллары»... «шпионско-разведывательная организация Гегечкори состоит исключительно из мингрельцев. Следовательно, существует целая группа мингрельцев в Грузии, обслуживающих разведку Гегечкори»³. Упоминание в таком контексте Е.П. Гегечкори (брата жены Берии) было прямым выпадом против ближайшего сталинского соратника. Теперь, при желании, Сталин мог с легкостью растоптать Берию, имея явный козырь в виде постановления ЦК. И хотя в этом постановлении ничего не говорилось об арестах, они неизбежно последовали. Первым делом был

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 22. Л. 244—245.

² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 гг. М., 2002. С. 350.

³ Там же. С. 351.

арестован 2-й секретарь ЦК КП(б) Грузии М.И. Барамия¹. Среди прочих ответственных советско-партийных работников Грузии были арестованы и многолетние сподвижники Берии, ранее работавшие под его руководством в НКВД: министр юстиции А.Н. Рапава (арестован в ноябре 1951 года), профессор Тбилисского университета П.А. Шария (арестован 15 февраля 1952 года), министр внутренних дел Г.Т. Каранадзе (арестован в 8 апреля 1952 года), заместитель министра внутренних дел К.П. Бзиава (арестован 18 мая 1952 года).

У истоков «мингрельского дела» стоял пришедший в 1948 году на смену А.Н. Рапаве на должность министра госбезопасности Грузии Н.М. Рухадзе. Он был у Сталина в Цхалгубо на приеме 27 сентября 1951 года и Сталин подробно расспрашивал его о грузинской эмиграции². Также на этой встрече речь шла и о взяточничестве в Грузии, что тоже найдет отражение в тексте будущего постановления. Об этом можно судить по наброскам Сталина в своем блокноте, помеченным как «беседа с Рухадзе», где в частности записано: «нужен специальный орган в МГБ по поимке воров и взяточников из ответственных (верховных и средних) работников»³.

Рухадзе, вдохновленный Сталиным, решительно взялся за дело и готов был использовать любые методы. Но применение «физических методов воздействия» на арестованных требовало санкции вождя. Игнатъев 3 января 1952 года вместе с Генеральным прокурором Г.Н. Сафоновым направил Сталину телеграмму военного прокурора Закавказского военного округа Лиховидова и министра госбезопасности Грузии Рухадзе, которые просили разрешить им «применять репрессии (меры физического воздействия)» к арестованным по «мингрельскому делу». При этом Игнатъев и Сафонов полагали, что делать это рано, а стоит продолжить активные допросы, и только по-

¹ В то время в грузинском руководстве шла вражда различных замляческих кланов. Инициатор «мингрельского дела» Н.М. Рухадзе не случайно нанес удар по группе Барамия, так как примерно в это же время они требовали снятия самого Рухадзе с поста министра госбезопасности, обвиняя его в совершении уголовных преступлений (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 гг. М., 2002. С. 356).

² ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 73. Л. 19—21. По другим источникам эта встреча состоялась 26 сентября 1951 г. См.: Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 173. Хотя не исключено, что Сталин принимал Рухадзе дважды.

³ АП РФ. Ф. 558. Оп.11. Д. 22. Л. 7.

том, если подследственные не дадут «признательных показаний, следует рассмотреть вопрос о целесообразности применения к арестованным мер, предлагаемых т.т. Лиховидовым и Рухадзе»¹. Для оказания помощи в МГБ Грузии из Москвы был направлен заместитель следственной части по особо важным делам МГБ В.Г. Цепков и с ним два «опытных следователя»².

Вскоре Политбюро ЦК ВКП(б) вновь разбирало грузинский вопрос, на этот раз «о положении дел в компартии Грузии». Своим решением от 27 марта 1952 года Политбюро сняло с должности первого секретаря ЦК КП(б) Грузии К.Н. Чарквиани, обвинив его в «политической слепоте» и «медлительности» в борьбе с «последствиями вражеской деятельности группы Барамия». Вместо Чарквиани первым секретарем было решено назначить А.И. Мгеладзе. Для проведения этого решения в жизнь в Грузию был направлен Берия³. Ему предстояло выступить на пленуме ЦК КП(б) Грузии, рассказать о принятых в Москве решениях и обеспечить избрание нового грузинского руководства. Так решил сам Сталин.

Согласно описанию Мгеладзе, в Кремль был вызван весь состав Бюро ЦК КП(б) Грузии для отчета о выполнении решения ЦК от 9 ноября 1951 года. На заседании председательствовал Маленков, также присутствовали Сталин, Берия, Молотов и Каганович. Берия выступил с резкими нападками на «мингрельцев», самокритично отметив при этом, что сам их рекомендовал на высокие должности. Было решено вместо Чарквиани выбрать нового первого секретаря ЦК КП(б). Сталин поддержал кандидатуру Мгеладзе для избрания на этот пост. Вечером того же дня Мгеладзе был приглашен к Сталину на ужин, где присутствовали также Маленков и Берия. После ужина Сталин сообщил Мгеладзе, что в Тбилиси для разъяснения принятых решений и проведения кадровых перестановок поедет Берия⁴.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос, каковы были конечные цели Сталина в «мингрельском деле» и

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 1. Л. 54.

² Там же.

³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 гг. М., 2002. С. 352—354.

⁴ Мгеладзе А.И. Сталин. Каким я его знал. Без указания места издания, 2001. С. 192—195, 199.

хотел ли он таким образом устранить Берия из руководства? Вероятнее всего, в задачи Сталина это не входило. «Мингрельское дело» возникло бы и без Берии. Его смысл заключался, прежде всего, в борьбе против клановости в грузинском руководстве. Конечно, в связи с этим делом Берия чувствовал себя крайне неудобно. Но цель Сталина была не уничтожить Берию (если захотел, то сделал бы это!), а держать в руках и время от времени напоминать, кто в стране «хозяин». Что же касается сталинского решения послать в Тбилиси именно Берию, то и это вполне в его духе. Будучи у Сталина на крючке, Берия не посмеет проявить хоть какое-то сочувствие мингрельцем, наоборот, будет к ним демонстративно жесток. Кроме того, Берия лучше других в Кремле знает обстановку в Грузии. Таким образом, никто лучше не сможет проводить там линию Сталина, чем Берия, боящийся зарекомендовать себя нелояльным или пристрастным. Зато теперь у Берии, по крайней мере, появился шанс взять развитие «мингрельского дела» под свой контроль.

Трудно сказать, удалось бы ему это, если бы ретивый Рухадзе сам не сделал роковой ошибки. Не умея вовремя остановиться, он стал добиваться у арестованных «мингрельцев» показаний на нового первого секретаря Мгеладзе и, добившись их, тут же направил материалы Сталину. Сталин 4 июня 1952 года от имени ЦК ВКП(б) направил в Грузию телеграмму со строгим предупреждением Рухадзе «не допускать впредь подобных поступков» и предложением грузинам самим разобраться с Рухадзе. Сталина возмутило то, что Рухадзе в своей активности игнорировал ЦК и Правительство Грузии (в телеграмме напоминалось, что МГБ Грузии, «как союзно-республиканское Министерство, подчинено не только Центру, но и Правительству Грузии и ЦК КП(б) Грузии»), и то, что он «стал на неправильный и непартийный путь, привлекая арестованных в качестве свидетелей против партийных руководителей Грузии, особенно против тов. Мгеладзе»¹. Теперь уж, вне всякого сомнения, Берия воспользовался ситуацией и Рухадзе был снят с должности. Сначала такое решение приняли в Тбилиси на Бюро ЦК КП(б) Грузии (возможно, тут у Берии сохранялись рычаги), а 9 июня 1952 года снятие

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 гг. М., 2002. С. 356.

Рухадзе было утверждено Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б)¹. При назначении нового министра госбезопасности Грузии явно видна рука Берии. Первоначально хотели назначить его ближайшего соратника С.А. Гоглидзе, потом остановились на кандидатуре А.И. Кочлавашвили, тоже человеку бериевского круга². Теперь дни Рухадзе были сочтены. Гоглидзе, все же пришлось выехать в Тбилиси, но только для того, чтобы возглавить комиссию по приему-передаче дел МГБ Грузии. Ему не терпелось арестовать Рухадзе, и Сталину пришлось остудить его пыл, 25 июня 1952 года он написал в Тбилиси: «Вопрос об аресте Рухадзе считаем преждевременным», и предложил по окончании сдачи дел направить его в Москву «где и будет решен вопрос»³.

Рухадзе был арестован 11 июля 1952 года. Чуть позднее был арестован его заместитель М.К. Тавдишвили.

Реорганизации в МГБ в 1952 году

В начале 1952 года Сталин принял решение передать следствие по делу Абакумова и его группы из Прокуратуры в МГБ. Решение Политбюро об этом состоялось 12 февраля 1952 года (П85/450). Прием дел поручался Рюмину. Решение обязывало Игнатьева «представить соображения о коренном улучшении следствия» в МГБ и устанавливало с 1 апреля 1952 года срок ведения следствия по «наиболее важным» делам — 3 месяца, а для остальных дел — 1 месяц⁴. Этим же решением Политбюро вместо Л.Ф. Цанавы (отправленного «в распоряжение ЦК ВКП(б)») заместителем министра госбезопасности и начальником 2-го главного управления был назначен В.С. Рясной.

Тогда же были предприняты серьезные попытки реорганизации структуры МГБ СССР. Уже 24 января 1952 года Игнатьев, обращаясь к Поскребышеву, просил выслать

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 г. М., 2002. С. 357.

² Там же.

³ Там же. 357—358.

⁴ Такие требования оказались невыполнимыми в условиях расследования следственной частью МГБ многочисленных дел. Вскоре, во изменение предыдущего решения, Политбюро 18 марта 1952 г. (П86/89) установило ввести эту норму с 1 июня 1952 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10).

ему постановление Политбюро ЦК ВКП(б) П51/4 от 4 мая 1946 года «О структуре МГБ» со схемой приложенной к нему¹. Это было явным свидетельством того, что разрабатывается новый вариант построения центрального аппарата МГБ.

11 июня 1952 года Игнатъев обратился в Бюро Президиума Совета Министров СССР и сообщил, что в МГБ рассмотрели вопрос о сокращении численности работников центрального аппарата и местных органов и «в целях улучшения работы» сочли возможным сократить штаты на 15%, то есть сократить 30 тысяч человек, что по словам Игнатъева, уменьшит расходы государства по МГБ на 450 миллионов рублей в год². Видимо эти предложения Сталин счел недостаточно радикальными, и через несколько дней Игнатъев уже рапортовал о готовности сократить в системе МГБ 35165 человек (17% от общей численности) и в их числе 5187 человек «начальствующего состава»³.

Помимо чистки в МГБ, для Игнатъева важнейшим заданием Сталина оставалось — «вскрыть среди врачей вражескую группу». Но здесь ощутимых результатов он добиться так и не смог. В октябре 1951 года он докладывал Сталину по телефону о ходе «дела врачей». Информация Игнатъева не удовлетворила вождя, и он выругал чекистов как «бездельников»⁴. Расследование этого надуманного дела действительно продвигалось слабо, сотрудники МГБ никак не могли доказать, а точнее сказать, создать доказательства связи «врачей-вредителей» с западными разведками. Сталин злился все больше и больше. В течение осени 1951 — января 1952 года Игнатъев выслушал от него немало бранных слов и угроз: «Если не вскроете террористов, — американских агентов среди врачей, то будете там же где и Абакумов»... «Я не проситель у МГБ. Я могу и потребовать, и в морду дать, если вам не будут выполняться мои требования». И, наконец, потеряв терпение, грозил Игнатъеву и его сотрудникам: «Мы вас разгоним как баранов...»⁵. В один из воскресных дней августа 1952 года Сталин окончательно вышел из се-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 5. Письмо № 2216/И.

² Там же. Д. 67. Л. 175.

³ Там же. Л. 182.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 445—454.

⁵ Там же.

бя. В очередной раз выслушав доклад Игнатъева о «деле врачей», он обозвал чекистов «бегемотами», заявив, что они «ожирели», «разучились работать», и подытожил: «старым работникам МГБ я не очень доверяю». Как позднее писал об этом эпизоде Игнатъев, он услышал из уст Сталина «матерную брань»¹.

Многие арестованные высокопоставленные чекисты писали из заключения заявления на имя Сталина. Как правило, они признавали прежние «ошибки», а свою вину чаще всего сводили к тому, что, дескать попали под преступное влияние того или иного руководителя, или, скажем, «не разглядели» в своем руководстве врага и т. п. В общем, каждый старался свалить вину на другого и утопить кого-нибудь еще. А.Я. Свердлов, например, писал в августе 1952 года Сталину, что он «проработав до 1940 года под руководством Матусова, проводившего преступную практику, усвоил ряд пороков...»². Ни разжалобить Сталина, ни убедить его в своей невинности почти никому не удалось.

Только Питовранов нашел верный тон и смог подобрать ключик к сердцу Сталина. Его письмо от 23 апреля 1952 года (направлено Игнатъевым Сталину 19 мая) своеобразный пример проявления партийности и глубокой заботы о дальнейшем развитии и процветании советской разведки. Преамбула питоврановского письма оригинальна: «После ареста первая мысль была, что со мной поступили слишком сурово, несправедливо. Но сразу же я дал себе отчет, что сколь скоро вопрос о моем аресте решился в ЦК, то думать о какой-то несправедливости было бы чудовищно, значило бы претендовать на то, что я умнее ЦК»³. Далее, подкупая вождя искренностью, Питовранов писал, что теперь «пересмотрел всего себя, вывернул наизнанку и стал давать чистосердечные показания». Назвав Абакумова в письме «гадиной», Питовранов с горечью сетовал: «Я был молод, попал в обстановку восхваления Абакумова».

После такого «правильного» зачина Питовранов переходит к делу и пишет свои соображения о делах МГБ. По

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 445—454.

² Игнатъев 30 августа 1952 г. направил это письмо А.Н. Поскребышеву (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 67. Л. 191).

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 221. Л. 1—12

его мнению, при кураторстве Секретаря ЦК А.А. Кузнецова административный отдел ЦК ВКП(б) был превращен в придаток МГБ, а его заведующий А.С. Бакакин¹ «во всем слушал Абакумова». «Может быть Вы рассердитесь, — писал Питовранов, — и скажите, что я лезу, куда мне теперь не следует, но я все же считаю необходимым для себя внести на Ваше рассмотрение несколько соображений по чекистской работе». И вот тут в письме содержалось то, что Сталин не мог пропустить равнодушно. Питовранов предлагал полнее использовать как плацдарм разведки территорию Германии и Австрии, а сам аппарат разведки сделать «более гибким и оперативным». «В разведке много лет не было хороших руководителей, — говорилось далее. При т. Меркулове — бездарный Фитин, при Абакумове — проходимец Кубаткин, а затем хоть и умный, но очень не оперативный и не острый Федотов. Я убежден, что т. Савченко тоже не тот человек, который должен возглавить разведку, чтобы она обеспечила выполнение требований ЦК». Далее следовала самая важная часть — о «еврейских националистах»:

«Все, что делалось по борьбе против еврейских националистов, которые представляют сейчас не меньшую, если не большую опасность, чем немецкая колония в СССР перед войной с Германией, сводилось к sporadическим усилиям против одиночек и локальных групп. Для того, чтобы эту борьбу сделать успешной, следовало бы МГБ СССР смело применить тот метод, о котором Вы упомянули, принимая нас, работников МГБ, летом 1951 года², а именно: создать в Москве, Ленинграде, на Украине (особенно в Одессе, Львове, Черновцах), в Белоруссии, Узбекистане (Самарканд, Ташкент), Молдавии, Хабаровском крае (учитывая Биробиджан), Литве и Латвии националистические группы из чекистской агентуры, легендируя в ряде случаев связь этих групп с зарубежными сионистскими кругами. Если не допускать шаблона и не спешить с

¹ Точнее, А.С. Бакакин возглавлял отдел судебных и прокурорских органов в Управлении кадров ЦК ВКП(б) с 25 июня 1947 по 16 июля 1948 года.

² Согласно журналу посещений Сталина в Кремле эта встреча состоялась 24 июля 1951 г. Присутствовали руководящие сотрудники МГБ: С.И. Огольцов, Н.К. Ковальчук, Н.Н. Селивановский, Е.П. Питовранов, С.А. Гоглидзе, также был на встрече С.Д. Игнатьев. Беседа Сталина с чекистами продолжалась всего 35 минут и проходила в присутствии Берии и Маленкова. См.: Исторический архив. 1997. № 1. С. 24.

арестами, то через эти группы можно основательно выявить еврейских националистов и в нужный момент нанести по ним удар. Начатая при тов. Игнатъеве такая работа по двум делам это подтверждает»¹.

Не забыл Питовранов написать и о Власике, предложив перестроить работу Главного управления охраны, отметив, что в его работе «много шумихи» и мало конспирации — «о каждом шаге охраняемых знал в МГБ Абакумов». И в самом конце письма высказал свои соображения об усилении партийного влияния на органы госбезопасности: «Товарищ Сталин! ЦК ВКП(б) неоднократно отмечал, что врагам удавалось отрывать чекистские аппараты от партийных органов. Я думаю, что условие для этого отрыва в некоторой мере создается своеобразной кастовостью, флюсоподобной односторонностью многих чекистов, связанной в известной степени с особенностями их работы. Если Вами будет признано необходимым, я мог бы свои соображения по этому вопросу и предложения, вытекающие из них доложить т. Игнатъеву»². Конечно, в конце письма содержалась и мольба: «Зная Вашу строгость, но и Ваше великодушие, я как родного отца прошу Вас, товарищ Сталин дать мне возможность исправиться»³.

Сталин давно присматривался к ведомству Власика. И вряд ли является совпадением тот факт, что Игнатъев, задержав у себя письмо Питовранова почти на месяц, направил его Сталину 19 мая 1952 года — в тот же день, когда было принято постановление Политбюро (П87/358) «О сокращении расходов по Управлению охраны». В постановлении говорилось об «антигосударственной практике в расходовании средств» и о «преступном расточительстве». Согласно постановлению, ГУО МГБ потеряло статус главного управления и стало просто «Управлением охраны». Его руководитель Н.С.Власик был снят с должности начальника и отправлен в систему МВД заведовать лагерем на Урале, и еще 6 руководящих работников ГУО этим же постановлением были сняты со своих должностей и отправлены на работу в систему МВД (они получили должности заместителей начальников различных лагерей). Руководить охраной кремлевских вождей

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 221. Л. 1—12.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 8.

временно поручили самому министру госбезопасности Игнатьеву¹. Этим дело не ограничилось. В мае 1952 года арестовали работников охраны МГБ В.С. Лынько и Б.М. Кошелева. Продолжились аресты и среди других категорий чекистов. Также в мае 1952 года был арестован бывший работник разведки МГБ А.А. Гузовский.

Нашло отклик и еще одно обращение «снизу». Как только Сталин получил письмо двух работников разведки А.М. Голицына² и Е.Г. Кашеева, в котором содержались критические замечания о работе разведки МГБ, он мог вспомнить и о предложениях Питовранова. Уже в ночь с 4 на 5 октября 1952 года Сталин принял обоих офицеров в Кремле. При их беседе, длившейся 1 час 40 минут, присутствовал только Берия³. На свое счастье, Питовранов вновь напомнил о себе, и 17 октября 1952 года его очередное письмо из секретариата Сталина Поскребышевым было направлено (надо полагать, после того как его прочел Сталин) Маленкову. Кажется, дело Питовранова сдвинулось с мертвой точки. Уже в начале ноября 1952 года он был освобожден из тюрьмы и, отдохнув несколько дней, 13 ноября 1952 года был принят Сталиным в Кремле⁴.

События двух последних месяцев 1952 года Гоглидзе описывал так⁵. В первых числах ноября 1952 года Игнатьев, Рясной, Гоглидзе и Рюмин были вызваны к Сталину в кабинет в связи с заявлением работников разведки Кашеева и Голицына и Сталин поручил подготовить предложения о реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб МГБ⁶. Через неделю была сформирована Комиссия по реорганизации структуры МГБ⁷ и 19 ноября был подготовлен и представлен Сталину проект структуры Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ, в ко-

¹ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 мая 1952 г. «особая папка» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10).

² Занятно, что заботу о делах разведки проявлял будущий перебежчик. В 1961 г. из резидентуры КГБ в Хельсинки Голицын бежал на Запад.

³ Исторический архив. 1997. № 1. С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Объяснительная записка Гоглидзе о «деле врачей» от 26 марта 1953 г. (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 1. Л. 315—322).

⁶ Это произошло 3 ноября 1952 г. Беседа длилась 1 час 45 минут. Помимо Сталина на беседе присутствовал и Маленков (Исторический архив. 1997. № 1. С. 33).

⁷ Бюро Президиума ЦК КПСС 9 ноября 1952 г. создало Комиссию по реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб в МГБ. Возглавил комиссию Маленков (Источник. 2001. № 5. С. 130).

тором объединялись 1-е и 2-е главные управления МГБ — соответственно, разведка и контрразведка¹.

Между тем, произошло еще одно знаменательное событие. Решением Сталина, оформленном как постановление Совета Министров СССР 13 ноября 1952 года, Рюмин был снят с должности заместителя министра госбезопасности и начальника следственной части по ОВД МГБ за то, что «не добрался до корней дела» и «не способен выполнить» указания правительства по расследованию дел Абакумова — Шварцмана и «врачей», которые «все еще остаются нераскрытыми до конца»².

И в этот же день Сталин в своем кабинете имел серьезную беседу с Игнатьевым, Гоглидзе, Огольцовым, Рясным и Питоврановым, в ходе которой дал указания по дальнейшему ведению следствия по делам «врачей» и Абакумова и его сообщников. Аудиенция длилась 40 минут, и кроме приглашенных работников МГБ присутствовали члены «узкого руководства» Булганин, Берия, Маленков и Хрущев³. Именно они были выбраны стареющим вождем в качестве преемников. После XIX съезда КПСС между ними, разумеется по воле Сталина, и была разделена власть.

В своем письме Сталину от 15 ноября 1952 года Игнатьев напрямую ссылается на выполнение им сталинских директив, полученных 5 и 13 ноября. «Во исполнение Ваших указаний, — писал Игнатьев, — Абакумов переведен из Лефортовской тюрьмы в Бутырскую и содержится в ручных кандалах, а к арестованным врачам Егорову, Виноградову и Василенко «применены меры физического воздействия», также «подобраны и уже использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания (применять физические наказания) в отношении особо важных и особо опасных преступников». Далее Игнатьев сообщал, что вызвал Власика в Москву для того, чтобы расспросить его о враче Егорове и «преступном отношении врачей к лечению руководящих работников»⁴.

События ноября 1952 года заставили Игнатьева немало поволноваться, и он серьезно заболел⁵. После 15 нояб-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 69

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 159.

³ Исторический архив. 1997. № 1. С. 33.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 160—161.

⁵ Игнатьев писал позднее в объяснительной записке: «15 ноября я серьезно заболел» (ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 445—454).

ря 1952 года мы не видим подписи Игнатьева на текущих документах идущих «наверх» — Сталину и в ЦК, это делают заместители министра — Гоглидзе и Огольцов.

20 ноября Сталин вызвал к себе в кабинет Огольцова, Питовранова и Гоглидзе для рассмотрения представленного ими проекта об организации Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ. «Обсуждение представленного проекта, — вспоминал Гоглидзе¹, — проходило в крайне острой, накаленной обстановке. На нас обрушился целый ряд обвинений, носящий политический характер». Основное недовольство Сталина было вызвано «отказом» МГБ от применения в борьбе с противником методов диверсий и террора, тем что «проморгали» врагов в стране. При этом Сталин сослался на дела врачей и Абакумова, а под конец приема пообещал устроить чекистам «всенародную чистку» от «вельмож», «бездельников» и «перерожденцев». В этот же день было решено назначить Огольцова и Гоглидзе первыми заместителями министра госбезопасности² и курирование следственной части по ОВД возложить на Гоглидзе³.

29 ноября 1952 года Гоглидзе подготовил для Сталина докладную записку «о положении дел в МГБ»⁴. За время, прошедшее после принятия постановления партии от 11 июля 1951 года, говорилось в докладной, «требуемого улучшения работы органов государственной безопасности не произошло». Далее Гоглидзе расписался в полном бессилии МГБ разобраться со следственными делами, так волновавшими Сталина. Следствие по «делу врачей велось крайне медленно, — писал он. — До сих пор ни агентурным, ни следственным путем не вскрыто, чья злодейская рука направляла террористическую деятельность Егорова, Виноградова и других»⁵. Также, писал Гоглидзе, «не лучше обстоит с делом о вредительской работе Абакумова — Шварцмана. Следствие по этому делу так же не добилось полной ясности», а «следователи работа-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 1. Л. 315—322.

² Решением Бюро Президиума ЦК КПСС от 20 ноября 1952 г. «О заместителях министра госбезопасности» (БПЗ/116).

³ После отстранения 13 ноября 1952 г. от должности М.Д. Рюмина, следственную часть по ОВД МГБ временно возглавил Соколов (был исполняющим обязанности начальника).

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 68. Л. 130—141.

⁵ Там же. Л. 131.

ют без души»¹. Что это означало, Гоглидзе пояснил так: «следователи не цепляются, как крючки, за каждую даже мелкую возможность, чтобы поймать, взять в свои руки врага — полностью его разоблачить»². Касаясь общих проблем работы МГБ, Гоглидзе отметил, что имело место «грубое извращение» в организации разведывательной работы, выразившееся в отказе от «активных, наступательных средств борьбы с противником за границей — осуществлении диверсионных и террористических операций», и, тут же, отметил «недопустимую разобщенность» 1 (разведывательного) и 2 (контрразведывательного) главков МГБ (здесь само, собой напрашивался вывод о необходимости их объединения). Также Гоглидзе писал, что «коренная перестройка агентурно-оперативной работы», и требования Постановления СМ СССР от 7 января 1952 года (и приказов МГБ № 0015 и 0022) «выполнены формально»³.

Гоглидзе привел внушительные цифры освобожденных от «руководящей работы» чекистов за период с 1 июля 1951 по 1 июля 1952 года. За год было освобождено «как не справившихся с работой» 1583 человека (в их числе 287 работников входящих в номенклатуру ЦК КПСС), уволено из органов за «нарушение дисциплины», «советской законности», «злоупотребление служебным положением», «морально-бытовое разложение» — свыше 3 тысяч человек (из них 500 работников центрального аппарата). По указанию ЦК, — писал далее Гоглидзе, — в сентябре 1952 года были сокращены штаты МГБ на 31641 человека, но «несмотря на это, в органах МГБ осталось еще немало лиц, недостойных работать в ЧК»⁴. Последняя фраза должна была продемонстрировать Сталину готовность руководства МГБ к проведению дальнейшей чистки. Тут же писалось и о намеченных мероприятиях для исправления положения: обновление состава следственной части по ОВД МГБ, улучшение работы по «приобретению» (то есть новым вербовкам) и «воспитанию» агентуры, проведение «в ближайшее время» совещания руководящего состава МГБ, направление на работу в МГБ новых кадров из партийных

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 68. Л. 132.

² Там же.

³ Там же. Л. 136.

⁴ Там же. Л. 139.

органов и т.п. По-видимому, этот вариант доклада был обсужден верхушкой МГБ и, после незначительных исправлений, через день, 30 ноября 1952 года за подписями Игнатьева, Гоглидзе и Огольцова он был отослан Сталину¹.

На следующий день, 1 декабря состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором рассматривались вопросы: «О вредительстве в лечебном деле» и «Информация о положении дел в МГБ СССР» и обсуждался доклад МГБ от 30 ноября 1952 года. Для разработки проектов резолюций по этим вопросам была создана Комиссия под председательством Маленкова. Проекты резолюций следовало подготовить уже к 4 декабря². Резолюция «О положении в МГБ» была одобрена решением Президиума ЦК КПСС 4 декабря 1952 года. В тексте резолюции содержался призыв усилить контроль партийных органов за работой МГБ, и, в частности говорилось, что «первые секретари обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий союзных республик обязаны интересоваться агентурной работой органов МГБ и им должен быть известен список всех агентов»³. В резолюции, помимо общих призывов перейти от «пассивной» оборонной тактики к «активным наступательным действиям» в разведывательной работе, содержался и гневный пассаж, несомненно, продиктованный Сталиным:

«Многие чекисты прикрываются при этом гнилыми и вредными рассуждениями о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов. Эти горе-чекисты скатились с позиций революционного марксизма-ленинизма на позиции буржуазного либерализма и пацифизма, забыли, что с озверевшим классовым врагом нельзя бороться в белых перчатках, оставаться «чистенькими», не применяя активных наступательных средств борьбы в интересах социалистического государства, забыли указания Ленина о том, что классовая борьба — это жестокая борьба, а не пустая болтовня, не понимают той простой истины, что нельзя МГБ представлять без диверсий, проводимых им в лагере врага»⁴.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 68. Л. 142.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 163.

³ См. документ № 30.

⁴ Там же.

Примерно ту же мысль Сталин повторил и на заседании комиссии по организации ГРУ МГБ. Возможно, это произошло 15 декабря 1952 года¹. Здесь прозвучали некоторые тезисы из письма Питовранова: «Главный наш враг — Америка. Но основной упор надо делать не собственно на Америку», первая база, где нужно иметь своих людей, — Западная Германия»². И тут же Сталин вернулся к волновавшей его теме: «Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодезь»³.

В первые месяцы 1953 года в недрах МГБ готовились новые структура и штаты Главного управления разведки МГБ и схемы реорганизации службы наружного наблюдения. Сам приказ о слиянии 1 и 2 главных управлений МГБ был выпущен 5 января за № 006⁴. Но в его подкрепление требовалось утвердить структуру и штат и провести в ЦК утверждение кандидатур начальников отделов входящих в ГРУ. Для рассмотрения всех вопросов по организации ГРУ МГБ в ЦК КПСС была образована комис-

¹ 15 декабря 1952 г. Сталин принял в Кремле руководителей МГБ Игнатьева, Огольцова, Гоглидзе, Рясного и Питовранова. При этом присутствовали только члены Комиссии по организации ГРУ МГБ: Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Н.А. Михайлов, Л.И. Брежнев и А.Б. Аристов. Беседа длилась 1 час 5 минут (Исторический архив. 1997. № 1. С. 34).

² Эти замечания Сталина опубликованы в журнале «Источник». 2001. № 5. С. 132.

³ Эта мысль оказалась созвучной настроениям последователей Сталина. Когда в 1973 г. в архиве обнаружился листок с записью «замечаний Сталина», эта фраза настолько понравилась председателю КГБ Ю.В. Андропову, что он немедленно отослал экземпляр Брежневу, напомнив ему о его работе в комиссии Президиума ЦК. При этом, Андропов сопроводил сталинский текст своим замечанием: «Лично мне очень импонирует его высказывание... Мысль по форме маленько азиатская, но по существу верная, даже в пору далекую от времен культа личности». Вообще замечания Сталина Андропов считал не только «вполне актуальными и сегодня», но и «пригодными во все времена». Брежнев тоже проникся важностью и значимостью сталинских мыслей о разведке и с пометой «важный документ» отложил его в папку для подготовки к апрельскому (1973) пленуму ЦК КПСС, обсуждавшему вопросы международной деятельности ЦК КПСС (Источник. 2001. № 5. С. 130—131, 149).

⁴ Начальником ГРУ МГБ был назначен С.И. Огольцов, а его заместителями Е.П. Питовранов (он же начальник 1 управления ГРУ МГБ — по разведке) и В.С. Рясной (он же начальник 2 управления ГРУ МГБ — по контрразведке). Приказ был выпущен на основе решения Бюро Президиума ЦК КПСС БП7/12-оп от 30 декабря 1952 г. См.: Лубянка. Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; Научн. ред. Р.Г. Пихоя. М., 1997. С. 40. Также см.: Кокурин А.И., Петров Н.В. МГБ: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 119.

сия¹. Регулярно из МГБ в эту комиссию поступали все новые и новые варианты штатов и структуры ГРУ и службы наружного наблюдения (бывшее 7 управление), но до самой смерти Сталина окончательного решения ЦК КПСС по этим вопросам не приняли.

Кадровая чистка в МГБ продолжалась и имела явный национальный оттенок. Так, 6 января 1953 года Гоглидзе письмом доложил Сталину, что «рассмотрены материалы на лиц еврейской национальности», находящихся на руководящей работе в органах военной контрразведки. При этом были представлены краткие справки на 21 человека. Как сообщал Гоглидзе, принято решение всех их уволить и принять меры к трудоустройству в другие учреждения. Далее отмечалось, что в периферийных органах контрразведки на оперативно-технической работе остается еще 123 еврея. МГБ, писал Гоглидзе, затребовало на каждого из них материалы для решения вопроса об их дальнейшей работе в МГБ².

27 января 1953 года «неожиданно» выздоровел Игнатьев и проинформировал Сталина, что он приступил к работе после болезни и просил разрешения созвать 14 февраля 1953 года совещание ответственных работников МГБ. Выдержанное в возвышенном тоне письмо Игнатьева должно было убедить Сталина, что Постановление ЦК КПСС от 4 декабря 1952 года «О положении в МГБ» понято им правильно и принято к неукоснительному исполнению:

«Вместе с парторганизациями и членами коллегии мы сосредотачиваем все свое внимание и усилия на том, чтобы, на основе решений ЦК и Ваших указаний, в короткий срок навести порядок в работе органов МГБ, повысить их активность, покончить с благодушием, ротозейством, трусостью и укоренившимися среди многих работников привычками жить былой славой чекистских органов без за-

¹ Решением Президиума ЦК КПСС ПЗ/115 от 20 ноября 1952 г. в состав комиссии вошли: Г.М. Маленков (председатель), Л.П. Берия, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Н.Г. Игнатов, Н.А. Михайлов, Л.И. Брежнев, А.Б. Аристов, С.Д. Игнатьев, С.А. Гоглидзе, С.И. Огольцов, Е.П. Питовранов, В.С. Рясной. «На основании указаний ЦК» комиссии поручалось наметить структуру ГРУ и определить задачи. срок работы был дан 7 дней. Позднее в комиссии появился Н.М. Пегов.

² К письму были приложены списки евреев — сотрудников военной контрразведки (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 30. Л. 1).

траты труда и времени на повседневную черновую работу по охране безопасности нашего государства в настоящее время.

Выполняя Ваши, товарищ Сталин, указания, мы будем настойчиво продолжать работу по выявлению и ликвидации американо-английских и иных шпионов, террористов и диверсантов из числа врачей, еврейских националистов и других врагов нашей партии и Советского государства»¹.

Многие фразы этого письма поразительно напоминают произнесенное в разные годы самим Сталиным. Тут есть и прямые перепевы мотивов 1937 года, только вместо «троцкистско-бухаринских и иных двурушников» теперь на первый план вышли «американо-английские и иные шпионы».

В конце 1952 года и самом начале 1953 года аресты руководящих сотрудников МГБ продолжились. Теперь жертвами стали чекисты, ранее охранявшие Сталина. Бывший начальник Главного управления охраны (ГУО) МГБ СССР Н.С. Власик был арестован 16 декабря 1952 года, об этом сообщил Сталину Гоглидзе². Так же 17 января 1953 года был арестован С.Ф. Кузьмичев «как пособник шпионской деятельности Федосеева И.И.»³. А 2 февраля 1953 года Игнатьев обратился к Маленкову, Берии и Булганину с просьбой дать санкцию на арест бывшего начальника оперативного отдела ГУО МГБ В.И. Масленникова за то, что он «преступно относился к сигналам о неправильном лечении руководителей Партии и Правительства»⁴. Через пару дней, 5 февраля 1953 года, Масленников был арестован.

Также проявились и некоторые последствия «Ленинградского дела», хотя тут просьбы на санкционирование арестов шли на имя Маленкова. 26 ноября 1952 года Гоглидзе направил ему справку на бывшего начальника УМВД по Ленинградской области генерал-майора в отставке Е.С. Лагуткина, исключенного из партии еще в

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 30. Л. 225.

² «Приступили к его допросам», — писал Гоглидзе. (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 68. Л. 192.) Основанием для ареста Власика послужили показания арестованных работников Главного управления охраны МГБ Лынько и Кошелева (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 12. Л. 31—33).

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 474. Л. 37—38.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 30. Л. 293—294.

1950 году за «антипартийные действия», а теперь, как писал Гоглидзе, установлено, что он имел «близкие связи» с А.А. Кузнецовым и другими ленинградцами¹.

16 февраля 1953 года Игнатъев доложил Сталину о проведенных в этом месяце арестах еще четырех евреев — бывших чекистов, к тому времени уже уволенных из МГБ. Это — И.И. Илюшин-Эдельман, И.Э. Фридман, Г.М. Чайковский и И.Е. Фастовский².

В начале 1953 года был подготовлен проект обвинительного заключения по делу Абакумова, и 17 февраля Игнатъев направил его Сталину и Маленкову. Таким образом, вполне определился круг обвиняемых «по группе бывших работников МГБ». Речь шла о «вражеской группе Абакумова — Шварцмана». Кроме них по этому делу обвинялись: Л.Ф. Райхман, А.Г. Леонов, М.Т. Лихачев, В.И. Комаров, И.А. Чернов, Я.М. Броверман, А.Я. Свердлов и А.М. Палкин — всего 10 человек. Игнатъев предложил рассмотреть их дело в Военной Коллегии Верховного Суда и приговорить всех к расстрелу³. В отношении остальных арестованных работников МГБ Игнатъев сообщил, что ведутся отдельные дела и по ним «дано указание следствие закончить» и продолжать его лишь в отношении М.И. Белкина в связи с произведенными по его показаниям арестами в Венгрии⁴. Ознакомившись с представленным Игнатъевым проектом Сталин написал на полях первого листа: «Не мало?», по-видимому, имея в виду круг обвиняемых.

Помимо того, Сталину был представлен еще список «бывших работников МГБ, арестованных в связи с решением ЦК КПСС «о неблагоприятном положении в МГБ»», чьи дела будут заканчиваться отдельно от дела Абакумова-Шварцмана. В списке значились: Н.Н. Селивановский, Н.А. Королев, Г.В. Утехин, М.И. Белкин, Н.И. Эйтингон, В.М. Блиндерман (бывший начальник отдела «Р» МГБ), Е.С. Анцелиович (бывший заместитель начальника отдела «Р» МГБ), М.К. Кочегаров (бывший начальник управления делами МГБ), Л.Е. Иткин (бывший заместитель начальника следственного отдела УКР

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 54. Л. 384—391.

² Там же. Оп. 11. Д. 31. Л. 138—140.

³ Там же. Л. 141—180.

⁴ Там же.

СМЕРШ Московского военного округа) и И.М. Кузнецов (бывший начальник личной охраны Абакумова)¹.

Вскоре, для обсуждения обвинительного заключения, Сталин вызвал к себе министра госбезопасности Игнатьева, его заместителя Гоглидзе, заместителей начальника следственной части МГБ Н.М. Коняхина и В.Н. Зайчикова. Позднее об этом писал в своем заявлении в ЦК КПСС Зайчиков. По его воспоминаниям, Сталин «подверг представленный ему проект обвинительного заключения критике главным образом за то, что документ неубедительно показывал причины и процесс падения Абакумова»². Сталин призвал чекистов написать в обвинительном заключении «всю правду об этом, какой бы она не была». Любопытно, что в этом разговоре Сталин якобы возложил всю вину на Берия за выдвижение Абакумова на столь высокий руководящий пост. По словам Зайчикова, он заявил буквально следующее: «У нас кандидатура Абакумова не вызывала доверия. Назначили мы его по настоянию Берия. Вскоре после назначения членам Политбюро стало ясно, что Абакумов не на месте. Вот из-за такого отношения к подбору кадров я недолголюбиваю Берия и не доверяю ему»³. Конечно, Сталин либо хитрил, либо уже сам себя убедил, что выдвинул Абакумова в мае 1946 года на пост министра не он, а кто-то другой. Все же вероятнее всего хитрил, пытаясь создать у работников МГБ впечатление собственной объективности и непричастности к делу.

Между тем тучи, сгустившиеся в конце 1951 года над Берией, постепенно рассеивались. Арестованный Рухадзе на допросе 2 февраля 1953 года (протокол этого допроса был послан Сталину) заявил: «Я признаю, что отдельными своими действиями по существу компрометировал Л.П. Берия, в частности, я приказал установить технику (имеется ввиду техника прослушивания. — *Н.П.*) на квартиру у матери Л.П. Берия проживающей в гор. Тбилиси...»⁴. Незадолго до этого произошло очередное возвышение Берии, 26 января 1953 года на заседании Бюро

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 31. Л. 181.

² Заявление В.Н. Зайчикова в ЦК КПС от 16 июля 1953 г. см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 481. Л. 42—43.

³ Там же.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 31. Л. 52.

Президиума ЦК КПСС он был назначен руководителем «тройки» по наблюдению за «специальными работами». Кроме Берии в «тройку» вошли Маленков и Булганин¹. Теперь в руках Берии сосредоточилось все руководство советским военно-промышленным комплексом, тогда как ранее он координировал лишь атомный проект.

Сталин подверг серьезной правке проект обвинительного заключения по делу Абакумова — Шварцмана. Общая направленность сталинской редакции свелась к подчеркиванию персональной вины Абакумова, заключавшейся в том, что он и его сообщники «игнорировали указания ЦК КПСС о расследовании связей с иностранной разведкой врага народа Кузнецова»². То есть погасили «шпионскую» составляющую «Ленинградского дела».

Переработанный с учетом замечаний Сталина проект обвинительного заключения по делу Абакумова — Шварцмана 26 февраля 1953 года вновь был направлен Сталину и Маленкову. Теперь к прежним 10 обвиняемым добавился Кочегаров — бывший начальник управления делами МГБ. Документ был составлен Н.М. Коняхиным. Его подписали следователи ведшие дело: помощники начальника следственной части по ОВД МГБ В.Н. Зайчиков и П.И. Гришаев. Визу: «Согласен» проставил отвечавший за следствие Гоглидзе и, наконец, утвердил заключение сам министр Игнатьев³.

Сталин не успел рассмотреть этот проект.

События 1951—53 годов удивительным образом перекликаются с 1937 годом, когда после резолюции февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) начались регулярные аресты руководителей НКВД. Обвинения, выдвинутые против руководства МГБ, практически идентичны тем, что выдвигались еще в 1937 году. Это и ведомственная замкнутость системы госбезопасности, «обман» партийных органов и ЦК, наличие неразоблаченных врагов и неэффективная работа, засоренность кадрового состава чуждыми и подозрительными людьми. Вновь зазвучала и оценка Сталина, высказанная им еще в мае 1937 года на узкой встрече с чекистами «нас разбили в разведке», из

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 гг. М., 2002. С. 101.

² Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 73.

³ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 31. Л. 214—252.

чего следовал вывод, что страна наводнена иностранными шпионами (эта же мысль присутствует и в письме Рюмина). Все это неизбежно вело к инициированию Сталиным нового этапа чистки не только МГБ, но и всего общества. Методы «лечения» системы МГБ Сталин избрал вполне традиционные. Это, прежде всего, кадровая перетряска в сочетании с арестами высокопоставленных сотрудников, усиление партийного влияния за счет рекрутирования руководящих сотрудников МГБ из недр партийного аппарата, установление строгого контроля за работой местных МГБ со стороны партийных руководителей. Ситуация, как ее рассматривал Сталин, была весьма серьезной. Видимо, события 1952 года следует считать прологом нового террора, хотя и в ином, модифицированном виде (с целенаправленными ударами по определенным слоям и национальным группам). Именно в этом году Сталин (как и в 1937) впервые после войны не поехал в отпуск, а остался в Москве. Мало кто обратил внимание на юбилейную статью в «Правде», посвященную 15-летию доклада Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б)¹, а ведь этот доклад с 1937 года ни разу не переиздавался². Такая актуализация зловещего доклада кое-что значила. Но несомненно и то, что никаких планов действительно массовых арестов (как в 1937-38 годах) у Сталина не было. Скорее можно говорить о его новой линии «рационализации» террора. По крайней мере, на это были направлены все сталинские усилия по повышению эффективности работы МГБ: сокращение кадрового состава, перестройка его структуры, наконец, существенное сокращение аппарата тайных агентов и ликвидация института осведомителей. Об этом же свидетельствует и общее сокращение арестов (почти в три раза!), проведенных МГБ в 1952 году, по сравнению с 1951 годом.

Сталинская реформа чекистского ведомства в итоге вылилась в кампанию репрессий против его руководителей. Так уж повелось у Сталина, за что бы он ни взялся, аресты и расстрелы выходили как-то сами собой.

¹ Михайлов Н. Выдающийся документ большевизма // Правда. 1952. 5 марта.

² Как это ни странно, переиздание будет осуществлено Политиздатом в 1954 г., уже после смерти Сталина.

1953 ГОД

После смерти Сталина, в условиях развернувшейся в Президиуме ЦК борьбе за власть, Берия выступил инициатором пересмотра наиболее громких дел, возникших в конце 40-х — начале 50-х годов. Прекращая дела, Берия убивал сразу нескольких зайцев. Во-первых, он оказывал вполне дружеские услуги своим соратникам: Маленкову (интересы которого были задеты делом 1946 года о вредительстве в авиационной промышленности), Молотову (чья жена была арестована Сталиным в связи с делом ЕАК), Кагановичу (чей брат Михаил был оклеветан и покончил с собой)¹. Во-вторых, прекращая «мингрельское дело», Берия по сути устранял угрозу собственной персоне². В-третьих, освобождая из тюрьмы соратников-чекистов, получал в их лице надежных и преданных сотрудников. И, наконец, легко зарабатывал авторитет и политический капитал, выгодно выставив себя поборником справедливости. Последнее обстоятельство больше всего и разозлило остальных членов Президиума ЦК КПСС.

К осознанию необходимости пересмотра сфальсифицированных в бывшем МГБ дел, советские лидеры были психологически подготовлены. Как позднее заявил на пленуме ЦК Н.А. Булганин, они еще «при жизни товарища Сталина» между собой говорили о том, что эти дела «дутые»³. Но то, что Берия начатую реабилитацию запишет только себе в заслугу их не устраивало. Позднее его обвинили в том, что он преподнес результаты реабилитации врачей «сенсационно, бурно, искусственно»⁴, хо-

¹ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев; Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 1999. С. 19, 25—28, 42.

² Там же. С. 37—42.

³ Там же. С. 113.

⁴ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / Сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. Т. 1. М., 2000. С. 383.

тя обнародовать правду о «деле врачей» советскому правительству пришлось вовсе не по прихоти Берии. Об аресте «врачей-вредителей» в январе 1953 года было объявлено на всю страну¹, и в газетах развернулась шумная пропагандистская кампания по повышению бдительности. Но, несмотря на разоблачение «заговора» кремлевских врачей, «первый пациент» все же умер. Народная молва тут же напрямую связала смерть Сталина с происками «врачей-убийц»². Продолжение «дела врачей» могло бросить тень «соучастия» на ближайших сталинских соратников. Это обстоятельство и потребовало от нового руководства не только прекратить дело, но и объясниться с народом.

Но первым желанием Берии после смерти вождя было освобождение своих людей — чекистов. Уже 11 марта 1953 года он направил на имя Маленкова и Хрущева письмо, в котором рисовал удручающую картину, сложившуюся в МГБ. Берия писал: «Значительная часть чекистских кадров, имеющих опыт — разгромлены», причем разгром кадров был проведен в два этапа — 1-й при Абакумове, 2-й после его ареста. «Необходимо будет рассмотреть материал на арестованных чекистов и в зависимости от результатов принять решение об использовании их на работе в МГБ»³. С помощью этого письма Берия готовил почву не только для освобождения из тюрем своих людей, но и для пополнения нового объединенного МВД старыми проверенными кадрами. И не случайно речь в письме идет о первом этапе «разгрома кадров», под которым Берия имел в виду увольнение в 1946—47 гг. его ставленников из МГБ: В.Н. Меркулова, Б.З. Кобулова, С.Р. Мильштейна, Л.Е. Влодзимирского и других. Многих из них он вернул в 1953 году под свое крыло в МВД. Кстати, в этом же письме, касаясь структуры организуемого под его началом министерства, Берия предлагает убрать ГУЛАГ из МВД, объясняя этот шаг необходимостью «освобождения от несвойственных функций»⁴.

Берия не медлил и начал освобождать своих соратников еще до формального разрешения вопроса на Президиум

¹ Правда. 1953. 13 января.

² Неизвестная Россия. XX век. Книга вторая. М., 1992. С. 254.

³ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 1. Л. 394.

⁴ Там же.

ме ЦК КПСС. Так были освобождены: С.Ф. Кузьмичев (10 марта), П.А. Шария (март 1953), Н.И. Эйтингон (19 марта), Г.В. Утехин (21 марта), Ф.Г. Шубняков (март 1953). Затем настала очередь остальных, 10 апреля 1953 года были освобождены арестованные в связи с «мингрельским делом»: Г.Т. Каранадзе, К.П. Бзиава, А.Н. Рапава. Немного позднее — В.И. Масленников (18 апреля). В апреле 1953 года были освобождены: Л.Ф. Райхман и В.С. Лынько, а в марте — Ш.С. Шлюгер¹. Также вышли на свободу: А.Я. Свердлов (18 мая)², М.И. Белкин (4 июня), Я.Н. Матусов (5 июня) и Н.Н. Селивановский.

Освобождая своих соратников, Берия прямо-таки проявил чудеса оперативности, не дожидаясь оформления нужных следственных бумаг. Так, Шария был освобожден одним из первых. Обстоятельства этого освобождения описал в своем рапорте 24 августа 1953 года бывший помощник начальника следственной части А.А. Болховитин: «Друг Берия — Шария был, например, освобожден по одному окрику Берия на бывшего начальника внутренней тюрьмы МВД СССР Миронова А.Н. за несколько дней до вынесения постановления об освобождении...»³.

Заступив на пост министра, Берия сразу же поинтересовался, где находится Эйтингон, и узнав, что он болен язвой желудка и лежит в тюремной больнице, послал Гоглидзе навестить его. Разумеется, с хорошей новостью о предстоящем освобождении. По указанию Берии П.Я. Мешик и В.В. Иванов прекратили дело и реабилитировали Эйтингона 19 марта 1953 года, а также Берия распорядился выплатить ему 35 тысяч рублей⁴.

Разумеется, милость нового всемогущего министра внутренних дел не распространялась на тех, кто участвовал в гонениях на близких Берии людей или кого он считал человеком абакумовского круга. Так, остались под арестом: В.С. Абакумов, Н.М. Рухадзе, Н.С. Власик, Н.А. Королев, М.К. Кочегаров, А.Г. Леонов, М.Т. Лихачев, В.И. Комаров, И.А. Чернов, Я.М. Броверман, Л.Л. Шварцман.

¹ Как и многие другие чекисты в ходе сталинской чистки МГБ Шлюгер был арестован за «националистические высказывания».

² См. его письмо на имя Маленкова от 25 августа 1953 г. (Реабилитация: как это было... Т. 1. С. 66—69.).

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 102.

⁴ Там же. Д. 466 Л. 167—169.

В марте — начале апреля 1953 года к ним добавились и новые арестованные, кого Берия причислил к виновникам позднесталинского произвола: М.Д. Рюмин, В.Г. Цепков, Л.Ф. Цанава, С.И. Огольцов¹.

Можно предположить, что Абакумов до своего ареста вовсе не числился врагом Берии. По крайней мере, об этом есть ряд свидетельств. Несмотря на то что Сталин лично курировал работу МГБ, Абакумов часто общался и советовался с Берией. Кроме того, как утверждал начальник 5-го управления МГБ А.П. Волков, Абакумов «перед Берия заискивал, тогда как с Сусловым и Пономаренко был груб»². По заявлению того же Волкова, Абакумов «оберегал Цанаву», который отличался «редким самодурством и отвратительным барством», а также «злым преследованием «непокорных» работников»³. Бывший министр Абакумов оставался крупной фигурой и его судьбу мог решить только Президиум ЦК КПСС, единоличного решения Берии тут было недостаточно. Да и сам Берия, вероятно, не собирался хлопотать за него. Видно не мог ему простить уволенных из МГБ в 1946—47 гг. Меркулова, Кобулова, Мильштейна и Владзимирского.

Почему Берия не освободил из-под стражи Власика, которого он без сомнения хорошо знал, тоже более или менее понятно. Осенью 1945 года Сталин, будучи на отдыхе и обдумывая планы смены руководителей НКВД и НКГБ, расспрашивал Власика о других руководящих чекистах. По словам Власика:

«Глава Правительства, находясь на Юге после войны, в моем присутствии выражал большое возмущение против Берия, говоря о том, что органы государственной безопасности не оправдали своей работой должного обеспечения. Указал на отдельные провалы в работе его руководства и сказал, что дал указание отстранить Берия от руководства в НКВД. Спрашивал меня, как работал Меркулов, Кобулов, и впоследствии о Гоглидзе и Цанаве. Я

¹ С.И. Огольцов и Л.Ф. Цанава оказались в заключении по решению Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953 г. за организацию убийства С. Михоэлса в 1948 г. Огольцова в августе 1953 г. выпустили, тогда как Цанава не только остался сидеть, но и был переведен в разряд бериевцев (Реабилитация: как это было... Т. 1. С. 383).

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 15.

³ В этом же заявлении от 21 августа 1953 г. Волков писал, что Цанава «спекулирует на родстве с Берия» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 15).

рассказал ему, что знал, с теми фактами, которые мне были известны по работе о недостатках руководства»¹.

По-видимому, Берия догадался о роли Власика в событиях конца 1945 — начала 1946 г., когда он и ряд его людей были отстранены от руководства НКВД и НКГБ. И вот весной 1953 года Берия и Кобулов вызвали Власика на допрос, после которого ему стало ясно, что Берия все знает о том давнем разговоре со Сталиным. Теперь, как вспоминал Власик, он понял, что «кроме смерти», ему «ждать больше нечего»². Но после ареста Берии надежда у него появилась. Тем не менее, новое руководство страны не выпустило его из тюрьмы, предъявив обвинения в «злоупотреблении доверием», «разбазаривании средств», а также в том, что в 1945 году Власик, будучи в Потсдаме, вывез из Германии трофейное имущество для себя и несколько голов скота и две лошади для родственников³. Эти обвинения по сравнению с предыдущими выглядели сущим пустяком, и Власик отделался сравнительно мягким приговором⁴.

Прекратив «мингрельское дело» и выпустив арестованных (в их числе П.А. Шария, А.Н. Рапава, К.П. Бзиава и Г.Т. Каранадзе), Берия направил в ЦК КПСС записку⁵ для партийной реабилитации пострадавших. Редактирование этой записки Берия поручил Шарии — одному из недавних арестантов. Позднее на следствии Берия подтвердил факт участия Шарии в работе над запиской в ЦК. На вопрос следователя: «Где это видно, чтоб арестованный по своему же делу составляет справку в ЦК партии?», Берия заявил: «это моя ошибка, его не нужно было привлекать для этого»⁶. Президиум ЦК КПСС рассмотрел записку Берии на заседании 10 апреля 1953 года и вынес решение об отмене предыдущих, принятых при Сталине постановлений о «мингрельской националистической группе» и о выселении из Грузии «враждебных элементов»⁷.

¹ Заявление Н.С. Власика на имя К.Е. Ворошилова от 8 апреля 1955 г. (Свободная мысль. 2001. № 11. С. 108—109).

² Там же. С. 109.

³ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 12. Л. 31—33.

⁴ Подробнее о Н.С. Власике см.: Логинов В.М. Тени Сталина. М., 2000. С. 142—162.

⁵ Записка № 24/Б от 8 апреля 1953 г. опубликована: Лаврентий Берия. 1953... С. 29—37.

⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 465. Л. 88.

⁷ См.: Лаврентий Берия. 1953... С. 37—40.

Большинство выдвиженцев из партийных органов, пришедших на работу в центральный аппарат МГБ в 1951—52 гг., при перетряске кадров в марте — апреле 1953 года были уволены или вытеснены на периферию. О принципах своей кадровой политики Берия довольно откровенно заявил начальнику управления кадров МВД Б.П.Обручникову в апреле 1953 года, когда тот принес список пришедших в МГБ при Игнатъеве руководящих сотрудников и предложил их оставить на работе в центральном аппарате МВД. Обручников описал реакцию министра так:

«Берия меня буквально разнес и приказал выгнать всех на периферию, как игнатъевцев, и сказал, что в аппарат нужно подбирать старых работников, уволенных из органов, которых, как он заявил, «я знаю»...»¹.

Не менее бурной была и сцена, когда, выполняя указание Берии подготовить назначения руководителей объединенных управлений МВД на местах, Обручников прежде всего составил бумаги для утверждения их кандидатур в ЦК КПСС:

«Когда я явился к Берия с проектом представления в ЦК КПСС, он меня выругал площадной бранью и заявил, что ему не нужно никаких представлений, а нужен приказ. Когда я ему добавил, что вопрос о кандидатурах не согласован с секретарями обкомов, Берия буквально рассвирепел и выгнал меня из кабинета»².

Причем, как утверждал Обручников, в кабинете Берии при этом присутствовали также С.С. Мамулов, В.П. Доброхотов, Б.З. Кобулов, С.Н. Круглов и И.А. Серов³. Впоследствии и Круглову и Серову такой наглядный урок, преподнесенный Берией, не пригодился. Арест Берии и его разоблачение на июльском (1953) пленуме ЦК научили их уважать партийные органы.

Получивших свободу Л.Ф. Райхмана, Н.И. Эйтингона, С.Ф. Кузьмичева Берия назначил на высокие посты в аппарате МВД. Но этот факт сыграл с ними злую шутку. После падения Берии они вновь были арестованы. Так, С.Ф. Кузьмичев, которого сразу после освобождения Берия назначил начальником Управления охраны МВД,

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 464. Л. 75.

² Там же. Д. 467. Л. 74.

³ Там же.

был вторично арестован 3 июля 1953 года. В отличие от остальных бериевцев, Кузьмичеву повезло, и он был освобожден из-под стражи и реабилитирован решением Президиума ЦК КПСС 3 февраля 1954 года¹. Эйтингон и Райхман остались в тюрьме и оба были осуждены в середине 50-х за «преступления против КПСС». Весной 1953 года членов Президиума ЦК неприятно поразила расторопность Берии при освобождении своих знакомых чекистов. Об этом с возмущением говорил Хрущев:

«Вот был арестован Кузьмичев. Я думаю, что его освободить нужно было, но нужно ли было этого Кузьмичева, освобождая из тюрьмы, сразу одеть в генеральский костюм и назначить начальником охраны членов Президиума ЦК?»²

Вызвав арестованного С.Ф. Кузьмичева 10 марта 1953 года к себе в кабинет, Берия спросил, знает ли он, что умер Сталин. Кузьмичев ответил, что не знает, и заплакал. Берия поморщился: «брось ты!», и напрямик заявил: «твое дело — чепуха. Тебя приказал посадить Сталин»³. Берия тут же предложил Кузьмичеву возглавить Управление охраны. Тот стал отнекиваться, но Берия настоял⁴. И другим намеченным к освобождению арестованным чекистам Берия заявлял примерно то же: дескать, Сталин — виновник их бед. Это стало позднее одним из пунктов обвинения уже против самого Берии. Идти на пересмотр дел сталинского МГБ члены Президиума ЦК были готовы, но вслух признать персональную ответственность Сталина за беззакония и, более того, разделить эту ответственность, это было уж слишком! В частных высказываниях Берии его соратники по Президиуму ЦК усмотрели «клевету на Сталина и советский строй», и этот пункт позднее был даже включен в обвинительное заключение по его делу. Тут уместно вспомнить вполне партийную позицию Питовранова, так подкупившую Сталина и имевшую результатом его освобождение. Питовранов прямо писал, что его посадили правильно, так как это было сделано по решению ЦК, а ЦК никогда не ошибается. Хрущев и Маленков еще не отделяли Стали-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 474. Л. 36.

² Лаврентий Берия. 1953... С. 90—91.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 470. Л. 96; Д. 474. Л. 37—38.

⁴ Там же.

на от партии и высказывания Берии рассматривали как выпады против ЦК КПСС.

Комментируя надуманность ряда дел против чекистов, затеянных по инициативе Сталина, Берия заявлял в своем кругу: «Сталин и Гоглидзе хотел посадить»¹. Отчасти это и объясняет, почему Берия сохранил в 1953 году рядом с собой Гоглидзе, убрав подальше других заместителей бывшего министра Игнатьева. При этом ближайших людей своего заместителя Серова, осужденных ранее за злоупотребления в Германии, Берия освобождать из тюрьмы и реабилитировать не торопился. Возможно, и зря, а то бы накануне грозных для себя событий заручился поддержкой человека, тесно связанного с Хрущевым. После ареста Берии за них активно похлопотал Серов, и довольно быстро их освободили: Г.А. Бежанова 23 июля и А.М. Сиднева — 27 июля 1953 года, и примерно тогда же вышел на свободу и С.А. Клепов. А 29 июля 1953 года определением Военной Коллегии Верховного Суда Бежанов и Клепов были реабилитированы². Однако в партийном порядке в реабилитации им было отказано³. Уж слишком кричащими были факты их обогащения в Германии и вызывающим поведением. Хотя оба каялись и просили у партии прощение⁴. Мотивы у Серова были те же, что и у Берии, когда он торопился прекратить опасное и неудобное для него «мингрельское дело». Ведь начальники оперативных секторов НКВД земель в Германии Клепов, Бежанов и Сиднев совершили свои преступления под руководством Серова, который сам уцелел чудом — Сталин проявил милость и не наказал.

После смерти Сталина Серов сохранил свою должность 1-го заместителя министра внутренних дел СССР. На похоронах вождя он возглавил траурную процессию⁵. Помимо него первыми заместителями новый министр

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 472. Л. 103

² См. документ № 32.

³ См. документ № 34, 36. Несмотря на то что Бежанов так и не был восстановлен в партии, в брежневские времена появились очерки воспевающие его, как «честного чекиста». Разумеется, в них ни слова не говорилось, ни о его немецких злостных преступлениях, ни о том, что еще в 1940 г. Бежанов был наказан за проведение необоснованных арестов и «фальсификацию дел». См., например, очерк «Высокий блокадный счет» в книге А.В. Казарьяна «Война, люди, судьбы». Ереван, 1980. С. 126—134.

⁴ См. документы № 33, 35.

⁵ Алидин В.И. Государственная безопасность и время. М., 2001. С. 106.

Берия выбрал Б.З. Кобулова и С.Н. Круглова. С учетом изменения структуры, обязанности выполняемые Серовым по курированию сфер деятельности МВД изменились. Теперь он отвечал за работу 6-го Управления МВД (контрразведка на транспорте), Главного Управления милиции, Управления службы местной противовоздушной обороны, Главного Управления пожарной охраны, Отдела по контролю и инспектированию ВОХР и Тюремного Управления¹.

В мае 1953 года Серов выехал в Ленинград. Он находился там до второй половины июня и вернулся в Москву за несколько дней до ареста Берии. Как позднее (24 августа 1953 года) писал Маленкову первый секретарь Ленинградского обкома Андрианов, он был на приеме у Берии в Москве с жалобой на то, что начальник УМВД области Н.К. Богданов совсем не информирует обком партии о проводимых мероприятиях, а с приездом Серова Богданов и вовсе стал игнорировать обком: «Когда же приехал в Ленинград через несколько дней заместитель министра Серов (который был в Ленинграде почти до последних дней разоблачения врага), тогда он вел себя еще более вызывающе, провел облаву в Ленинграде, в течение ночи под видом борьбы с хулиганством задержали около тысячи невинных людей и не сказал об этом обкому»². Проведением облав руководил Серов и бросил на это дело все наличные силы. И об этом с возмущением писал Андрианов: дескать, заместитель министра Серов дошел до того, что приказал снять милицейскую охрану в Ленинградском совете, в облисполкоме, в обкоме комсомола и около дома, где проживали руководящие партийные и советские работники, «слова не сказав об этом ни мне, ни руководителям этих учреждений»³.

Весной 1953 года Серов только тем и занимался, что наводил порядок в Московской и Ленинградской милиции, на другое у него времени не оставалось. Будучи арестованным, Берия в письме соратникам по Президиуму ЦК признавал: «товарища Серова с бригадой по оказанию помощи Московской и Ленинградской милиции

¹ Приказание МВД от 20 марта 1953 г. См.: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник...С. 112—113.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 468. Л. 18.

³ Там же. Л. 19.

просто загонял, чтобы сделать все возможное, навести порядок в работе милиции...»¹. Так что за месяц своего отсутствия Серов несколько поотстал от жизни министерства, был не в курсе многих новаций, и ему трудно было сразу сориентироваться в ситуации. В 20-х числах июня в МВД состоялось совещание, рассматривавшее меры по реализации предложений Берии об облегчении положения ссыльных и спецпоселенцев. Докладывал начальник отдела «П» МВД, ведавший спецпоселенцами В.И. Алидин. Выслушав предложения отдела, присутствующий на совещании Серов вдруг заволновался. Он вскочил с места и разразился гневной тирадой:

«Мы в войну в тяжелейших условиях выполнили решение партии и правительства, выселили этих людей, а теперь неясно откуда взявшийся Алидин хочет очернить нашу работу, пустить ее под откос. Я возражаю против этих предложений»².

Однако проводивший совещание Круглов, зная, что предложения исходят от самого Берии, возразил Серову и взял под защиту Алидина.

События июня 1953 года круто изменили судьбу Серова. Самое важное, что он не был причислен к «бериевцам». А ведь под горячую руку могло быть и так. Причина здесь ясна. Задумав убрать из руководства и арестовать Берию, Маленков и Хрущев хотели заручиться поддержкой верных людей в МВД. Оно и понятно, ведь Берия мог сделать ответный ход и тогда неизвестно, чья бы взяла. Маленков прекрасно знал Круглова еще по совместной работе в 1938 году в аппарате ЦК. Тот был его подчиненным в Отделе руководящих парторганов, и именно Маленков выдвинул Круглова на ответственную работу в НКВД. Хрущев же, в свою очередь, мог положиться на Серова.

Оба, и Серов и Круглов, без колебаний перешли на сторону участников заговора против Берии. Сам арест всесильного Берии, совмещавшего посты 1-го заместителя председателя Совета Министров, члена Президиума ЦК и министра внутренних дел, был спланирован как военная операция. Его, ничего не подозревающего, должны были схватить и обезоружить прямо на заседании в

¹ Лаврентий Берия. 1953... С. 74.

² Алидин В.И. Государственная безопасность и время. М., 2001. С. 121.

Кремле военные во главе с Жуковым. План удался, и Берия был арестован «соратниками» 26 июня 1953 года прямо на заседании Президиума ЦК КПСС. После ареста Берии заседание продолжилось, среди рассмотренных вопросов: утверждение Круглова министром внутренних дел СССР, а Серова — его 1-м заместителем¹.

Первоначально охрану Берии хотели поручить Серову и людям из МВД, но, как вспоминал Хрущев, так как не было должного доверия другому заместителю министра — Круглову, от этой затеи отказались². Вместе с тем существует указание на то, что Серов, с наступлением темноты, вечером 26 июня принимал участие в вывозе арестованного Берии из Кремля. Приводится рассказ маршала Жукова, правда, без ссылки на источник:

«Чтобы при выезде из Кремля нас не проверяли, мы решили сесть в одну машину — всех нас охрана знала в лицо. Берию с кляпом во рту мы положили на пол задней кабины между ног Серова, Батицкого и Москаленко»³.

Все же, в первые дни после ареста Берии, Серов и Круглов имели поручение Хрущева участвовать в проведении следствия по его делу. Они 27 июня прибыли на гарнизонную гауптвахту Москвы и потребовали доставить им Берию. Как вспоминал Москаленко, их визит вселил в него тревогу: «обвинялся их начальник, и вдруг его заместители будут вести следствие»⁴. Военные, охранявшие Берию, стали возражать. В это время весь состав Президиума ЦК КПСС был на премьере оперы «Декабристы» в Большом театре. Москаленко, Серов и Круглов отправились туда выяснять отношения. Во время антракта Серов и Круглов стали жаловаться членам Президиума, что военные неправильно обращаются с Берией, не хотят вести следствие и т.п. Однако их служебное рвение не нашло понимания у партийного руководства. Хрущев и Маленков одобрили действия Москаленко и заявили, что вести следствие будет поручено Генеральному прокурору Р.А. Руденко⁵.

¹ Решение Президиума ЦК КПСС П10/1 (особая папка), 26.06.53 г.

² Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания в 4-х кн. Кн. 2. М., 1999. С. 174.

³ Спар У., Яковлев Н.Н. Полководец Г.К. Жуков: Взлет и падение: К 100-летию со дня рождения. М., 1996. С. 473

⁴ Московские новости. 1990. 10 июня.

⁵ Там же.

Вслед за этим последовали аресты людей из окружения Берии. О масштабах арестов по его делу можно судить по записке прокурора Руденко направленной в ЦК КПСС 12 октября 1953 года (Маленкову и Хрущеву), где говорилось о близком окончании дела, в котором в числе обвиняемых кроме самого Берии значились Меркулов, Кобулов, Гоглидзе, Владзимирский и Мешик. «Кроме того, — писал Руденко, — арестованы и привлечены к уголовной ответственности еще 44 соучастника Берии, дела которых выделены в отдельные производства»¹.

С этого момента главным обвиняемым стал Берия. Все внимание членов Президиума ЦК КПСС было сосредоточено на его деле. И именно расследование дела Берии придало новый и мощный импульс процессу реабилитации. Речь шла уже о пересмотре не только единичных дел, но и целых категорий, например, осужденных внесудебными органами. В этих условиях «дело Абакумова — Шварцмана» временно ушло на второй план. Да и сами обвинения ранее выдвинутые против Абакумова «морально устарели». Всерьез к его делу вернулись весной 1954 года, после реабилитации пострадавших по «Ленинградскому делу». Теперь вина Абакумова заключалась в проведении незаконных репрессий и его задним числом причислили к «банде Берия»².

В связи с арестом 1-го заместителя министра внутренних дел Б.З. Кобулова, вновь рассматривался вопрос о заместителях министра внутренних дел СССР. Решением Президиума ЦК КПСС 30 июня 1953 года первыми заместителями министра внутренних дел СССР были назначены секретарь ЦК КПСС Н.Н. Шаталин и опять И.А. Серов, сохранивший свой пост. Шаталин практически не приступал к исполнению обязанностей 1-го заместителя министра внутренних дел, он оставался на работе в ЦК и нужен был лишь для «авторитета» при проведении кадровой перетряски в МВД и изгнания «бериевцев». Уже 28 июля 1953 года Шаталин был освобожден от должности 1-го заместителя министра внутренних дел. Правда, кое-какие существенные распоряжения Шаталин успел отдать. Так, в августе 1953 года до оперативного состава МВД

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 471. Л. 49—50.

² О судах над чекистами после смерти Сталина см.: Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М. 1991. С. 430—436.

было доведено его указание о необходимости «соблюдения объективности в чекистской работе», в котором говорилось о необходимости при ведении оперативных разработок об «антисоветской агитации» накапливать не только отрицательные материалы, но и положительные данные. В указании выдвигалось требование «более активного проведения профилактической работы через партийно-политический аппарат, администрацию, военное командование по отсталым и отдельным антисоветским высказываниям»¹.

Теперь Серов по праву мог считаться вторым человеком в «органах». По новому распределению обязанностей заместителей министра внутренних дел ему поручалось курирование: 2-го Главного управления (разведка), 3-го Управления (военная контрразведка), 6-го Управления (контрразведка на транспорте), 7-го Управления (оперативное), Тюремного Управления, Специальных отделов — 1-го (архивно-учетный), 3-го (изготовление документов), 4-го (радиоконтрразведка), 5-го (изготовление средств опертехники), отдела «С» (спецсвязь) и Комендатуры МВД². Как видим, теперь круг обязанностей Серова включал только руководство важнейшими подразделениями госбезопасности. Это уже был шаг к его назначению первым чекистом страны.

В декабре 1953 года по просьбе Вальтера Ульбрихта для ознакомления с экономическим положением в ГДР была командирована на две недели группа ответственных работников во главе с заместителем председателя Госплана П.В. Никитиным. От МВД в ее состав вошел Серов³.

¹ Государственная безопасность России: История и современность / Под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М., 2004. С. 627.

² Распоряжение МВД № 73 от 30 июля 1953 г. См.: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник... С. 117.

³ Решение ЦК КПСС П43/Х от 10 декабря 1953 г.

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Решение о выделении органов госбезопасности из МВД в самостоятельное ведомство было принято Президиумом ЦК КПСС 8 февраля 1954 года. В его основу легла записка министра внутренних дел Круглова от 4 февраля¹. В архиве сохранилась, хотя и весьма лаконичная, запись выступлений на заседании Президиума ЦК при обсуждении этого вопроса². Обсуждение было бурным. Кандидатура Серова вызвала самые противоречивые оценки у руководителей КПСС. Маленков нелестно охарактеризовал Серова как человека, держащего «нос по ветру». Каганович сконцентрировал свое внимание на задачах будущего КГБ, требуя четко наметить линию «на вскрытие действительных врагов и ограждение честных людей», естественно, при «верховенстве партийных органов» над КГБ. На заседании дали слово и Круглову, и Серову. Выступление Серова было вполне самокритичным. Он каялся, что «слепо» и «не критически» выполнял указания Берии, «спешил», и тут же сообщил о своей готовности провести чистку рядов госбезопасности — «некоторых из органов удалить», так как они, дескать, «слухи распространяют».

Казалось бы, решимость Серова чистить органы вполне устраивала новое руководство страны. Но все же большинству членов Президиума не импонировала сама фигура Серова во главе такого важного ведомства. Каганович продолжал наступать и пенял чекистам на «пассивность» после судьбоносного июльского пленума 1953 года, и даже в стилистике партийно-хозяйственных активов 1930-х вынес Серову приговор: «жидковат, но может укрепиться», приводя в пример Дзержинского. Суслов призвал Серова «укреплять партийность», Микоян утверждал, что он «легковат», Булганин высказал мнение,

¹ См. документ № 37.

² См. документ № 38.

что «Серову труднее будет перестроиться». И даже Хрущев, казалось бы, безоговорочно поддерживающий Серова, хорошо отзывавшись о его работе на Украине, по критиковал за отсутствие «партийной устойчивости».

И когда на этом заседании уже все как будто согласились с кандидатурой Серова на пост председателя КГБ, Сулов все гнул свое: «не все хорошо у Серова» — свысока относится к партийным органам. Вынес свой вердикт и Первухин. Сообщив, что лучше Серова на должность председателя КГБ никого сейчас не найти, он все же заметил: «грубый, начальника изображает, немножко подхалим». Но беспощадней всех высказался секретарь ЦК КПСС Шаталин, имевший некоторые личные наблюдения в бытность его кратковременного пребывания в должности 1-го заместителя министра внутренних дел и аккумулировавший мнение руководящих чекистов о Серове: «Я не голосовал бы за Серова. В аппарате отзыв плохой. Мало партийный, карьеристичный. Нос по ветру. Из Германии — натаскал». Тем не менее, мнения Маленкова и Хрущева оказались решающими, и Серов был утвержден.

Помимо вопроса об организации КГБ на заседании была затронута и тема ГУЛАГа. Здесь также выявились различные подходы к реформированию и общему назначению лагерной системы. Не случайно М.З. Сабуров высказал вполне технократическую мысль, что основное назначение лагерей не исправление преступников, а их трудовое использование: «Исправительно-трудовые лагеря — это название, это источник получения рабочей силы». Иного мнения был Ворошилов, полагавший, что главное внимание следует обратить «не на строительство, а на исправление людей». В то же время Хрущев предложил «вернуться к системе Дзержинского», когда заключенные были заняты на работе на местных мелких предприятиях — «заводики, мастерские», отрицая тем самым необходимость участия заключенных в больших строительствах, а Маленков, видимо недовольный расползанием ГУЛАГа по различным хозяйственным ведомствам, и вовсе вполне определенно заявил: «лагеря — не наш идеал» и внес предложение ГУЛАГ и лесные ИТЛ передать вновь в МВД, что и было реализовано в том же месяце.

Пожалуй, состоявшееся 8 февраля 1954 года заседание Президиума ЦК КПСС, было важнейшим в процессе реформирования десятилетиями складывавшейся сталинской системы карательных органов. В итоге в решении было записано два поручения. Первое — секретарю ЦК КПСС Шаталину и министру внутренних дел Круглову по линии МВД и второе — секретарю ЦК КПСС Суслову и 1-м заместителям министра внутренних дел Серову и Луневу по линии КГБ, в пятидневный срок подготовить проекты соответствующих постановлений «с учетом обмена мнениями на Президиуме ЦК»¹.

Но только через месяц, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 года, был образован КГБ при СМ СССР, а его председателем назначен Серов. Согласно решению ЦК на КГБ возлагалась главная задача: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берия в органах государственной безопасности и добиться превращения органов государственной безопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей».

В партийном понимании это означало преимущественную реабилитацию пострадавших от Сталина коммунистов. Президиум ЦК КПСС 4 мая 1954 года рассмотрел вопрос «О пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении». Была создана комиссия по пересмотру дел (по реабилитации, как ее потом чаще называли) в состав которой, конечно же, вошел председатель КГБ Серов².

Весной 1954 года Серов готовился к проведению Всесоюзного совещания руководящих работников КГБ, где следовало разъяснить новые задачи «органов» и их роль и место в советской системе. Текст своего доклада на предстоящем совещании Серов 6 мая 1954 года направил для согласования секретарям ЦК КПСС Н.Н. Шаталину и П.Н. Поспелову. В доклад был включен и пассаж о разоблачении Берии:

«Как видите, Президиум Центрального Комитета нашей партии бдительно следил за вражескими замыслами

¹ Решение Президиума ЦК КПСС П50/II от 8 февраля 1954 г.

² Решение Президиума ЦК КПСС П63/V (особая папка) от 4 мая 1954 г.

Берия и его сообщников и в нужный момент отрубил кровавые руки Берия и его шайке, посягнувших на нашу партию, на наше социалистическое государство.

Президиум ЦК КПСС настолько четко, уверенно и главное своевременно обезвредил Берия, что нам, чекистам, нужно поучиться той оперативности и организованности, которая была проявлена в этом деле Президиумом ЦК.

Этой заслуги членов Президиума ЦК КПСС перед партией, перед народом никогда не забудут наши советские люди и будут с чувством глубокой благодарности и признательности называть имена товарищей Маленкова, Хрущева, Молотова, Булганина и других»¹.

Чуть позднее Серов вычеркнул последнюю строчку с фамилиями вождей, чтоб не обижать «других», и вписал просто — «имена товарищей из Президиума ЦК». Но и в таком виде этот фрагмент о Берии не вошел в окончательный текст доклада Серова. В отличие от первоначального варианта, в нем, вообще, довольно скупо говорилось о Берии.

Совещание проходило с 5 по 9 июня 1954 года, в нем приняло участие около 650 человек, включая приглашенных ответственных работников аппарата ЦК КПСС. С почти двухчасовой программной речью на совещании выступил Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Главной задачей, сказал Хрущев, «является укрепление социалистической законности и искоренение порочных методов руководства»². Речь Первого секретаря была, по обыкновению, образной и эмоциональной. Как вспоминают присутствовавшие в зале, он «свободно оперировал фактами, называл имена руководителей, многие из которых находились в зале, одних хвалил, других безжалостно критиковал...»³. Сразу после него слово взял Серов. Он заверил, что КГБ выправит ошибки, допущенные в прошлом и приложит все силы, чтобы оправдать доверие партии, и, тут же выразил свое неподдельное восхищение речью Хрущева:

«Вы убедились, насколько т. Хрущев глубоко знает нашу работу и насколько четко, предельно ясно дал указа-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 11. Л. 327.

² Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 135.

³ Там же.

ние по агентурно-оперативной работе и по всей работе. Вот что значит человек громадного ума и большой практики. Ведь многие из вас также работают по 10-15 лет, а иной раз скатываются на всякие глупости. Поэтому вы должны четко, ясно продумать, вспомнить все указания которые были даны т. Хрущевым»¹.

И хотя в докладе Серова вполне традиционно говорилось о необходимости вести борьбу с «антисоветчиками», то есть арестовывать и судить и ничего не говорилось о внедрении в практику работы так называемых «профилактических» мер (то есть морально-психологического воздействия), это слово все же прозвучало. В выступлении начальника 4-го управления (отвечавшего за борьбу с «антисоветскими элементами») КГБ Ф.П. Харитонова говорилось:

«В отношении лиц, допускающих несоветские высказывания в силу своей политической малограмотности, а не в силу враждебности к советскому строю, целесообразно проводить профилактические мероприятия, особенно в отношении лиц из числа молодежи и церковников»².

Отвечая на вопросы участников совещания, Серов отреагировал по-своему. Назвав тех, кто пишет анонимные антисоветские письма, «подлецами», он призывал действовать решительно: «нужно смело подходить, не только внушать, но и арестовывать», сославшись, опять-таки, на авторитет Хрущева:

«На приеме в честь воссоединения Украины с Россией Никита Сергеевич еще раз выступал перед широким активом, на котором было много беспартийных, он прямо сказал, что в ряде случаев органы госбезопасности должны поссориться с прокуратурой по принципиальным вопросам, а мы их помирим. Дословно я не ручаюсь. Если органы госбезопасности погорячатся где-нибудь, это ничего. Мы их остудим. Прокурор должен остудить»³.

Серов призвал не сразу «беседовать или разбираться» с теми, кто пишет антисоветские анонимные письма или воззвания, а выяснять, как они настроены в быту, в семье, на работе: «...и у вас будут агентурные данные, что

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 32. Л. 356.

² Там же. Л. 100.

³ Там же. Л. 352.

он в быту подлец, на работе подлец и кругом подлец. И тогда у вас будут веские материалы»¹. В конце концов, Серов выдвинул простую формулу: «Когда видно, что враг, надо с ним поступать по-вражески»².

В августе 1954 года Серов представил в ЦК КПСС проекты Положения о КГБ, о прохождении военной службы в КГБ и постановления о пенсионном обеспечении сотрудников КГБ³. С точки зрения партийного руководства, Проект положения о КГБ был крайне аполитичен. В нем подробно говорилось, и о правах КГБ, и о задачах разведки, и о личном составе, но совершенно отсутствовало указание на руководящую роль КПСС. Лишь 20-й пункт проекта, не слишком внятно, обозначал роль КПСС, да и то, на первом месте значился Совет Министров: «Комитет государственной безопасности систематически докладывает Совету Министров и Центральному Комитету Коммунистической Партии Советского Союза о состоянии государственной безопасности в стране и мерах, проводимых Комитетом по пресечению подрывной деятельности разведок капиталистических стран и антисоветских элементов»⁴. Конечно, такой проект Президиум ЦК КПСС с ходу отверг. Неудовольствие вызвали и предложения Серова о пенсиях сотрудникам⁵.

Накануне визита Хрущева в Китай 8 сентября 1954 года Серов направил ему поступившую из аппарата Старшего советника КГБ информацию о масштабных репрессиях, которые были проведены за пять лет существования КНР. Выяснилось, что по указанию ЦК Коммунистической партии Китая и под руководством местных партийных комитетов органы общественной безопасности КНР с октября 1949 по 1954 год арестовали по обвинению в «контрреволюционной деятельности» 2 миллиона человек и, из них 710 тысяч «физически уничтожили»⁶. Трудно сказать, какое впечатление эта информация произвела на Хрущева, но уж точно не прибавила симпатий к Мао Цзэдуну. А вполне вероятно, послужила дополнительной

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 32. Л. 353.

² Там же. Л. 354.

³ Письмо № 1972 от 5 августа 1954 г. (ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—20.).

⁴ Там же.

⁵ См. документ № 44.

⁶ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 18. Л. 12—23.

мотивацией к продолжению начатого в СССР процесса реабилитации.

В КГБ Серов был поистине человеком Хрущева. Он проводит чистку аппарата госбезопасности, увольняет и лишает званий наиболее одиозных бериевцев. В феврале 1956-го он рапортовал ЦК КПСС об увольнении из КГБ за период с марта 1954 года 16 000 сотрудников «как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых, а также малограмотных и отсталых работников». В подготовленной к июньскому (1957) пленуму ЦК КПСС справке Серов писал, что уволено 18 тыс., в том числе «более 2300 сотрудников за нарушение советской законности, злоупотребление служебным положением и аморальные поступки». Там же Серов сообщал, что 40 бывших ответственных работников органов госбезопасности были лишены генеральских званий, а из центрального аппарата КГБ было уволено около 2000 сотрудников, из них 48 являлись начальниками отделов и выше¹. Как отличительный признак новой кадровой политики, Серов отмечал: «Заменены почти все руководящие работники главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата. На эти должности более 60 человек направлены ЦК КПСС с руководящей партийной и советской работы»².

Проводя кадровую чистку, Серов не забывал и о делах, доставшихся ему в наследство от прошлого руководства МГБ. В отдельных случаях Серов распорядился провести новое расследование дел тех, кто уже был осужден. Не случайно, особенно важными ему показались дела тех генералов, кто «обогащался» в Германии. Даже на питая, как мы помним, никаких симпатий к бывшему начальнику УКР МГБ ГСОВГ Зеленину, и числа его человеком Абакумова, Серов довольно мягко завершил его дело. Как говорилось выше, Зеленин был арестован 20 октября 1951 года и осужден ОСО при МГБ. И вот 15 мая 1954 года Серов направляет в Совет Министров сообщение о том, что КГБ закончил следствие (надо полагать новое), в результате которого обвинение Зеленина «в подрывной деятельности в органах МГБ» не подтвердилось, «но выявлено

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 224. Л. 59—60.

² Там же.

злоупотребление служебным положением» и растрата. За это, — писал Серов, — ему может быть назначено по статье 193-17 «а» УК РСФСР — 10 лет, что подпадает под Указ от 27 марта 1953 года об амнистии. Серов предложил амнистировать Зеленина, дело прекратить, но «учитывая большой ущерб», нанесенный им, лишить его звания генерал-лейтенанта запаса¹. Что и было сделано.

С легкостью подписывая заключения на лишение бывших генералов МГБ их высоких званий, сам Серов, напротив, получает еще более высокий чин. Ему присвоили звание генерала армии 8 августа 1955 года. А чуть позже 25 августа, в связи с пятидесятилетием, он получил орден Ленина. Теперь его грудь украшали 6 орденов Ленина. Такого количества орденов, как у Серова, не было у большинства руководителей КПСС того времени.

Было бы несправедливо не упомянуть о том, что для своих выдвиженцев в органах Серов также добивается присвоения генеральских званий, хотя Хрущев идет на это неохотно. Он еще с подозрением смотрит на систему госбезопасности, не очистившуюся до конца от бериевцев и недостаточно проникнутую партийным влиянием. Рассмотрев список представленных на присвоение званий генералов, Президиум ЦК КПСС в мае 1954 года принимает предложение Серова, хотя и записывает в протоколе фразу «присвоить в виде исключения»².

Хрущев, как оказалось, не меньше Сталина требовал от госбезопасности «наступательности» в разведывательной деятельности. Это подразумевало проведение и широких акций по дезинформации и, разумеется, похищений и убийств политических противников. Вскоре после июльского (1953) пленума на заседании Президиума ЦК КПСС 16 июля 1953 года было принято решение «О мерах по усилению разведывательной работы органов МВД СССР за границей», а министр Круглов получил конкретные «указания» по «устранению недостатков в разведывательной работе за границей и выработке мер по усилению разведывательной работы».

Реализация этих указаний подразумевала не только пересмотр штата и кадровую чистку аппарата внешней раз-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 12. Л. 211.

² Решение Президиума ЦК КПСС П67/24, 31.05.54 г. и Секретариата ЦК КПСС Ст56/171-гс, 14.04.54 г.

ведки, но и выработку положения о специальном отделе, призванном проводить за границей диверсии и террористические акты. Министр С.Н. Крутлов, 1-й заместитель министра И.А. Серов и начальник внешней разведки А.С. Панюшкин 17 сентября 1953 года направили на утверждение Президиума ЦК КПСС положение о 12-м отделе 2-го главного управления (разведка) МВД, в котором о задачах этого отдела прямо говорилось: «признать целесообразным осуществление актов террора...»¹. Правда, в утвержденном ЦК КПСС варианте положения этот пассаж звучал несколько иначе, и «акты террора» стыдливо заменили термином «активные действия»². Хотя, конечно, всем ясно, что за этим эвфемизмом трудно было скрыть истинное назначение отдела «мокрых дел».

Для разработки конкретных предложений министр Крутлов 26 октября 1953 года дал своим первым заместителям поручения: Серову — разработать мероприятия по объединению агентурно-оперативных действий центрального аппарата МВД и местных органов «в направлении всемерного усиления борьбы с НТС и его агентурой», в том числе, спланировать «нанесение оперативного удара по НТС», а Луневу — мероприятия против украинских националистов, и, в том числе, «специальные действия против главарей зарубежных украинских националистических центров»³. Планы операций были рассмотрены 2 ноября 1953 года на специальном совещании у министра внутренних дел СССР.

Серов вполне усвоил требования партийного руководства перейти непосредственно к «активным мероприятиям» за рубежом и старался вовсю. Реализация, разработанных еще в конце 1953 года, тайных операций пришлось на период, когда Серов уже возглавил КГБ. По его приказам, разумеется, согласованным с Президиумом ЦК КПСС, и под его руководством был проведен ряд убийств и похищений. Вот самые нашумевшие из них.

В апреле 1954 года в Западном Берлине похищен руководитель западноберлинского филиала НТС А.Р. Трушнович, однако довести его живым до здания аппарата уполномоченного КГБ в ГДР, чекистам не удалось. Труш-

¹ Московские новости. 1992. 30 августа. (№ 35).

² Там же.

³ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 14. Л. 66—68.

нович оказывал сопротивление, его били, заткнули рот кляпом, и он задохнулся¹.

В июне 1954 года в Австрии, в Линце, был похищен руководитель отдела НТС В.П. Треммель, его доставили в Москву и затем судили.

В октябре 1957 года агент КГБ Богдан Сташинский убил в ФРГ одного из лидеров ОУН Льва Ребета, ровно через два года, он же убил лидера ОУН Степана Бандеру. Обе операции были разработаны под руководством Серова и санкционированы Президиумом ЦК КПСС. За эти убийства Сташинский в ноябре 1959 года был награжден орденом Красного Знамени².

Но не всегда акции КГБ проходили успешно. В случае с покушением на одного из руководителей НТС Г.С. Околовича в феврале 1954 года произошла осечка. Посланный его убивать офицер госбезопасности Николай Хохлов отказался от выполнения преступного приказа, явился с повинной к Околовичу, выступил в апреле 1954 года с разоблачением преступных методов советской госбезопасности на пресс-конференции и остался на Западе³. Серов негодовал и приказал любыми средствами устранить Хохлова. В 1957 году КГБ сделал попытку отравить его. Хохлов не умер, но долго и серьезно болел⁴.

Не меньше усилий предпринимало советское руководство для психологического воздействия на эмиграцию, да и на Запад в целом. Причем цели и задачи советской дезинформационной политики предельно ясны. Известный исследователь КГБ Джон Баррон посвятил этой теме целую главу своей нашумевшей книги⁵. Выводя советское понятие о дезинформации из принципов «ленинизма», Баррон вспоминает слова советского вождя о допустимости любого вида «коварства, интриг, хитрости», использовании «нелегальных методов для сокрытия правды», если это на пользу коммунистическому движению⁶. Помимо формирования улучшенного образа СССР в глазах Запада, советская дезинформация преследовала и другую

¹ Огонек. 1992. № 18—19, 31—33.

² Московские новости. 1992. 30 августа. (№ 35).

³ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 430—431.

⁴ Там же. С. 469—470.

⁵ Barron J. KGB. N. Y. 1974. P. 223—253.

⁶ Там же. С. 224—225.

глобальную цель — разжечь противоречия между «империалистическими странами» и подорвать доверие наций к их руководителям.

Если же говорить о вытекающих из этих целей конкретных задачах тех или иных дезинформационных кампаний проводимых СССР на Западе, то здесь и дискредитация отдельных западных лидеров и целых групп, настроянные против проводимой Кремлем политики, оказание влияния на внешнеполитический курс той или иной страны, создание ложных представлений о советской внешней и внутренней политике, сокрытие провалов и неудач в разведывательной деятельности КГБ и т.п. Причем арсенал методов, используемых советской разведкой для достижения этих целей, включал не только невинное распускание через зарубежных агентов различного рода слухов или печатание лживых репортажей, но и подделку документов, фотографий, шантаж и даже убийства неудобных и опасных для СССР людей.

В годы после смерти Сталина, активность советской внешнеполитической пропаганды еще более усилилась. Теперь тайные методы соседствовали с открытым идеологическим проникновением в западные средства массовой информации. О масштабах этой деятельности можно судить по данным, приводимым в письме председателя КГБ Серова на имя председателя Комитета информации (КИ) при МИД СССР Громыко¹ от 3 апреля 1956 года. В нем говорилось о том, что заграничные резидентуры КГБ по просьбе КИ в период 1954—55 гг. с помощью своих агентов опубликовали более 700 статей или даже брошюр на Западе, «инспирировали запросы в парламентах», организовали интервью и выступления различных политических деятелей. Правда, при этом недальновидный Серов в этом же письме просил снять с КГБ обязанности по выполнению таких поручений, так как это «отвлекало от выполнения разведывательных задач», считая целесообразным, чтобы в дальнейшем этим занимались только по линии министерства иностранных дел².

¹ Никогда в официальных биографиях Андрея Громыко не говорилось о том, что он в 1950-е годы занимал должность председателя КИ при МИД СССР. Эта сторона его служебной карьеры была тайной. Официально до назначения в 1957 г. министром, он был лишь заместителем министра иностранных дел.

² ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 3. Д. 18. Л. 374.

В Кремле же думали совсем по-другому и придавали исключительное значение подобной работе. В начале 1958 года Комитет информации при МИД был упразднен, а вместо него 5 февраля 1958 года было принято решение об организации Отдела информации ЦК КПСС. Хотя на практике, кажется, этот отдел так и не был создан, и вся «кухня» по планированию кампаний и изготовлению дезинформационных материалов перешла в Международный отдел ЦК КПСС, а распространением по-прежнему должен был заниматься КГБ и его 1-е главное управление (разведка).

Сменивший Серова на посту председателя КГБ партийный выдвиженец Шелепин, гораздо лучше понимал политический характер советской разведки. Уже 21 апреля 1959 года Шелепин и Громыко (он поставил свою подпись днем позже) направили в ЦК КПСС просьбу об увеличении ассигнований в иностранной валюте для дезинформационной работы проводимой по линии КГБ. До 1959 года, — писали они, — финансирование используемых КГБ газет для публикации статей и дезинформационных материалов за границей проводилось в основном бывшим Комитетом информации при МИД СССР, поэтому расходы на 1959 год по линии КГБ предусмотрены не были. Выделенные для этих целей на основании решения ЦК КПСС от 16 января 1959 года 300 тысяч рублей в свободно конвертируемой валюте не обеспечивают потребности. Шелепин и Громыко просили дополнительно выделить на эти цели 500 тысяч рублей (конечно в свободно конвертируемой валюте). Их просьба встретила полное понимание в ЦК КПСС¹.

«Расчистка» архивов

Расследование дела Берии и многочисленные материалы о конкретных беззакониях и преступлениях совершенных чекистами стали для членов Президиума ЦК откровением. Конечно, они прекрасно знали о ситуации в целом, о проводимых массовых репрессиях, о «расстрельных списках», которые наряду со Сталиным визиро-

¹ См. решение Президиума ЦК КПСС П215/21 от 27 апреля 1959 г.

вались его ближайшими соратниками. Но все же, о многих тайных акциях НКВД-МГБ знал только Сталин, и только он их санкционировал. Теперь, когда в ходе расследования протоколы допросов Берии и его подручных рассылались Прокуратурой членам Президиума ЦК, страшная картина стала открываться во всех деталях. Именно это послужило импульсом к принятию решения о расчистке архивов и уничтожении самых взрывоопасных документов из личной бериевской коллекции. Инстинкт самосохранения подсказывал.

Именно Серов, по указанию Хрущева в июле 1954 года уничтожил почти весь личный архив Берии и материалы накопленные при Сталине в общем отделе ЦК¹. Огню были преданы бесценные подборки документов, являвшихся убедительным и ярким свидетельством о людях сталинской верхушки и царивших там нравах. В списках уничтоженных материалов немало интересного: дело-формуляр² на Георгия Димитрова, 6 папок материалов на М.М. Кагановича, 8 томов дела «Осиное гнездо» — на жену Молотова Жемчужину, дело-формуляр на Вильгельма Пика, дело-формуляр на Маленкова, дело спец-проверки на А.А. Епишева, материалы на М.А. Суслова, М.З. Сабурова, П.Н. Поспелова, М.Г. Первухина, агентурно-следственное дело на Н.М. Шверника, 261 страница «разной переписки» о Н.С. Хрущеве, материалы о М.И. Калининe, материалы разработки на Н.А. Булганина (о его связях с Рыковым и вредительстве), материалы «прослушки» и агентурные донесения о К.Е. Ворошилове, материалы разработки на А.С. Щербакова и т.п.³

Часть подобного рода материалов сразу уничтожать не стали и отправили в КГБ для рассмотрения, так сказать, в общем порядке. Здесь: дела-формуляры на А.Т. Твардовского, Н.Е. Басистого, И.Х. Баграмяна, Ф.Г. Логинова, Д.Ф. Устинова, В.Д. Соколовского, В.И. Чуйкова, материалы на С.С. Дукельского, А.А. Горегляда, Е. Ярославского, Л.З. Мехлиса, Р.С. Землячку, Д.З. Мануильского, С.Б. Задюченко, по одному тому разработки на А.А. Фадеева и К.М. Симонова, разработка «Рак» — на С.К. Тимошенко,

¹ Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 1. М., 1996. С. 356.

² Дело-формуляр – агентурное дело, заведенное против конкретного человека.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 475. Л. 61—70.

5 томов агентурного дела на О.В. Куусинена, 10 томов разработки маршала Р.Я. Малиновского, материалы на Н.Г. Кузнецова, материалы на А.Я. Вышинского, Б.Л. Ванникова, С.М. Буденного, И.А. Бенедиктова, А.Н. Поскребышева и т.п.¹ Вероятнее всего, после передачи в КГБ и эти все материалы были уничтожены.

Но все же часть материалов была сохранена и передана на самое строгое и тайное хранение в КГБ. Среди этих материалов есть, вопреки всем российским законам скрываемые до сих пор, документы о самых чудовищных преступлениях сталинского МГБ. Это, прежде всего бумаги проливающие свет на судьбу шведского дипломата Рауля Валленберга, сгинувшего в советской тюрьме. В акте о передаче материалов значатся: «Дела на ликвидированных: Редель, «Слуга», «Ужгородское»². Здесь следует сделать пояснение. Речь в делах идет о людях, тайно убитых сотрудниками службы П.А. Судоплатова по указанию кремлевской верхушки. Об «ужгородском» деле теперь хорошо известно. В Ужгороде 1 ноября 1947 года людьми Судоплатова был убит епископ Федор Ромжа. Вначале, 27 октября его повозка была сбита автомобилем, а сам епископ жестоко избит. Через несколько дней, чтоб довершить дело, в больницу, куда его доставили, прибыл небезызвестный Майрановский и сделал Ромже смертельный укол³. Но к Валленбергу это вроде бы не относится.

А вот дипломат Вилли Редель, бывший секретарь немецкой миссии в Бухаресте, имел прямое касательство к делу Валленберга — сидел с ним в одной камере. Согласно официальной версии он умер от «паралича сердца» 15 октября 1947 года при этапировании из внутренней тюрьмы МГБ в Красногорский лагерь военнопленных. Теперь понятно, что его убили по дороге с помощью инъекции рицина. Вполне узнаваемый почерк спецбюро МГБ под руководством Судоплатова и Эйтингона. Но кто такой «Слуга»? Можно лишь высказать предположение, что речь идет о шофере Валленберга — Лангфельдере, арестованном вместе с ним и о судьбе которого российская ФСБ до сих пор ничего внятного не сообщила. Зна-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 475. Л. 61—70.

² Там же. Л. 62.

³ Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 2001. № 35. С. 63.

чит и его убили! Несомненно, что в материалах на Ределя и Лангфельдера могут содержаться указания на то, что стало с самим Валленбергом, был ли он убит, или умер в тюрьме. Интересно, как долго нынешнее российское руководство намерено срывать подобные бумаги?

Другая переданная на постоянное хранение в КГБ папка имела название «Материалы лаборатории X»¹, и в ней содержались документы об испытании отравляющих веществ, в том числе на основе рицина, на приговоренных к смерти заключенных. Эти «опыты» проводились в 1939—1947 годах под руководством сотрудника МГБ, полковника медицинской службы Г.М. Майрановского². И этот материал также до сих пор скрыт от публики.

В 1954—1955 годах, Серов по указанию руководителей ЦК КПСС, организовал уничтожение большого количества архивных материалов госбезопасности в центральном и периферийных архивах КГБ. Еще 21 ноября 1953 года в докладной записке МВД Маленкову и Хрущеву сообщалось, что на оперативном учете в МВД состоят 26 миллионов человек³, а в центральном архиве хранится более 6 млн. дел, в том числе следственные, агентурные, дела агентуры, материалы проверки лиц, при этом, — говорилось там же, — «находящиеся в архивах и картотеках материалы со времени организации ВЧК не подвергались проверке и расчистке»⁴. Руководители МВД предлагали мероприятия «по очистке архивов».

В 1954 году, когда Серов возглавил КГБ, он получил разрешение ЦК КПСС на уничтожение архивных документов. Как вспоминал В.Е. Семичастный, назначенный председателем КГБ в 1961 году, к тому времени «многие документы уже были уничтожены или подчищены...»⁵. Рапортуя в ЦК КПСС в начале 1956 года о проведенном «разборе оперативных документов прошлых лет», Серов

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 475. Л. 62.

² См. примечание на стр. 110.

³ Эта цифра включала и уголовных преступников. Позднее, в материалах КГБ 1954 г. говорилось, что справочная картотека на осужденных политических и уголовных преступников ведется с 1918 г. и насчитывает 28 млн. карточек.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 16. Л. 102—139.

⁵ Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т. 1. С. 272. Позднее, в своих мемуарах Семичастный почему то пишет, что это были только «документы компрометирующие Хрущева» (Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 168).

вроде бы преследует благую цель. Он пишет, что документов уничтожено «на более чем 6 миллионов советских граждан», и с них «снято пятно политического недоверия»¹. Однако легко представить, как много бесценных исторических документов погибло в огне этой «расчистки».

В подготовленный в 1954 году «Перечень документов образующихся в деятельности КГБ и сроков их хранения в архивах» была введена норма временного хранения части материалов в архивах, после чего они подлежали уничтожению. При Сталине такого не было. Тогда существовали правила вечного хранения практически всех оперативных документов госбезопасности (в том числе дел оперативного учета, личных и рабочих дел агентуры). Сталин, как расчетливый хозяин, все держал «про запас», ведь компрометирующие материалы — ценнейшая вещь — всегда могут пригодиться. Преемники Серова в КГБ год за годом суживали номенклатуру дел подлежащих постоянному хранению. Это привело к уничтожению многих оперативных и даже следственных дел. В конце концов, были полностью уничтожены архивные материалы органов госбезопасности районного и городского уровня².

Помимо региональных органов существенно уменьшилось и архивное хозяйство центрального аппарата КГБ. По состоянию на момент образования КГБ (март 1954 года) центральный оперативный архив насчитывал 5 миллионов 713 тысяч единиц хранения³. В их числе около 1,5 миллиона дел общего делопроизводства, 1 миллион 783 тысячи архивно-следственных дел; 360 тысяч личных дел сотрудников ВЧК-КГБ, 375 тысяч дел оперативной разработки и проверки (так называемые «досье» на граждан) и 475 тысяч дел агентов⁴ (личных и рабочих⁵); 70 тысяч «оперативных» дел аппарата внешней разведки;

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 3. Д. 37. Л. 359.

² Петров Н. «Политика руководства КГБ в отношении архивного дела была преступной...» // Журнал «Карта» (Рязань). 1993. № 1. С. 4—5.

³ Это без учета объемов архивов, хранящихся в территориальных управлениях КГБ.

⁴ В это же время в архиве Московского областного управления КГБ хранилось еще около 250 тысяч личных дел агентов и осведомителей. Исходя из общего числа агентурных дел, начальник Московского УКГБ Н.И. Крайнов заявил в июне 1954 г. на Всесоюзном совещании руководящих работников КГБ, что «в городе Москве и Московской области был завербован почти каждый десятый человек».

⁵ В рабочем деле агента содержались его донесения.

900 тысяч дел на лиц выезжавших за границу и въезжавших в СССР, начиная с 1922 года¹ и 280 тысяч дел «спец-проверки» на лиц выезжавших за границу.

О масштабах уничтожения документов госбезопасности в 1954—1955 гг. и в последующий период, когда номенклатура дел постоянного хранения была заметно сужена и «чистка» архивов приняла регулярный характер, можно судить по количеству архивных дел бывшего КГБ уцелевших к августу 1991 года. Согласно официально представленным в Комиссию по архивам КПСС и КГБ сведениям², в 1991 году объем центрального архива КГБ составил лишь 654300 дел³. Причем только 167,8 тысяч дел хранились в Москве (и подмосковном хранилище)⁴, а большая их часть была сосредоточена в филиалах: в Саратовском (60 тыс.), Омском (363 тыс.)⁵ и Владимирском⁶ (63,5 тыс.). По сравнению с 1954 года убыль архивных документов весьма ощутима. Особенно заметным это выглядит в отношении архивно-следственных дел. В центральном архиве сохранилось лишь 75 тысяч архивно-следственных дел⁷. Дополняют их еще некоторые категории подобных дел в филиалах архива: во Владимирском 29,5 тысяч дел на «немецких военных преступников» и в Омском 128 тысяч дел на немцев «задержанных на территории Германии» в послевоенное время. А основная масса архивно-следственных дел из 1,7 миллионов ранее хранившихся в центральном архиве КГБ была уничтожена⁸.

Итак, от 5,7 миллионов дел центрального архива, где концентрировались ценнейшие и уникальнейшие исто-

¹ Практически вся эта категория дел вскоре была уничтожена.

² Сведения о местонахождении филиалов центрального архива КГБ опубликованы в журнале «Карта» (Рязань). 1993. № 1 С. 7. См. также: INDEX – досье на цензуру. 1997. № 1 С. 96.

³ Общий объем архивных документов КГБ на момент распада СССР составил 9,5 миллионов дел, из которых в РСФСР находилось 4,8 миллиона дел.

⁴ По другим данным, устно сообщенным сотрудниками центрального архива КГБ в конце 1991 г., там находилось примерно 270 тыс. дел.

⁵ По уточненным данным в 1991 г. в Омском филиале хранилось вдвое большее число дел.

⁶ В 1992—93 гг. в связи с передачей местному епархиальному управлению зданий бывшего Богородице-Рождественского монастыря, размещавшиеся здесь архивы КГБ были перевезены в Подмоскowie.

⁷ Из них примерно 6 тысяч, по которым еще не было решения о реабилитации или в реабилитации было отказано.

⁸ Правда здесь следует учесть, что часть этих дел попала на хранение в МВД и до сих пор там находится. Их количество нам не известно.

рические документы к 600 тысячам. Убыль чуть ли не в 10 раз! И это без учета, что за 37-летнюю историю существования КГБ его бумаги тоже пополняли архив. То есть материалов, собственно, старше 1954 года осталось и во все мизерное количество. А ведь это важнейшие источники информации о массовых репрессиях времен Сталина. И они были сознательно уничтожены. А первый председатель КГБ положил начало этому варварскому процессу уничтожения истории страны. Конечно, не забыл Серов и о своем интересе. В 1956 году он дал распоряжение вымарать в архивах КГБ все упоминания, где говорилось о его и маршала Жукова неблагоприятных поступках¹.

Не меньший интерес представляет и вопрос о том, отдавал ли Хрущев команду Серову уничтожить материалы именно о своем участии в репрессиях времен Сталина, как об этом, например, говорит Семичастный. Однозначного ответа нет. С одной стороны, в этом не было такой уж острой необходимости. В 1937-1938 гг. Хрущев не входил в руководящую «пятерку» и, в отличие от Молотова, Кагановича, Ворошилова², его подписей нет на сталинских расстрельных списках³. В эти годы его уделом было санкционирование арестов на уровне Москвы и области, а с января 1938 года — по Украине. С другой стороны, именно в региональных архивах — Московского УКГБ и Украинского КГБ могли сохраниться реальные свидетельства об активном участии Хрущева в массовых репрессиях. Но оба эти архива серьезнейшим образом пострадали в годы войны. Так, в архиве УКГБ по Москве и Московской области вообще не сохранилось документов секретного делопроизводства (даже приказов!) за период до 1941 года. Сотрудники архива рассказывали, что при эвакуации целая баржа с документами попала под бомбежку и затонула. Также был уничтожен и ряд документов при эвакуации Киева.

Тем не менее, сразу же после смещения Хрущева новое руководство пошло проторенным путем и дало задание

¹ Об этом сообщал в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущеву 12 ноября 1957 г. в своем заявлении нач. Следственного управления КГБ М.П. Маляров (Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 2000. 12 декабря. С. 54.).

² Кроме них, и конечно самого Сталина, списки подписывали Жданов, Микоян, Ежов и Косиор.

³ См. изданные «Мемориалом» Сталинские расстрельные списки. CD-диск. М., 2002.

КГБ разыскать документы об участии Хрущева в репрессиях. Однако, менялся курс и, в конце концов посчитали неблагоразумным вообще педалировать подобные темы. На долгие годы вплоть до горбачевской «перестройки» тема массовых репрессий оказалась под запретом. А для разоблачения Хрущева оказалось достаточно материалов о его внешнеполитической и хозяйственной деятельности. Да и народу это было понятнее — продовольственные затруднения и рост цен — вот это аргументы!

«Неприкасаемая» номенклатура: взаимоотношения партии и госбезопасности

Состоявшийся в июле 1953 года пленум ЦК КПСС помимо разоблачения Берии решил и другую важную задачу. Руководители госбезопасности были поставлены на точно указанное им партийным руководством место в системе власти. Они не могли и не имели права хоть каким-либо образом вмешиваться в дела партии. Уроки пленума новое руководство МВД — Круглов и Серов усвоили хорошо. Когда в декабре 1953 года в Москву из МВД Армении поступило спецсообщение о зафиксированных высказываниях жителей Еревана по поводу сменившего власть в республике ноябрьского пленума ЦК КП Армении, Круглов поспешил тут же одернуть республиканского министра внутренних дел, написав ему грозное предупреждение:

«...обращаю Ваше внимание на то, что сбор подобных сведений не вызывается необходимостью и не входит в функции органов МВД, установленные партией и правительством.

Прошу разъяснить руководящему и оперативному составу 6-го спецотдела МВД Армянской ССР, что использование возможностей органов МВД для сбора каких-либо материалов о деятельности партийных органов противоречит постановлению июльского пленума ЦК КПСС. Примите необходимые меры к недопущению повторения подобных фактов»¹.

Присланное из Армении злополучное спецсообщение Круглов поспешил отправить назад.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 17. Л. 352.

Основной принцип взаимоотношений правящей коммунистической партии с органами ВЧК-КГБ был сформулирован уже на заре советской власти: «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем»¹.

Этот же принцип находил постоянное подтверждение в директивных партийных документах, например в одобренном незадолго до своей смерти Сталиным постановлении ЦК КПСС от 4 декабря 1952 года «О положении в МГБ»². Он был закреплен и в принятом в 1959 году Положении о КГБ при СМ СССР: «Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС»³. И тут же говорилось о систематической отчетности КГБ перед партийными органами (ЦК КПСС, ЦК союзных республик, крайкомами, обкомами, горкомами и райкомами), но не перед органами Советов, которым согласно Конституции принадлежала вся полнота власти в СССР. Здесь вполне очевиден антиконституционный характер полномочия КГБ и подчиненного ему КГБ.

Любопытно, что в 1958 году, в разработанной еще при Серове первоначальной редакции Положения, статус КГБ был определен несколько иначе и точнее: «политические органы Коммунистической партии»⁴, что явно перекликалось с еще сталинским определением ГПУ как «военно-политического трибунала»⁵. Но даже той степени открытости, с которой декларировалась подчиненность партийным инстанциям, в принятом Положении о КГБ в послесталинскую эпоху постеснялись. И Положение о КГБ образца 1959 года оставалось совершенно секретным документом вплоть до 1991 года, пока не утратило силу.

В эпоху хрущевских разоблачений культа личности Сталина было принято утверждать, что в период массовых репрессий 1937—1938 гг. органы НКВД вышли из-под контроля партии и именно этим были вызваны многочисленные «эксцессы». Такая линия диктовалась желанием

¹ Обращение ЦК РКП(б) к коммунистам ЧК (Правда. 1919. 8 февраля).

² См. документ № 30.

³ РГANI. Ф. 4. Оп. 13. Д. 45. Л. 80. (Опубликовано: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник... С. 693—698).

⁴ Там же. Л. 67.

⁵ Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т. 10. С. 234.

снять с партийных органов ответственность за террор, изобразить саму партию жертвой репрессий. Партийная пропаганда попросту отделяла Сталина (единолично контролировавшего органы госбезопасности) от партии. Сейчас, напротив, характерно выпячивание и подчеркивание руководящей роли ВКП(б)-КПСС в проведении репрессивного курса и изображение госбезопасности лишь послушным инструментом в руках партии.

В действительности, все гораздо сложнее, и роль ВЧК-КГБ в различные периоды истории не может быть определена в строгих рамках подчиненности партии. Нельзя исключать и имевшего место взаимовлияния. Если при жизни Сталина — а он установил свой единоличный контроль над ГПУ еще в 1922 году, — систему можно описать как ось «диктатор — спецслужбы», то после его смерти Президиум ЦК, как орган «коллективного руководства» задавал направление деятельности КГБ. Хотя при этом ряд вопросов председатель КГБ Серов обсуждал только с Хрущевым. То есть имело место постепенное возвращение старой схемы. Свидетельство тому, многочисленные упреки Хрущеву и Серову в июне 1957 года со стороны Молотова, Маленкова, Кагановича и других членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС¹.

Можно с уверенностью сказать, что после июньского (1957) пленума ЦК КПСС, осудившего так называемую «антипартийную группировку», эпоха «коллективного руководства» постепенно сошла на нет. В дальнейшем в Президиуме ЦК, а с 1966 года в Политбюро ЦК КПСС лишь узкая группа лиц была посвящена в дела КГБ. И, конечно, непременным требованием стала личная преданность председателя КГБ (как правило, назначавшегося из числа кадровых партработников) Генеральному секретарю ЦК. В то же время формальный контроль за госбезопасностью со стороны ЦК КПСС осуществлял Отдел административных органов. Но он лишь контролировал назначение и распределение кадров номенклатуры и морально-политическое состояние рядов КГБ, а также сигнализировал о настроениях и проступках чекистов. При этом, административный отдел никогда не вырабатывал основ карательной политики, не задавал направлений репрессий, то есть

¹ См. подробнее: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. М., 1998.

почти не касался основ деятельности спецслужб — это оставалось прерогативой Генерального секретаря и его Политбюро.

Не состоятельны и утверждения (характерные для историков из «органов») о том, что запрет на вербовку партийных функционеров и проведение против них чекистских мероприятий неизбежно привел к тому, что «партийная номенклатура вышла из-под сферы оперативного контроля КГБ и получила благоприятные возможности для совершения различного рода безнаказанных правонарушений и коррупции»¹. Отсюда же делается и вывод, будто «органы госбезопасности перестали использоваться для расправы с оппозицией в партии»².

Между тем, кажущееся неравенство (по партийному признаку) граждан перед госбезопасностью вовсе не означало безнаказанность коммунистов. Они просто выделялись в особую касту, где разбор проступков и преступлений проводился меж собой без вынесения дел на публику. И существовала строгая иерархия партийных руководителей, принимавших решения о преследовании того или иного коммуниста согласно материалам поступавшим из НКВД-КГБ. Так, о лицах из числа партийного и советского аппарата еще в январе 1952 года министр госбезопасности С.Д. Игнатьев писал: «Если от агентуры или из других источников в органы МГБ на указанных лиц будут поступать материалы инициативно, докладывать их Первым секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов ВКП(б) и поступать с такими материалами по их указанию»³.

Что же касается якобы свертывания со стороны КГБ борьбы с партийной оппозицией то и этот тезис легко опровергается. Известна роль КГБ в слежке и прослушивании телефонов и квартир изгнанных из ЦК КПСС (но пока еще не из партии!) Молотова, Кагановича, Маленкова, Жукова в период с 1957 по 1962 год⁴. Можно также вспомнить

¹ Пожаров А. КПСС и органы госбезопасности СССР (1953–1964 годы) // Обозреватель. 1997. № 8. С. 51.

² Там же. С. 50.

³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 21. Л. 3.

⁴ См., например, записки председателей КГБ А.Н. Шелепина и В.Е. Семичастного «о настроениях Г.К. Жукова» (Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957) пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов и др. М., 2001. С. 492—493.)

и ряд дел против бывших членов партии, а потом диссидентов в 1960—80-е годы, начинавших свою политическую деятельность с оппозиционных заявлений внутри партии, таких как, например, Петр Григоренко, Леонид Петровский и др. Другое дело, что КГБ приступал к их оперативной разработке и преследованию вслед за партийными органами и после их исключения из партии. Но ведь не секрет и то, что материалы для исключения из партии предварительно накапливались в КГБ и докладывались партийным секретарям. Незыблемым в послесталинские годы оставался лишь принцип, когда партийный функционер мог быть арестован лишь после его исключения из партии.

Линия репрессий

Разоблачение культа Сталина, реабилитация и возвращение репрессированных создали новую политическую обстановку в стране. Процесс, получивший название хрущевской «оттепели» набирал обороты¹. Люди стали чувствовать себя свободнее и смелее. Политические споры и дискуссии велись порой в опасном для правящей партии ключе. Есть свидетельства о том, что Серов, собирая по заданию Хрущева разоблачительный материал о Сталине, пытался убедить его «не слишком критиковать нашего бывшего вождя». Однако Хрущев не стал его даже слушать. В своем кругу Серов высказывался в том духе, что критика Сталина обернется против самого Хрущева, а его выступление на XX съезде было серьезной ошибкой².

Первым тревожным сигналом стали массовые беспорядки в Тбилиси в марте 1956 года. И хотя они, казалось бы, прошли под лозунгами консервативного неприятия

¹ Название этой эпохе дало последнее художественное произведение Ильи Эренбурга – повесть «Оттепель», первая часть которой была опубликована весной 1954 года, а вторая – весной 1956 года. Сам Хрущев не любил этот термин, полагая, что он создает неправильное мнение «о существе тех принципиальных изменений, которые произошли после смерти Сталина». Он считал, что метеорологический термин, описывающий температурные колебания, не подходит в качестве определения его политики, ибо в природе «трудно предвидеть, как и в каком направлении будет складываться погода» (Хрущев Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963. С. 224).

² Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 224.

критики Сталина, все же имели явную национальную подоплеку. Не менее тревожными для Серова стали и события в Грозном в августе 1958 года. К этому времени уже была восстановлена национальная автономия чеченцев и ингушей, а сами они были возвращены в республику. Однако в этих событиях до сих пор много неясного. Вполне понятно, что зарождение недовольства и начало выступлений могли быть вполне стихийными, но их дальнейший ход и перерастание в массовые беспорядки безусловно контролировались Госбезопасностью. В последних исследованиях историков вполне справедливо высказываются догадки о «направляющей руке КГБ» и о «провокационном использовании агентуры»¹.

Если это так, то трудно сказать, какую цель преследовал Серов. Вряд ли он нуждался в лишних доказательствах своей необходимости на посту председателя КГБ. Между тем события в Грозном стали предметом рассмотрения на сентябрьском (1958) пленуме ЦК КПСС. И сообщение о них сделал выезжавший разбираться на место секретарь ЦК Н.Г. Игнатов. Об особых отношениях Игнатова и Серова речь пойдет ниже. А пока заметим, что события в Грозном позволили Игнатову доложить на пленуме о «крупных ошибках» в работе Чечено-Ингушского обкома партии². Вероятно, Игнатову в его политической борьбе подобные события только помогали. С другой стороны, для оправдания ужесточения курса лучшего предлога, чем массовые беспорядки, не найти — власть боялась этого пуще всего.

События в Тбилиси и нарастающее в стране свободомысле заставили Серова действовать. Не дожидаясь каких-либо указаний сверху, 18 апреля 1956 года он обратился к А.И. Микояну и М.А. Суслову с запиской (№ 984-с), в которой сообщал о проведенных проверках работы местных органов КГБ, выявивших слабую организацию агентурно-оперативной работы по борьбе с вражескими элементами. Серов отмечал, что региональные КГБ «проявляют нерешительность в этом деле, объясняя сложностью обстановки на местах»³.

¹ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. С. 145, 153.

² Там же. С. 153.

³ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 3. Д. 19. Л. 262.

В приложенном здесь же проекте письма говорилось, что в работе местных КГБ «не стало больше порядка», в то время как ЦК КПСС требует от КГБ «умелой организации борьбы с действительными врагами советского государства, совершенствования чекистской работы». Серов указывал, что враждебные элементы пытаются дискредитировать решения XX съезда, распускают провокационные слухи «для прикрытия своих антисоветских замыслов», пытаются «использовать проводимые партией мероприятия по ликвидации последствий культа личности» в своих целях, вовлекают во враждебную деятельность молодежь и т.д. При этом, отмечал Серов, некоторые оперативные сотрудники «утратили политическую остроту в работе, проявляют растерянность» и вместо привлечения к уголовной ответственности, ограничиваются проведением профилактических мероприятий. В качестве рекомендации Серов писал, что КГБ не исключает возможности проведения в отдельных случаях предупреждения некоторых лиц, уличенных во враждебных действиях (по неосознанности), «но метод профилактики нельзя превращать в основу борьбы с подрывной деятельностью антисоветских элементов»¹. С письмом, по соображению Серова, должны были ознакомиться и первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий республик.

Инициатива Серова получила развитие лишь после того, как события в Венгрии приняли весьма угрожающий характер. На этом фоне и происходящее внутри СССР стало выглядеть более тревожным. 3 ноября 1956 года Серов направил в ЦК КПСС записку (№ 2526-с), в которой сообщал, что в Прибалтике и в западных областях Украины «несколько оживилась активность контрреволюционных националистических элементов, особенно за счет лиц, возвратившихся из мест заключения после отбытия наказания»². В связи с этим Серов просил выделить в распоряжение КГБ мобильные войсковые отряды для наведения порядка «в тех случаях когда будут возникать отдельные антисоветские проявления». Отряды численностью 1800—2000 человек каждый, Серов планировал разместить в Прибалтике, Украине, Закавказье и других регионах.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 3. Д. 19. Л. 263—270.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 210. Л. 40.

И хотя Серов ни словом не обмолвился о необходимости разъяснить что-то местным КГБ, его апрельская инициатива не была забыта партийной верхушкой. Президиум ЦК КПСС 10 ноября 1956 года принял решение (П54/Х), в котором Серову поручалось сформировать особый полк с дислокацией в Прибалтике. А вот второй пункт этого решения, как раз и содержал поручение Беляеву, Фурцевой, Поспелову, Ивашутину и Руденко «на основе обмена мнениями на заседании Президиума ЦК разработать необходимые мероприятия по пресечению имеющих место вылазок антисоветских и вражеских элементов и свои предложения внести в ЦК КПСС»¹.

Так был запущен механизм подготовки специального закрытого письма. Хотя теперь, это должно было быть письмо не из КГБ, а от имени ЦК КПСС. Неизвестно каким образом к этому вдруг подключился Брежнев. 21 ноября 1956 года в Президиум ЦК КПСС обратились те, кому ранее поручался этот вопрос, но возглавлял список Брежнев, а уже за ним шли: Фурцева, Беляев, Поспелов, Руденко и Ивашутин. Они представили на рассмотрение проект письма ко всем партийным организациям о борьбе с антисоветскими вылазками². Рассмотрев этот вариант письма и не удовлетворившись его содержанием Президиум ЦК КПСС 6 декабря 1956 года вынес следующее решение (П62/І): поручить комиссии во главе с Брежневым с включением в нее Маленкова и Аристова на основе обмена мнений доработать проект письма и разработать проект закона о порядке ведения следствия и рассмотрения дел на лиц ведущих антисоветскую и враждебную работу³. В ходе обсуждения проекта было признано необходимым «усилить его в партийном отношении», а Хрущев, когда речь зашла об освобожденных из лагерей заметил: «некоторые не заслуживают»⁴. В тот же день свои замечания к проекту письма передал в комиссию А.И. Кириченко⁵.

14 декабря Президиум ЦК КПСС вновь рассматривал проект письма (П64/ХLIII), принял его за основу, внес по-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 210. Л. 38.

² Там же. Л. 151.

³ Там же. Л. 149.

⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Т. 1. М., 2003. С. 212—213.

⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 210. Л. 177—182.

правки и поручил окончательно отредактировать¹. Наконец 19 декабря 1956 года письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» было утверждено Президиумом ЦК КПСС (решение Пб6/9) и разослано местным парторганизациям². В итоге преследование людей, высказывающих крамольные взгляды, было поставлено на поток³. А на местах партийные органы зорко следили за тем, чтобы КГБ не дремал.

В ноябре 1956 года Серов принял активное участие в подавлении народного восстания в Венгрии. На заседании Президиума ЦК КПСС 1 ноября 1956 года, когда обсуждалась обстановка в Венгрии, Серов высказался наиболее воинственно: «Надо решительные меры принимать. Оккупировать надо страну»⁴. В ночь с 3 на 4 ноября 1956 года в зал переговоров советской и венгерской делегаций на советскую военную базу Текел, близ Будапешта, прибыл Серов и объявил об аресте всех членов венгерской делегации, включая министра обороны Павла Малетера и начальника Генштаба Иштвана Ковача⁵. За карательную экспедицию в Венгрии Серов получил прозвище «будапештского палача» и... орден Кутузова 1-й степени. Конечно, в печать указ о его награждении не попал⁶.

Послесъездовские шатания убедили Серова, что не время либеральничать. Надо вновь натягивать вожжи и укреплять «режим». В штыки встретил Серов и предложения нового министра внутренних дел Н.П. Дудорова по реформированию исправительно-трудовых учреждений.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 1.

² Там же. Д. 210. Л. 18—30. Опубликовано: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 2 / Сост.: А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачаев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. М., 2003. С. 208—214.

³ На основании этого письма ЦК КПСС было издано указание КГБ при СМ СССР № 165сс от 29 декабря 1956 г., которое обязывало местные органы госбезопасности «принять меры к усилению агентурно-оперативной работы по выявлению и изъятию организаторов и вдохновителей антисоветской деятельности из числа буржуазных националистов, троцкистов, террористов и других враждебных элементов».

⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Т. 1. М., 2003. С. 194.

⁵ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания в 4-х кн. Кн. 3. М., 1999. С. 638.

⁶ Награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1956 г.

Дудоров хотел, по примеру западных стран, ликвидировать лагеря и перевести подавляющее большинство заключенных для отбытия наказания в тюрьмы. Его предложение всполошило не только Серова, но и секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева, разбиравшего этот вопрос. Смысл их возражений сводился к тому, что в предложениях Дудорова якобы игнорировался «важнейший фактор перевоспитания» — «общественно-полезный труд», а затраты, необходимые на реализацию проекта (увеличение существующего количества тюрем в 6 раз), непосильны для государства. Насторожило партийное руководство и другое предложение Дудорова — о содержании заключенных в исправительно-трудовых колониях в тех же местностях, где они осуждены. Это потребовало бы развертывания колоний в тех регионах, где их не было, что, по мнению критиков проекта, создало бы видимость «наличия в СССР огромного количества мест заключения» и сильно подпортило бы имидж социалистического государства¹.

Весной 1957 года на встрече с писателями Хрущев угрожающе заявил, «что если кто думает сделать так, как в Венгрии, в порошок сотрем»². Развивая эту мысль, он пояснил: «ведь началось же с писателей..., а надо было бы троечку писателей из клуба писателей Будапешта посадить в тюрьму, ...они бы отсидели, успокоились, и все вошло бы в колею»³. Серов чутко уловил новую установку, и 1957 год стал рекордным по числу проведенных КГБ арестов. По официальной судебной статистике, за «контрреволюционные преступления», расследованные Госбезопасностью, было осуждено: в 1954 году — 2142 чел., в 1955 году — 1069, в 1956 году — 623, в 1957 году — 2498, в 1958 году — 1545 и, для сравнения, в 1959 году — 992 человека⁴.

Вместе с тем, следственная работа оставалась «узким» местом. В деятельности КГБ по-прежнему допускалось немало необоснованных арестов. Безотказно срабатывал чекистский инстинкт, выработанный еще в сталинские

¹ См. записку И.А. Серова в ЦК КПСС на имя Л.И. Брежнева от 10 мая 1956 г. (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 26. Л. 1—4; опубликована: Реабилитация: как это было. Т. 2. М., 2003. С. 87—89.)

² Исторический архив. 1993. № 3. С. 35.

³ Источник. 2003. № 6. С. 82.

⁴ См.: Даниэль А.Ю., Рогинский А.Б. Справка о результатах обобщения судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях // Мемориал-Аспект. Сентябрь 1994. № 10—11. С. 8.

годы — сначала арестовать, а уж потом разбираться. Назначенного в марте 1955 года нового начальника следственного управления КГБ М.П. Малярова Серов сразу же невзлюбил и всячески третировал. Ему казалось, что Маляров подозрительно часто наведывается с докладами в ЦК КПСС и прокуратуру¹. В феврале 1957 года Серов добился освобождения Малярова от работы в КГБ и перевода в Главную военную прокуратуру.

Маляров в долгу не остался. В ноябре 1957 года, по свежим следам пленума ЦК КПСС, изгнавшего из руководства маршала Жукова, он написал Хрущеву о попрании Серовым в Комитете госбезопасности «принципов коллективного руководства» и стремлении не только сохранить в руководстве комитета, но и повысить в должности и наградить явных «нарушителей социалистической законности». При этом были названы фамилии генерал-майора И.И. Бетина, генерал-лейтенанта П.В.Федотова и полковника Гнеушева. Маляров, однако, осторожно замечал: «Я понимаю, что всех нарушителей закона сейчас, может быть, и не следует наказывать, но убежден также и в том, что нет оснований выдвигать и награждать их...»². В заявлении Малярова говорилось о чрезмерном честолюбии Серова и о том, что он проявляет «грубость к подчиненным, администрирование, нетерпимость к критике...»³.

И хотя никаких видимых и ощутимых последствий для Серова заявление Малярова не имело, «качество» оперативной и следственной работы постепенно росло. Если в 1956 году в территориальных органах КГБ как на «необоснованно арестованных» было прекращено 7,35% дел от общего числа арестованных, в 1957 году — 2,7%, то в 1958 году — 1,92% (а в абсолютном выражении — на 32 человека)⁴.

В свите Хрущева

Одним из первых выездов в капиталистическую страну стала инспекционная поездка Серова весной 1954 года в Швейцарию для проверки мер безопасности советской делегации во главе с министром иностранных дел СССР

¹ Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 2000. 12 декабря. (№ 49). С. 54.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 789. Л. 26.

В.М. Молотовым¹. Здесь Серов вновь дал волю своим приобретательским инстинктам. Вот как это описывает заместитель начальника 9-го управления КГБ Н.С. Захаров, непосредственно отвечавший за охрану советской делегации:

«В Женеве сопровождавший делегацию Серов от нечего делать ездил по магазинам, скупая красивые вещи. Однажды я его долго ждал, чтобы согласовать неотложный вопрос. Когда Серов приехал, я, подождав немного, без стука захожу в его комнату и вижу комичную картину: Серов стоит на коленях и разбирает драгоценные вещи типа «бижутерии». Я обомлел, стою и молчу от неожиданности. «Чего тебе надо?» — не вставая, крикнул Серов. «Срочное дело», — говорю я. «Иди, сейчас приду!» — сказал он. Я вышел, проклиная себя, что не постучался и вошел в комнату к Серову неожиданно. Я и так его не особенно уважал, но после этого он совсем упал в моих глазах. Я понимал, что он использовал валюту из закрытого источника, т.е. злоупотреблял своим служебным положением»².

Доверие Хрущева Серов старался оправдывать везде, даже в зарубежных поездках. В сентябре — октябре 1954 года, сопровождая Хрущева в ходе длительного визита в Китай, Серов всячески ему угождал, отвечая не только за безопасность советской делегации, но и за ее хозяйственное обслуживание и питание. Оказалось, что функции завхоза вовсе не обременительны для председателя КГБ. Их он исполнял ревностно и с усердием и в дальнейшем. Как вспоминал о поездке в Китай Д.Т. Шепилов, тоже включенный в свиту Хрущева:

«Хрущев был очень привередлив в еде и частенько покрикивал:

— Серов! Почему суп не горячий?

— Иван Александрович! Ты что, решил нас несолеными отбивными кормить?

— Серов! А вобла есть?

Серов, присаживающийся обычно к краю стола, на окрик Хрущева срывался с места и мчался на кухню поправлять дело»³.

¹ В.М. Молотов вел переговоры в ходе Женевского совещания министров иностранных дел с 26 апреля по 21 июля 1954 г. (Правда. 1954. 22—23 июля).

² Захаров Н.С. Сквозь годы. Тула: Гриф и К, 2003. С. 102.

³ Шепилов Д. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001. С. 353—354.

И в дальнейшие свои выезды из страны руководящая двойка — Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин неизменно брали с собой Серова. Брали для организации обслуживания, да и вообще, на всякий случай. Советские вожди еще не привыкли к заграничным поездкам и не почувствовали к ним вкуса. Так что мало ли что там с ними может произойти... А вдруг провокация какая? В этом свете важны были и официальные функции Серова по обеспечению мер охраны советских лидеров.

В конце 1955 года Булганин и Хрущев отправились в длительный, на целый месяц, вояж в Индию, Бирму и Афганистан. Отбыли из Москвы 17 ноября и прибыли назад лишь 21 декабря 1955 года¹. В течение всей поездки их сопровождал Серов и обеспечивал «личную безопасность». И здесь, по воспоминаниям Н.С. Захарова Серов отличился: «будучи сопровождающим лицом, он просто украд предназначенную Джавахарлалом Неру для другого человека прекрасную настольную лампу из бивня слона»².

Близость к вождям была щедро вознаграждена. Именно за этот вояж Серов 31 декабря 1955 года был удостоен ордена Красного Знамени³. В апреле 1956 года с официальным визитом Булганин и Хрущев посетили Великобританию. Накануне этой поездки Серов выехал в Лондон для подготовки визита и «отработки мер безопасности». Но тут вышла осечка. В английской прессе поднялась ужасная шумиха, Серова открыто называли «кровавым мясником». Возмущенные выступления печати, считавшей Серова виновником неосталинских репрессий, заставили его убраться⁴. И хотя имя Серова официально не значилось в списке советской делегации, он все же присутствовал, но только не сходил на берег, оставаясь все время на корабле⁵.

Неудача не огорчила руководителей СССР и не отвела их от привычки брать с собой в поездки председателя КГБ. В конце концов, есть страны и попокладистее. В

¹ Официальный отчет о поездке см.: Миссия дружбы. Пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане. Выпуск первый: документы. М., 1956.

² Захаров Н.С. Сквозь годы. Тула: Гриф и К, 2003. С. 102.

³ Решение Президиума ЦК КПСС П177/IX от 31 декабря 1955 г.

⁴ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М. 1992. С. 460—461.

⁵ Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 308.

июне 1957 года Серов снаряжает спецпоезд и опять сопровождает в поездке в Финляндию Булганина и Хрущева. Вот здесь он по-настоящему пригодился Хрущеву. Но уже как свидетель.

К весне 1957 года от бывшей идиллии «коллективного руководства» в Президиуме ЦК КПСС не осталось и следа. Все чаще на заседаниях разгорались яростные споры, порой даже и по не очень-то принципиальным вопросам. Явное стремление Хрущева к единоличному лидерству просто выводило из себя бывших ближайших соратников Сталина и старейших членов Президиума: В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова, К.Е. Ворошилова и Н.А. Булганина. В какой-то момент стало ясно, что их поддерживает большинство членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, и в их числе М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, Д.Т. Шепилов. Даже А.И. Микоян, Е.А. Фурцева и Г.К. Жуков проявили колебания¹. Их порой сильно задевал грубый тон и авторитарность Хрущева. Сам же Хрущев мог рассчитывать на твердую поддержку избранных в Президиум ЦК лишь двумя годами раньше А.И. Кириченко и М.А. Суслова, а также еще более молодых членов руководящей верхушки, год с небольшим как избранных кандидатами в Президиум — Л.И. Брежнева и Н.А. Мухитдинова. Также на стороне Хрущева выступал кандидат в члены Президиума ЦК Н.М. Шверник — председатель КПК при ЦК КПСС, много делавший для процесса реабилитации и разоблачения преступлений Сталина. В ходе изучения архивных материалов ему открылась такая правда о Молотове, Кагановиче и Ворошилове и их роли в предвоенных массовых репрессиях, что и страшно было представить, к чему приведет их победа в схватке с Хрущевым и их дальнейшее верховенство в президиуме ЦК КПСС. В общем, у Шверника, как впрочем, и у остальных молодых членов хрущевского руководства, были все основания серьезно опасаться «сталинской гвардии».

Итак, против Хрущева 18—21 июня 1957 года выступили большинство членов Президиума ЦК КПСС. В первый же день, на собранном ими заседании, изгнав Хрущева из председательского кресла, они поставили на обсуждение два вопроса. Во-первых, было предложено упразд-

¹ Шепилов Д. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001. С. 387, 394—396.

нить пост Первого Секретаря ЦК. Во-вторых, сместить с должности председателя КГБ Серова. Ему были предъявлены серьезные претензии в том, что он был подотчетен не Президиуму ЦК КПСС, а только лишь Хрущеву.

Выступивший 21 июня Сабуров предложил на пост председателя КГБ Патоличева, другие члены Президиума (Маленков или Каганович) предложили занять эту должность Булганину. У членов Президиума существовало опасение, что Серов шпионит за ними в пользу Хрущева. Булганин незадолго до описываемых событий говорил Сабурову: «...я не доверяю Серову, на нас доносит, наверное». То же думал и сам Сабуров, полагая возможной слежку со стороны КГБ за высшими руководителями. О том, как он поделился своими сомнениями о Серове с маршалом Жуковым, рассказал на июньском (1957) пленуме ЦК КПСС сам Сабуров: «Я говорил и Жукову, а он мне ответил: пусть попробует, я его в два счета снесу, и Лубянки не останется»¹.

Подобное высказывание Жукова совершенно не случайно. К 1957 году его отношения с Серовым не были столь сердечными, как в 1945—47 годах. Жуков всегда относился с подозрением и ненавистью к «органам», справедливо полагая, что нечего ждать от них хорошего. И вот главным чекистом страны стал человек, с кем он вроде был дружен. Но теперь, по своему положению, они были главами соперничающих ведомств. Некоторые усилия приложил и Хрущев, интригами добиваясь отдаления Серова от Жукова. Их бывшая дружба и заступничество друг за друга пугали Хрущева. Когда Жукова отправляли в отставку, Хрущев пытался изобразить его еще и мелким интриганом. 29 октября 1957 года на вечернем заседании пленума ЦК КПСС Хрущев сказал: «Жуков заявил Серову: «Не верь Хрущеву, я ему не говорил, что тебя надо снять»», и далее добавил, что в действительности Жуков все же говорил о необходимости снятия с должности Серова².

За полгода до июньского (1957) пленума и у Булганина была стычка с председателем КГБ, где он открыто заявил Серову, что не доверяет ему³.

¹ Исторический архив. 1993. № 3. С. 57—58.

² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 272. Л. 43.

³ Исторический архив. 1993. № 3. С. 58, 67.

С помощью министра обороны Жукова и председателя КГБ Серова, Хрущеву и его немногочисленным сторонникам в Президиуме ЦК КПСС удалось собрать в Москву весь состав ЦК, доставив их из дальних регионов военно-транспортными самолетами. Серов рассылал шифровки, а Жуков отвечал за доставку. На открывшемся 22 июня 1957 года пленуме ЦК КПСС Хрущев сумел представить события предыдущих дней как заговор «антипартийной группы». Молотов, Маленков, Каганович и другие члены руководства, выступившие накануне с критикой Хрущева, были обречены. Пленум их заклеил. Выступая на пленуме, тверже всех держался Молотов. Говоря о несуразностях Хрущева, он поставил ему в вину мытье с президентом Кекконеном в бане, случившееся как раз накануне, в ходе поездки в Финляндию Булганина и Хрущева. Булганин идти в баню благоразумно отказался. Защищая Хрущева на пленуме, подал реплику о «традиционном финском обряде» Серов, убедив присутствующих, что финское правительство проводит свои заседания в бане: «сидят голые в бане и обсуждают вопросы»¹, — сказал он. Никто в зале почему-то не засмеялся.

Хрущев же так прояснил обстоятельства: «И пошел я не потому, что хотел в бане париться, а считал бестактным отказаться. Вместе со мной были т.т. Михайлов, Серов и работник нашего посольства в Финляндии тов. Котов. С их стороны были Кекконен и генерал Грюнвальд». Но Молотов упорствовал: «Можно было бы достойнее вести себя в Финляндии для Первого секретаря», ему тут же возразил Руденко: «А вы считали достойным ехать к Гитлеру?», тут уж Молотов не нашелся что ответить².

И после разоблачения «антипартийной группировки» Хрущев берет в заграничные поездки с собой Серова. В июле 1957 года он включен в состав партийно-правительственной делегации СССР, отправляющейся в Чехословакию.

В том же 1957 году в Москве состоялся молодежный фестиваль. От госбезопасности и милиции потребовались титанические усилия по поддержанию порядка на фестивале. КГБ активно следил за молодыми людьми из капиталистических стран, стараясь ограничить их обще-

¹ Исторический архив. 1993. № 4. С. 7—8.

² Там же.

ние с советскими гражданами. Еще в 1956 года Серов был включен в комиссию по подготовке и проведению фестиваля молодежи и студентов¹.

Последний свой служебный визит за границу в качестве председателя КГБ Серов нанес осенью 1958 года в ГДР. Предварительно он направил свои предложения об обстановке в ГДР и предлагаемых им мерах в Президиум ЦК КПСС. На заседании 21 октября 1958 года (П188/17) его предложения были одобрены.

Близость Серова к вождям была щедро вознаграждена. Мало того, что на него пролился дождь званий и наград. Он еще прочно занял место в партийно-государственной иерархии. На XX партийном съезде в феврале 1956 года Серов был избран членом ЦК КПСС. Он также являлся депутатом Верховного Совета РСФСР 4-го созыва (1955—1959 гг.) и депутатом Верховного Совета СССР 5-го созыва (1958—1962 гг.).

«Технология власти»

Пост председателя КГБ Серов оставил в декабре 1958 года. Причем оставил не по своей воле или желанию. Причин, побудивших Хрущева провести замену руководителя этого важнейшего ведомства, Серов так и не понял. С некоторым недоумением он об этом даже пишет в письме в ЦК КПСС в ноябре 1964 года: «я и до сих пор не знаю причин этого перемещения»².

И немудрено. В действительности, мотивов замены председателя КГБ у Хрущева было несколько. И о них речь пойдет ниже. Но помимо этого, стоит заметить, что, по большей части Серов был сам виноват в произошедшем, ибо, вдруг потеряв политическое чутье, совершенно не разобрался в обстановке сложившейся в высших кругах. Не понял, с кем, помимо своего главного начальника — Первого секретаря ЦК Хрущева, следует поддерживать и развивать отношения, а с кем нет. То есть совершенно упустил из виду науку аппаратных интриг, название которой, по образному выражению Абдурахмана Авторханова — «технология власти». И этот термин довольно точно

¹ Решение Президиума ЦК КПСС П6/XXXII от 16 марта 1956 г.

² См. документ № 48.

отражает главную составляющую или основу науки выживания в кремлевских коридорах.

Итак, неожиданно, 8 декабря 1958 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Серов был освобожден от обязанностей председателя КГБ при Совете Министров СССР. Два дня спустя он был назначен начальником Главного Разведывательного Управления и заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР по разведке.

Внешне перевод Серова на работу руководителя ГРУ выглядел явным понижением. В решении Президиума ЦК КПСС от 10 декабря 1958 года новое назначение Серова объяснялось необходимостью «укрепления руководства ГРУ» и говорилось о «сохранении за ним материального содержания получаемого по прежней работе». Сохраняя Серову жизненные блага, Хрущев как бы подсластил горькую пилюлю.

И все же, что послужило причиной освобождения Серова с поста председателя КГБ? В нелояльности к Хрущеву его трудно было заподозрить. Он оказал Никите Сергеевичу неоценимые услуги в июне 1957 года в момент острого кризиса в руководстве Президиума ЦК КПСС, грозившего Хрущеву полной отставкой. Да и вообще примеров верного служения Серова не счесть. Так, 31 марта 1955 года Серов приготовился было направить Хрущеву, Булганину и Молотову информацию, где говорилось о впечатлениях индонезийского посла Субандрио от беседы с Хрущевым. Но, вчитавшись в текст, понял, что посылать этот материал можно только самому Хрущеву, иначе в Президиуме ЦК возникнет скандал. В документе рассказывалось о том, что Хрущев, беседуя с Субандрио около двух часов в здании ЦК КПСС, говорил о неравномерности развития в социалистических странах, из чего вытекают различия в применяемых там методах, восхищался Соединенными Штатами, подчеркивая, что СССР не так богат, говорил об оказываемой помощи Китаю, усиление мощи которого, — по мнению Хрущева, — есть и усиление СССР. Наконец «Хрущев сказал, что после смерти Сталина «все они» почувствовали, что желательно ослабление напряженности в международных отношениях и что следует уделять больше внимания нуждам Советского Союза»¹. О содержании беседы Хру-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 25. Л. 118—125.

щева члены Президиума ЦК не знали. «Но если узнают, — подумал Серов, — будет скандал. Такой ортодокс, как Молотов, уж точно будет клеймить Хрущева за «ересь». Серов недолго думая вымарал из числа адресатов письма имена Булганина и Молотова, чем, надо полагать, и обеспечил некоторый период спокойной жизни Хрущеву. Понятно, что после всего этого у него не было выбора, кого поддерживать.

Как уже говорилось, выступившие в июне 1957 года против Хрущева члены Президиума ЦК КПСС, кроме прочего, требовали замены Серова на посту председателя КГБ Н.А. Булганиным. Они обвинили Хрущева, что он подчинил КГБ только себе, тогда как КГБ должен был подчиняться Президиуму ЦК КПСС¹. На июньском (1957) пленуме ЦК КПСС Серов яростно защищал Первого секретаря. Одно только могло смущать Хрущева, — дружба Серова с Жуковым. И хотя благодаря Хрущеву в их отношениях появились недоверие и соперничество, Серов и Жуков продолжали держаться вместе. Незадолго до этого пленума у Хрущева был прием по случаю свадьбы сына. Обстановка в Президиуме ЦК уже тогда была накаленной, все предчувствовали близкую развязку. В гостях у Хрущева «Жуков все время о чем-то шептался с Серовым»². После того как Жуков в октябре 1957 года был отправлен в отставку со всех своих постов, тень подозрения, конечно, могла пасть и на Серова.

В то же время, окрыленный поддержкой и вниманием Хрущева, особенно после поражения Молотова, Маленкова и Кагановича, Серов очень напористо, хотя при этом и весьма неосторожно пытался подчинить своим интересам некоторых новых выдвиженцев — секретарей ЦК КПСС. Эти шаги не остались без внимания Хрущева и вызвали его недовольство. Тем более что в самом Секретариате ЦК КПСС обстановка была сложной и наблюдалось острое соперничество и борьба за единоличное лидерство.

На декабрьском (1957) пленуме ЦК КПСС в состав Секретариата ЦК КПСС были введены новые люди: Н.Г. Игнатов и А.И. Кириченко. Хрущев объяснял это необходимостью «усиления работы Секретариата» и привлечением

¹ Исторический архив. 1993. № 3. С. 39.

² Хрущев С. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М., 1994. Т. 1. С. 305.

к работе «более молодых кадров, чтобы создать необходимую преемственность»¹. Соперничающие Кириченко и Игнатов сразу же стали враждовать друг с другом. Основную ставку Хрущев сделал на своего выдвиженца с Украины Кириченко², поручив ему председательствовать на заседаниях Секретариата ЦК КПСС³. Подчинив себе работу Секретариата, Кириченко, по сути, обрел статус «второго секретаря ЦК». Тогда же было решено перераспределить обязанности секретарей ЦК КПСС⁴:

Кириченко А.И. — вопросы руководства работой промышленности и наблюдения за работой отделов парторганов.

Игнатов Н.Г. — вопросы сельского хозяйства и руководство работой промышленности перерабатывающей продукты сельскохозяйственного производства.

Мухитдинов Н.А. — кроме участия в Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей⁵, преимущественно по странам Азии и Африки, возложить наблюдение за работой хлопководческой отрасли сельского хозяйства.

Фурцева Е.А. — наблюдение по вопросам науки, культуры и идеологической работы по союзным республикам.

Куусинен О.В. — вопросы международных партийных связей преимущественно по капиталистическим странам.

Поспелов П.Н. — наблюдение по вопросам науки, культуры и идеологической работы по Российской Федерации.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 15. Л. 40.

² Министр обороны Г.К. Жуков был весьма нелестного мнения о нем: «С точки зрения общей культуры Кириченко был примитивным. Я поражаюсь и недоумевал, чем он мог заслужить у Хрущева столь дружеское к себе отношение» (Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 627.).

³ Решение Президиума ЦК КПСС П132/III от 3 января 1958 г. (См.: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964... С. 292.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 15. Л. 47. В этом проекте по распределению обязанностей не упоминался секретарь ЦК КПСС А.Б. Аристов, которому ранее было поручено в Бюро ЦК КПСС по РСФСР заниматься общими вопросами и сельским хозяйством (См. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964... С. 291.) Кроме него не упоминался секретарь ЦК КПСС Н.И. Беляев, работавший 1-м секретарем ЦК КП Казахстана.

⁵ Эта комиссия под председательством М.А. Суслова создана решением Президиума ЦК КПСС П132/II от 3 января 1958 г. (Президиум ЦК КПСС. 1954—1964... С. 291.).

Суслов М.А. — кроме председательствования в Комиссии ЦК по вопросам идеологии, культуры и международных связей, наблюдение по вопросам международных партийных связей в целом.

Брежнев Л.И. — кроме выполнения работы в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, наблюдение за работой административных отделов и отделов торгово-финансовых и плановых органов.

Получалось, что вопросами административных органов, к которым, конечно же, относился и КГБ, ведал Брежнев. Однако, вскоре обязанности Брежнева изменились. В решении Президиума ЦК КПСС П146/VI от 29 марта 1958 года говорилось:

«В связи с необходимостью усиления контроля и дальнейшего улучшения работы оборонной промышленности поручить т. Брежневу Л.И. сосредоточить главное внимание на этой отрасли промышленности, а также на тяжелой промышленности и строительстве»¹.

С этого момента за курирование КГБ взялся секретарь ЦК Кириченко, причем формального решения на этот счет не было.

По воспоминаниям А.И. Микояна, Серов почему-то сделал ставку на секретаря ЦК Игнатова:

«Он искал опоры у Игнатова, секретаря ЦК, имевшего тогда влияние на Хрущева, да и Игнатов искал сближения с Серовым. Игнатов сам рвался к реальной власти, хотел Хрущева свести к положению английской королевы»².

Но на пути у Игнатова стоял Кириченко. Причем Кириченко и его кураторство и опека органов КГБ вызвали явное неудовольствие Серова. Стиль и методы секретаря ЦК не отличались тактичностью. Как вспоминал В.Е. Семичастный:

«А.И. Кириченко — довольно энергичный, несколько экспансивный человек, бывший на Украине безраздельным хозяином, еще там усвоил этакий диктаторский тон, который порой переходил в грубовато-хамский, и с этими замашками приехал в Москву»³.

¹ Этим же решением Брежнев был освобожден от обязанностей члена и заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР (АП РФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 15. Л. 49.).

² Микоян А. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 607.

³ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 109.

Серов же признавал над собой только власть Хрущева и только от него был готов сносить грубости и терпеть только его диктат. Так что нетрудно понять, почему именно Игнатову Серов отдал свое предпочтение. Однако он ввязался в борьбу на слишком высоком для него уровне, где ставки были чересчур высоки. Политическое чутье, безотказно срабатывавшее ранее, его явно подвело.

И хотя остальные секретари ЦК, объединившись, действовали «единым фронтом» и прилагали все усилия для того, чтобы лишить Кириченко лидерства в Секретариате ЦК, он был достаточно силен и, до поры до времени, пользовался расположением Хрущева — вплоть до осени 1959 года. Таким образом, судьба Серова была решена.

О том, что намечается его смещение с должности в КГБ, Серов был оповещен заранее. Об этом с ним беседовал и сам Хрущев в ходе почти часовой встречи в своем кремлевском кабинете 17 ноября 1958 года¹. Более того, он поинтересовался мнением Серова о том, кого тот видит своим преемником в КГБ. Серов провидчески назвал Шелепина². Об этом же свидетельствует и протокольная запись заседания Президиума ЦК³. Сам Хрущев в качестве кандидатов на место Серова первоначально назвал имена его первых заместителей — К.Ф. Лунева и П.И. Ивашутина⁴. За Ивашутина высказывался и близкий к Брежневу человек — начальник Ленинградского УКГБ Н.Р. Миронов, который впоследствии возглавит Отдел административных органов ЦК КПСС и активно включится в травлю Серова⁵.

Тем не менее, решение убрать Серова из КГБ удалось Хрущеву нелегко. Дважды, 20 и 24 ноября, вопрос о Серове обсуждался Президиумом ЦК КПСС и лишь на третьем заседании 3 декабря 1958 года решение было принято⁶. Причем решающую роль как раз сыграл выплывший наружу факт закулисных встреч и переговоров Серова и секретаря ЦК Игнатова. Их расценили как «интриганство». Если на первом заседании 20 ноября Хрущев, отмечая «разное отношение» к Серову со стороны членов Прези-

¹ Источник. 2003. № 4. С. 58.

² См. документ № 48.

³ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964... С. 340.

⁴ Там же.

⁵ См. документ № 47.

⁶ См. документы № 42, 43, 44.

диума ЦК, предлагал действовать «без надрыва», и при этом полагал вполне возможным «передвинуть» его в ГРУ, то 24 ноября чаша весов склонилась в пользу Серова — было решено оставить его на должности¹.

Серов искал защиты у Игнатова и помощь пришла. Когда на заседании 24 ноября решался вопрос, на защиту Серова встали некоторые члены руководства. Хрущев и Игнатов отмечали его «преданность», Аристов говорил о «положительных моментах» в его деятельности, Фурцева — о «стойкости» и активности Серова в ходе работы комиссии Молотова по изучению материалов репрессий, Полянский вспомнил о хорошем поведении Серова в трудные «июньские дни» 1957 года, пояснив: «прямой человек, дело знает, выдержанный», а Пospelов, как похвалу отметил: «Серова враги ругают»².

Итак, первая атака на Серова была отбита. Тогда Кириченко бросил в дело «тяжелую артиллерию» уличив Игнатова в сговоре с Серовым, он эффектно преподнес это Хрущеву. И Первый секретарь дрогнул. На заседании 3 декабря 1958 года Игнатову устроили публичную порку. Задом досталось и Серову. Суслов вдруг вспомнил, что в первоначальном проекте Положения о КГБ «не было вопроса о руководстве партии»³, и сделал однозначный вывод о «малопартийности» Серова, а Брежнев туманно намекал на вопрос о пенсиях, который, видимо, Серов трактовал или решал как-то неправильно. Лишь Аристов продолжал защищать Серова, тогда как Суслов, Микоян и Козлов решительно высказались за его замену в КГБ⁴. В тот же день вопрос был решен. Постановлением Президиума ЦК КПСС П194/XLVIII от 3 декабря 1958 года М.А. Шалин был освобожден от обязанностей начальника ГРУ и заместителя начальника Генштаба по разведке и на его место утвержден Серов. Исполнение обязанностей председателя КГБ было возложено на К.Ф. Лунева — первого заместителя председателя КГБ.

Года не прошло после смещения Серова с поста КГБ, как Кириченко был повержен. На заседании Президиума

¹ См. документ № 43.

² Там же.

³ Текст Положения о КГБ см.: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник... С. 693—698.

⁴ См. документ № 44.

ЦК КПСС 12 ноября 1959 года помимо обвинения в «честолюбии» и «властолюбии» ему пеняли и на то, что он курировал военные кадры и кадры КГБ, тогда как ему этого «никто не поручал»¹. Вообще на этом заседании Кириченко выслушал немало нелестного для себя. Ф.Р. Козлов, имея в виду его грубость, утверждал, что от него «Брежнев рыдал», Н.В. Подгорный заявил: «он думает, что самым умным является он», «если против скажешь, Кириченко не забудет никогда, будешь врагом»; А.П. Кириленко добавил: «неуравновешен, мнителен», Д.С. Полянский высказался мягче: «необъективный человек, допускает грубости к другому человеку». Хрущев подытожил: «вы просто зазнались»². Отныне по предложению Хрущева председательствовать на заседания Секретариата ЦК КПСС должны были поочередно все секретари ЦК³.

В январе 1960 года Кириченко и вовсе был услан из Москвы в Ростов-на-Дону на должность первого секретаря обкома. Однако Игнатов и поддержавшие его секретари ЦК недолго наслаждались победой. В мае 1960 года Хрущев решительно перетряхнул состав Секретариата ЦК КПСС, убрав оттуда всех возмутителей спокойствия: Н.Г. Игнатова, А.Б. Аристова, Е.А. Фурцеву, а вместе с ними и П.Н. Поспелова. Тогда же был выведен из состава Секретариата ЦК формально продолжавший в нем числиться и А.И. Кириченко. Полугодом позже, на январском (1961) пленуме ЦК КПСС, Хрущев открестился от своего бывшего фаворита и публично высказал претензии к бывшему секретарю ЦК, еще в бытность работы его на Украине, и объяснил, что «горе-руководитель» Кириченко давно «горел на корню»⁴. Из газет, опубликовавших выступление Хрущева, об этом узнала вся страна.

Впоследствии обиженный Игнатов, хотя его, в отличие от Кириченко, Хрущев публично не ругал, стал наиболее ярким и злобным критиком Хрущева и сыграл большую

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964... С. 391.

² Там же. С. 392—393.

³ Это положение сохранялось недолго. Вскоре после избрания Ф.Р. Козлова секретарем ЦК было принято решение Президиума ЦК КПСС П284/ХЛ от 2 июня 1960 г. в котором говорилось: «Возложить на т. Козлова Ф.Р. председательствовать на заседаниях Секретариата ЦК КПСС, а также рассмотрение материалов и подготовку вопросов к заседаниям Секретариата ЦК» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 15. Л. 67).

⁴ Пленум ЦК КПСС 10—18 января 1961 года. Стенографический отчет. М., 1961. С. 558.

роль в его отстранении от власти в 1964 году. А тогда, на пленуме ЦК КПСС 4 мая 1960 года, взошла новая политическая звезда — Ф.Р. Козлов, которому, хоть и на короткое время, суждено было стать вторым человеком после Хрущева. Он впоследствии сыграл в судьбе Серова довольно важную, если не решающую роль.

Однако вернемся в 1958 год. В глазах Хрущева Серов олицетворял прошлое. Его вовлеченность в наиболее ужасные сталинские преступления ни для кого не была секретом. Наказывать его за это Хрущев не собирался, но и оставлять на должности председателя КГБ тоже было как-то неудобно. КГБ должен был менять имидж, а самому Первому секретарю ЦК КПСС следовало бы дистанцироваться от карательной службы и ее мрачного прошлого. И все же Хрущев колебался, даже когда другие члены Президиума ЦК КПСС, например Микоян, настаивали на его снятии с должности: «Хрущев защищал его, говоря, что тот «не усердствовал, действовал умеренно»¹.

Вместе с тем, по мнению Хрущева, настало время провести более глубокие реформы в КГБ, сократить штаты, кардинально изменить структуру и, наконец, смягчить карательную политику, сделав упор на профилактическую работу, вместо все еще многочисленных арестов. Серов, так сразу перестроиться не мог. Да и прошлое все сильнее напоминало о себе. Как отмечал Микоян: «с годами разоблачение репрессий делало Серова еще более одиозной фигурой, невозможно было уже его держать. Я Хрущеву об этом говорил. Думаю, он догадывался, что это всеобщее мнение»².

Кроме того, хватало у Серова и недругов, которые не жалея сил проводили архивные изыскания, стараясь найти документы о прошлом Серова. Одним из таких был министр внутренних дел Дудоров, затаивший на Серова обиду за его разносную критику вполне прогрессивного проекта реформы исправительно-трудовой системы подготовленного министром. Именно Дудоров пытался дать ход версии о том, что отец Серова никакой не крестьянин, а царский жандарм! Дудоров «находил документы о выселении народов», «подсчитывал сколько чеченцев, ингу-

¹ Микоян А. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 607.

² Там же.

шей, калмыков умерло по пути в ссылку, и обвинял в этом Серова»¹. Существует версия, что Серов нашел способ заставить Дудорова замолчать:

«Однажды сына Дудорова нашли в подъезде их дома с переломанным о перила лестницы позвоночником. Медицина оказалось бессильной. Причастность к этому Серова, скорее всего, навсегда останется тайной, но Дудоров больше никуда и ничего о нем не писал. У него еще оставалась дочь»².

Вскоре после смещения Серова с должности председателя КГБ за него всерьез взялся председатель КПК Шверник. 31 декабря 1958 года он направил Хрущеву пространную докладную записку «о фактах преступной деятельности Серова». В ней Шверник писал, что Комитетом партийного контроля проверены дела бывших начальников оперативных секторов НКВД в Германии Клепова, Сиднева, Бежанова и ближайших работников аппарата Серова в Германии Тужлова, Хренкова и Вихрянова, и, на основании этих дел, Серов изобличается в хищении для себя суммы свыше 2 миллионов немецких марок из Рейхсбанка, а также драгоценностей и слитков³. Группа чекистов, — говорилось далее, — во главе с Серовым «грабила в Германии не только учреждения — банки, картинные галереи, но и отдельных граждан Германии, а также лиц, находящихся в заключении»⁴.

В 1953 году, отмечал Шверник, именно Серов был инициатором прекращения дел на своих сослуживцев в Германии. В свое время следователи МГБ «изобразили Сиднева умалишенным», чтобы подорвать достоверность его показаний. Решением ОСО МГБ от 6 октября 1951 года он был направлен на принудительное лечение в Казань. Однако вскоре Центральная судебно-психиатрическая комиссия признала его симулянтom и 4 октября 1952 года состоялось новое решение ОСО МГБ о возобновлении следствия и этапировании Сиднева в Москву. Несмотря на это, писал Шверник, следователь Боханов составил заключение об изменении меры пресечения и передаче

¹ Жирнов Е. Великий депортатор // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 2000. 12 декабря (№ 49).

² Там же.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 172. Л. 18—23.

⁴ Там же.

Сиднева на руки родственникам. 25 июля 1953 года это заключение утвердил Серов. А 15 октября 1953 года Сидневу выдали справку о реабилитации¹.

Далее в записке Шверника говорилось о том, что, став председателем КГБ, Серов «решил скрыть следы своего мародерства» и дал задание вымарать в архивно-следственных делах Клепова, Бежанова и Сиднева все упоминания о себе. И это было сделано. В качестве доказательства Шверник приложил фотокопии листов из дел с вымаранными тушью фрагментами текста².

Также в вину Серову ставилось участие в организации в 1950 году Особой тюрьмы и утверждении сметы ее расходов на 1951 год. И особенно подробно в записке говорилось о деле Федосеева и роли Серова в его трагичной судьбе. Оказывается, когда после смерти Сталина началась реабилитация, прокуратура долго не могла добиться от Серова, чтоб он выдал им следственное дело Федосеева, его председатель КГБ хранил у себя в сейфе. Такой вот скелет в шкафу.

Помимо прочего, вспомнил Шверник и о том, что Серов не до конца выполнил постановление о расчистке архивов:

«Комитет партийного контроля установил также, что Серов не выполнил постановление ЦК КПСС об уничтожении агентурных разработок на членов Президиума ЦК КПСС, в частности, он до освобождения его от работы в КГБ хранил у себя агентурное дело на Булганина, в котором разрабатывался также т. Хрущев Никита Сергеевич через агента Финкеля, впоследствии расстрелянного по постановлению Особого совещания МВД»³.

В конце записки Шверника содержалась просьба к Хрущеву «разрешить Комитету партийного контроля заняться делом Серова по существу»⁴.

Хрущев и на этот раз взял Серова под защиту и не дал хода делу.

Находясь уже несколько лет на должности начальника ГРУ, Серов все же получил неприятный сюрприз, напомнивший ему о делах сталинской эпохи. Решением Президиума ЦК КПСС П23/XXXVII от 29 марта 1962 года был

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 172. Л. 18—23.

² Там же. Л. 41—44.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же.

отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 года, которым были награждены активные участники и организаторы депортации народов Северного Кавказа. В их числе был и Серов.

Можно предположить, что еще одной веской причиной скрытого хрущевского недовольства Серовым, были его ведомственный патриотизм и нежелание идти на серьезное сокращение аппарата КГБ. Профессиональная чекистская закостенелость не нравилась Хрущеву. Заведующий Отделом административных органов ЦК КПСС А.С. Желтов 10 сентября 1958 года подал Хрущеву записку об упрощении и совершенствовании структуры и сокращении штатов центрального аппарата и периферийных органов КГБ. Но это не встретило понимания у Серова¹.

Хрущев полагал, что партийный функционер, не связанный карьерой с «органами», если его поставить во главе КГБ, будет послушно и безропотно выполнять партийные решения. Так и произошло. На должность председателя КГБ 25 декабря 1958 года был назначен А.Н. Шелепин, до этого возглавлявший Отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. Вскоре Хрущев, выступая перед избирателями в феврале 1959 года, заявил: «Мы и внутренние силы — наши органы государственной безопасности — значительно сократили, да и еще нацеливаемся их сократить...»². Мотивировал это Хрущев уверенностью советского руководства в своем народе. Новый председатель КГБ тут же откликнулся встречными предложениями. В письме в ЦК КПСС 7 апреля 1959 года Шелепин писал: «Вы, Никита Сергеевич, совершенно правильно говорили в своем выступлении перед избирателями Калининского избирательного округа о необходимости дальнейшего сокращения органов госбезопасности»³. В своем письме Шелепин сообщал о намеченном сокращении и пересмотре структуры центрального аппарата КГБ. Именно такой председатель КГБ и был нужен Хрущеву! Поговаривали, что Шелепин больше времени проводил в кабинете Первого секретаря ЦК КПСС, чем у себя на Лубянке⁴.

¹ Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник... С. 156.

² Хрущев Н.С. Мир без оружия — мир без войн. М., 1960. Т. 1. С. 129.

³ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 6. Д. 8. Л. 209.

⁴ Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 310.

НАЧАЛЬНИК ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

На посту начальника ГРУ Серов уже не пользовался былым влиянием. Невысокого мнения были и сотрудники ГРУ о его пригодности для работы в военной разведке. «Он умеет арестовывать, допрашивать и расстреливать», — говорили они о Серове¹. В кулуарных разговорах, особенно за бутылкой, генералы Генштаба ворчали: «Зачем нам этот Серов? Если расстреляли Берию, то почему этого типа не повесили?»²

С самого начала взаимоотношения с руководством Министерства обороны у Серова не сложились. Ему очепь трудно было изжить начальственный комплекс. Разумеется, тут же в ЦК КПСС из военного ведомства пошел поток заявлений с жалобами на грубость и самодурство Серова. И к этому были все основания. На новом месте работы он хамил подчиненным, его же, в свою очередь, угнетала необходимость подчинения одновременно, и начальнику Генштаба, и министру обороны, тогда как раньше он считал себя ближайшим соратником Хрущева³. Теперь же их встречи стали редки. Почти через год после смещения Серова из КГБ Хрущев принял его 31 декабря 1959 года в своем кремлевском кабинете, но аудиенция длилась всего 20 минут⁴.

В январе 1960 года в ЦК КПСС на имя Хрущева поступила жалоба из ГРУ на «непартийное» поведение Серова. Писал секретарь парткома ГРУ И.А. Большаков⁵. Существо его обвинений сводилось к тому, что Серов не принимает никакого участия в работе парткома, да и вообще игнорирует его решения, нарушает нормы партийной демократии, в своей повседневной работе проявляет

¹ Шектер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир. М., 1993. Т. 1. С. 148.

² Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 305.

³ Жирнов Е. Великий депортатор // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 2000. 12 декабря (№ 49).

⁴ Источник. 2003. № 4. С. 67.

⁵ См. документ № 45.

администрирование. Большаков констатировал: «от коллектива оторван, людей знает плохо. Подчиненные управления и части почти не посещает. Необходимым авторитетом среди личного состава не пользуется»¹.

Хрущев, изучивший это письмо, не стал спешить с организационными выводами, а просто распорядился провести беседу с Серовым в ЦК КПСС и пригласить на нее секретаря парткома Большакова. Беседовать с Серовым было поручено секретарям ЦК Суслову, Игнатову и Брежневу. Однако до того, как состоялась беседа, Серов был ознакомлен с заявлением Большакова, и 10 марта 1960 года направил Суслову подробную объяснительную записку. В ней Серов пояснял, что Большаков работает секретарем парткома ГРУ лишь 4 месяца и, таким образом, просто не в курсе дел, а его заявление «противоречит фактам»². Более того, Серов писал, что Большаков в глаза заявлял ему совсем другое — то есть «двурушничал» и, вообще, сам имеет серьезные проступки — бросил семью и женился на женщине-агенте, профессиональной подготовкой которой был занят. В порядке самокритики Серов отметил, что, конечно, в ГРУ «имеются еще недостатки», да и у него самого тоже имеются недостатки — «невыдержанность и резкость»³. Беседа с Серовым была проведена Сусловым 30 марта 1960 года в присутствии министра обороны Р.Я. Малиновского и начальника Главного политуправления Советской Армии Ф.И. Голикова. Вопрос был закрыт.

Казалось бы, с какой-то стороны Серов мог стать компромиссной фигурой в ГРУ и тем самым способствовать налаживанию более тесной и дружной работы разведки КГБ и ГРУ. До сих пор в их взаимоотношениях не было должной степени координации. Ведомства порой не просто соперничали, но и зачастую радовались неудачам друг друга. Так, «когда резидент ГРУ в Лондоне узнал, что двое агентов КГБ арестованы, он довольно потер руки и произнес: «Отлично. Слава Богу, что у нас все в порядке»⁴.

Серов, тем не менее, не стал издавать каких-либо официальных приказов об улучшении взаимоотношений ГРУ и КГБ. И не стал что-либо кардинально менять в ус-

¹ См. документ № 45.

² См. документ № 46.

³ Там же.

⁴ Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 302.

товавшейся структуре ГРУ, чем снискал, в конце концов, уважение и признательность сотрудников военной разведки¹. В то же время в ЦК были озабочены недостаточной степенью координации в деятельности разведок КГБ и ГРУ. В июне 1961 года было созвано специальное совещание руководителей КГБ и ГРУ, на котором присутствовали и некоторые резиденты². Тем не менее заметного улучшения отношений не произошло. В ГРУ по-прежнему смотрели на КГБ, как на контролирующую организацию. И действительно, военная контрразведка КГБ и ее Особые отделы имели прямые обязанности надзирать за ГРУ, так как они являлись неотъемлемой частью Советской Армии, за которой чекисты следили всегда. Хотя Серов, будучи заядлым теннисистом, старался поддерживать контакты с бывшими сослуживцами из КГБ и регулярно встречался с ними за игрой на корте.

За этими контактами ревниво следил новый председатель КГБ Шелепин. Одна из игр Серова закончилась трагически. В Москву по вызову Шелепина прибыл Уполномоченный по координации и связи КГБ с органами МГБ и МВД ГДР генерал-майор А.М. Коротков. Предчувствия у него были неважные. Шелепин был недоволен работой аппарата КГБ в ГДР. Однако 27 июня Коротков побывал у Шелепина, и кажется, тучи рассеялись. Вечером того же дня он встретился на корте с Серовым. Во время игры ему стало плохо с сердцем. Спасти его не успели³.

Находясь во главе ГРУ, Серов пытался, хотя и не слишком настойчиво, бороться с «семейственностью и протекционизмом». Наличие на «теплых местах» многочисленных сыновей и зятьев высокопоставленных кремлевских руководителей было обыденностью не только для ГРУ, но и для КГБ и прочих ведомств, работа в которых сулила выезды за границу. Их профессиональный уровень, да и поведение оставляли желать лучшего. Но сбросить этот балласт было непросто. Так, Серову не удалось избавиться от сотрудника ГРУ — военно-воздушного атташе в Великобритании, который зарекомендовал себя как большой любитель выпить, обожающий, кроме того, женщин, особенно толстых. Однако он был зятем председателя

¹ Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 84.

² Там же. С. 87.

³ Гладков Т. Король нелегалов. М., 2000. С. 457—458.

Верховного Суда А.Ф. Горкина, и это препятствие было непреодолимым¹.

Точку в карьере Серова поставил арест полковника ГРУ О.В. Пеньковского, задержанного в Москве 22 октября 1962 года. Он оказался агентом английской и американской разведок, как утверждалось на его судебном процессе, состоявшемся 7—11 мая 1963 года². В свое время Пеньковского должны были уволить из военной разведки, спас его Серов.

Уже в январе 1963 года Серов понял, что над ним сгустились тучи. Пытаясь объяснить, он 10 января написал заявление в Президиум ЦК. Но остановить развитие событий было уже не в его силах. Расследование в КГБ дела Пеньковского давало все больше доказательств, что обширная информация, переданная англичанам, была результатом его знакомства и частых посещений домов Серова и Главного маршала артиллерии С.С. Варенцова.

По некоторым свидетельствам, Хрущев не собирался строго наказывать переданных ему Варенцова и Серова. В их виновности и необходимости крутых мер убедил его член Президиума и секретарь ЦК КПСС Ф.Р. Козлов. Именно он рассказал Хрущеву о том, что жена и дочь Серова вместе с Пеньковским ездили в Англию³.

Председатель КГБ В.Е. Семичастный вызвал к себе и лично беседовал с маршалом Варенцовым, однако с Серовым, «из принципа», не стал встречаться. Как он пишет в воспоминаниях: «ведь это был бывший председатель КГБ!», и поясняет, что он не располагал ничем, что могло бы смягчить вину Серова⁴. Тем не менее следователи КГБ с Серовым беседовали⁵.

В итоге в недрах КГБ был подготовлен пространный отчет о роли Варенцова и Серова в деле Пеньковского, в который председатель КГБ В.Е. Семичастный по своей инициативе добавил материалы о виновности Серова в

¹ Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 354.

² Судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О.В. и шпиона-связника подданного Великобритании Винна Г.М. 7—11 мая 1963 года. М.: Политиздат, 1963.

³ Хрущев С. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М., 1994. Т. 2. С. 435—436. См. также: Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 200.

⁴ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 239.

⁵ Там же.

«выселении мирных народов — калмыков, ингушей, поволжских немцев и других» и внес предложение его наказать¹.

От работы начальника ГРУ и заместителя Генерального штаба по разведке Серов был освобожден 2 февраля 1963 года решением Президиума ЦК КПСС. Через месяц с небольшим, 7 марта Президиум ЦК принял решение «О работе ГРУ», в котором, в частности содержалось поручение комиссии в составе Секретаря ЦК КПСС В.Н. Титова, маршала С.С. Бирюзова и П.И. Ивашутина (1-го заместителя председателя КГБ, а теперь нового начальника ГРУ) — разобраться в вопросе о С.С. Варенцове, И.А. Серове и других и внести свои предложения. Трудно понять, что успела сделать комиссия, но следующим пунктом решения Президиума ЦК КПСС, в тот же день 7 марта «за потерю политической бдительности и недостойные поступки» генерал армии Серов был снижен в военном звании до генерала-майора и лишен звания Героя Советского Союза.

Особенно активно против Серова выступал заведующий Отделом административных органов ЦК КПСС Н.Р. Миронов — давний недруг Серова. Он также сыграл свою закулисную роль в наказании Серова. Причем известие об отстранении его от должности начальника ГРУ настолько обрадовало Миронова, что он даже не в силах был скрыть своего ликования от окружающих². Оказалось, что Миронов давно подбирал материалы, компрометирующие Серова, добиваясь его смещения.

Вопрос о партийной ответственности Серова был передан на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС. Партийное решение о разжаловании и лишении звания Героя было оформлено 12 марта 1963 года в советском порядке. Был выпущен Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении его звания Героя Советского Союза и Постановление Совета Министров о понижении в звании.

О наказании Серова Хрущев проинформировал пленум ЦК КПСС на вечернем заседании 21 июня 1963 года. В вину ему поставили вторичный прием на работу в военную разведку Пеньковского. Хрущев сказал: «Из-за этого Серова наказали, что Серов допустил, его сняли и пони-

¹ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 239.

² Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 173.

зили в звании с генерала армии до генерала-майора»¹. Вообще говоря, Серов еще легко отделался. На этом же пленарном заседании Хрущев метал громы и молнии, поставив на голосование вопрос о выводе из кандидатов в члены ЦК КПСС Главного маршала артиллерии С.С. Варенцова, — покровителя Пеньковского. Заявив, что у Варенцова много заслуг, Хрущев продолжал: «Но, как говорится, ты мне брат, а партия мне мать. Поэтому я не могу иначе. Я ценил его как генерала, как артиллериста, но тут вопросы политические, вопросы партийного порядка, и он не достоин быть среди членов и кандидатов в члены ЦК. Вот мое мнение»². С возмущением отметив, что Пеньковский «влез в душу» к Варенцову, Хрущев добавил: «Я опять повторяю, может быть мы малую меру принимаем против него только в партийном порядке, а может быть, надо было бы его судить за это дело, потому что он много болтал и много выболтал. Особенно он не знал, он не знал о стратегических наших ракетах, но о тактических ракетах все рассказал, то, что Варенцов знал, все собственно рассказал. Вот каково положение»³. За исключение С.С. Варенцова из кандидатов в члены ЦК КПСС пленум проголосовал единогласно.

Между тем, Хрущев по-прежнему неплохо относился к Серову, хотя и полагал, что тот наказан заслуженно. Позднее в своих воспоминаниях он писал о своем всегдашнем доверии Серову, полагая его вполне «честным» и «партийным» человеком, а «если что за ним и было, как за всеми, так сказать, чекистами, то он здесь тоже стал, ну, жертвой общей политики, которую проводил Сталин»⁴. Серов не оставлял попыток разжалобить Никиту Сергеевича, но успехов они не имели⁵.

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 642. Л. 40.

² Там же. Л. 41—42.

³ Там же.

⁴ Хрущев Н. Воспоминания: Избранные отрывки. Нью-Йорк: Чалидзе Пабл-кейшенс, 1982. С. 156.

⁵ См. документ № 47.

ОПАЛА

После снятия с должности начальника ГРУ Серов был назначен помощником командующего Туркестанским военным округом по учебным заведениям, а с августа 1963 года работал на той же должности в Приволжском военном округе. За два с небольшим года, вплоть до своего увольнения в запас, Серов перенес немало унижений и оскорблений. В его травлю, помимо министра обороны Малиновского, как и следовало ожидать, активно включился Н.Р. Миронов¹. Серов знал, о нем идут слухи, что он «родственник или друг дома Брежнева», но тем не менее написал Хрущеву о служебных промахах Миронова. И этим, надо полагать, еще больше восстановил могущественного заведующего Отделом ЦК против себя. Миронов смог так поставить себя в аппарате ЦК КПСС, что не он, а к нему ездил в здание ЦК сам министр обороны Малиновский, хотя маршал занимал более высокую иерархическую ступень². Брежнев, хорошо знавший Миронова еще с днепропетровских времен, в своих мемуарах пишет о нем как о человеке «оригинальном» и «смелом», не боявшемся критиковать высокое начальство:

«И если он говорил о недостатках в работе горкома или обкома партии, то не дипломатничал, не искал обтекаемых выражений, а называл имена конкретных работников, в том числе и мое имя»³.

Тем не менее их отношения оставались вполне дружескими, а в 1964 году Миронов сыграл важнейшую роль в подготовке смещения Хрущева и прихода к власти Брежнева.

В октябре 1964 года был снят со своих должностей и отправлен на пенсию Хрущев. Миронова ждало повышение, его прочили в секретари ЦК КПСС. Однако несколько дней спустя — 19 октября он погиб в авиационной катаст-

¹ См. документ № 47.

² Жирнов Е. «Собрались и мажете говном» // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 2004. 11 октября.

³ Брежнев Л.И. Воспоминания / 2-е изд. М., 1983. С. 138.

рофе. Все эти события поначалу обрадовали и воодушевили Серова. У него появилась надежда с достоинством выйти из опалы и выбраться из захолустного Куйбышева. Он буквально бомбардирует Кремль своими заявлениями. Только с ноября 1964 по июнь 1965 года он написал восемь заявлений! Тем не менее все безуспешно. Брежнев не пошел ему навстречу. Но вернуться в столицу ему удалось. В 60 лет Серов стал военным пенсионером, состоящим на учете во Фрунзенском райвоенкомате города Москвы. В своих заявлениях Серов просил восстановить его в званиях генерала армии и Героя. Результат был обратным: 9 апреля 1965 года КПК при ЦК рассмотрела его персональное дело, и Серов был исключен из партии за «нарушения социалистической законности и использование служебного положения в личных целях». Вскоре приказом министра обороны СССР № 240 от 1 сентября 1965 года Серов был уволен в запас Вооруженных Сил по болезни.

Будучи в зените своей карьеры, Серов жил в самом престижном доме на улице Грановского¹, где кроме него располагались квартиры других высших кремлевских руководителей. На одном этаже с Серовым жил Генеральный прокурор Р.А. Руденко. Под квартирой Серова располагались апартаменты маршала Жукова. Этажом выше жил секретарь ЦК Суслов, а над ним Фурцева². Однако, как только Серов был повержен, Суслов выступил инициатором его выселения, заявив, что негоже здесь терпеть «предателя». Заведующий Отделом административных органов ЦК Миронов тут же составил план переселения, по которому ничего лучшего, чем двухкомнатная квартира на окраине Москвы, Серову не светило. Заступился за Серова сердобольный Брежнев, вспомнивший в канун 20-летия Победы: «да ведь он как-никак фронтовик!»³. И Серов по возвращении в Москву получил квартиру в овечьем мрачной славой «доме на набережной» на улице Серафимовича.

¹ Посещавший несколько раз квартиру Серова Пеньковский приводит в своих записках точный адрес: ул. Грановского, дом 3, второй подъезд, квартира 71 (Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 202.). Первоначально, после переезда в 1941 году из Киева в Москву Серов проживал на ул. Горького в доме 11. Этот адрес приводится в документах за 1944 год (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 7. Д. 134 л. 90—107).

² Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000. С. 85.

³ Беседа с Э.А. Хруцким 24 февраля 2005 г.

В последующие годы пенсионер Серов не прекращает борьбу за свою реабилитацию. Трижды, в апреле 1975, ноябре 1982 и марте 1985 года, он обращался с заявлениями в Политбюро ЦК КПСС, в которых просил снять с него «тяжелые взыскания». Даты его обращений весьма показательны. Ясно, на что рассчитывал Серов. Накануне больших юбилеев или в связи со сменой власти в Кремле можно надеяться на милость и снисхождение. Первое обращение — в канун помпезного празднования 30-летия Победы, второе — новому Генеральному секретарю Андропову и, наконец, третье посвятил удачно совпавшим, — предстоящему празднованию 40-летия Победы и пришествию нового Генерального секретаря М.С. Горбачева.

Ни одно из заявлений Серова не было удовлетворено. На последнем Горбачев 29 марта 1985 года наложил резолюцию: «Тов. Соломенцеву М.С., тов. Савинкину Н.И. Прошу рассмотреть»¹. Председатель КПК при ЦК КПСС Соломенцев и заведующий Отделом административных органов ЦК КПСС Савинкин подготовили 18 апреля 1985 года заключение по заявлению Серова и направили Горбачеву. В нем подтверждалось выдвинутое ранее обвинение в том, что Пеньковский посещал дом Серова и поддерживал связь с членами его семьи, а также отмечалось, что Серов в своих письмах «проявляет нескромность, пытается преувеличить свои заслуги и приуменьшить вину...», и в конце: «Полагаем, что оснований для пересмотра принятых решений о Серове не имеется»². Что же, опять отказ. Как говаривал Горбачев: «Скромнее надо быть, товарищи».

Серов умер в полном забвении 1 июля 1990 года. Ни одна газета не сообщила о его кончине³.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 94. Д. 50. Л. 5—17.

² Там же.

³ Запад похоронил Серова гораздо раньше. Там долгое время полагали, что он умер в начале 60-х. Версия скорой, после отставки, гибели Серова изложена в книге Эндрю и Гордиевского. Они пишут, что вскоре после снятия с должности начальника ГРУ, «после тяжелого запоя» Серов «застрелился в одном из арбатских дворов. Единственным сообщением о его смерти, — говорится далее, — была небольшая заметка, подписанная анонимной группой бывших товарищей». (См.: Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 481.). В качестве источника этой информации ими были использованы воспоминания Джирквелова (См.: Dzirkvelov I. Secret Servant. London: Collins, 1987. P. 65, 147). Вероятнее всего, перебежавший на Запад Джирквелов перепутал начальника ГРУ И.А. Серова с помощником военного атташе при Посольстве СССР в КНДР в 1961—65 гг. И.А. Серовым, инициалы которых, как видим, совпадают.

Наверное, на этом можно было бы поставить точку. Серов унес с собой в могилу многие тайны советского режима. А ведь мог бы, как, скажем, П.А. Судоплатов, оставить мемуары. Увы. Время было неподходящее для мемуаров. Хорошо Судоплатову, он писал в эпоху свободы, издал мемуары не где-нибудь, а на Западе! Да еще и немалые деньги получил. А тогда, в 70—80-е годы, об этом было лучше не мечтать. Опасно! И все же Серов сделал такую попытку. Правда, при этом он недооценил своих бывших коллег. О его замыслах узнал Андропов и тут же, 12 февраля 1971 года, доложил в ЦК КПСС о том, что уже два года Серов занят написанием своих мемуаров:

«Толчком к написанию воспоминаний послужил выход в феврале 1969 года книги маршала Жукова, прочтя которую Серов И.А. в своем окружении заявил, что сможет написать «о вещах более интересных и исторически точнее».

При работе над воспоминаниями Серов И.А. использует свои записные книжки довоенного периода, готовые материалы печатает его жена.

Серов И.А. считает свою задачу более сложной, чем у Жукова, так как в связи с занимаемым им в прошлом постом он знал много государственных секретов и испытывает сомнение «можно ли это сейчас доверить бумаге».

Свои воспоминания Серов И.А. еще никому не показывал, хотя его близкому окружению известно о их существовании»¹.

Кто же раскрыл тайну Серова? Незадолго до описываемых событий на дачу к нему напросился пронырливый журналист Юлиан Семенов. Он расспрашивал генерала о событиях весны 1945 года: штурме Берлина, судьбе людей из окружения Гитлера и тому подобных вещах, был при этом весьма любезен и даже подарил свою новую книжку². Бывший председатель КГБ был тронут таким вниманием. Но ни для кого не было секретом, что прославленный «мастер политического детектива» Семенов был дружен с людьми из КГБ, и среди них особенно тесно с Вячеславом Кеворковым, полковником, служившим во 2-м Главном управлении (контрразведке), который всего через два года будет до срока произведен в генера-

¹ См. документ № 49.

² Беседа с Э.А. Хруцким 21 июня 2004 г.

лы. А Юлиан Семенов был известен и тем, что нередко выполнял различные «деликатные» поручения КГБ. Так что тут нет никакого случайного совпадения. Именно Кеворков значится исполнителем цитированного выше письма в «инстанции» о мемуарах Серова¹.

Андропов приказал своим людям пристально наблюдать за дальнейшими шагами Серова, не выпуская его из внимания ни на минуту. Возле дачи, где постоянно жил Серов, крутились какие-то темные личности, заметно увеличиваясь числом, когда кто-нибудь приезжал в гости. А в свои редкие выезды в Москву Серов постоянно находился под наружным наблюдением филеров из КГБ. Бывший председатель определял это безошибочно. Его дачу умельцы из оперативно-технического управления КГБ щедро нашпиговали подслушивающими устройствами. И все это длилось годами. Через несколько недель после смерти Серова его домашние, неожиданно вернувшись на дачу, застали там молодого человека, который шарил по комнатам. При появлении хозяев он что-то смущенно пробормотал, из чего хозяева разобрали лишь, что «он не вор», и тут же ретировался². Так КГБ заметал следы, послав своего человека снять поставленные много лет назад технические устройства для прослушивания помещений или, как писали в бумагах КГБ, «литерную технику».

Любопытно, но Жуков, чьему примеру следовал Серов, в своих мемуарах (даже в неопубликованной их части) ни словом не обмолвился о Серове — своем многолетнем соратнике и приятеле, чье присутствие в послевоенном Берлине не заметить было никак нельзя³. Жуков не лез на рожон и опасные темы обходил. В главах, посвященных событиям 1945 года в Германии после окончания военных действий, такие темы, как деятельность Уполномоченного НКВД и военной контрразведки СМЕРШ, вообще отсутствуют⁴. Так что, тут уж не до Серова.

А что мог писать Серов, если надеялся опубликовать свои мемуары? Во всяком случае, они и по теме и по ав-

¹ См. документ № 49.

² Беседа с Э.А. Хруцким 24 февраля 2005 г.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 3. / 10-е изд, доп. по рукописи автора. М., 1990.

⁴ Там же. С. 265—362.

торству были заведомо «непроходимыми» для печати. А публиковаться за границей в его планы не входило. Так что мы не знаем, что стало с воспоминаниями Серова. По крайней мере, известно, что они у Серова не изымались и, возможно, сохранились у родственников. Говорят, рукописи не горят. Возможно, и так. Тогда, быть может, они когда-нибудь увидят свет. Трудно сказать, будут ли мемуары Серова достаточно правдивыми, интересными и содержательными. Учитывая время их написания и сомнения Серова о том, все ли можно доверить бумаге, не стоит ожидать больших сенсаций. И все же рассказ самого Серова о его жизни был бы чрезвычайно интересен.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

АВТОБИОГРАФИЯ И.А. СЕРОВА

8 мая 1940 г.

Серов Иван Александрович родился в Вологодской области Сокольского р-на д. Афимское в 1905 году 28 августа¹.

Родители до революции и после занимались земледелием по месту моего рождения.

В том же районе 7 лет я поступил учиться в приходскую школу, а затем в школу 2-й ступени, которую окончил в 1923 году. В комсомол вступил в 1923 году. Осенью 1923 года я был командирован Уполитпросветом² в село Покровское зав. избой-читальней. В 1924 г. там же был избран председателем сельского совета. В 1925 году вступил в кандидаты РКП(б). Осенью 1925 года Вологодским губкомом РКП(б) был командирован в Ленинград для учебы в Нормальной военной школе. Будучи в Ленинградской школе в 1926 году переведен в члены РКП(б). Военную школу окончил в 1928 году после чего получил назначение ком-ром взвода в 22 стр. дивизию г. Краснодар, где и пробыл до [19]31 года. В 1931 году был командирован на артиллерийские курсы Усовершенствования ком. состава РККА, которые в том же году окончил и был назначен помощн. к-ра батареи 9 корпуса артполка. В 9 КАП³ пробыл до 1934 года на должности ком-ра батареи, пом. нач. штаба полка и вр. начштаба полка. В 1934 году получил назначение в 24 артполк, оттуда в 1935 поступил в В[оенно-].Инженерную академию РККА.

В 1936 году перевелся в Военную Академию им. Фрунзе, которую окончил в 1939 г. январе м-це.

По окончании Академии был назначен начальником Главного Управления Рабоче-Крестьянской милиции НКВД СССР, в июле м-це 1939 г. был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) на должность зам. нач-ка Главного Управления Государственной безопасности НКВД СССР.

3-го сентября 1939 г. утвержден Политбюро и назначен Наркомом внутренних дел Украинской ССР. За время службы в войсках, а так же и за пребывание в ВКП(б) дисциплинарных и партийных взысканий не имею.

¹ Сохранены особенности орфографии и стиля документа.

² Узедным отделом политического просвещения.

³ Вероятно, имеется ввиду артиллерийский полк 9 корпуса.

Неоднократно избирался на партийные конференции районные, городские, областные и состав партбюро, на руководящую работу.

В настоящее время работаю Наркомом Внутренних дел Укр. ССР. Звание — Комиссар Государственной безопасности 3-го ранга.

Серов. 8/V — г. Киев

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 7. Д. 134. Л. 88—89. Подлинник.

№ 2

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ И.А. СЕРОВА НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Л.П. БЕРИИ О ПОВЕДЕНИИ Н.С. ХРУЩЕВА И С.К. ТИМОШЕНКО ВО ЛЬВОВЕ

27 сентября 1939 г.

23 сентября 1939 г., утром приехали в Винники (4 км. от Львова) т.т. ТИМОШЕНКО и ХРУЩЕВ. Встреча со мной прошла весьма сдержанно по причине инцидента в Проскурове¹.

ТИМОШЕНКО возмущаясь скверной работой Штаба группы ГОЛИКОВА (который в течение 3 суток не давал знать о своем существовании) сказал, — «надо весь штаб группы расстрелять, видно что тут сидят сволочи».

После этого он приказал начальнику Штаба группы сосредоточить танковую бригаду на зап[адной] окраине Львова. На это ему нач. Штаба ответил, что из 160 танков на ходу всего лишь 40, так как остальные все отстали в дороге. После этого ТИМОШЕНКО еще более рассвирепел.

Тов. Хрущев, присутствуя при этом и подражая ТИМОШЕНКО, набросился на т. МИХЕЕВА со словами, «а Вы что здесь болтаетесь по тылам, Вам надо больше работать, а то не видно вашей работы».

Тов. МИХЕЕВ ответил, что работает. Тогда ХРУЩЕВ сказал: «какая это работа, ни одного расстрелянного».

На это ему т. МИХЕЕВ сказал, что «в Злочеве расстреляно 12 человек, а без дела не стреляем».

По приезде во Львов разговор зашел о безобразиях, какие творятся с трофейными машинами, велосипедами среди комсостава армии.

ХРУЩЕВ видимо только и ждал какого-нибудь предлога сокрушиться на меня. В тот день машину М-1, на которой я ездил отослал в г. Тарнополь с донесением к тов. МЕРКУЛОВУ, поэтому для поездки в Винники использовал машину гаража б[ывшего] жандармского управления, который перешел в распоряжение нашей опергруппы.

¹ См. стр. 23.

ХРУЩЕВ видел эту машину и обращаясь ко мне сразу в повышенном тоне заявил: «Вы тоже сдайте свою машину в гарнизон и ездите на своей».

Я ему сказал, что свою отослал с донесением, а больше у меня машин здесь нет. На это ХРУЩЕВ ответил: «Тогда ходите пешком».

Я крайне был удивлен резким тоном т. ХРУЩЕВА, но сдержался и ничего не ответил. После этого он сделал замечание, что недоволен работой НКВД. Я попытался уточнить это конкретными фактами, но т. ХРУЩЕВ не захотел продолжать разговор на эту тему.

Сегодня я придя к т. ТИМОШЕНКО в Штаб для информации о прибытии полка НКВД по Вашему распоряжению в Зап[адную] Украину и по вопросу размещения его. Когда все вопросы были уточнены и я собирался уходить, то присутствовавший т. ХРУЩЕВ поднимаясь мне говорит: «т. СЕРОВ, я должен Вам заявить, что работой НКВД и Особым отделом я недоволен». Я попросил указать конкретно на наши недостатки. Тов. ХРУЩЕВ ответил: «Вот Вы сотрудники НКВД нахапали себе машин и разъезжаете, показывая дурной пример другим».

Я спокойно попросил уточнить кто и какие машины «нахапал», он резко повысив тон, закричал: «Вот Вы лично ездите на чужой машине, и я об этом поставил в известность т. МАЛЕНКОВА». Я ему ответил, что эту поездку я ему уже один раз объяснял, могу еще раз повторить, на что он мне заявил: «Не хочу слушать, вы все врете». Я попросил его разобраться, а затем уже оскорблять меня.

ХРУЩЕВ истерическим голосом закричал на меня, начал ругаться нецензурно и заявил, что все вы сидите в Штабе, насмотрелись на старое вражеское чекистское руководство и продолжаете до сего времени этими методами руководить. Я, возмущенный подобными разговорами, попросил отдавать отчет его словам и заявил, что старые вражеские методы НКВД уже изжил, и если где и остались, то их также быстро ликвидируют, поэтому этот разговор является ни на чем не обоснованным. На это он волнуясь заявил: «ишь ты гусь какой, знаем мы как ваши работники стараются подмять партийное руководство под себя».

Я опять попросил фактов, которых т. ХРУЩЕВ не дал. Видя бесполезность подобных разговоров, я отошел в сторону и разговорился с т. ТИМОШЕНКО по ряду оперативных работ.

Тогда тов. ХРУЩЕВ набросился на вошедшего незадолго до этого т. МИХЕЕВА (нач. Особого отдела фронта) и прямо ему заявил: «Вы тоже пишете командующему чепуху, а делом не занимаетесь». Тов. МИХЕЕВ ему ответил, что это не верно, что сводки они не читают, так как в них все чепуха, что Особого отдела нет, что НКВД нигде не видно и никакой информации он не получает¹.

Я вынужден был вмешаться в разговор и сказал, что сводки, которые пишет Вам т. МИХЕЕВ, я читаю и, по-моему, они представляют интерес для Военного Совета фронта, что работники НКВД идут в бою в

¹ Так в тексте.

первых рядах бойцов Красной армии и привел пример, что мы рядом с т. МИХЕЕВЫМ шли по Львову, когда открыли по нам пулеметный огонь из окон, и продолжал далее, я высказал свое мнение, что т. Хрущев недооценивает оперативных работников и нередко игнорирует их работу.

После этого ХРУЩЕВ подскочил ко мне с кулаками, заругался нецензурно по нашему с т. МИХЕЕВЫМ адресу, крича «мерзавцы, что придумали, вроде я недооцениваю оперативных работников». Я, видя такое состояние ХРУЩЕВА, подошел к нему и сказал, что дискуссировать¹ по этим вопросам больше не намерен, считаю, что дело мы делаем общее для нашей партии и советской власти, поэтому надо установить контакт в работе и отбросить в сторону всякие трения.

ХРУЩЕВ стал понемногу сдавать. Он начал говорить, что мы друг у друга учимся и будем учиться и пр. В итоге разговоров и ТИМОШЕНКО перешел на мирный тон, и беседа закончилась по-деловому.

Подытоживая сказанное, я пришел к заключению, что т. ХРУЩЕВ человек высокомерный, не прочь разыграть демократа, ему страшно нравиться, когда окружающие льстят ему, и не думаю, чтобы он этого не замечал.

Я приму все меры, чтобы установить деловой контакт в работе, но быть подобным некоторым окружающим его я не сумею.

Настоящее написал Вам тов. Нарком с тем, чтобы Вы дали указания по этому вопросу.

Опубликовано: Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания в 4-х кн. Кн. 1. М., 1999. С. 764—766.

№ 3

ПРИКАЗ НКВД СССР № 00308

«ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНЫХ ТРОЕК В УНКВД ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ»

7 марта 1940 г.

Совершенно секретно

Для проведения выселения семей, содержащихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах западных областей УССР и БССР б[ывших] польских офицеров, полицейских, жандармов и других, —

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Организовать при УНКВД западных областей Украины и Белоруссии оперативные тройки.

2. Утвердить следующий состав оперативных троек:

По Украине:

Львовская область:

Зам. Наркома внутренних дел УССР и нач. УНКВД майор госбезопасности — т. Сергиенко

¹ Сохранены особенности орфографии и стиля документа.

Зам. нач. 3 отдела ГУГБ НКВД СССР капитан госбезопасности —
т. Лангфанг

Нач. 5 отдела УГБ НКВД УССР капитан госбезопасности —
т. Шевченко

Тернопольская область:

Нач. УНКВД капитан госбезопасности — т. Вадис

Зам. нач. 4 отдела ГЭУ лейтенант — т. Шустин

Нач. 1 отдела ЭКУ НКВД УССР ст. лейтенант госбезопасности —
т. Твердохлебенко

Станиславовская область:

Нач. УНКВД капитан госбезопасности — т. Михайлов

Зам. нач. отделения ГЭУ лейтенант госбезопасности — т. Мелешенков

Нач. 2 отдела УГБ НКВД УССР капитан госбезопасности —
т. Павлычев

Дрогобычская область:

Нач. УНКВД капитан госбезопасности — т. Зачепа

Нач. отделения ГЭУ НКВД СССР лейтенант госбезопасности —
т. Иванов

Нач. 2 отдела ЭКУ НКВД УССР ст. лейтенант госбезопасности —
т. Каченко

Волынская область:

Нач. УНКВД ст. лейтенант госбезопасности — т. Белоцерковский

Нач. отделения ГЭУ лейтенант госбезопасности — т. Волошенко

Нач. 3 Спецотдела НКВД УССР капитан госбезопасности — т. Завгородний

Ровенская область:

Нач. УНКВД капитан госбезопасности — т. Крутов

Нач. отделения ГЭУ ст. лейтенант госбезопасности — т. Агаянц

Нач. 3 отдела Транспортного управления НКВД УССР ст. лейтенант
госбезопасности — т. Положинский

По Белоруссии:

Белостокская область:

Нач. УНКВД капитан госбезопасности — т. Гладков

Зам. нач. 1 отдела ГЭУ капитан госбезопасности — т. Суходольский

Зам. нач. 3 отдела УГБ НКВД БССР лейтенант госбезопасности —
т. Антипов

Брестская область:

Нач. УНКВД капитан госбезопасности — т. Сергеев

Зам. нач. отделения 2 отдела ГУГБ ст. лейтенант госбезопасности —
т. Финкельберг

Нач. 1 отдела ЭКУ НКВД БССР ст. лейтенант госбезопасности —
т. Ефименко

Вилейская область:

Нач. УНКВД капитан госбезопасности — т. Соколов

Нач. отделения 2 отдела ГУГБ ст. лейтенант госбезопасности —
т. Корляков

Нач. Минского УНКВД капитан госбезопасности — т. Пташкин

Пинская область:

Нач. УНКВД капитан госбезопасности — т. Духович

Нач. отделения ГЭУ ст. лейтенант госбезопасности — т. Васильев

Зам. Наркома внутренних дел БССР капитан госбезопасности — т. Решетников

Барановичская область:

Нач. УНКВД полковник — т. Мисерев¹

Зам. нач. отделения 2 отдела ГУГБ лейтенант госбезопасности — т. Гордеев

Нач. 3 отдела ЭКУ НКВД БССР ст. лейтенант госбезопасности — т. Бондаренко

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР
Комиссар Государственной Безопасности 1 ранга
Л. Берия

ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 550. Л. 181—184. Заверенная копия.

№ 4

ПРИКАЗ НКВД СССР № 00342

«ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ В ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКОЙ РАБОТЕ УНКВД ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УССР И БССР»

20 марта 1940 г.

Совершенно секретно

Для оказания практической помощи Управлениям НКВД по Западным областям Украинской ССР и Белорусской ССР в оперативно-чекистской работе, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командировать в Западные области Украинской ССР и Белорусской ССР сроком на один месяц оперативно-чекистские группы в следующем составе:

Западные области УССР.

1) гор. Львов.

1. Нач. 1-го отдела ГЭУ НКВД СССР, майора государственной безопасности тов. Мешик П.Я. — нач. оперативно-чекистской группы.
2. Зам. нач. Следчасти ГУГБ НКВД СССР, капитана государственной безопасности тов. Родос Б.В.
3. Пом. нач. Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенанта государственной безопасности тов. Кулешова Н.А.
4. Старшего следователя Следчасти ГЭУ НКВД СССР, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Бендерского Е.Г.
5. Следователя Следчасти ГЭУ НКВД СССР, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Андреева М.А.

¹ Так в тексте документа. Правильно – Мисюрев.

6. Следователя Следчасти ГЭУ НКВД СССР, лейтенанта государственной безопасности тов. Кушнерева С.М.
7. Старшего следователя Следчасти ГЭУ НКВД СССР, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Либенсон Е.М.
8. Зам. нач. 3-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР, лейтенанта государственной безопасности тов. Зайцева М.А.
9. Оперуполномоченного 3-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Кудря И.Д.
10. Оперуполномоченного 3-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Лалиашвили П.Г.
11. Оперуполномоченного 3-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Сигова Г.И.
12. Оперуполномоченного 3-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Михнич А.Ф.
13. Оперуполномоченного 3-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Устинова А.С.
14. Оперуполномоченного 3-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Семочкина П.А.
15. Старшего оперуполномоченного 1-го отдела ГЭУ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Сорокоумова А.В.

II) гор. Тарнополь.

1. Пом. нач. Следчасти ГУГБ НКВД, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Шкурина А.К. — нач. оперативно-чекистской группы.
2. Старшего следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Генкина З.Г.
3. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Масленникова Ф.С.
4. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Блок П.М.
5. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Дорошевич Н.С.

III) гор. Ровно.

1. Нач. 9-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Журавлева П.И. — нач. оперативно-чекистской группы.
2. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Титова С.В.
3. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Ковалева Е.А.
4. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, сержанта государственной безопасности тов. Василенок М.К.
5. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Полухина В.И.

IV) гор. Станиславов.

1. Старшего следователя Следчасти ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Барминова А.А. — нач. оперативно-чекистской группы.
2. Старшего следователя Следчасти ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Павлова И.Е.
3. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Тов. Сквородкина Н.И.
4. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Балакирева В.П.
5. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Домашева А.В.

V) гор. Луцк.

1. Нач. отделения ГЭУ НКВД, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Кривулина С.А. — нач. оперативно-чекистской группы.
2. Оперуполномоченного 2-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Бейленсон М.М.
3. Оперуполномоченного 6-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Сударикова Ф.И.
4. Оперуполномоченного 5-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Довгань И.К.
5. Оперуполномоченного 8-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Федорова К.Н.

VI) гор. Дрогобыч.

1. Зам. нач. секретариата ГЭУ НКВД, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Луферова П.А. — нач. оперативно-чекистской группы.
2. Оперуполномоченного секретариата ГЭУ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Печенева Т.М.
3. Оперуполномоченного 10-го отделения 3-го отдела ГУГБ, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Володина В.А.
4. Оперуполномоченного 13-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Зуева Г.Г.
5. Оперуполномоченного 3-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Крахамбарова А.М.

Западные области БССР:I) гор. Белосток.

1. Пом. нач. Следчасти ГУГБ НКВД, капитана государственной безопасности тов. Пинзур И.Л. — нач. оперативно-чекистской группы.

2. Старшего следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Образцова Н.А.
3. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Рыбакова Б.Я.
4. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Коноплева Д.В.
5. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Иванова В.Г.

II) гор. Барановичи.

1. Нач. Секретариата Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Синева А.Н. — нач. оперативно-чекистской группы.
2. Старшего оперуполномоченного поста ОДК¹ 3-го отдела ГУГБ НКВД, сержанта государственной безопасности тов. Гедич К.Г.
3. Оперуполномоченного 3-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Лунина В.Д.
4. Следователя Следчасти ГЭУ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Болховитина А.А.
5. Следователя Следчасти ГЭУ НКВД, сержанта государственной безопасности тов. Полевого Д.И.

III) гор. Брест.

1. Зам. нач. 3-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Финкельберг Г.П. — нач. оперативно-чекистской группы.
2. Старшего оперуполномоченного 9-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Беднова А.И.
3. Оперуполномоченного 9-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Гусева Я.Н.
4. Оперуполномоченного 12-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, младшего лейтенанта государственной безопасности тов. Чепракова Н.С.
5. Оперуполномоченного 11-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Петропавловского В.А.

IV) гор. Пинск.

1. Старшего следователя Следчасти ГЭУ НКВД, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Куприянова А.Р. — нач. оперативно-чекистской группы.
2. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, лейтенанта государственной безопасности тов. Еломанова С.И.
3. Зам. нач. 5-го отделения 3-го отдела ГЭУ, старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Куликова В.И.
4. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, мл. лейтенанта государственной безопасности тов. Харитонова А.П.

¹ Охраны дипломатического корпуса.

5. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, мл. лейтенанта государственной безопасности тов. Иванова А.И.

V) гор. Вилейки.

1. Нач. 11 отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД, ст. лейтенанта государственной безопасности тов. Кожевникова Н.А. — нач. оперативно-чекистской группы.

2. Ст. следователя следчасти ГУГБ НКВД — лейтенанта государственной безопасности тов. Вараксо В.С.

3. Следователя следчасти ГУГБ НКВД, мл. лейтенанта государственной безопасности тов. Шипкова И.В.

4. Следователя Следчасти ГУГБ НКВД, мл. лейтенанта государственной безопасности тов. Якубова З.Н.

5. Мл. следователя следчасти ГУГБ НКВД, сержанта государственной безопасности тов. Чернышева М.В.

Командируемым настоящим приказом товарищам выехать к месту назначения сегодня же.

Тов. тов. Финкельбергу Г.П. и Кривулину С.А. руководство оперативно-чекистской группой совместить с выполнением обязанностей возложенных на них приказом НКВД СССР № 00308 от 7/III-1940 года¹.

2. Начальникам перечисленных оперативно-чекистских групп НКВД СССР по прибытии к месту назначения немедленно связаться с начальниками УНКВД, совместно с ними тщательно проверить все агентурные и следственные материалы и арестованных лиц, ведущих контрреволюционную работу.

Дальнейшие аресты членов контрреволюционных организаций производить по мере выявления антисоветских формирований, в корне пресекая их вражескую работу.

Аресты членов контрреволюционных организаций среди интеллигенции: писателей, профессоров и других научных работников, а также среди духовенства, без санкции ЦК КП(б)У, ЦК КП(б)Б и НКВД СССР не производить.

3. По делам арестованных развернуть тщательное следствие для дальнейшего выявления и ареста участников антисоветского подполья, а также установления и изъятия оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и нелегальной техники.

4. Мобилизовать имеющиеся — агентуру и осведомление для своевременного предупреждения о всех готовящихся контрреволюционными элементами антисоветских выступлений, подготовки диверсий и террористических актов против руководителей партийных и советских организаций и кандидатов в депутаты Верховных Советов СССР, УССР, и БССР, вооруженных нападений на партийные и государственные учреждения, распространения контрреволюционных листовок.

¹ См. документ № 3.

5. Проверить и усилить охрану важнейших промышленных предприятий, железнодорожных мостов и других сооружений, военных объектов, складов оружия и принять необходимые меры по предотвращению подрывной работы вражеских элементов.

6. Наркому внутренних дел УССР — комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Серову и Наркому внутренних дел БССР — комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Цанаву принять необходимые меры к усилению охраны государственной границы в соответствии с ранее данными указаниями.

7. Начальникам Управлений западных областей НКВД УССР и БССР с 22 по 25 марта установить дежурства, иметь в постоянной готовности для выполнения оперативных заданий войска НКВД и сотрудников Р[абоче]-К[рестьянской] Милиции.

8. Наркому внутренних дел УССР — комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Серову и Наркому внутренних дел БССР — комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Цанаву немедленно перевести из тюрем западных областей УССР и БССР в тюрьмы центральных областей УССР и БССР арестованных, оставив только арестованных, необходимых для разворота следственной работы.

Для оказания помощи в этой работе командировать в Львов начальника Главного тюремного управления НКВД СССР — майора государственной безопасности тов. Зуева и в г. Белосток начальника 2 отдела того же управления — капитана государственной безопасности тов. Чечева.

9. Находящемуся в гор. Львове начальнику Главного транспортного управления НКВД — комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Мильштейну, по согласованию с управлениями НКВД соответствующих областей, на основе имеющихся агентурно-следственных материалов, провести изъятие участников вскрытых контрреволюционных организаций по линии железнодорожного транспорта западных областей УССР и БССР и обеспечить проведение тщательного следствия.

10. Находящемуся в оперативной командировке в западных областях УССР и БССР — зам. Наркома внутренних дел СССР — комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Меркулову остаться на месте до 25 марта 1940 года и обеспечить организацию мероприятий, связанных с выполнением настоящего приказа.

11. Наркому внутренних дел УССР — комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Серову и Наркому внутренних дел БССР — комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Цанаву информацию о результатах оперативно-чекистской работы в западных областях УССР и БССР представлять НКВД СССР раз в пятидневку.

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР
Комиссар Государственной Безопасности 1 ранга
Л. Берия

№ 5

**РЕЧЬ И.А. СЕРОВА НА XV СЪЕЗДЕ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)
УКРАИНЫ**

15 мая 1940 г.

Товарищи! Коммунистическая Партия (большевиков) Украины пришла к своему XV Съезду могучей, единой, крепко сплоченной вокруг вождя нашей партии товарища Сталина. (Аплодисменты).

Осуществляя мудрые указания великого Сталина об укреплении революционной законности, о поднятии революционной бдительности, наша партия при единодушной поддержке всего народа Советского Союза разгромила осиные вражеские гнезда троцкистско-бухаринских и иных вредителей, диверсантов, шпионов иностранных разведок.

На страже нашей социалистической родины стоят непобедимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия, Военно-Морской Флот, наша славная авиация, наша зоркая разведка.

Они показали свое могущество в борьбе с врагами. Товарищи! Победы, которых добились большевики Украины во всех областях социалистического хозяйства, обязывают нас еще серьезнее продумать намеченные планы и обеспечить выполнение задач, которые перед нами поставил Центральный Комитет коммунистической партии и о которых говорил здесь тов. Хрущев.

Для выполнения поставленных задач нам необходимо мобилизовать все свои силы, все свои знания и умение. Надо учесть, исправить те ошибки, которые имели место в нашей практической работе.

Известно всем, товарищи, что враги народа пытались проникнуть в наши органы, советские, хозяйственные и партийные организации. Известно также, что троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические вредители немало напакостили. Но было бы ошибочно думать, что все наши недостатки объясняются только их подрывной работой. Известную долю в недостатках следует отнести за счет плохой, неумелой работы отдельных наших руководителей как советских, таки и хозяйственных организаций. Товарищ Сталин учит нас — прежде всего проверять исполнение отданных нами указаний и требовать от исполнителя выполнения этих распоряжений.

А в ряде случаев наши руководящие работники плохо осуществляют проверку исполнения. В результате мы имеем ряд злоупотреблений, расхищений социалистической собственности. В качестве ярких примеров отсутствия достаточного контроля и проверки исполнения можно привести работу Управлений дорог Львовской и Юго-Западной. Основной причиной недостатков в работе этих дорог является неравномерное руководство отдельными участками.

То один из участков окружают вниманием, то в течение длительного времени не отвечают на важные телеграммы, не дают конкретных указаний в необходимых случаях.

Товарищи, надо сказать, что на железной дороге есть хорошие преданные люди и много товарищей, которые активно борются, принимают активное участие в социалистическом строительстве. Но с руководством не все благополучно. Некоторые руководители не поняли, что им партия и правительство доверили большой ответственный участок, и провалить этот участок работы наша партия не позволит.

Следует также указать на отсутствие контроля над работой торговых организаций, в частности в г. Киеве. Недавно в Киевской области вскрыта широко разветвленная группа расхитителей социалистической собственности. Расхищение и различного рода преступные комбинации имели место на складах, в товаропроводящих организациях и т.д. Все это объясняется отсутствием контроля со стороны товарищей, руководящих этими организациями, и большой засоренностью этих организаций классово-чуждыми и антисоветскими элементами. Руководители Наркомторга могли бы вовремя предупредить и не допустить расхищения социалистической собственности в этих организациях, если бы почаще заглядывали на базы и лучше подбирали кадры.

Отсутствует также контроль в работе областных и народных судов. В ближайшее время, очевидно, перед судом предстанет группа преступников областного и городского суда г. Ворошиловграда, которые систематически занимались взяточничеством. Среди них, к нашему стыду, были и члены партии. Эта группа была связана с уголовным элементом, получала у них взятки, за которые освобождала от наказания или сокращала срок наказания подсудимым. В результате подобной преступной практики отдельные работники Ворошиловградского суда, безусловно, ослабили борьбу с различного рода расхитителями, спекулянтами и врагами социалистической собственности. Несомненно, в этом деле значительная доля вины ложится на руководителей Наркомюста и прокуратуры, которые вовремя не сумели вскрыть эту группу и не провели необходимой профилактической работы в подборе кадров.

Я, товарищи, особенно хочу заострить внимание руководителей партийных, советских организаций, а также и чекистов, работающих в западных областях, которые находятся в сложной хозяйственной и политической обстановке. Тут каждый вопрос должен быть особенно глубоко и серьезно продуман раньше, чем принять решение. Особое значение имеет здесь также контроль выполнения решений. Тов. Гришук¹ выступал здесь и говорил, что органы НКВД неплохо борются с контрреволюцией в западных областях.

¹ Гришук Л.С. – первый секретарь Львовского обкома КП(б)У.

Это верно. Но не нужно на этом успокаиваться. Враги еще остались, они могут еще пакостить. Нужно повести решительную борьбу с остатками враждебных элементов, повысить нашу большевистскую бдительность. Товарищ Сталин учит нас, что враг никогда не сдается добровольно и это положение нам надо помнить. Товарищ Сталин учит, что враг будет оказывать бешеное сопротивление победоносному движению социализма.

Поэтому мы должны ежечасно быть готовыми к вылазкам врагов, поэтому нам нужно быть всегда готовыми дать сокрушительный отпор врагам народа.

Основные хозяйственные задачи разрешаются в западных областях нашими большевиками неплохо. И тов. Хрущев в своем докладе уже демонстрировал успехи в этой работе. Нашим руководящим работникам западных областей необходимо повышать партийную классовую, большевистскую бдительность. И безусловно, большевики, работающие в западных областях, с поставленными перед ними задачами справляются и доверие партии оправдывают.

Заканчивая свое выступление, я должен, товарищи, сказать, что мы должны всегда помнить мудрые указания товарища Сталина о всемерном укреплении нашего советского государства, об укреплении всех звеньев советского государственного аппарата проверенными кадрами. Это наша первостепенная задача.

Для дальнейшего победоносного движения нашей страны по пути к коммунизму на чекистов возлагаются весьма ответственные задачи, так как наша страна живет и развивается в окружении капиталистических государств, которые засылают к нам шпионов и диверсантов. Подлые враги советского народа будут пытаться вредить и пакостить, чтобы помешать нам выполнить программу строительства коммунизма.

Окруженные вниманием и заботой партии и народа, беззаветно преданные нашей партии и Сталинскому ЦК ВКП(б), родному, любимому вождю товарищу Сталину, чекисты Украины, очистив свои ряды от вражеских элементов, с помощью Коммунистической Партии (большевиков) Украины и ее руководителя тов. Хрущева обеспечат разоблачение, разгром и искоренение всех врагов и шпионов иностранных разведок, засылаемых в нашу страну. Советская разведка выполнит с честью задачу по охране наших границ и государственной безопасности нашей родины. Мы не позволим врагам прикоснуться в Советскому Союзу, который строит коммунистическое общество под руководством нашего родного товарища Сталина. (*Аплодисменты*).

№ 6**ПРИКАЗ НКВД СССР № 001098
«О РАЗГРУЗКЕ ТЮРЕМ УССР»**

3 сентября 1940 г.

Совершенно секретно

Для разгрузки тюрем УССР от заключенных, в отношении которых дела следствием закончены и переданы на рассмотрение Особого совещания, а также от осужденных в лагеря и колонии — негодных к труду разрешить НКВД УССР перевести до 6000 заключенных этих категорий в Старобельский лагерь военнопленных.

Народному комиссару внутренних дел УССР комиссару государственной безопасности 3-го ранга тов. СЕРОВУ и начальнику Управления по делам военнопленных капитану государственной безопасности тов. СОПРУНЕНКО обеспечить внутреннюю охрану лагеря.

Начальнику Главного управления конвойных войск генерал-майору тов. ШАРАПОВУ обеспечить наружную охрану лагеря в соответствии с уставом караульной службы РККА.

Оперативное обслуживание заключенных в лагере возложить на начальника УНКВД Ворошиловградской области капитана государственной безопасности тов. Череватенко.

Организацию питания заключенных возложить на начальника Управления по делам военнопленных капитана государственной безопасности тов. СОПРУНЕНКО по нормам для заключенных общих тюрем за счет фондов и сметы Главного тюремного управления НКВД СССР.

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР
Чернышов

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 59. Л. 17. Заверенная копия.

№ 7**ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЙСКАХ НКВД ПО ОХРАНЕ ТЫЛА
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ**

28 апреля 1942 г.

Совершенно секретно

1. Охрана тыла фронтов организуется Военными Советами фронтов и выполняется войсковыми частями и тыловыми учреждениями НКО и специально выделенными для этой цели частями войск НКВД СССР.

2. На войска НКВД, охраняющие тыл Действующей Красной Армии, возлагается:

1) борьба с диверсантами, шпионами и бандитскими элементами в тылу фронта;

2) борьба с дезертирами и мародерами;

3) ликвидация мелких отрядов и групп противника, проникающих или забрасываемых в тыл фронта (автоматчики, парашютисты, сигнальщики и проч.);

4) в особых случаях (по решению Военного Совета фронта) охрана коммуникаций на определенных участках;

3. Состав войск НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии по каждому фронту в отдельности определяется Генеральным Штабом Красной Армии и НКВД СССР.

4. Руководство деятельностью войск НКВД в пределах фронта осуществляет начальник войск НКВД по охране тыла фронта, который подчиняется во всех отношениях начальнику Главного Управления внутренних войск НКВД СССР.

В оперативном отношении начальник войск НКВД по охране тыла фронта подчиняется также Военному Совету фронта и выполняет все его указания по организации охраны тыла фронта в соответствии с задачами, предусмотренными настоящим положением.

Глубина тыла фронта, охраняемая войсками НКВД, определяется Генеральным Штабом Красной Армии совместно с НКВД СССР¹.

Использование войск НКВД по охране тыла не по прямому назначению может быть произведено только с разрешения НКВД СССР.

5. Организационная структура, штаты, комплектование начальствующим составом, а также все остальные вопросы устройства войск НКВД по охране тыла фронта находятся в ведении НКВД СССР и без его санкции изменению не подлежат.

Передача частей войск НКВД из одного фронта в другой производится решением Генерального Штаба Красной Армии и осуществляется приказами НКВД СССР.

6. Снабжение войск НКВД по охране тыла фронта всеми видами довольствия (в том числе и вооружением) производится из довольствующих органов Красной Армии по заявкам органов снабжения

¹ Начальник генштаба Красной Армии А.М. Василевский и заместитель наркома внутренних дел А.Н. Аполлонов 27 июля 1942 г. направили Военным Советам фронтов и начальникам управлений войск НКВД по охране тыла фронтов совместную директиву о том, что отныне они сами могут определять глубину тыла фронта:

«Опыт оперативно-служебной деятельности войск НКВД, охраняющих тыл Действующей Красной Армии, (особенно в период маневренных операций), показал, что пределы глубины тыла фронта, охраняемой войсками НКВД, не могут быть постоянными и целиком зависят от обстановки, складывающейся на фронте, и от состава войск НКВД, выполняющих эту задачу в пределах каждого данного фронта.

В связи с этим, абзац 3 ст. 4 «Положения о войсках НКВД, охраняющих тыл Действующей Красной Армии» изменить, изложив его в следующей редакции:

«...глубина тыла фронта, охраняемая войсками НКВД, определяется военными Советами фронтов (Отдельных Армий) совместно с начальниками управлений войск НКВД по охране тыла фронта» (РГВА. Ф. 32905. Оп. 1. Д. 163. Л. 171).

Управления войск НКВД по охране тыла фронта. Расчет по всем видам материально-технического обеспечения производится централизованно между Управлением Военного снабжения НКВД СССР и центральными довозвещающими органами Красной Армии.

7. Состав служебных нарядов войск НКВД по охране тыла фронта, выполняющих обязанности по охране тыла Действующей Красной Армии, имеют право в границах территории, охраняемой войсками НКВД, производить задержания всех лиц, нарушающих режим, установленный в прифронтовой полосе военным командованием, проверять документы у всех без исключения лиц (как гражданских, так и военных), передвигающихся в пределах этой территории, а также задерживать лиц, в отношении коих установлено или имеется подозрение об их враждебной антисоветской деятельности (шпионов, пособников врага и т.п.).

Действия нарядов должны быть решительными и настойчивыми, вплоть до применения оружия.

8. В своей оперативно-служебной деятельности войска НКВД по охране тыла фронта отчитываются перед Военным Советом и начальником внутренних войск НКВД СССР в порядке и сроки, ими установленные.

Заместитель Народного Комиссара Обороны СССР
Маршал Советского Союза Шапошников

Заместитель Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР
Генерал-майор Аполлонов

РГВА. Ф. 32905. Оп. 1. Д. 163. Л. 169—170. Заверенная копия.

№ 8.

**ДИРЕКТИВА ШТАБА ВОЙСК НКВД ПО ОХРАНЕ ТЫЛА
1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА № Ш/1-00578
С ОБЪЯВЛЕНИЕМ ДИРЕКТИВЫ
УПОЛНОМОЧЕННОГО НКВД СССР
ПО 1-МУ БЕЛОРУССКОМУ ФРОНТУ И.А.СЕРОВА
ОБ «ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКИХ МЕРОПРИЯТИЯХ
НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ»**

20 марта 1945 г.

Совершенно секретно

Всем командирам погранполков войск НКВД по охране тыла 1-го Белорусского фронта

Только: Командиру 331 [пограничного] [полка]¹.

При этом направляю копию директивы Уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту — комиссара госбезопасности

¹ Здесь и далее в документе слова и цифры, выделенные курсивом, вписаны от руки.

2-го ранга тов. Серова № 5415 от 17.3.45 г. для сведения и руководства.

Одновременно разъясняю, что советником при министерстве безопасности Польши назначен комиссар госбезопасности 2-го ранга тов. Серов.

Приказываю:

1. Настоящую директиву довести до всего офицерского состава, организующего службу. Особенно тщательно разъяснить ее офицерам-разведчикам.

2. При выявлении¹ оперативно-чекистской работы руководствоваться настоящей директивой.

Исполнение донести «15» апреля 1945 года.

Приложение: по тексту на «1» листе.

Начальник войск НКВД по охране тыла 1-го Белорусского фронта генерал-майор (Зимин)

Начальник штаба войск полковник (Волков)

Приложение

17 марта 1945 г.

№ 5415

Совершенно секретно

Начальникам отделов контрразведки «СМЕРШ» армий и корпусов
Начальникам оперативно-чекистских групп городов
Командирам полков войск НКВД

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 20-го февраля с.г.² и директивой НКВД СССР от 22-го февраля с.г., — впредь при проведении оперативно-чекистских мероприятий на территории Польши руководствоваться следующим:

1. Всю работу по обеспечению безопасности и общественного порядка, борьбу со шпионско-диверсионной и террористической агентурой немецких разведывательных органов и немецкого военного командования, борьбу с бандитизмом, повстанчеством и иными враждебными элементами, проводящих подрывную деятельность против Временного Польского Правительства и освободительной работы Красной Армии, — проводит Временное Польское Правительство через свою администрацию и органы Безопасности.

2. На Командующих фронтами и Уполномоченных НКВД СССР возложена ответственность за государственную безопасность и

¹ Так в тексте документа.

² Постановление ГКО № 7558сс от 20 февраля 1945 г. «Вопросы Польши» опубликовано: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944—1945 гг. Москва; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 359—362.

общественный порядок в прифронтовой полосе, глубиной от 60-ти до 100 километров от передовой линии фронта.

Существующая в этой полосе польская администрация оказывает всяческое содействие и необходимую помощь военному командованию Красной Армии и органам НКВД в деле проведения мероприятий, связанных с ведением военных действий.

3. Впредь оперативно-чекистскую работу, в соответствии с приказом и директивой НКВД СССР проводить в следующем порядке:

а) Аресты среди местного польского населения в прифронтовой полосе проводить после должной проверки материалов;

б) при аресте известных лиц, из числа польских граждан, информировать об этом соответствующие органы польской администрации прифронтовой полосы;

в) привлекать к проведению арестов вражеского элемента в прифронтовой полосе польскую администрацию, местные органы Министерства Внутренних Дел (общественные администрации) и Министерство общественной Безопасности Польши;

г) при Министрах Внутренних Дел (общественной администрации) и Общественной Безопасности Польши, по просьбе Временного Польского Правительства вводятся советники министров, в распоряжение которых выделяется количество инструкторов и частей войск НКВД.

При Военных Советах фронтов и армий, действующих на территории Польши будут состоять представители Временного Польского Правительства для оказания помощи Командованию фронтов и армий в разрешении различных вопросов, связанных с нуждами Красной Армии и для осуществления связи с органами польской администрации.

Настоящей директивой руководствоваться органам и оперативным работникам «СМЕРШ» и работникам НКВД, НКГБ, работающих во фронтовых оперативных группах.

Уполномоченный НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту
Комиссар государственной безопасности 2 ранга
(И. Серов)

*Резолюция: Н[ачальнику] Ш[таба]. Ознакомить раб[отников] Р[азведывательных] О[тделов] и офицер[ский] состав организующий службу. 9 апреля
(подпись неразборчива).*

*Пометы: Исполнено батальонам 12 апреля 1945 г. 1-00190.
12.04.45 г. Читал капитан Г. Чванов*

У[правлению] В[ойск] 15 апреля 1945 г. 1-001127

№ 9

**СООБЩЕНИЕ И.А. СЕРОВА
НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Л.П. БЕРИИ
ОБ ОБСТАНОВКЕ В ОСАЖДЕННОМ БЕРЛИНЕ**

23 апреля 1945 г.

Принято по ВЧ

Совершенно секретно

1-й Белорусский фронт

Москва. НКВД СССР — товарищу Берия Л.П.

Выездом на место в пригородный район Берлина (Ост Берлин) установлено следующее:

Населенные пункты на пути к Берлину, занятые за последние дни, не разрушаются, а немецкое население, которое разбежалось во время боев, сейчас возвращается и живет в своих домах.

Не доезжая до Берлина 20 километров, железнодорожная линия, идущая с востока к Берлину, в ряде случаев разрушена, шпалы поломаны пополам специальной машиной на протяжении всего пути.

В 10—15 километрах от города Берлина и непосредственно перед городом каких-либо серьезных долговременных оборонительных сооружений или дзотов нами не обнаружено. Имеются стрелковые и орудийные окопы и на отдельных участках были заминированы шоссевые дороги. Непосредственно у города окопов имеется также немного, гораздо меньше, чем у какого-либо другого города, занятого частями фронта.

Захваченные в плен немецкие солдаты (фольксштурмовцы), жители гор. Берлина, будучи допрошенными, показывают, что переднюю линию обороны на глубине 8 километров перед Берлином занимали фольксштурмовцы, мобилизованные в феврале с.г. в возрасте от 45 лет и выше. Военного обучения не проходили. На каждые 2—3 человека была выдана одна винтовка и к ней 75 патронов. Руководят фольксштурмовцами кадровые офицеры из расчета один офицер на взвод.

Непосредственная оборона гор. Берлина (улиц, перекрестков и др.) возложена на кадровые войска и СС'овцев, у которых имеются минометы и орудия. Кадровых войск, как показывает один из военнопленных, уходивший в отпуск к семье два дня тому назад, в городе имеется также немного. В городе в каждом переулке построены легкие баррикады, главным образом, из разрушенных от бомбардировки зданий и частично построенные надолбы (закопанные в землю бревна, шпалы, рельсы).

На заданный вопрос военнопленным, долго ли думают немцы сопротивляться в городе, последние заявляют, что эта осада продлится не больше чем 2—3 дня, потому что боеприпасов нет. И кроме того, фольксштурмовцы не умеют обращаться с оружием и не

желают воевать, в результате чего между ними и кадровыми войсками происходят раздоры.

Действительно, мы наблюдали такой факт. Из района Лихтенберг, где занимали оборону фольксштурмовцы, к нам перебежали 8 русских и украинских женщин и рассказали, что они сидели с немцами в окопах и видели, как один фольксштурмовец поднял белый флаг над окопами, немецкий обер-лейтенант (командир роты), оборонявший этот участок, сорвал флаг и убил фольксштурмовца. Через несколько минут нашими бойцами был занят этот рубеж и на месте действительно был найден белый флаг и убитый возле него немецкий солдат.

О недостатке боеприпасов у немцев можно судить по тому, что за время нашего пребывания, в течение полутора часов, на исходных позициях для наступления танковых частей 2-й танковой армии, противник наблюдал сосредоточение танков на шоссе и даже нашей пехоты, но ни артиллерийского, ни минометного огня не вел. Действовали только отдельные снайперы и были короткие очереди из пулеметов, в то время как на рубежах по Одру в таких случаях немцы засыпали снарядами наши войска.

Из показаний военнопленных и гражданских жителей установлено, что страх среди солдат и населения перед большевиками до сих пор велик. Немецкая пропаганда до последнего дня внушает немцам, что большевики всех режут и в лучшем случае — угоняют в Сибирь. Достаточно указать на тот факт, что когда побежали из немецких окопов русские женщины, то немцы им вслед кричали: «Не бегите к русским, они вас убьют». Но тем не менее по ним не стреляли.

Немецкие солдаты, взятые в плен из числа жителей Берлина, а также гражданские берлинцы и русские, жившие в городе, рассказывают, что в Берлине осталось не менее 2,5—3 миллионов жителей. Среди населения и военных царит паника. Большинство богатых немцев и крупные чиновники административных и партийных органов выехали из Берлина 3—4 дня тому назад в западном направлении. Остались в большинстве рабочие и мелкие служащие, среди которых большое количество итальянцев, украинцев, русских, работавших на предприятиях.

В Берлине водопровод не работает ввиду разрушений, причиненных бомбардировками. Электроэнергия включается только на предприятиях и то не больше чем на 2—3 часа в сутки. Населению выдают 350 грамм хлеба на человека в день, а солдатам по 500 грамм в день. Вид солдат и населения крайне истощенный.

В настоящее время Берлин горит от бомбардировки нашей авиации, особенно северная его часть.

Противозенитная оборона не действует. За полтора часа мы видели лишь 2—3 шрапнельных разрыва по нашим самолетам. Из показаний солдат видно, что противозенитная оборона была нем-

цами вывезена для стрельбы по наземным целям на другой оборонительный рубеж, поэтому в городе противозенитной обороны осталось немного.

О последующем буду докладывать.

И. Серов

*Помета: Разослано т. Сталину, т. Маленкову, т. Антонову.
23 апреля 1945 года. № 468/б¹.*

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 308—310. Заверенная копия.

№ 10

СООБЩЕНИЕ И.А. СЕРОВА НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Л.П. БЕРИИ О ПОЛОЖЕНИИ В ЗАНЯТЫХ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ РАЙОНАХ БЕРЛИНА

24 апреля 1945 г.

Принято по ВЧ

Совершенно секретно

Из Берлина

Москва, НКВД СССР товарищу Берия.

Докладываю о положении в занятых нашими войсками районах г. Берлина.

В районах, примыкающих к центру города с восточной и северной стороны, разрушения домов составляют не более 30%, центральная часть города (по наблюдению из одного дома, расположенного на реке Шпрее и по заявлениям местных жителей) разрушена на 50—60%.

В настоящее время центр города продолжает гореть.

На домах улиц часто встречаются надписи «ПСТ» (молчи), написанные крупным шрифтом.

По заявлению берлинцев, эти надписи сделаны после неуспешных действий германских войск и рассчитаны на то, чтобы население меньше критиковало действия правительства.

Жители города в большинстве находятся в подвалах домов и на станциях метро.

В разговоре, произошедшем² на одной из станций метро с берлинцами, последние интересуются, когда будут организованы административные органы, скоро ли будут выдавать продукты питания и другие вопросы.

¹ Эта помета относится и к следующему сообщению Серова от 24 апреля 1945 г. См. документ № 10.

² Слово вписано от руки.

Нужно отметить, что при посещении 4-х районов, уже занятых частями фронта, наблюдением нигде не было обнаружено каких-либо складов продовольствия.

По наведенным справкам у чиновников районных магистратов выясняется, что продовольствие населению выдавалось один раз в неделю 1200—1400 граммов хлеба на человека. Хлеб получали из городских хлебопекарен, а картофель — 2400 граммов и мясо — 350 граммов в неделю — привозили из сельских районов, расположенных близ Берлина, в связи с чем были большие перебои в снабжении.

В настоящее время, ввиду военных действий, выдача хлеба населению и подвоз из деревни продуктов совершенно прекратились.

По показаниям арестованного нами сегодня начальника полиции Лихтенбергского района г. Берлина обер-лейтенанта Бер Отто (член фашистской партии с 1933 г.) в каждом районе проживает не менее 150—200 000 жителей.

Так как за последние дни в связи с отступлением немецких войск от Одера, в Берлин много наехало беженцев, среди них большое количество детей.

По вопросу организации административных органов в Берлине, мы интересовались, как относятся немцы на предложение о назначении бургомистров и других административных чиновников из числа местных жителей.

Из опрошенных десятка немцев — кто из них может исполнять обязанности бургомистра района, никто не дал согласия на это, мотивируя разными второстепенными причинами. Видно, что они боятся последствий и не хотят идти на эту работу.

В связи с этим, для пользы дела целесообразно подобрать бургомистров из числа находящихся у нас в лагерях военнопленных жителей г. Берлина.

Допросом захваченных военнопленных фольксштурмовцев выяснилось характерное обстоятельство: на заданный вопрос, почему среди них нет кадровых солдат и офицеров, военнопленные отвечают, что они в разговоре с солдатами и офицерами узнали, что последние боятся ответственности за безобразия, проведенные в России, поэтому будут сдаваться в плен американцам, а фольксштурмовцы не провинились перед большевиками, поэтому могут им сдаваться в плен.

Кроме того, военнопленные говорят, что гарнизон г. Берлина может в ближайшие 2 дня сдаться, но нет командующего, который бы решил вопрос капитуляции, поэтому они не могут нарушить приказа обороняться, а командующий выехал на запад.

Вчера по берлинскому радио было объявлено, что руководство обороной г. Берлина взял на себя Гитлер, сместив всех начальников участков обороны города.

333-й, 157-й и 105 пограничные полки войск НКВД по охране тыла приступили к несению заградительной службы в районах г. Берлина, согласно составленного нами плана.

О результатах оперативной работы донесу дополнительно.

Серов

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 304—307. Копия.

№ 11

ДИРЕКТИВА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 331 ПОГРАНИЧНОГО ПОЛКА № 1-1249 ОБ ОТМЕЧЕННОМ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР И.А. СЕРОВЫМ НЕБЛАГОВИДНОМ ПОВЕДЕНИИ ПОГРАНИЧНИКОВ

25 апреля 1945 г.

Всем командирам батальонов.

Зам. наркома Серов объехал линию фронта и отмечает не благовидное поведение пограничников.

Люди толкуются на дорогах без дела, батальоны службу организуют слабо, пограничники заходят в дома, роются в домашней утвари и несут на себе разное барахло и непонятно, несут они службу или занимаются барахольством.

Такого рода недочеты в организации службы имели место на заставах 1 и 2 батальонов, а вопросом барахольства начали безудержно заниматься некоторая часть офицерского, сержантского и рядового состава.

Ориентирую о вышеизложенном, —
Командир полка ПРИКАЗАЛ:

1. Возложить на командиров подразделений персональную ответственность за поведение подчиненных при исполнении служебных обязанностей.

2. Призвать к порядку пограничников, должностящих быть носителями этого порядка.

3. По-настоящему организовать несение службы пограничных нарядов, усилить контроль и проверку несения службы нарядами со стороны офицерского состава.

4. Категорически запретить приурочивать выезды групп и одиночек в занятые города частями К[расной] А[рмии], с целью поиска трофеев и барахла.

5. О каждом случае барахольства со стороны военнослужащих подразделений, доносить на имя командира полка, для строгого наказания последних.

6. Получение настоящей ориентировки, доведение ее до всего личного состава, донести 28 апреля с/г. почтой.

Начальник штаба 331 погранполка
Майор Прохоренко

РГВА. Ф. 38816. Оп. 1. Д. 36. Л. 182. Подлинник.

№ 12

**ПИСЬМО И.А. СЕРОВА
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Л.П. БЕРИИ О НЕПРАВИЛЬНОМ УКАЗАНИИ
НАЧАЛЬНИКА ГУКР СМЕРШ В.С. АБАКУМОВА
О СОЗДАНИИ В ГОРОДАХ ГЕРМАНИИ
ОПЕРАТИВНЫХ ГРУПП СМЕРШ**

22 июля 1945 г.

Совершенно секретно

Народному комиссару внутренних дел СССР
Маршалу Советского Союза
товарищу Берия Л.П.

По сообщению начальника Берлинской оперативной группы НКВД, Управление «СМЕРШ» группы войск, по указанию тов. Вадис, направило в гор. Берлин, а также и другие крупные города Германии свои оперативные группы «СМЕРШ» для ведения агентурной работы.

В разговоре с тов. Вадис, последний сообщил, что есть указание тов. Абакумова об организации своих опергрупп для оперативного обслуживания окружения, где располагаются части, соединения группы войск.

Со своей стороны считаю нецелесообразным проведение агентурно-оперативной работы в городах Германии опергруппами НКВД и «СМЕРШ» параллельно.

В частях и дивизиях, располагающихся в населенных пунктах, имеются оперативные работники «СМЕРШ», на которых возложена задача ведения агентурно-оперативной работы, как в частях так и с окружением.

Таким образом, выделяемые Управлением «СМЕРШ» дополнительные оперативные группы являются излишними.

Прошу Ваших указаний.

И. Серов

*Резолюция: «Решено. Т[оварищу] Абакумову даны указания.
Б. Обручников».*

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2202. Л. 271. Подлинник.

№ 13

**ДИРЕКТИВА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСК НКВД
ПО ОХРАНЕ ТЫЛА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ
№ 15/10-002243 О ЗАПРЕЩЕНИИ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ
ВОЙСК НКВД, НАХОДЯЩЕМУСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ,
НЕЗАКОННОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЕЩЕЙ
И ИХ ПЕРЕВОЗКИ В СССР**

25/27 июля 1945 года

Совершено секретно

**ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ ВОЙСК НКВД
ПО ОХРАНЕ ТЫЛА ФРОНТОВ И ГРУПП СОВЕТСКИХ ВОЙСК
ЗА ПРЕДЕЛАМИ СССР.**

Исполняющий обязанности начальника войск НКВД СССР генерал-лейтенант Стаханов своей директивой № 17/00477 от 19 июля 1945 года обращает внимание на то, что за последний период времени участились случаи, когда военнослужащие войск НКВД, находясь в заграничных командировках, занимаются приобретением для себя незаконным путем различных вещей, домашней обстановки, посуды и т.д.

Некоторые командиры соединений и частей войск НКВД специально поручают подчиненному личному составу, убывающему в командировки, заниматься приобретением различного рода вещей.

Имеют место факты, когда для провоза незаконно приобретенных вещей используют подвижной состав, представляемый для плановых перевозок воинских грузов или подвижной состав занаряженный для перевозки личного состава при их передислокации и спецконтингента, направляемого в глубокий тыл страны. Так:

11 июля с.г. в составе эшелона № 96579, принадлежащего 36 дивизии конвойных войск НКВД, прибыл вагон № 333175, при разгрузке которого в г. Москве на ст. Белорусская-товарная были обнаружены: диваны, кресла, трельяжи, картины, посуда разная, перины, краска, столярный инструмент, радиоприемники, а также автомашина.

Группа офицеров и красноармейцев частей Московского гарнизона во главе с работниками сельхозотдела ГУВС НКВД лейтенантом Гавриловой, будучи командирована в Восточную Пруссию за получением рогатого скота, в пустыющих немецких хуторах забрала и привезла: 3 пианино, кровати с матрацами, зеркала, 28 велосипедов и другие домашние вещи.

Командой 12 бригады войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, командированной в Управление войск охраны тыла 1-го Украинского фронта за получением конского скота, по поручению командира бригады полковника Прохорова, были незаконно получены и привезены в бригаду: 21 голова крупного рогатого скота, 4 автомашины, 14 радиоприемников, 62

перины, зеркала, часы, велосипеды, швейные машины, платья, мебель, посуда, сахар, мука и др.

Лица, виновные в незаконном приобретении различного рода вещей и их незаконном провозе, подвергнуты строгим взысканиям.

Ориентируя о выше изложенном и в целях недопущения аналогичных явлений в войсках НКВД по охране тыла действующей Красной Армии —

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Категорически запретить личному составу войск заниматься приобретением различного рода предметов незаконным путем.

2. Запретить командирам частей и начальникам эшелонов, сопровождающим спецконтингенты и грузы, использование предоставляемых транспортных средств для перевозки различного рода вещей, не положенных частям по существующим табелям или провоза незаконно приобретенных вещей на территорию СССР.

3. При выявлении случаев незаконного приобретения личным составом войск различного рода имущества и вещей, а также случаев незаконного использования предоставленного для перевозки войсковых грузов подвижного состава, назначать служебное расследование.

Материал расследования со своими выводами и заключением представлять мне на утверждение.

4. Впредь о всех случаях незаконного приобретения вещей или использования транспорта для их перевозки доносить мне как о чрезвычайных происшествиях по радио, телеграфу, «ВЧ».

5. Настоящую директиву объявить всему офицерскому составу войск под расписку.

Директиву размножить до батальона.

Начальник Главного Управления войск НКВД
по охране тыла действующей Красной Армии
Генерал-лейтенант Горбатюк.

РГВА. Ф. 32914. Оп. 1. Д. 132. Л. 327—328. Заверенная копия.

№ 14

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО И.А. СЕРОВА
НА СОВЕЩАНИИ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ
СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ И ПРОВИНЦИЙ ГЕРМАНИИ**

14 августа 1945 г.

Товарищи, мы собрали вас сюда для того, чтобы заслушать вас о том, как идут дела Советской военной администрации, как органи-

зовались управления, какие имеются недостатки в работе, в чем необходимо оказать вам помощь¹. Особенно сейчас мы считаем нужным провести этот сбор после прошедшей Берлинской конференции², на которой четко и ясно определелись задачи и на которой приняты решения по контролю над Германией. Также мы хотим, чтобы вы рассказали здесь, как организованы германские аппараты самоуправления, как они себя ведут, какие вопросы возникают и в чем им необходимо помочь, чтобы организовать снабжение населения и элементарное обслуживание. Одновременно мы хотим заслушать вас по вопросу работы комендантов провинций, округов, уездов и т.д., какие взаимоотношения между комендантами и воинскими частями, недостатки в этом, с тем, чтобы сделать³ соответствующий вывод⁴ и провести в жизнь. Также необходимо в докладах заместителей начальников Советской военной администрации в провинциях осветить вопрос работы Коммунистической партии, потому что основное политическое задание, которое должна проводить Коммунистическая партия, вы о нем должны знать и также помогать ей в работе для того, чтобы организовать на демократических началах органы самоуправления округов, провинций и уездов. Одновременно хотим заслушать вас о том, как ведут себя и какие просьбы и требования выдвигают остальные руководящие лица демократической партии, которых вы включаете в блок при организации органов самоуправления. Одновременно необходимо осветить ход восстановления промышленности, особенно тех отраслей ее, которые необходимы в первую очередь для питания населения, для снабжения сельскохозяйственным инвентарем, ремонта сельскохозяйственного инвентаря и т.д. — это основные жизненные промышленные предприятия, как идет ход их восстановления и как помогаете вы в этом деле.

Дальше — положение с топливом, перспективы для снабжения промышленных предприятий на зиму, а также снабжение населения. Этот вопрос вы также должны осветить.

Основным вопросом сейчас является ход уборки урожая и посевная кампания. В этом вопросе имеется ряд существенных недо-

¹ В работе Совещания приняли участие заместители начальников СВА провинций федеральных земель, начальники отделов комендантской службы провинций, коменданты округов и крупных городов.

² Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, состоялась в Потсдаме 17 июля — 2 августа 1945 г. Конференция учредила Совет Министров иностранных дел (СМИД). Было достигнуто соглашение о политических и экономических принципах политики союзников в отношении Германии, о репарациях, о Кенигсберге, о военных преступниках, об Австрии, о Польше и ее западных границах, о перемещении немецкого населения и т.п. (См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. МИД СССР. М.: Политиздат. 1984. Т. 6.)

³ Слово «сделать» вписано от руки.

⁴ Далее зачеркнуто: *по этому сделать*.

статков. Мы допустили кое-какие неточности и ошибки, в частности в определении налоговой практики и политики и т.д. В этом отношении вы должны нам также подсказать с тем, чтобы мы впредь не допускали таких ошибок. Те указания, которые мы вначале давали, они были потом подкорректированы вами. Дело это для нас новое. Никогда мы не учились тому, чтобы управлять, скажем, Германией. У вас сейчас уже практические вопросы возникли, и вы должны нам подсказать — как лучше и правильнее организовать эти мероприятия.

Также необходимо осветить вопрос организации торговли как для военнослужащих нашей Группы советских оккупационных войск, так и для местного населения, потому что в решении этого вопроса могут быть существенные недостатки, которые потом нужно будет корректировать.

Необходимо также осветить вопрос настроений немецкого населения, в связи с решениями Берлинской конференции. Общее впечатление о настроениях населения у нас имеются, но вместе с тем имеет место ряд существенных моментов. В частности дело доходит до того, что имеются сигналы о том, что отдельные лица пытаются организованно противодействовать этим решениям вплоть до применения оружия. Если у вас конкретные факты имеются, расскажите о них, с тем, чтобы мы могли принять соответствующие контрмеры в этом деле.

Не основной вопрос, а попутно, вместе со всеми вопросами, это — вы должны указать на факты, особенно характерные, проявления недисциплинированности со стороны военнослужащих, в частности отдельных командиров частей, не специально упор делать, а указать, чтобы мы могли принять меры в отношении этих людей. Особенно в провинциях Тюрингии и Саксонии есть случаи неблагоприятия, скажем, в отношении использования захваченных ценностей, складов, трофеев и т.д. Приведите наиболее характерные факты.

Ну, и, наконец, одной из задач мы поставили здесь, это — ознакомление наших начальников отделов и управлений Главного начальствующего Советской военной администрации Германии, чтобы они ознакомились с ходом дел на периферии и сделать соответствующие выводы для себя, чтобы не вслепую работать, а знать, что происходит на местах, какие им необходимо вопросы поднять и в чем помочь начальникам и заместителям СВА провинций. Начальники отделов и их заместители не всегда имеют возможность проехать по всем городам и провинциям и проверить, как обстоит дело. Это даст им значительную пользу в деле организации своей отрасли работы по вопросам, которые их в первую очередь касаются.

Вот, примерно, круг вопросов, которые мы хотим здесь заслушать с тем, чтобы по ним иметь представление и обменяться мнениями.

Дальнейший порядок вам известен. Но в него вносятся некоторые поправки. Мы думаем таким образом организовать, во изменение

прежней наметки плана, который у нас был, это — заслушаем доклады заместителей начальников провинций и одновременно с этим минут 25—30 дадим для выступления начальникам отделов Комендантской службы в провинциях, а в некоторых случаях комендантам городов с тем, чтобы параллельно с вашими докладами мы были в курсе дел и того, что происходит по линии комендантской службы. <...>¹

ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 28—31. Неправленая стенограмма.

№ 15

ВЫСТУПЛЕНИЕ И.А. СЕРОВА НА СОВЕЩАНИИ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ И ПРОВИНЦИЙ ГЕРМАНИИ

16 августа 1945 г.

Цель нашего совещания сводилась и сводится к тому, чтобы обсудить вопрос по организации контроля над Германией. Это совещание практиковалось провести несколько раньше, потом мы решили провести позже, после тех решений, которые вынесли на Берлинской конференции трех держав. Поэтому мы считаем, что проводимое сейчас совещание является своевременным и на нем мы обсудили вопросы текущей практики, текущего руководства органами местного самоуправления Германии и в то же время мы подытожили достижения и недостатки в области руководства.

Нужно сказать, что общее впечатление неплохое. Начальники управлений комендантских служб провинций ведут значительную работу в деле организации жизни и быта германского населения. Одновременно с этим на совещании были вскрыты существенные недостатки в практике проведения контроля, на которые нам нужно дать указания, чтобы Вы их исправили.

Какие вопросы здесь выдвигали, на которые не сумели дать ответа я постараюсь на них ответить.

Тов. ТЕЛЕГИН говорил в отношении штатов. Вы должны продумать и посмотреть, за счет кого увеличить штат может быть за счет сельхозотдела и секторов. Нужен ли отдел заготовок. У меня сложилось впечатление, что отдел заготовок ставится для того, чтобы идти и проводить заготовку у Начальников управлений провинциями и комендатурами. Может быть, эти отделы передать начальникам отделам провинций, чтобы они контролировали ход заготовок.

Мы должны заставить немцев выполнять те требования, которые на них возложены, заставить их работать и контролировать, чтобы от нас ничего не скрыли. Подумайте, как это сделать. Ведь

¹ Опущено предоставление слова для доклада М.А. Скосыреву.

Вы генерал-губернатор провинции. Если по линии экономического сектора усилить аппарат, то подумайте за счет кого. То же самое по линии сельскохозяйственного сектора. Нужно особое внимание обращать на укомплектование наиболее квалифицированными людьми: агрономами, зоотехниками, чтобы человек, который придет в деревню, в волость и т.д. четко и ясно мог сказать, чтобы его вокруг пальца не обводили немцы.

Третий момент в этом вопросе, это вопрос укомплектования. Мы имеем справку по линии контроля, что аппарат сельскохозяйственных групп, сельхоззаготовок и т.д. не укомплектован на 1800 чел. Если укомплектовать на 50% это даст большое подспорье. Можно в ряде случаев укомплектовать за счет армии. В армии есть люди, которых можно использовать по специальности.

Этот вопрос подлежит продумать в течение ближайшей недели и представить свои предложения, а мы здесь рассмотрим это дело и будет принято соответствующее решение.

Здесь говорили по Мекленбургской провинции и федеральной земле Саксония. Наши соседи в лице 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов оставили много хвостов в виде тыловых учреждений, которые забрали в свое подчинение фабрики, заводы, склады, базы и т.д. С этим делом надо кончать. Вы их возьмите на учет, предложите удалиться. А все хозяйства, которыми они ведали примите в свое подчинение. Если не получается у самих, доложите т. ЖУКОВУ, что такие-то люди не принимают соответствующих мер и будут приняты немедленно надлежащие меры. Тов. ФЕДЮНИНСКИЙ и КОТИКОВ должны донести, а т. КОЛЕСНИЧЕНКО передать об этом.

Поднимался вопрос по восстановлению волостей. В уездах 50—60—70 общин, с которыми уездная власть не в состоянии справиться. Подумайте над этим вопросом. До 1933 года были такие волости и они управляли. Выявите отрицательные и положительные стороны и дайте свои соображения, может быть руководство примет решение восстановить волости.

Здесь выдвигали вопрос, что в аппаратах и органах самоуправления много имеется фашистов. Тут установка ясна. В решении Берлинской конференции трех держав четко и ясно указано, что все рядовые фашисты должны быть удалены из аппаратов органов самоуправления. Они наметили удалить большое количество фашистов. У союзников по радио шумят об удалении, но не удаляют. Поэтому Вы должны следить за руководителями местных органов самоуправления.

В отношении руководящего состава лидеров. Там также четко определено — они подлежат аресту. В этих целях работает оперативная группа НКВД и они эту работу проводят. Если что не доработано, но соберитесь и подумайте.

Членов фашистской партии было до 8 млн. да плюс другие партии. Всего набиралось до 15 млн. Не можем же мы все население

забрать. Необходимо руководящую часть арестовать, а остальные будут ходить.

У меня имеются данные, что местные руководители уже готовят ряд законов, декретов в отношении мер наказания и некоторые уже провели изменения в существующих при Гитлере законах и проводят в жизнь, судят за все преступления. Вы должны внимательно следить за этим делом. Следить потому, что они могут нужные статьи из кодекса вычеркнуть, а оставить те статьи, которые существовали при Гитлере. Вы должны следить и проверять какие кодексы они издают. Статьи уголовного кодекса, бракосочетание, кража, убийство — они остаются в силе.

Сроки наказания за эти преступления остаются, пусть полтора года, два года и т.д. Что касается политических статей, это по-нашему 58-ая статья со всеми подпунктами. Преступления против существующего порядка подсудны только нашему военному трибуналу. Необходимо резкое разграничение. Криминальные преступления — им судить, политические — сами судим. За этим мы должны следить и ни в коем случае вы не должны выпускать этого из своих рук.

Относительно поднимавшегося здесь вопроса о создании прокуратур в провинциях и округах. Этот вопрос мы обсудим, может быть придется телеграфно снести с т. Горшениным, а то прокуратур у нас до сих пор нет. Нужно, скажем, срочно за какое-нибудь преступление осудить немца, а мы этого сделать не можем. Нужно будет прокуратуры организовать.

Относительно военной полиции. Мы считаем, что это дело нецелесообразно вводить. Видимо, предложения такого рода поступают в связи с тем, что у немцев и американцев есть милитерполиция. Вы решили скопировать. Учтите, что это их военная полиция, всю войны существовала, кроме того, помимо задач регулирования, она имеет и политические задачи, действует совместно с военной жандармерией. Поэтому это не одно и то же, что вы просите.

Какой у нас порядок? У нас есть военные комендатуры, у них есть военные подразделения. Оденьте их как следует, вооружите, порядок наведите, чтобы разбоем, грабежом не занимались. Допустим, приехали, постояли день-два, навели порядок и уехали. Своим распоряжением может выпустить роту-две, навести порядок и уехать. Поэтому ваше предложение считаем нецелесообразным.

О выставке. Товарищи организовали небольшую выставку продукции, которая производится в провинции. Это правильно. Но тогда вы должны иметь на учете все, что в провинции у вас имеется. Мало того, в Мекленбурге заводятся паспорта на промысловые предприятия. Если у вас такие паспорта будут, у вас будет учет местной промышленности, местная промышленность будет работать на нужды немецкого населения и на нужды оккупационных войск. Поэтому вы должны иметь производство на учете. Это правильно. Но и те запасы сырья, товаров и т.д., которые имеются, вы тоже

должны иметь на учете. Об этих запасах вы должны нам донести, с тем, чтобы Торговый отдел подсуммировал, сколько у кого есть текстиля в готовом виде, сколько будет и т.д. Вот сейчас уборочная кампания проходит, если бы под нее тысячи две метров мануфактуры подбросить, дело бы лучше пошло. Лучше пойдут и заготовки сырья и т.д. Если мы под заготовку зерна будем давать больше товаров, это будет стимулировать. И тогда, товарищи, не будут повторяться такие вещи, как взяли, скажем, и отправили 250 тыс. метров железнодорожникам. Неправильно, что уплывает такое большое количество мануфактуры, а Торговый отдел упустил это.

Тов. Телегин правильно дал указание, что химикаты надо распределить между провинциями. Сельское хозяйство Германии существовало на химикатах. Это делалось потому, что они завозили большое количество химикатов. Если распределения между провинциями химикатов не будет, то получится так, что в одной провинции будет недород, в другой — излишки. Мы ни на день, ни на два сюда собрались и должны думать о том, чтобы и на будущий год хороший урожай был. Поэтому мы должны распределить химикаты и развести их по провинциям. Тов. Квашнин должен дать порожняк для переброски этих химикатов.

Что касается демонтажа, то ряд мероприятий принимается. Говорите, демонтируют мелкие предприятия, когда рук не хватает. Если вы не можете своей властью приостановить это, дайте сюда телеграмму: — считаю нецелесообразным то-то и то-то. Мы поручим проверить это дело. Если вы правы, отменим. Лишь бы демонтировать — это неправильно. На год перевозки раздemonтировали предприятий, дай бог справиться с перевозкой, а дальше — пусть думают потом.

Начальники Советской Военной Администрации провинций должны дать соответствующие задания местным органам власти насчет создания известного запаса хлеба. Особенно это относится к федеральной земле Саксония, Мекленбургу и провинции Саксония. Об этом вы должны думать уже сейчас и принимать соответствующие меры к равномерному расселению населения. Вы за этим сейчас плохо следите. К примеру, в федеральной земле Саксония не могут сказать, сколько у них населения, а без этого у вас начнется голод, опухание населения. Наше правительство не допустит, чтобы мы пирожными немцев кормили, но оно не позволит, чтобы дело дошло до опухания. Нужно хлебные резервы создать, иначе могут быть всякие неприятности.

Необходимо заняться вопросом расселения. Посмотрите еще раз те указания, какие мы вам давали. Мы более или менее равномерно распределение провели, зная, что в южных провинциях плотность населения большая, чем, скажем, в Мекленбургской. Туда подбросьте людей, не считайтесь с тем, что будет много не желающих. Допустим, если бы у нас беженцы шли через Крым и Кавказ

и их спросили, где они хотят остаться на Кавказе и в Крыму или направиться в Вологодскую губернию, то ясно бы все они пожелали остаться на юге. В таком случае возможна опасность перенаселения. Если федеральная земля Саксония, Тюрингия являются не сельскохозяйственными, а промышленными провинциями, особенно трудно здесь будет с этим вопросом.

По линии полиции под руководством органов НКВД мы решили провести учет населения. Поэтому вы помогите нашим начальникам оперативных групп в деле проведения паспортизации. Много всяких подлецов находится на нелегальном положении.

Займитесь вопросом использования безработных. В промышленных провинциях, как Тюрингия, Саксония, освобождаются рабочие в связи с демонтажем предприятий. Учтите, что сейчас охватить работой всех не сможем. Сельское хозяйство это сезонная работа, заканчивается уборка, молотьба — кончилась и работа. Возможно, что при таком положении безработный будет без дела недели и может быть месяц. Учтите, что есть фашисты, которые могут использовать их. Это самый хороший материал для организации всяких групп. Вам необходимо принимать все меры к тому, чтобы посылать их на сельскохозяйственные работы, на отдельные предприятия, которые у вас работают, на восстановление железнодорожных мостов, железных дорог, шоссейных дорог. Их нужно как можно больше использовать на работе, иначе их мысль будет направлена в другом направлении и могут быть неприятности.

Для развития нормальной жизни в провинции дайте возможность работать немцам, дайте им машины, пусть отремонтируют их, они это умеют хорошо делать. На этих машинах они могут возить хлеб и другие продукты. Пусть сами ориентируются во всех вопросах работы.

Здесь задавали вопросы относительно формы для полицейских. Мы установили для полиции форму, которая существовала до 1933 года. Если некоторые полицейские носят коричневые рукава и воротники, заставьте снять. Погон не оставляйте. Вместо свастики должны носить кокарду. Каждая провинция имеет свой герб. Пусть у них будет герб своей провинции, как сейчас ходят берлинские полицейские.

Я должен сказать, что поведение наших военных комендантов в отношении работы на должности комендантов. Вот генерал-майор Денешин¹. С таким настроением нельзя работать. Я не раз разговаривал и предупреждал его. Вы должны понять, что мы должны выполнять определенное задание и поручение правительства. Мы должны сделать Германию такой, чтобы она в течение нескольких десятков лет она не подняла головы.

За выполнение тех задач, которые перед Вами поставлены, вы отвечаете головой. Если будете так себя вести, то вы не выиграете

¹ Так в тексте стенограммы. Вероятно, речь идет о М.А. Еншине.

этим, а проиграете. Я не думаю, что Маршал Жуков поддержит вас, если вы захотите уйти со своего поста. Надо выполнять свою задачу с честью. Я прошу прекратить такие настроения. Раз есть приказ о вашем назначении куда-либо, значит там должен быть порядок во всем.

Теперь в отношении вооружения групп комендантской службы. Автоматы для группы мы вам пришлем. Вооружение для офицеров посмотрите у себя. Может быть кое-что на местах есть, используйте его. Офицеры наши любят носить всякие иностранные марки оружие¹. Народ должен быть также хорошо обмундирован, а не так одет, как здесь отмечали. При случае покажите свои группы начальству. Постройте и покажите. Посмотрят их и все сделают. Если людей не обмундировывают, то постройте их и пригласите командующего, тогда он выделит все необходимое.

Вот здесь выдвигали вопрос, что во 2-й армии назначили своих комендантов — это неправильно. Не надо таких комендантов назначать. Вот поэтому и появились дикие комендатуры. Тут надо принять за правило, если комендатура Вами назначена, но в то же время в штате ее нет, то пусть она действует, но необходимо приехать коменданту и растолковать, почему так. Такие комендатуры должны подчиняться командиру полка, где они расположены.

Теперь насчет сдачи военными комендантами складов. Сдавать склады необходимо по плану. Соберитесь, распределите куда что сдавать, составьте план, укажите конкретно сроки и не спеша сдавайте склады и прочие базы.

Третий раздел. Специально для наших начальников отделов. Здесь начальники отделов в ряде случаев нас крепко подвели, нам даже неудобно. Мы даем указания, приказы Военного Совета и за подписью Маршала Жукова, мы их печатаем, издаем и думаем, что они выполняются, оказывается приказы лежат по 2 недели, а начальники провинций не знают их. Легче всего издать приказы, но труднее их проконтролировать выполнение. В этом Ваша задача. Начальники отделов должны контролировать выполнение приказов, издаваемых Советской Военной Администрацией по разным отраслям. Этого Вы не делаете.

Говорили полтора месяца тому назад о том, что квитанции книжные на сдачу зерна и фуража должны быть в провинциях. До сих пор этого нет. Сельскохозяйственный отдел ссылается на группу сельхозуправления, а группа сельхозуправления — на сельхозотдел. Этим вы нас компрометируете. Нельзя такие вещи допускать. Мы в следующий раз будем наказывать начальников отделов.

Изменения по заготовке спустили через 2—3 недели, а дали задание давно. Так не годится. Нужно выполнять в срок.

Последний вопрос для начальников управлений Советской Военной Администрации. Необходимо один раз в декаду давать нам

¹ Так в тексте документа.

информацию, т.е. отразить вопрос настроения у населения, может быть среди них готовятся какие-либо неприятности. В этом вопросе посоветуйтесь с начальником группы НКВД и доложите нам не огульно, а четко, ясно и конкретно. Если нужно по этому вопросу проверить ряд фактов, поезжайте, проверьте. Проверка снабжения продовольствием это важный вопрос, нужный вопрос. Вы его отразите. Использование безработных — тоже важный вопрос потому, что с безработными могут быть неприятности. Мы не должны без внимания их оставить. Как их используете, какие среди них настроения, что предполагаете с ними дальше делать.

Если один раз в 10 дней Вы нам будете писать, тогда мы будем знать, что Вы делаете, как работаете, как живет население. Вы и сами будете знать, что у Вас происходит. А то спрашиваешь, в ряде случаев некоторые сами ничего не знают.

Вот все вопросы, которые у меня есть.

Ко мне есть какие вопросы?

Вопросов нет.

ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 95—105. Неправленная стенограмма.

№ 16

ПРИГОВОР ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ВОЙСК НКВД ПО ОХРАНЕ ТЫЛА ГСОВГ ПО ДЕЛУ О РАСХИЩЕНИИ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ РЕЙХСБАНКА

23 октября 1945 г.

Именем Союза Советских Социалистических Республик

1945 года, октября 23 дня Военный Трибунал войск НКВД по охране Тыла Группы Советских Оккупационных войск в Германии, в составе: председательствующего майора юстиции Буннова, членов: майора Хайченко, капитана Большакова, при секретаре лейтенанте административной/службы] Онищенко рассмотрел в открытом судебном заседании дело по обвинению: бывшего начальника 10 заставы 333 Погранполка старшего лейтенанта Астахова Андрея Тимофеевича, 1921 года рождения, русского, гражданина СССР, кандидата ВКП(б), исключенного в связи с настоящим делом, имеющего образование 6 классов, не женатого, уроженца дер. Елькино Каширского района Московской области, не судимого;

бывшего инструктора оргпарта работы политотдела 333 Погранполка капитана Фомичева Василия Алексеевича, 1909 года рождения, русского, бывшего члена ВКП(б), исключенного в связи с настоящим делом, имеющего среднее образование, женатого, уроженца дер. Андрупы Каспьянского района Смоленской области, не судимого;

бывшего помощника начальника 10 заставы 333 Погранполка младшего лейтенанта Кочетова Николая Федоровича, 1924 года

рождения, русского, бывшего члена ВЛКСМ, исключенного в связи с настоящим делом, имеющего образование 7 классов, не женатого, уроженца села Уварово Уваровского р-на Воронежской области, не судимого;

бывшего старшину 10 заставы 333 Погранполка старшего сержанта Мухина Константина Васильевича, 1919 года рождения, русского, беспартийного имеющего образование 7 классов, не женатого, уроженца гор. Балаков Саратовской области, не судимого, — в преступлении, предусмотренном в отношении всех Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года.

Материалами предварительного и судебного следствия Военный Трибунал —

УСТАНОВИЛ:

В первых числах мая месяца 1945 года, после занятия частями Красной Армии гор. Берлин, 10 застава 333 Пограничного полка, была придана оперативной группе НКВД № 2 для охраны немецкого государственного банка, в котором находилось большое количество советской валюты и других ценностей, награбленных немцами в СССР.

Начальник 10 заставы Астахов, возглавляя охрану банка и пользуясь свободным доступом в хранилище ценностей, совместно с инструктором оргпарработы политотдела 333 Погранполка Фомичевым, своими подчиненными — помощником начальника заставы Кочетовым и старшиной Мухиным — похитили из банка более 100 000 рублей советской валюты.

В начале мая 1945 года Астахов и Мухин похитили 60 000 рублей, эти деньги были привезены на заставу и хранились в коптерке у Мухина до сентября месяца 1945 года.

Из этой суммы Астахов израсходовал на свои личные нужды 18 000 рублей. Остальная сумма 42 000 рублей была перепрятана Мухиным в подвал, откуда исчезла неизвестно куда.

2-3 мая 1945 года прибывший на 10 заставу инструктор оргпарработы Фомичев для проведения политической работы, который совместно с Астаховым, будучи в банке, похитил 30 000 рублей. Из этих денег Фомичев израсходовал на свои нужды 370 рублей, остальные деньги у него изъяты при обыске.

В этом же месяце 1945 года Кочетов похитил из банка 15 000 рублей, из коих 7000 рублей подарил Астахову, 8000 рублей присвоил себе, из этой суммы денег — 13 290 рублей были изъяты у них при обыске, остальные израсходовали на свои личные нужды.

Изъятая у подсудимых при обыске советская валюта в сумме 42 920 рублей сдана в доход государства.

Действия эти в отношении всех подсудимых предусмотрены Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г.

Руководствуясь ст. ст. 319, 320, УПК РСФСР приговорил:

Астахова Андрея Тимофеевича, Фомичева Василия Алексеевича, Кочетова Николая Федоровича и Мухина Константина Васильевича на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года подвергнуть лишению свободы с отбыванием меры наказания в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет каждого с конфискацией всего лично принадлежащего осужденным имущества и с поражением в правах указанных в п.п. «а», «б», «в» и «г» ст. 31 УК РСФСР сроком на пять лет каждого после отбытия ими меры наказания.

Лишить по суду воинских званий: Астахова Андрея Тимофеевича — «старший лейтенант», Фомичева Василия Алексеевича — «капитан», Кочетова Николая Федоровича — «младший лейтенант», Мухина Константина Васильевича — «старший сержант».

Исчислять срок отбытия меры наказания по данному приговору для всех осужденных с 28 сентября 1945 года.

Изъятые ценности у осужденных при обыске сдать в доход государства.

Приговор окончательный и обжалованию в кассационном порядке не подлежит.

РГВА. Ф. 38817. Оп. 1. Д. 148. Л. 50—51. Заверенная копия.

№ 17

ПИСЬМО И.А. СЕРОВА

НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Л.П. БЕРИИ О НЕПРАВИЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ К.Ф. ТЕЛЕГИНА И ЕГО ПОПЫТКАХ СКОМПРОМЕТИРОВАТЬ РАБОТНИКОВ НКВД

28 ноября 1945 г.

Секретно

Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР
товарищу Л.П. Берия.

В бытность Вашу в Потсдаме, я докладывал о необъективном отношении члена В[оенного] С[вета] группы оккупационных войск в Германии генерал-лейтенанта Телегина к работникам НКВД. За это время генерал Телегин особенно активно начал выискивать различные «факты» против отдельных представителей НКВД, командируемых сюда с заданиями и преподносить их т. Жукову в извращенном виде. Примером этого может служить непроверенное сообщение генерала Телегина тов. Жукову об отправке полковником НКВД Осетровым 51 эшелона с автомашинами, имуществом и трофеями в адрес НКВД СССР.

При этом характерным является то, что генерал Телегин предварительно вызвал полковника Осетрова, убедился в законности от-

правляемых грузов и заявил: «Это отправляйте, а больше я НКВД ничего не разрешу. Я никогда НКВД не прощу за то, что мне, провоевавшему всю войну, НКВД не предоставил хорошей квартиры в Москве».

Когда я т. Жукову и Телегину разъяснил, что в отправленные эшелоны были посажены пограничники, обслуживавшие Берлинскую конференцию, а также погружено оборудование и аппаратура для научных работ по известной Вам проблеме, тогда генерал Телегин ответил: «Значит мне неверно доложил генерал Черняков» (начальник ВОСО¹ войск).

Кстати сказать, я после этого разговора проверил у генерала Чернякова, как было дело, он мне сказал, что «генерал Телегин срочно потребовал справку, сколько эшелонов отправлено в адрес НКВД СССР. Я представил эту справку с указанием сколько воинских эшелонов и сколько с оборудованием и аппаратурой».

Из этого видно, что генерал Телегин заведомо ложно сообщил т. Жукову этот «факт». В дальнейшем, видя свою ошибку, генерал Телегин больше этого вопроса не поднимал.

Другим фактом предвзятого отношения генерала Телегина к работникам НКВД является следующее: начальник Бранденбургского сектора НКВД генерал-лейтенант Фокин для ремонта автомашин сектора заключил договор с мелким владельцем автомастерской и, начиная с июня месяца с.г., ремонтировал в ней машины. В октябре месяце генерал Телегин узнал об этой мастерской и послал в ремонт взятую в личное пользование автомашину «Паккард». Хозяин мастерской, принимая машину сказал, что у него на октябрь месяц уже имеются машины для ремонта, поэтому «Паккард» будет готов в первых числах ноября. Когда генерал Телегин узнал, что тут ремонтируются машины НКВД, то позвонил генерал-лейтенанту Фокину и заявил: «Из мастерской все машины заберите и передайте мастерскую Военному Совету, так как НКВД не имеет права заключать договора». Тов. Фокин порекомендовал по этому вопросу поговорить со мной, но мне генерал Телегин не звонил. Наконец, в последние дни, после приезда из Москвы с совещания, генерал Телегин начал доходить до мелочей, о которых неудобно даже писать.

В начале он отдал распоряжение завед[ующему]. столовой «открепить с довольствия в столовой В[оенного] С[овета] генералов НКВД». Сразу же были откреплены генерал-лейтенант т. Рухадзе и генерал-майор т. Какучая. Через три дня генерал Телегин вызвал зав. столовой, и будто бы проверяя, кто довольствуется в столовой, сказал: «Генералу Серову тоже здесь не полагается». После этого в течение 4-х дней мне не выдавали продуктов. Лишь после вмешательства т. Жукова положение было восстановлено. В те же дни я узнал, что автомшины генерал-лейтенанта Рухадзе и генерал-

¹ Военных сообщений

майора Какучая по приказанию генерала Телегина не разрешено заправлять автобензином и смазочным, а на мою машину отпущено только 5 заправок в месяц. Когда я решил проверить, не является ли это провокацией, то командир автобатальона Марков мне официально заявил, что ему такое приказание отдал генерал Телегин.

Лаврентий Павлович! Мы имеем десятки фактов, когда ген[ерал] Телегин пытается скомпрометировать работников НКВД. Наблюдая за ним почти в течение года, я пришел к выводу, что генерал Телегин очень озлоблен на НКВД. Серьезных причин к этому я не нашел. Наши товарищи, приезжая в Германию по Вашему поручению, в связи с решениями СНК Союза, иногда обращаются к генералу Телегину, ведут себя тактично, а не всегда получают нужную поддержку со стороны генерала Телегина, хотя в ряде постановлений СНК указывается, чтобы Военный Совет оказал необходимую помощь.

Что касается личных дел Телегина, я, правда, ими не занимаюсь, но недавно т. Жуков рассказал мне, что перед отъездом в Москву к нему зашел генерал Телегин и т. Жуков в разговоре сказал Телегину: «Что же ты целый вагон загрузил барахлом, а сам на Антипенко дал в Москву телеграмму, да еще и мне предлагал подписать ее. Смотри, на тебя собираются в ЦК написать. Люди ведь видят, как ты квартиры демонтируешь». На это, якобы, Телегин ответил, что он очень любит старинные вещи, поэтому купил в Лейпциге за 8 тысяч рублей всю квартиру, где жил комендант города генерал-лейтенант Труфанов и решил вывезти в Москву.

Затем тов. Жуков рассказал, что Телегин вывез из квартиры всю мебель, ободрал стены, которые были обиты материалом с художественной вышивкой, и погрузил в вагон, в котором поехал в Москву на совещание.

Лаврентий Павлович! Может быть это письмо и не заслуживает внимания, но обидно, когда генерал Телегин, хотя и безуспешно, пытается скомпрометировать нас перед своими подчиненными. Мы, правда, не придаем этому никакого значения, но, тем не менее, решили Вам доложить.

И. Серов

Помета:

Разослано: т. Молотову, т. Маленкову, т. Булганину.

1 декабря 1945 г. № 1349/б.

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 324—327. Заверенная копия.

№ 18

**ПИСЬМО НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
С.Н. КРУГЛОВА И НАРКОМА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР
В.Н. МЕРКУЛОВА И.В. СТАЛИНУ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ
О НАЗНАЧЕНИИ И.А. СЕРОВА ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ
УПОЛНОМОЧЕННЫМ НКГБ В ГЕРМАНИИ**

31 января 1946 г.

№ 735/м./333/к

Совершенно секретно

Товарищу Сталину И.В.

На территории Германии, оккупированной Красной Армией, чекистская работа проводится в настоящее время оперативными группами НКВД под руководством уполномоченного НКВД СССР тов. Серова.

В составе оперативных групп НКВД насчитывается 2230 работников органов и войск НКВД и 399 оперативных работников НКГБ.

НКГБ СССР имеет в Берлине только небольшую оперативную группу в составе 35 чел., которая занимается исключительно разведывательной работой.

Такое положение на практике привело к тому, что НКВД СССР в значительной мере приходится заниматься вопросами, относящимися непосредственно к компетенции органов НКГБ СССР (разработка, аресты и следствие по делам шпионов и диверсантов, заброска агентуры в зоны оккупации союзников с разведывательными заданиями, розыск агентуры бывших разведывательных органов Германии, разработка эмигрантов и т.д.).

В целях более четкого разграничения функций работы НКВД и НКГБ на территории Германии считаем целесообразным:

1. Уполномоченного НКВД СССР тов. Серова назначить по совместительству также уполномоченным НКГБ СССР.

2. Построить работу внутри оперативных групп НКВД-НКГБ на территории Германии таким образом, чтобы каждая оперативная группа вела работу в соответствии с заданиями как НКВД СССР, так и НКГБ СССР.

Просим Ваших указаний.

В. Меркулов

С. Круглов

Помета: Пошло через Секретариат т. Меркулова за № 735/м.

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 231—232. Копия.

№ 19**ИЗ ПИСЬМА И.А. СЕРОВА И.В. СТАЛИНУ
О НЕПРАВИЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ К НЕМУ
В.С. АБАКУМОВА И ПРЕСЛЕДОВАНИИ С ЕГО СТОРОНЫ**

8 сентября 1946 г.

Секретно

Совет Министров СССР
товарищу Сталину И.В.

Считаю необходимым доложить Вам, тов. Сталин, о непартийном отношении ко мне т. Абакумова.

Т. Абакумов на протяжении всей войны пытался меня на всяких мелочах скомпрометировать, но я не обращал внимания, т.к. в тот период у него были ограниченные возможности к этому. В настоящее время, когда эти возможности во много раз увеличились, я счел необходимым обратиться к Вам за помощью.

Имеется много фактов, подтверждающих мои слова, но я оставляю лишь на некоторых из них.

В период Отечественной войны по поручению тов. Берия, я неоднократно выезжал в Особые отделы фронтов для оказания помощи в работе и устранения недостатков в условиях войны.

Так, например, в начале 1942 года поступили данные, что на Южном фронте много случаев групповых переходов наших солдат на сторону противника, что начальник Особого отдела майор госбезопасности Зеленин в это тяжелое время на фронте не занимается работой по предотвращению случаев измены, а разлагается, сожительствует с машинистками и награждает их медалями, что Зеленин заманил на квартиру жену начальника Политотдела армии, напоил ее пьяной и изнасиловал.

Выездом на место мною была организована агентурная работа в Особых отделах дивизий по предупреждению командования о готовящихся предательствах и аресту изменников. Зеленин вызывался т. Абакумовым, но о принятом решении мне неизвестно, т.к. я был переброшен на Керченский фронт.

Во всяком случае, Зеленин в настоящее время получил звание генерал-лейтенанта, работает начальником Управления Контрразведки в Германии, содержит в качестве жены одну из бывших машинисток и пользуется большим авторитетом у Абакумова. Настоящая жена Зеленина попала в плен к немцам, путалась с ними и сейчас живет отдельно.

Изложенный факт могут подтвердить ряд товарищей, в том числе генерал-майоры Клепов и Прищепа.

На Керченском фронте начальником Особого отдела был генерал-майор Белянов, который вместе с командованием фронта обманывал Ставку Верховного Главнокомандующего о положении на

фронте, в связи с чем по указанию тов. Берия он был мной с должности снят и из Особых отделов уволен.

С первых дней войны мне было поручено руководить истребительными батальонами и войсками НКВД по охране тылов фронтов. В связи с тем, что войска охраны тыла и истребительные батальоны очень много задерживали шпионов противника, работники Особых отделов всячески пытались забрать к себе задержанных нашими органами подозрительных лиц и шпионов и отчитаться за них.

На этой почве у нас с т. Абакумовым неоднократно были крупные разговоры. Это может подтвердить генерал-лейтенант Петров.

Во время тяжелого положения под Сталинградом, в августе 1942 года тов. Берия послал туда т. Абакумова для наведения порядка в городе и организации переправы через Волгу.

Через некоторое время Военный Совет фронта прислал телеграмму, что в городе Сталинград порядка нет, среди населения началась паника из-за отсутствия переправы и т.д.

В связи с этим тов. Берия послал меня в Сталинград, а Абакумова отозвал.

По приезду в Москву т. Абакумов начал распускать слухи, что Серов напросился в Сталинград и т.д.

Особенно резко возмущался т. Абакумов в связи с Вашим решением о введении уполномоченных НКВД по фронтам, которые сыграли положительную роль в последний этап войны.

Во-первых, т. Абакумов категорически восстал против посылки оперативных работников для укомплектования аппаратов уполномоченных.

Во-вторых, всячески старался отделить работников «Смерш» от Уполномоченных фронтов, даже в ряде случаев в ущерб общему делу.

Это могут подтвердить генералы Аполлонов, Мешик, Цанава и др. В этом деле т. Абакумов доходил до мальчишества. Он звонил начальнику Управления «Смерш» Белорусского фронта генералу Вадису, его заместителю генералу Сидневу и требовал, чтобы они не являлись по моему вызову, не выполняли моих указаний по работе. При этом угрожал взысканиями и даже арестом.

По окончании войны т. Абакумов действительно генерала Вадиса сразу же убрал и вместо него прислал «надежного» работника Зеленина.

Очевидно, генерала Сиднева постигнет та же участь, как только он перейдет в подчинение Абакумова.

В последнее время, когда уже «Смерш» мне оперативно не был подчинен, ко мне поступало много заявлений о безобразиях в работе «Смерш», я всегда ставил в известность Зеленина, а о наиболее характерных фактах доносил в Министерство и принимал необходимые меры к устранению. Так например, в начале этого года

пьяные работники «Смерш» вечером поехали в поле близ г. Галле приводить в исполнение приговоры Военного Трибунала. Спьяна трупы были зарыты настолько небрежно, что на утро проходящие по дороге около этого места немцы увидели торчащими из земли две руки и голову от трех трупов. Затем они разрыли трупы, увидели в затылках у трупов пробоины, собрали свидетелей и пошли заявить в местную полицию. Нами были приняты срочные меры.

В этом же году у работников «Смерш» дивизии генерала Сталина В. сбежали две немки, арестованные в английской зоне г. Берлина. После побега они рассказали англичанам об их аресте русскими. Работники «Смерш» пытались все это скрыть, но об этом узнал генерал В. Сталин, вмешался в это дело, сообщил мне, в связи с чем были срочно приняты необходимые меры. Можно привести десятки аналогичных фактов.

Т. Абакумов всегда возмущался, что вмешиваются в его дела, хотя и знал, что вмешательство помогло делу.

В одном из разговоров со мной т. Абакумов заявил: «Ты за время войны много мне и моим работникам крови испортил».

Это заявление свидетельствует о том, что т. Абакумов старается защитить честь мундира, а не рассматривает устранение недостатков в работе в интересах нашего общего государственного дела. И, кроме того, он видит во мне основного виновника всех неприятностей, причиненных ему, а не своих подчиненных, допустивших ошибки в работе.

В последнее время ко мне приходили сотрудники т. Абакумова и предупреждали, что т. Абакумов очень мной интересуется, а своим приближенным Зеленину, Малинину и другим «намекнул», что надо подобрать компрометирующие материалы на Серова.

Во исполнение этих указаний, Малинин ходит сейчас по Министерству госбезопасности и смело заявляет при встрече со знакомыми, что до Серова мы доберемся.

Это могут подтвердить сотрудники, работающие у т. Абакумова.

И сейчас идет сбор материалов на меня, но проводится это очень грубо.

<...>¹

И, наконец, недавно я узнал, что якобы в заявлении арестованного Новикова про меня сказано, что Серов знает много о Жукове.

Тов. Сталин! Мы с Жуковым были в нормальных деловых отношениях, какие требовались во время войны и после в период работы по линии СВА.

Должен Вам доложить, тов. Сталин, что Жуков не такой человек, чтобы стал откровенничать со мной, с работником НКВД, а особенно по военным и другим вопросам. Наоборот, он всегда перед нами старался показать, что получает указание только от хозяина (он Вас так, тов. Сталин, называет), что его предложения утвердил Хозяин, что ему звонил хозяин и дал указания, я буду жаловаться хозяину и т.д.

¹ Опущен фрагмент письма с жалобой на требование УКР СМЕРШ ГСОВГ о замене экипажа самолета, обслуживающего Серова.

Встречался я с Жуковым в присутствии других генералов и офицеров, у которых все это можно проверить.

Я не думаю чтобы при мне Жуков мог решиться вести какие-либо разговоры, направленные вразрез политике нашего государства, т.к. он знал, что я не пропущу без внимания ни один принципиальный вопрос, от кого бы он ни исходил.

Поэтому мне кажется, что фраза арестованного Новикова обо мне умышленно вставлена и рассчитана на общее дело скомпрометировать меня.

Попутно следует заинтересоваться, доложил ли Правительству т. Абакумов о том, что его подчиненный, обслуживающий и поныне ВВС, генерал-майор Новиков тесно общался с арестованным Новиковым, бывал у него на квартире, выпивал с ним и просмотрел творившиеся безобразия в ВВС.

Заканчивая свою жалобу, я прошу извинить меня, тов. Сталин, что я оторвал Вас от большой работы ради личных переживаний. Я должен доложить, что у меня имеются также недостатки в работе и в характере, но я стараюсь их выправлять и бываю благодарен партии и товарищам, которые мне на них указывают.

Если т. Абакумов считает, что я ему «много крови испортил», так ведь я, выполняя поручения по исправлению недостатков в чекистской работе, не преследовал личные цели, а стремился улучшить работу наших органов, независимо от того, подчинены ли они т. Абакумову или другому и за это мстить не разумно.

Т. Абакумов, также как и мы все, еще молодой чекист и тем более молодой министр, партией и государством на него возложены громадные задачи, особенно в нынешних условиях, он должен добиться дружной целеустремленной работы чекистского коллектива, чтобы выполнить эти задачи, а не заниматься интригами. Мы все ему поможем в работе, но т. Абакумов должен понять, что Министерство Государственной Безопасности не передано ему на откуп для того, чтобы сводить личные счёты с неугодными ему людьми.

Мне очень обидно, тов. Сталин, когда т. Абакумов незаслуженно меня оскорбляет. Я стараюсь работать без оглядки, добиваюсь выполнения возложенной на меня работы, невзирая ни на что. Я знаю, что если в ходе работы я ошибусь, то меня поправят.

Поэтому я прошу Вас, тов. Сталин, оградить меня от оскорбительного преследования со стороны т. Абакумова.

Со своей стороны заверяю вас, тов. Сталин, что любое задание Партии, Правительства и Ваше — для меня являются законом моей жизни. Ваши личные указания — это радостные дни моей работы.

И. Серов

Помета Сталина на 1-м листе документа от руки: «Серов».

№ 20**ШИФРОТЕЛЕГРАММА И.В. СТАЛИНА ИЗ СОЧИ
МИНИСТРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР В.С. АБАКУМОВУ
С ТРЕБОВАНИЕМ ПРЕКРАЩЕНИЯ СЛЕЖКИ
ЗА И.А. СЕРОВЫМ В БЕРЛИНЕ**

12 сентября 1946 г.

ЦК Логинову для передачи Абакумову

Мне сообщили¹, что Министерство государственной безопасности ведет слежку за тов. Серовым в Берлине. Если это сообщение верно, прошу Вас немедленно распорядиться о прекращении какой бы то ни было слежки за тов. Серовым. Исполнение сообщите. Сталин.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 101. Л. 20. Подлинник.

№ 21**ШИФРОТЕЛЕГРАММА
МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР В.С.АБАКУМОВА
В СОЧИ И.В. СТАЛИНУ
ОБ ОШИБОЧНОСТИ СВЕДЕНИЙ
В ОТНОШЕНИИ УСТАНОВЛЕНИЯ СЛЕЖКИ
ЗА СЕРОВЫМ**

13 сентября 1946 г.

Товарищу Сталину И.В.

Вашу телеграмму в отношении тов. Серова получил. Доклады-ваю, что в Берлине работают: аппарат Управления контрразведки Группы советских оккупационных войск в Германии, который возглавляется генерал-лейтенантом Зелениным, группа оперативных работников 1-го Главного управления МГБ СССР по работе за границей, во главе с генерал-майором Малининым и находящаяся в командировке группа оперативных работников МГБ СССР, возглавляемая генерал-майором Какучая, которая ведет работу по эмиграции.

По получении от Вас телеграммы, я с целью проверки сразу же по ВЧ связался с т.т. Зелениным, Малининым и Какучая.

В разговоре тов. Зеленин заявил, что никогда никакой слежки за тов. Серовым по линии контрразведки не устанавливалось.

Т.т. Малинин и Какучая заявили, что они каких-либо указаний по наблюдению за тов. Серовым никогда не давали.

Лично я никаких указаний о том, чтобы следить за тов. Серовым в Берлине не давал.

¹ Слова «мне сообщили» вписаны вместо зачеркнутых первоначальных слов «я узнал».

Об этом же я спросил своих заместителей, которые ответили, что каких-либо указаний о наблюдении за тов. Серовым они никогда не давали.

Следовательно, министерство государственной безопасности слежки за тов. Серовым не ведет. № 505/ш

Абакумов

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 101. Л. 21. Копия.

№ 22

**ПИСЬМО МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР
В.С. АБАКУМОВА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
С.Н. КРУГЛОВУ С ПРОСЬБОЙ ДАТЬ УКАЗАНИЕ И.А. СЕРОВУ
О ПЕРЕДАЧЕ «ЧЕКИСТСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ»
АППАРАТА СВАГ ОРГАНАМ МГБ**

16 октября 1946 г.

№ 1557/А

Совершенно секретно

Министру внутренних дел Союза ССР товарищу Круглову С.Н.

Направляю при этом рапорт Заместителя Министра Государственной Безопасности тов. Ковальчука по вопросу агентурно-оперативного обслуживания аппарата советской военной администрации в Германии и немецких органов самоуправления.

Прошу Вас дать указание тов. Серову передать чекистское обслуживание аппарата Советской военной администрации и немецких органов самоуправления в МГБ, имея ввиду, что решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20-го августа с.г. оперативно-чекистская работа в Советской зоне оккупации Германии сосредоточена в Министерстве Государственной Безопасности и аресты там должны производить только органы МГБ¹.

Абакумов

Приложение

Совершенно секретно

Министру государственной безопасности СССР
генерал-полковнику товарищу Абакумову

Распоряжением Зам. Министра Внутренних Дел тов. Серова агентурно-оперативное обслуживание аппарата Советской военной адми-

¹ На подлинном экземпляре письма Абакумова имеется резолюция: «Указания о передаче МГБ т. Серову даны лично. 24.10. Круглов» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2605. Л. 369). Письмо зарегистрировано в секретариате МВД 25 октября 1946 г. входящим № 4608 (Там же).

нистрации в Германии, а также вся чекистская работа в немецких органах самоуправления, как в Берлине, так и в провинциях, поручена отделам внутренних дел Советской военной администрации.

Считая это неправильным я пытался разрешить вопрос с тов. Серовым. При этом я сослался на решение ЦК ВКП(б) о сосредоточении всей агентурно-оперативной работы по Германии в Министерстве Государственной Безопасности и настаивал на запрещении отделам внутренних дел СВА вести агентурно-оперативную работу и производить аресты.

Тов. Серов со мной не согласился.
Докладываю на Ваше распоряжение.

Зам. министра государственной безопасности СССР
генерал-лейтенант Ковальчук

ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 4. Д. 16. Л. 163—164. Копия.

№ 23

ПИСЬМО МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР В.С. АБАКУМОВА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР С.Н. КРУГЛОВУ С ПРОСЬБОЙ ОТМЕНИТЬ РАСПОРЯЖЕНИЕ И.А. СЕРОВА ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК В ГЕРМАНИИ

24 октября 1946 г.

№ 8574/А

Совершенно секретно

Министру внутренних дел Союза ССР товарищу Круглову С.Н.

По сообщению Заместителя Министра Государственной Безопасности СССР тов. Ковальчук, из семи полков войск МВД СССР, выделенных для обеспечения оперативных задач органов МГБ СССР в Германии, два полка в настоящее время этих функций не выполняют, так как 38-й полк несет охрану лагерей МВД и конвоирует грузы из Германии в СССР, а 127-й полк выведен в резерв и также предназначен для охраны лагерей и несения конвойной службы¹.

Кроме того, по распоряжению тов. Серова из состава войск МВД выделяется один стрелковый батальон для охраны объектов горно-рудного управления в Саксонии².

¹ В сентябре 1946 г. 127-й стрелковый полк войск МВД в Германии был выведен в «особый резерв» и выполнял задания И.А. Серова по поиску и доставке в СССР немцев – специалистов по разработке и производству реактивной техники. Полк выведен в СССР и расформирован согласно приказу МВД СССР № 001070 от 4 декабря 1946 г.

² В соответствии с постановлением СМ СССР № 2243-925сс от 5 октября 1946 г. на внутренние войска МВД в Германии была возложена задача по охране 30 объектов Саксонского горно-рудного управления занятого добычей и обогащением урановой руды (РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 299. Л. 258).

В остальных полках войск МВД имеется значительный некомплект личного состава, в связи с чем охрана органов МГБ СССР, тюрем и КПЗ в Германии должным образом не обеспечивается.

Прошу Вас дать указание о прекращении использования не по назначению войск МВД, выделенных в распоряжение органов МГБ СССР в Германии.

Распоряжение тов. Серова прошу отменить¹.

Абакумов

РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 299. Л. 270. Подлинник.

№ 24

ПИСЬМО И.А. СЕРОВА

**МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С.Н. КРУГЛОВУ
О ПЕРЕДАЧЕ ДЕЛ УПОЛНОМОЧЕННОМУ МГБ В ГЕРМАНИИ
Н.К. КОВАЛЬЧУКУ
И О ЗАВЕРШЕНИИ СВОЕЙ РАБОТЫ В ГЕРМАНИИ**

2 ноября 1946 г.

1. В соответствии с постановлением Правительства вся агентурно-оперативная работа в Германии, которую проводили организованные нами оперативные группы Министерства внутренних дел, в настоящее время сосредоточена у заместителя министра госбезопасности СССР тов. Ковальчука, находящегося в Германии.

Тов. Ковальчуку переданы полностью весь оперативный состав, оперативные документы, материальные ценности и автотранспорт, а также оперативно подчинены войска МВД, обслуживающие опергруппы и КПЗ.

2. В течение 1946 г. постановлениями Совета Министров на Министерство внутренних дел была возложена задача подготовить и перевести в СССР немецких специалистов, занятых на работах по реактивной авиации, радиолокации, реактивному вооружению, химии и оптике.

В период с 22 октября по 1 ноября с.г. переселение немецких специалистов в СССР проведено полностью.

¹ Письмо Абакумова зарегистрировано в секретариате МВД СССР 25 октября 1946 г. входящим № 46067, и затем передано в ГУВВ МВД на рассмотрение. В оперативном отделе ГУВВ 23 ноября была составлена справка об использовании войск МВД в Германии, в которой указывалось, что их списочная численность по состоянию на 20 ноября составляет 7422 чел., а на охране объектов и выполнении заданий МГБ могут использоваться 3880 чел. Начальник ГУВВ, рассмотрев эти материалы, принял их к сведению и оставил все как есть, о чем свидетельствует помета на документе от 26 ноября 1946 г.: «26 ноября с.г. нач. войск т. Бурмак вернул настоящую справку и отношение Министра госбезопасности № 8574/А без каких бы то ни было указаний» (РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 299. Л. 271.).

В связи с изложенным, прошу Вашего разрешения возвратиться для дальнейшей работы по своей должности в Министерство.

Для работы в Германии по линии Министерства внутренних дел останется отдел Внутренних дел Советской Военной Администрации во главе с генерал-майором том. Мальковым, который обеспечит работу по линии МВД (контроль за работой немецкой полиции).

Зам. министра внутренних дел Союза ССР
(И. Серов)

Помета: В дело. Круглов¹.

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2641. Л. 112—113. Подлинник.

№ 25

ПИСЬМО И.А. СЕРОВА ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР Л.П. БЕРИИ О НЕОБХОДИМОСТИ СНИЖЕНИЯ НОРМ СНАБЖЕНИЯ РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА СВАГ, ОБ ИЗЛИШКАХ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В ГЕРМАНИИ И О ЕГО ВЫВОЗЕ В СССР

Не позднее 20 октября 1946 г.²
Совершенно секретно

Совет Министров Союза ССР
товарищу Берия Л.П.³

Учитывая затруднения с продовольствием в Союзе считаю необходимым доложить, что существующее положение со снабжением генералов, офицеров и советских работников, находящихся в Германии, являются неправильным, а выдаваемые продовольственные нормы снабжения чрезмерно увеличенными⁴.

Согласно распоряжению Совета Народных Комиссаров от 15 июля 1945 г., подписанного т. Вознесенским, весь личный состав Советской Военной Администрации разрешалось довольствоваться по 11-й норме приказа НКО №312 — 1941 года, т.е. по санаторной норме.

¹ Письмо зарегистрировано входящим № 11218 в 1-м отделении Секретариата МВД СССР 15 марта 1947 г. и отложилось в деле переписки за первое полугодие 1947 г. Получив его в начале ноября 1946 г., министр Круглов не торопился с отзывом Серова в Москву и, вероятно всего, не дал письму хода, сдав его в Секретариат лишь после приезда Серова.

² Датируется по сопроводительной записке.

³ К письму Серова на отдельном листке приложена записка Берии: «Тов. Поскребышеву А.Н. Прошу доложить товарищу Сталину И.В. сообщение т. Серова. 20 октября 1946 г. Л. Берия» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 732. Л. 49).

⁴ Здесь и далее переданы пометы и подчеркивания в тексте сделанные рукой Сталина.

В этом же распоряжении указано, чтобы Наркомторг (т. Любимов) отпускал ежемесячно для ответственных работников СВА 157 литерных пайков через магазин Особторга в Берлине.

В ноябре 1945 г. поступила шифровка от т. Хрулева, который, ссылаясь на решение СНК СССР, предлагает довольствоваться по 11-й норме лишь руководящий состав СВА, а офицерский и вольнонаемный состав довольствоваться по 2-й (офицерской) норме с дополнительным пайком.

Снабженческие работники Советской военной Администрации эти указания на практике стали применять расширенно и включили для снабжения по 11-й санаторной норме лиц, не имеющих никакого отношения к руководству СВА¹.

По состоянию на сегодняшний день по 11-й норме выдается продовольствие на 3955 человек, т.е. почти 90% всего состава СВА. В число «руководящих» работников включены: все заместители начальников самостоятельных отделов, начальники отделений, помощники начальников отделений, инструкторы Политотдела, офицеры для поручений, цензоры, лекторы, референты, агрономы, шифровальщики, консультанты, товароведы, корреспонденты, литературные работники, художники, редакторы газет и сотни других лиц, не имеющих никакого права получать санаторный паек. В результате этого ежемесячно разбазариваются десятки тонн хлеба, сахара, масла, мяса и других продуктов.

Такое же положение с выдачей продовольствия по норме № 2 с дополнительным пайком, т.е. по офицерской норме. Офицерская норма довольствия выдается всем вольнонаемным служащим, прибывшим из Советского Союза, не имеющим никакого отношения к офицерскому составу Советской Армии. Причем, эти продовольственные пайки выдаются бесплатно².

Как нами установлено, Военный Совет Группы Войск своим постановлением от 20 сентября 1946 г. всему офицерскому составу, кроме бесплатного офицерского пайка, стал выдавать дополнительно в месяц более 2 килограммов мяса, 600 граммов сахара и других продуктов.

Если учесть, что офицерский состав, работающий в Германии, получает два оклада содержания: один в советских рублях, а другой в немецких марках, и к тому же бесплатное продовольствие с дополнительным пайком, поэтому денежные и продовольственные нормы советских офицеров чрезмерно завышены.

Кроме того, по существующему положению на офицерские семьи также полагается паек военнослужащего. При этом, продовольственный паек детей военнослужащего, какого бы он возраста не был, состоит из половины генеральского пайка и половины офицерского пайка 2 нормы. В результате скромного подсчета по-

¹ Слева на полях абзац отчеркнут и поставлен вопросительный знак.

² Слева от абзаца поставлена буква «П.»

лучается, что если наш офицер имеет одного ребенка, то он с женой и ребенком получает в месяц более 100 штук яиц, не говоря уже о других продуктах¹.

Кроме советских офицеров и работников СВА на сегодняшний день в Германии находится до 64 представителей и уполномоченных от различных министерств Союза и от Советов Министров республик и облисполкомов. В этих представительствах состояло более 6 тысяч командированных в Германию советских работников, которые пользуются тем же порядком снабжения, как и советские офицеры, так как им выдали военную форму и погоны².

Правда за последние два месяца по нашему настоянию было отправлено в Советский Союз 1500 представителей различных министерств, но тем не менее и сейчас осталось больше 4 тысяч человек, которые выезжать из Германии не желают, мотивируя это различного рода недоделанными работами.

При проверке установлено, что в ряде случаев имеется по 2—3 человека, занимающихся одним и тем же делом. Так например: репарациями параллельно занимаются представители Министров и отдел репарации СВА.

Можно безболезненно сократить число представителей министерств и облисполкомов по крайней мере в 4—5 раз³.

Как нами установлено, снабжающие органы СВА зачастую имеют различного рода «непредвиденные запасы» продовольствия. Так например по сообщению начальника АХО СВА — генерал-майора Демидова в подсобных хозяйствах СВА имеется 800 тонн пшеницы прошлогоднего и нынешнего урожая, которая в плановое снабжение не зачислена. В провинции Саксония подсобное хозяйство СВА собрало много свеклы, которую отдали переработать, получили 300 тонн сахара. Затем стали выдавать работникам СВА по 25—30 килограммов сахарного песка для того, чтобы варить варенье.

После разговора со мной начальник АХУ т. Демидов заявил мне, что он 800 тонн зерна и 300 тонн сахарного песка, отобранного в Саксонии, может хоть сейчас отправить в Советский Союз⁴.

Я считаю, что необходимо срочно упорядочить дело снабжения продовольствием в Германии офицерского состава и командированных советских граждан.

Кроме того, мною был вызван Заместитель Начальника Торгового Отдела СВА подполковник Шумилов⁵, ведающий вопросами выдачи продовольствия немецкому населению, который сообщил, что по предварительным подсчетам в этом году изменений в нор-

¹ Слева у начала абзац отчеркнут.

² Слева абзац отчеркнут дважды.

³ Слева абзац отчеркнут дважды.

⁴ Слева абзац отчеркнут.

⁵ Так в тексте документа, правильно Шумилин.

мах снабжения немецкого населения не предвидится. После предварительных подсчетов потребности продовольствия для выдачи немецкому населению по существующим нормам, останется в резерве СВА: до 150 тыс. тонн зерна, до 250 тыс. тонн сахара, до 300—400 тыс. тонн картофеля¹. На заданный мной вопрос — известно ли об этих резервах в Москве, он ответил, что об этом не сообщалось. Если учесть, что у союзников нормы снабжения, кроме американцев, значительно ниже, то можно вполне рассчитывать, что эти резервы в Германии не потребуются и их можно отправить в Советский Союз.

Попутно следует доложить, что в адрес т.Соколовского от ЦК Социалистической Единой Партии получена просьба о том, чтобы немцев, получающих карточки по 4 категории перевести на 3 категорию. Каких-либо серьезных мотивов к этому не приводится. Таких немцев, которые получают карточки по 4 категории и нигде не работают, насчитывается более 8 млн. человек. Это потребует большие расходы хлебных ресурсов. Как заявил подполковник Шумилов, член Военного Совета т. Боков хочет частично поддержать эту просьбу².

Я считаю неправильной просьбу Социалистической Единой Партии, которая стремится завоевать авторитет народа мероприятия-ми за счет СВА, а не работой.

В связи с изложенным было бы целесообразно:

1. Выделить авторитетную комиссию из хозяйственных работников для того, чтобы разобраться с этими делами, пересмотреть все нормы снабжения офицерского и вольнонаемного состава и приравнять их к существующим нормам снабжения.

2. Этой же комиссии поручить выявить все продовольственные «запасы» в армиях и в управлениях СВА провинций, не состоящие на учете в соответствующих снабженческих органах, и отправить в Союз.

3. Также поручить комиссии ознакомиться с положением снабжения немецкого населения. Утвердить эти нормы до конца года, а излишки продовольствия вывезти в Союз.

4. Откомандировать из Германии различных представителей от министерств, оставив лишь тех, которые обеспечивают работы по репарациям для СССР и занимаются специальными вопросами по решению Совета Министров³.

Зам. Министра внутренних дел Союза ССР
И. Серов

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 732. Л. 50—54. Заверенная копия.

¹ Цифры «150 тыс. тонн зерна» и «300—400» обведены.

² Слева от абзаца написано: «Не поддерживать»

³ Все 4 пункта отчеркнуты слева.

№ 26

ПИСЬМО И.В. СТАЛИНА**А.А. ЖДАНОВУ, Н.А. ВОЗНЕСЕНСКОМУ, Н.А. БУЛГАНИНУ,
Н.С. ПАТОЛИЧЕВУ, Б.А. ДВИНСКОМУ, А.В. ХРУЛЕВУ****О ПРЕДЛОЖЕНИЯХ,****ИЗЛОЖЕННЫХ В ЗАПИСКЕ И.А. СЕРОВА****О ВЫВОЗЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ИЗ ГЕРМАНИИ**

3 ноября 1946 г.

1. Прошу обратить внимание на прилагаемую записку тов. Серова¹. Я думаю, что можно было бы принять предложения т. Серова, если не все, то, по крайней мере, большинство из них. Кроме того, можно было бы теперь же потребовать, чтобы немедленно отпустили для завоза в Советский Союз тысяч сто тонн или больше зерна, тысяч сто пятьдесят тонн или больше сахара и тысяч двести пятьдесят тонн картофеля. Все это — в резерв для потребления в СССР.

2. Через два месяца наши войска в Германии будут сокращены на 40%. Хорошо бы в связи с этим выкроить какие-либо продовольственные резервы для Советского Союза и завезти их в нашу страну.

3. Прошу вас вызвать в Москву т. Соколовского и передать ему мою просьбу в духе изложенных выше предложений.

4. Тов. Серову передать от меня благодарность за его записку.

И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 102. Л. 6. Копия².

№ 27

ПИСЬМО МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР**С.Н. КРУГЛОВА И.В. СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ УТВЕРДИТЬ****И.А. СЕРОВА ПЕРВЫМ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ МИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР**

23 февраля 1947 г.

№ 1247/к

Совершенно секретно

Товарищу Сталину И.В.

Заместитель Министра Внутренних Дел СССР тов. Серов в течение 1946 г. большую часть времени находился на территории советской зоны оккупации Германии, где руководил работой оперативных секторов МВД.

¹ См. предыдущий документ.

² Подлинник записки отложился в деле переписки Сталина со Ждановым. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 732. Л. 48). На копийном экземпляре записки имеются пометы в левом верхнем углу: «15.XI.» и «№ 248 / 5.XI-46 г.» (Там же. Л. 46.).

В соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 20 августа 1946 года оперативные сектора МВД переданы Министерству Государственной Безопасности СССР. В связи с этим тов. Серов может возвратиться к работе непосредственно в аппарате МВД СССР.

Прошу Вас, товарищ Сталин, утвердить тов. Серова И.А. первым заместителем министра Внутренних Дел СССР, оставив тов. Рясно-го В.С. заместителем министра Внутренних Дел СССР.

Министр внутренних дел СССР

С. Круглов

Помета: Копия сдана в архив от т. Давыдова. 25.08.47 г.

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 341. Копия.

№ 28

**СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО
МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В.С. АБАКУМОВА
И.В. СТАЛИНУ
К ПРОТОКОЛУ ДОПРОСА БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА
ОПЕРАТИВНОГО СЕКТОРА НКВД-МВД В БЕРЛИНЕ
А.М. СИДНЕВА**

6 февраля 1948 г.

№ 3738/А

Совершенно секретно

При этом представляю протокол допроса арестованного генерал-майора СИДНЕВА А.М., бывш. начальника оперативного сектора МВД в Берлине о мародерстве и грабежах в Германии.

Бывш. начальник финансового отдела аппарата СЕРОВА в Германии САЧКОВ и бывш. начальник финотдела берлинского оперативного сектора МВД НОЧВИН, которые для того, чтобы замести следы преступлений, участвовали в сожжении документов о количестве наворованных СИДНЕВЫМ и другими ценностей и германских марок — нами арестованы.

По показаниям СИДНЕВА и БЕЖАНОВА, как активный жулик, проходит ТУЖЛОВ — бывш. секретарь СЕРОВА, ныне слушатель Военного института Министерства Внутренних Дел СССР.

Прошу Вашего разрешения арестовать ТУЖЛОВА.

Абакумов

Разослано:

т. Сталину

т. Кузнецову

**Протокол допроса
арестованного СИДНЕВА Алексея Матвеевича
от 6 февраля 1948 года.**

Сиднев А.М., 1907 года рождения, уроженец гор. Саратова, с незаконченным высшим образованием, член ВКП(б) с 1931 года.

Бывш. начальник оперативного сектора МВД в Берлине. Последнее время работал Министром государственной безопасности Татарской АССР, генерал-майор.

ВОПРОС: — Какой период времени вы работали в Германии?

ОТВЕТ: — С 1945 по 1947 год я работал начальником оперативного сектора МВД гор. Берлина. В ноябре 1947 года я получил новое назначение и из Германии уехал в Казань.

ВОПРОС: — После Вашего отъезда из Берлина были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых вы принимали непосредственное участие. Показывайте об этом.

ОТВЕТ: — Говоря откровенно, я давно беспокоился, ожидая, что будут вскрыты преступления, совершенные мною в Германии, и мне придется за них отвечать.

Как известно, частями Советской Армии, овладевшими Берлином, были захвачены большие трофеи. В разных частях города то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разные сорта материи, лучшее белье и много другого имущества. О таких вещах, как столовые приборы и сервизы, я уже не говорю, их было бесчисленное множество. Эти ценности и товары различными лицами разворовывались.

Должен прямо сказать, что я принадлежал к тем немногим руководящим работникам, в руках которых находились все возможности к тому, чтобы немедленно организовать охрану и учет всего ценного, что было захвачено советскими войсками на территории Германии. Однако никаких мер к предотвращению грабежей я не предпринял и считаю себя в этом виновным.

ВОПРОС: — Вы и сами занимались грабежом?

ОТВЕТ: — Я это признаю. Не считаясь с высоким званием советского генерала и занимаемой мною ответственной должностью в МВД, я, находясь в Германии, набросился на легкую добычу и, забыв об интересах государства, которое мне надлежало охранять, стал обогащаться.

Как ни стыдно теперь об этом рассказывать, но мне ничего не остается, как признать, что я занимался в Германии воровством и присвоением того, что должно было поступить в собственность государства.

При этом я должен сказать, что, отправляя на свою квартиру в Ленинград это незаконно приобретенное имущество, я, конечно, прихватил немного лишнего.

ВОПРОС: — Обыском на вашей квартире в Ленинграде обнаружено около сотни золотых и платиновых изделий, тысячи метров шерстяной и шелковой ткани, около 50 дорогостоящих ковров, большое количество хрусталя, фарфора и другого добра.

Это по-вашему «немного лишнего»?

ОТВЕТ: — Я не отрицаю, что привез из Германии много ценностей и вещей.

ВОПРОС: — Вам предъявляются фотоснимки изъятых у вас при обыске 5 уникальных большой ценности гобеленов работы фламандских и французских мастеров 17 и 18 веков.

Где вы утащили эти гобелены?

ОТВЕТ: — Гобелены были обнаружены в подвалах германского Рейхсбанка, куда их сдали во время войны на хранение какие-то немецкие богачи.

Увидев их, я приказал своему коменданту АКСЕНОВУ отправить их ко мне на ленинградскую квартиру.

ВОПРОС: — Но этим гобеленам место только в музее. Зачем же они вам понадобились?

ОТВЕТ: — По совести сказать, я даже не задумывался над тем, что я ворую. Подвернулись эти гобелены мне под руку, я их и забрал.

ВОПРОС: — Однако, вы воровали не все подряд, а лишь наиболее ценные вещи. Следовательно, вы необычный вор?

ОТВЕТ: — Конечно, я брал себе наиболее ценное, но что еще было мною присвоено, я сейчас не помню.

ВОПРОС: — Мы вам напомним. Дамскую сумочку, сделанную из чистого золота, вы где взяли?

ОТВЕТ: — Точно не помню, где я прихватил эту сумку. Думаю, что она была взята мною или женой в подвале Рейхсбанка.

ВОПРОС: — А три золотых браслета с бриллиантами вы где «прихватили»?

ОТВЕТ: — Эти браслеты были мною взяты в одном из обнаруженных немецких хранилищ, где именно — не помню. Если не ошибаюсь, один из золотых браслетов мне принес бухгалтер берлинского оперсектора НОЧВИН.

ВОПРОС: — 15 золотых часов, 42 золотых кулона, колье, брошей, серег и цепочек, 15 золотых колец и другие золотые вещи, изъятые у вас при обыске, где вы их украли?

ОТВЕТ: — Также, как и золотые браслеты, я похитил эти ценности в немецких хранилищах.

ВОПРОС: — Вы очищали не только немецкие хранилища, но и грабили арестованных, как разбойник с большой дороги.

ОТВЕТ: — Ценностей арестованных я не присваивал.

ВОПРОС: — Врете. Ваш бывший адъютант АЛЕКСЕЕВ П.В. изображает вас именно в том, что вы грабили арестованных.

АЛЕКСЕЕВ показал:

«Летом 1945 года СИДНЕВ приказал мне выехать к майору ЗАХАРОВУ, взять там у арестованного немца ценности и доставить к нему — СИДНЕВУ, а арестованного немца также забрать с собой, но по пути высадить из машины и отпустить на все четыре стороны.

Это приказание мною было выполнено. Я доставил СИДНЕВУ изъятые у этого немца золотые часы, отделанный золотом автоматический карандаш, 4 отреза шерсти высокого качества и меховые шкурки на два котиковых пальто. Тогда же я доложил СИДНЕВУ, что, согласно его приказанию, я забрал с собой у ЗАХАРОВА арестованного немца и по дороге отпустил его. Фамилия этого немца, насколько помню, ЗАЛЬБЕР».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: — Возможно такой случай и имел место, но я его не помню.

ВОПРОС: — Шестьсот серебряных ложек, вилок и других столовых предметов вы также украли?

ОТВЕТ: — Да, украл.

ВОПРОС: — Можно подумать, что к вам ходили сотни гостей. За чем вы наворовали столько столовых приборов?

ОТВЕТ: — На этот вопрос я затрудняюсь ответить.

ВОПРОС: — 32 дорогостоящих меховых изделия, 178 меховых шкурок, 1500 метров высококачественных шерстяных, шелковых, бархатных тканей и других материалов, 405 пар дамских чулок, 78 пар обуви, 296 предметов одежды — все это лишь часть изъятых у вас вещей.

Вы что собирались торговать всей этой добычей?

ОТВЕТ: — Торговать, конечно, я не собирался. Все это наворовал частично сам, при активном участии жены, а большинство имущества для меня доставали комендант оперсектора АКСЕНОВ и мой родственник КУЗНЕЦОВ, выписанный мною в Берлин из СССР и назначенный оперуполномоченным по учету в оперативный сектор.

ВОПРОС: — Теперь может быть вы сами скажете, что еще вы награбили в Германии?

ОТВЕТ: — Мне сейчас трудно перечислить все то, что я в течение длительного времени разными путями направил на свою ленинградскую квартиру. Могу лишь ориентировочно сказать, что из Германии я вывез для себя 40 битком набитых чемоданов, ящиков и тюков, в которых было много различного белья, высших сортов материи, мужские и дамские костюмы, меховые женские шубы, чернобурые лисы, женская и мужская обувь, фотоаппараты, радиолы, хрустальные вазы, антикварные вещи и другое имущество.

Часть этого имущества я месяц тому назад переправил к своему новому месту жительства в гор. Казань.

Кроме того, из Берлина в начале декабря 1947 года мною отправлены в Казань мебель из красного дерева для спальни и столовой, рояль, киноустановка и другие вещи.

ВОПРОС: — Как получилось, что вы стали мародером?

ОТВЕТ: — Сидя в тюрьме, я и сам неоднократно задавал себе этот вопрос. Ведь я с 1928 года находился в Советской Армии, был хорошим командиром и честным коммунистом и когда в 1939 году заканчивал Военно-инженерную академию им. Куйбышева, то по партийной линии был мобилизован в органы НКВД и направлен на руководящую работу. На этой работе я был всем обеспечен, честно и с любовью относился к труду. Отечественная война застала меня на работе в Особом отделе НКВД и с армией я переносил все тяготы. В 1944 году, являясь заместителем начальника Управления «СМЕРШ» 1-го Украинского фронта¹, я на территории Польши встретился с СЕРОВЫМ, являвшимся в то время Уполномоченным НКВД по указанному фронту. Под его руководством я проводил работу в Польше, а затем, когда советские войска захватили Берлин, СЕРОВ добился моего перевода на работу в НКВД и назначил начальником берлинского оперсектора.

На этой работе СЕРОВ приблизил меня к себе, я стал часто бывать у него и с этого времени началось мое грехопадение.

Полностью сознавая свою вину перед партией и государством за преступления, которые я совершил в Германии, я просил бы только учесть, что надо мной стоял СЕРОВ, который, являясь моим начальником, не только не одернул меня, а, наоборот, поощрял этот грабеж и наживался в значительно большей степени, чем я.

Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что СЕРОВ являлся, по сути дела, главным воротилой по части присвоения награбленного.

Самолет СЕРОВА постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для СЕРОВА. С таким же грузом в Москву СЕРОВ отправлял вагоны и автомашины.

Надо сказать, что СЕРОВ свои жульнические операции проводил очень искусно. Направляя трофейное имущество из Германии в Советский Союз для сдачи в фонд государства, СЕРОВ под прикрытием этого большое количество ценностей и вещей брал себе.

Следуя примеру СЕРОВА, я также занимался хищениями ценностей и вещей, правда, за часть из них я расплачивался деньгами.

ВОПРОС: — Но ведь и деньги вами тоже были украдены?

ОТВЕТ: — Я денег не крал.

ВОПРОС: — Неправда. Арестованный бывш. начальник оперативного сектора МВД Тюрингии БЕЖАНОВ Г.А. на допросе показал, что вы присвоили большие суммы немецких денег, которые использовали для личного обогащения.

Правильно показывает БЕЖАНОВ?

ОТВЕТ: — Правильно. При занятии Берлина одной из моих опе-

¹ Так в тексте. В действительности А.М. Сиднев в 1944—1945 гг. был заместителем начальника УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта.

ративных групп в рейхсбанке было обнаружено более 40 миллионов немецких марок.

Примерно столько же миллионов марок было изъято нами и в других хранилищах в районе Митте (Берлин).

Все эти деньги были перевезены в подвал здания, в котором размещался берлинский оперативный сектор МВД.

ВОПРОС: — Но этот подвал с деньгами находился в вашем ведении?

ОТВЕТ: — Да, в моем.

ВОПРОС: — Сколько же всего там находилось денег?

ОТВЕТ: — В подвале находилось около 100 мешков, в которых было более 80 миллионов марок.

ВОПРОС: — Какое вы имели право держать у себя такое количество денег, не сдавая их в советский государственный банк?

ОТВЕТ: — Хранение такого количества денег, конечно, было незаконным, но сделано это было по указанию СЕРОВА.

Когда я ему доложил об обнаружении в Берлине мешков с немецкими марками, СЕРОВ сказал, что эти деньги будут для нас очень кстати, и приказал их в банк не сдавать, а держать у себя.

ВОПРОС: — За счет этих денег вы и обогащались?

ОТВЕТ: — Да. Значительная часть захваченных денег пошла на личное обогащение.

ВОПРОС: — Кого?

ОТВЕТ: — Больше всего поживились за счет этих денег СЕРОВ и я. Попользовались этими деньгами также КЛЕПОВ и БЕЖАНОВ, работавшие начальниками оперативных секторов МВД в Германии.

ВОПРОС: — Как вы разворовывали миллионы, находившихся у вас немецких денег?

ОТВЕТ: — Это делалось очень просто. СЕРОВ присылал мне, так называемые, заявки начальников оперативных секторов со своими резолюциями о выдаче им денег.

Эти заявки, как правило, мотивировались необходимостью расходов по строительству и хозяйственным нуждам оперативных секторов. За счет этих сумм действительно покрывались расходы по оперативным секторам, а часть денег разворовывалась.

Наряду с этим СЕРОВ раздавал ежеквартально каждому начальнику оперативного сектора, так называемые, безотчетные суммы, определяемые в несколько десятков тысяч марок, которые в большей части использовались ими на личные нужды.

Все выдачи денег производились в моем оперативном секторе бухгалтером НОЧВИНЫМ.

Таким путем каждый из начальников секторов получил из моего подвала по несколько миллионов рейхсмарок, а я лично, с разрешения СЕРОВА, взял для расходов по берлинскому сектору более 8 миллионов марок, часть которых использовал на личные нужды, но сколько именно я сейчас указать не могу.

Около ста тысяч германских марок были мною присвоены еще в 1945 году, при обнаружении их в подвалах Рейхсбанка.

О том, что значительная часть средств, отпускаемых как бы для служебных целей, разворовывалась, можно судить хотя бы по тому, что СЕРОВ, имея в своем аппарате всего лишь 20 сотрудников, систематически присылал ко мне своего секретаря ТУЖЛОВА с записочками, содержащими указания выдать ту или иную сумму денег. В таком незаконном порядке СЕРОВ только от меня получил около миллиона немецких марок.

Помимо этого, ТУЖЛОВ брал у бухгалтера НОЧВИНА деньги и без моего ведома, поскольку НОЧВИН имел от меня указание для СЕРОВА выдавать деньги беспрепятственно.

ВОПРОС: — Вы умышленно преуменьшаете количество денег, украденных вами и вашими сообщниками. С какой целью вы это делаете?

ОТВЕТ: — Я ничего не скрываю, но не могу назвать более точных сумм, взятых СЕРОВЫМ, КЛЕПОВЫМ, БЕЖАНОВЫМ и другими лицами потому, что если даже они и отчитывались за взятые деньги, то такие записочки они направляли непосредственно в бухгалтерию аппарата СЕРОВА, где работали САЧКОВ и КРУПЕНИН.

У моего бухгалтера НОЧВИНА хранились лишь записи на выданные деньги, но и их впоследствии забрал к себе СЕРОВ.

ВОПРОС: — В связи с чем?

ОТВЕТ: — В связи с передачей оперативной работы в Германии в ведение МГБ СССР, в октябре 1946 года меня вызвал СЕРОВ и предложил отправить ему все имеющиеся записи о расходовании немецких марок, а также сдать остаток имеющихся немецких денег.

Из этого я понял, что СЕРОВ серьезно обеспокоен возможностью вскрытия всех преступлений, которые СЕРОВЫМ, мною, КЛЕПОВЫМ и БЕЖАНОВЫМ были совершены.

Поэтому возвратившись от СЕРОВА, я предложил бухгалтеру НОЧВИНУ отвезти в аппарат СЕРОВА все записи на выданные деньги и находившиеся у меня 3 миллиона немецких марок. Это указание НОЧВИН выполнил.

Необходимо указать, что в переданных СЕРОВУ записях на выданные деньги, значилось несколько десятков миллионов немецких марок, сколько именно не помню, которые в течение 1945—1946 г.г. по моему указанию были сданы НОЧВИНЫМ в Государственный банк.

ВОПРОС: — Вам известно, где находятся сейчас все записи по расходованию немецких марок?

ОТВЕТ: — Как мне рассказывал НОЧВИН, папки с отчетными материалами об израсходованных немецких марках, собранные со всех секторов, в том числе и записи на выданные мною деньги, были по указанию СЕРОВА сожжены.

Остался лишь перечень наименований сожженных материалов, составленный работниками финансовой группы аппарата СЕРОВА.

ВОПРОС: — Кто именно сжигал эти отчетные материалы и записи?

ОТВЕТ: — Я этого не знаю, но вероятнее всего в сожжении участвовали финансовые работники аппарата СЕРОВА или его секретарь ТУЖЛОВ, а может быть и все вместе.

ВОПРОС: — Но ведь эти материалы необходимо было передать вновь назначенному Уполномоченному МГБ СССР в Германии?

ОТВЕТ: — Правильно, но это было не в наших интересах.

Я считаю, что СЕРОВ дал указание сжечь все эти материалы для того, чтобы замести следы, так как, если бы они сохранились, то все преступления, совершенные СЕРОВЫМ, мною, КЛЕПОВЫМ и БЕЖАНОВЫМ и другими приближенными к нему лицами, были бы вскрыты гораздо раньше и, видимо, мы бы давно сидели в тюрьме.

ВОПРОС: — А куда вы девали отчетность об изъятом золоте и других ценностях, находившихся у вас?

ОТВЕТ: — Эта отчетность, также как и отчетность по немецким маркам, была передана в аппарат СЕРОВА и там сожжена.

ВОПРОС: — Вы это сделали для того, чтобы скрыть хищение золота и других ценностей?

ОТВЕТ: — Я сдал эти документы СЕРОВУ потому, что он и их у меня потребовал.

О расхищении ценностей с моей стороны я уже дал показания. Присваивал ценности также и СЕРОВ, поэтому, очевидно, была необходимость уничтожить эти документы, чтобы спрятать концы в воду.

ВОПРОС: — Не отделяйтесь общими фразами, а говорите, что вам известно о расхищении СЕРОВЫМ золота?

ОТВЕТ: — Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в Государственный банк, СЕРОВ приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно.

Выполняя это указание, я одновременно передал в аппарат СЕРОВА в изделиях, примерно, 30 килограммов золота и других ценностей.

СЕРОВ мне говорил, что все эти ценности он отправляет в Москву, однако, я знаю, что свыше десяти наиболее дорогостоящих золотых изделий СЕРОВ взял себе.

ВОПРОС: — Откуда вы это знаете?

ОТВЕТ: — Я это лично видел. Являясь к СЕРОВУ с докладом об изъятых ценностях, я приносил ему для просмотра наиболее дорогие образцы золотых изделий и бриллиантов. СЕРОВ в таких случаях долго вертел эти ценности в руках, любовался ими, а затем часть из них оставлял у себя.

Помимо меня, много золотых вещей давали СЕРОВУ и другие начальники секторов. Кроме присвоения ценностей и немецких марок СЕРОВ, как я уже показывал ранее, занимался грабежом ценного имущества.

Жена СЕРОВА и его секретарь ТУЖЛОВ неоднократно приезжали на склад берлинского оперативного сектора, где отбирали в большом количестве ковры, гобелены, лучшее белье, серебряную посуду и столовые приборы, а также другие вещи и увозили с собой.

ТУЖЛОВ и адъютант СЕРОВА — ХРЕНКОВ разъезжали по Германии и отбирали для СЕРОВА ценные вещи.

Все указанное, а также и другое награбленное СЕРОВЫМ имущество отправлялось из Германии к нему в Москву.

Неоднократно провожая СЕРОВА с аэродрома в Берлине, я сам видел, как его самолет загружался сундуками, чемоданами, тюками и узлами.

СЕРОВ вывез из Германии много добра, и я даже не могу себе представить, где он мог его разместить.

Следую примеру СЕРОВА, я и сам рассылал своих людей — АЛЕКСЕЕВА, КУЗНЕЦОВА и АКСЕНОВА по разным районам Берлина, где они добывали для меня лучшую одежду, материалы и ценности.

Много ценных вещей я так же, как и СЕРОВ, забрал со склада берлинского оперативного сектора.

Пользуясь самолетами Советской военной администрации в Германии и самолетом СЕРОВА, я сам, а иногда с АЛЕКСЕЕВЫМ переправлял все это в Ленинград.

Мародерством и грабежом вещей и ценностей занимались также КЛЕПОВ и БЕЖАНОВ.

БЕЖАНОВ, как мне известно, работая начальником оперативного сектора МВД в Тюрингии, жил как помещик, свез к себе в дом большое количество ценного имущества, принадлежавшего богачам Тюрингии, пустил в ход пивоваренный завод какого-то крупного эсэсовца и пользовался прибылями от этого завода.

КЛЕПОВ, так же как и БЕЖАНОВ, организовал в Германии для себя барское житье. В своем особняке в Саксонии он имел много ценных вещей и уникальную мебель; занимаясь воровством, КЛЕПОВ принял деятельное участие в расхищении склада мехов, обнаруженного в Лейпциге.

ВОПРОС: — Как все эти вопиющие злоупотребления могли сходить вам безнаказанно?

ОТВЕТ: — Я уже показывал, что весь наш грабеж мы чинили под видом изъятия и отправки в Советский Союз трофейного имущества. Кроме того, я, КЛЕПОВ и БЕЖАНОВ пользовались покровительством СЕРОВА, который считал себя хозяином положения в Германии. Поэтому все наши грязные дела сходили нам с рук, и мы считали, что с таким человеком, как СЕРОВ, мы не пропадем.

Особенно хорошо относился СЕРОВ ко мне, потому что в подвале моего сектора хранились деньги и другое ценное имущество, которые я беспрепятственно выдавал СЕРОВУ. К тому же я знал, что СЕРОВ, часто выезжая в Москву, каждый раз увозил с собой боль-

шое количество ценных вещей. Я не сомневаюсь, что СЕРОВ такую мою осведомленность, конечно, принимал в расчет.

Должен прямо сказать, что между СЕРОВЫМ, мною, КЛЕПОВЫМ и БЕЖАНОВЫМ установилась круговая порука, все мы воровали и оказывали друг другу в этом помощь. Большое значение имело также подхалимство, процветавшее среди нас по отношению к СЕРОВУ.

Последний, в свою очередь, поощрял нас и умело использовал в своих личных целях.

ВОПРОС: — Приведите факты.

ОТВЕТ: — Начну с себя. Я не раз выполнял сугубо личные поручения СЕРОВА, которые иначе, как подхалимажем назвать нельзя.

Помню, как однажды СЕРОВ поручил мне, где угодно, достать две комнатных собачки английской породы с бородками, предназначенные, видимо, кому-то в подарок. Это задание оказалось довольно трудным, но благодаря приложенным стараниям собачки с бородками были куплены по 15 тысяч марок за штуку.

Вообще должен сказать, что СЕРОВ уделял очень много внимания приобретению различных вещей и предметов для преподношения подарков каким-то своим связям.

В этих целях СЕРОВ изготовил в подчиненных мне авторемонтных мастерских 5—6 специальных радиол.

СЕРОВ где-то отыскал немецкого техника, который специально разработал конструкцию радиол и составил чертежи, а СЕРОВ лично корректировал их. Дерево для изготовления радиол было содрано со стен кабинета Гитлера в имперской канцелярии.

Много времени СЕРОВ потратил также на поиски глубокого старика Зауэра — владельца оружейного завода, у которого с помощью БЕЖАНОВА заказал более десятка ружей, часть из которых балы изготовлена с особой отделкой.

Через КЛЕПОВА и БЕЖАНОВА, СЕРОВ также заказывал фотоаппараты на заводе Цейса в Иене, отделанные золотом сервизы на одной из фарфоровых фабрик в Тюрингии, куда он специально приезжал, и другие ценные вещи.

ВОПРОС: — Кому СЕРОВ дарил изготовленные им по заказу ружья, радиолы, сервизы и фотоаппараты?

ОТВЕТ: — Мне известно, что одну из радиол СЕРОВ подарил маршалу ЖУКОВУ, несколько радиол было отправлено кому-то в Москву. Для кого им были изготовлены ружья, сервизы и фотоаппараты, я не знаю.

Я знаю также, что СЕРОВ подарил дамские золотые часы американскому генералу, фамилию не помню, являвшемуся одним из комендантов Берлина. Эти часы достал СЕРОВУ я.

В период конференции глав четырех держав в Потсдаме, СЕРОВ дал мне указание достать для него дюжину часов для подарков. Я это указание выполнил. Кому СЕРОВ их раздал, мне не известно.

Лично мне СЕРОВ подарил два сервиза и ружье.

ВОПРОС: — По какому случаю СЕРОВ вам сделал эти подарки?

ОТВЕТ: — Я уже сказал, что СЕРОВ относился ко мне покровительно. Кроме того, я у него был на хорошем счету, как энергичный работник.

ВОПРОС: — Вы энергично воровали, а работать вам было некогда. Не так ли?

ОТВЕТ: — В мародерстве я уже признал себя виновным. Что касается моего отношения к оперативной работе, то в этой части я аккуратно выполнял возложенные на меня задачи.

ВОПРОС: — Ваше заявление смехотворно. Вы занимались мародерством и грабежом, разложили своих подчиненных и, вместе с тем, у вас хватает совести заявлять, что честно работали.

ОТВЕТ: — В разложении своих подчиненных я виновен и это, конечно, в значительной степени сказалось на оперативной работе. Но и в этом виноват опять таки в немалой степени СЕРОВ, который почти не руководил мною, будучи, как я уже показывал, занят личными делами. К тому же он очень много времени находился в Москве.

За все время моего пребывания в Германии СЕРОВ был у меня в секторе не более четырех раз и то проездом из его резиденции в Бабельсберге в Карлсхорст, где находилось Управление Советской военной администрации. В каждом из этих случаев СЕРОВ оставался у меня не более пяти минут.

Таким образом, по работе, я, по существу, был предоставлен сам себе. В таком же положении находились и другие начальники оперативных секторов.

СЕРОВ же, помимо того, что занимался устройством своих личных дел, много времени проводил в компании маршала ЖУКОВА, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга.

ВОПРОС: — Разъясните это ваше заявление?

ОТВЕТ: — СЕРОВ очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении ЖУКОВА, но из-за установившихся близких отношений все покрывал.

Бывая в кабинете СЕРОВА, я видел у него на столе портрет ЖУКОВА с надписью на обороте: «Лучшему боевому другу и товарищу на память». Другой портрет ЖУКОВА висел в том же кабинете СЕРОВА на стене.

СЕРОВ и ЖУКОВ часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению СЕРОВА передавать на подчиненные мне авторемонтные мастерские присланные ЖУКОВЫМ для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом каким-то немецким баронам.

Несколько позже ко мне была прислана от ЖУКОВА корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера.

С этой короны было снято золото для отделки стека, который ЖУКОВ хотел преподнести своей дочери в день ее рождения.

(Допрос прерван).

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан.
Сиднев.

Допросил: ст. следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник Путинцев.

Опубликовано: Военные архивы России. 1993. № 1. С. 196—207.

№ 29

**ПИСЬМО И.А. СЕРОВА И.В. СТАЛИНУ
О НЕБЛАГОВИДНЫХ ПОСТУПКАХ
МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В.С. АБАКУМОВА**

8 февраля 1948 г.

Совершенно секретно

Я извиняюсь, товарищ СТАЛИН, что еще раз вынужден беспокоить Вас, но сейчас сложилась такая обстановка вокруг меня, что решил написать Вам.

С тех пор, как я послал Вам, товарищ СТАЛИН, объяснительную записку по поводу лживых показаний БЕЖАНОВА, АБАКУМОВ арестовал до 10 человек из числа сотрудников, работавших со мной и в том числе двух адъютантов. Сотрудники МГБ и МВД СССР знают об этих арестах, «показаниях» и открыто говорят, что АБАКУМОВ подбирается ко мне.

Я работаю по-прежнему, не обращая внимания на происходящее, однако, считаю необходимым доложить Вам об этом, товарищ СТАЛИН, т.к. уверен, что АБАКУМОВ докладывает неправду.

Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет АБАКУМОВ.

Насколько мне известно, в ЦК ВКП(б) делались заявления о том, что АБАКУМОВ в целях карьеры готов уничтожить любого, кто встанет на его пути. Эта истина известна очень многим честным людям.

Несомненно, что АБАКУМОВ будет стараться свести личные счеты не только со мной, а также и с остальными своими врагами — это с т.т. ФЕДОТОВЫМ, КРУГЛОВЫМ, МЕШИКОМ, РАПАВА, МИЛЬШТЕЙНОМ и другими.

Мне АБАКУМОВ в 1943 году заявил, что он все равно когда-нибудь МЕШИКА застрелит. Ну, а теперь на должности министра имеется полная возможность найти другой способ мести. МЕШИК это знает и остерегается. Также опасаются АБАКУМОВА и другие честные товарищи.

Товарищ СТАЛИН, я не сомневаюсь, что АБАКУМОВУ долго такими методами Вы работать не позволите.

Я приведу несколько фактов, известных мне в результате общения с АБАКУМОВЫМ на протяжении ряда лет.

Сейчас для того, чтобы очернить меня АБАКУМОВ всеми силами старается приплести меня к ЖУКОВУ. Я этих стараний не боюсь, т.к. кроме АБАКУМОВА есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако АБАКУМОВ о себе молчит, как он расхваливал ЖУКОВА и выслуживался перед ним, как мальчик. Приведу факты, товарищ СТАЛИН.

Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь никто иной, как всезнающий АБАКУМОВ, распространял слухи, что «Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут».

Теперь АБАКУМОВ, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить.

Второй факт. В Германии ко мне обратился из ЦК Компартии Ульбрихт и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь.

Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном Совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей.

ЖУКОВ позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмутился и всем говорил, что СЕРОВ неправильно работает. Затем Межсоюзная Комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами и на этом дело прекратилось. ЦК Компартии развернуло свою работу в этих районах.

АБАКУМОВ, узнав, что ЖУКОВ ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю ЗЕЛЕНИНУ, который в тот период был начальником Управления «Смерш» (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. ЗЕЛЕНИН узнал об аресте судей и доложил АБАКУМОВУ.

Когда была Первая Сессия Верховного Совета СССР, то АБАКУМОВ, сидя рядом с ЖУКОВЫМ (имеются фотографии в газетах), разболтал ему об аресте мной судей.

По окончании заседания АБАКУМОВ подошел ко мне и предложил идти вместе в Министерство. По дороге АБАКУМОВ начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, т.к. перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда АБАКУМОВ спросил меня, а почему я скрыл это от ЖУКОВА, я ответил, что не все нужно ЖУКОВУ говорить. АБАКУМОВ было попытался прочесть мне лекцию, что

«Жукову надо все рассказывать», что «Жуков первый заместитель Верховного» и т.д. Я оборвал его вопросом, почему он так усердно выслуживается перед ЖУКОВЫМ. На это мне АБАКУМОВ заявил, что он ЖУКОВУ рассказал об аресте судей и что мне будет неприятность. Я за это АБАКУМОВА обозвал дураком и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить АБАКУМОВА, чем вызвано такое желание выслужиться перед ЖУКОВЫМ.

Мне неприятно, товарищ СТАЛИН, вспоминать многочисленные факты самоснабжения АБАКУМОВА во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю нужным доложить.

Наверно, АБАКУМОВ не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы АБАКУМОВА из «Смерш» прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью «АБАКУМОВУ».

Вероятно, АБАКУМОВ уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант КУЗНЕЦОВ (ныне «охраняет» АБАКУМОВА) прилетел к начальнику Управления контрразведки «Смерш» и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет АБАКУМОВА на обратный путь, т.к. горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант АБАКУМОВА не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта АБАКУМОВА. Вот какие подлости выделял АБАКУМОВ во время войны, расходуя моторесурсы самолета СИ-47 и горючее. Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «Самолет летал за арестованными». Сейчас АБАКУМОВ свои самолеты, прилетающие из-за границы, на Контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление Правительства о досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть АБАКУМОВ расскажет в ЦК про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил, как мокрая курица, охал и вздыхал, что с ним будет, а делом не занимался. Его трусость была воспринята и подчиненными аппарата. Своего подхалима ИВАНОВА, ведавшего хозяйственными вопросами, АБАКУМОВ посылал к нам снимать мерку с ног для пошивки болотных сапог, чтобы удирать из Москвы. Многим генералам и себе АБАКУМОВ пошил такие сапоги. Ведь остававшиеся в Москве, в тот период, генералы видели поведение АБАКУМОВА.

Пусть АБАКУМОВ откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва».

А сейчас он забыл это и посадил в тюрьму подполковника ТУЖЛОВА, который в первые дни войны был начальником пограничной

заставы, в течение семи часов вел бой с немцами до последнего патрона, был ранен и получил орден «Красного Знамени».

Конечно, сейчас АБАКУМОВ, вероятно, «забыл» о разговоре, который у нас с ним происходил с октября месяце 1941 года о положении под Москвой и какую он дал тогда оценку. АБАКУМОВ по секрету сообщил мне, что «прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше». На это я ответил ему: «Товарищ СТАЛИН под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить». И при этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ СТАЛИН, слова, когда Вам покойный ЩЕРБАКОВ доложил, что у него перехвачен приказ Гитлера, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной Площади.

Когда Вы на это спокойно и уверенно сказали: «Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе как побежит без оглядки из России».

Эти Ваши слова я рассказал АБАКУМОВУ, он не смеет отказаться, если хоть осталась капля совести. Эти Ваши слова я рассказал многим.

После разгрома немцев под Сталинградом, АБАКУМОВ начал мне рассказывать, что «там хорошо организовали операции по разгрому немцев маршалы РОКОССОВСКИЙ, ВОРОНОВ и другие». Я ему на это прямо сказал, что организовали разгром немцев под Сталинградом не маршалы, а товарищ Сталин и добавил: «Не будь товарища СТАЛИНА, мы погибли бы с твоими маршалами. Товарищу СТАЛИНУ обязан весь русский народ». АБАКУМОВ на это не нашелся ничего сказать, как «да». Да оно и понятно, ведь АБАКУМОВ не способен на политическую оценку событий.

Мне во время войны приходилось чаще по службе и реже в быту встречаться с АБАКУМОВЫМ. Я наблюдал и изучал его. У меня составилось определенное о нем мнение, которое полностью подтвердили последние события.

Для того чтобы создать о себе славу, он идет на любую подлость, даже в ущерб делу.

Сейчас под руководством АБАКУМОВА созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД. Как в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше скомпрометировать органы МВД. Ведь АБАКУМОВ на официальных совещаниях выступает и презрительно заявляет, что «теперь мы очистились от этой милиции. МВД больше не болтается под ногами» и т.д.

Ведь между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела — не существует. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было. Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместным заседанием почтить память ЛЕНИНА, а проводили раздельно и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание.

Ведь АБАКУМОВ навел такой террор в Министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20—25 лет, а сейчас работающие одни в

МВД, другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Если кому-либо из работников МГБ требуется по делу придти ко мне, то нужно брать особое разрешение от АБАКУМОВА. Об этом мне официально сообщали начальник отдела МГБ ГРИБОВ и другие.

Ведь в МГБ можно только хвалить руководство, говорить о достижениях в работе и ругать прежние методы работы.

Во внутренних войсках, переданных из МВД в МГБ офицерам запрещено вспоминать о проведенных операциях во время войны (по переселению немцев, карачаевцев, чечено-ингушей, калмыков и др.). Можно только ругать эти операции.

А ведь осенняя операция МГБ по украинским националистам была известна националистам за десять дней до начала, и многие из них скрылись. Это ведь факт. А АБАКУМОВ за операцию представил сотни сотрудников к наградам.

Не так давно АБАКУМОВ вызывал одного из начальников Управления и ругал за то, что тот не резко выступал на партсобрании против старых методов работы МГБ.

Везде на руководящие должности назначены работники «Смерш», малоопытные в работе территориальных органов МГБ. Сотрудники МГБ запуганы увольнениями с работы и расследованиями.

Всем известно, что АБАКУМОВ не проверил работу ни одного органа «Смерш» и боится это сделать, т.к. найдет так много безобразий.

Приезжающие с периферии сотрудники МГБ рассказывают, что там у многих районных отделов МГБ в течение года не было ни одного арестованного. Спрашивается, что делают 3—4 сотрудника РО МГБ в течение года.

А ведь Вам известно, товарищ СТАЛИН, сколько прибыло в страну репатриантов, а среди них и англо-американских шпионов.

Ведь АБАКУМОВ обманул ЦК и провел в штаты МГБ Управление СУДОПЛАТОВА, которое в течение полутора лет ничем не занимается в ожидании работы.

В Управлении кадров МГБ десятки генералов и полковников ходят безработными по году и получают жалованье по 5-6 тысяч. Секрет заключается в том, что эти генералы на работе осрамились, а вместе с тем для АБАКУМОВА нужные, вот и выжидается момент, куда их можно потом «выдвинуть».

Ради личного престижа АБАКУМОВ готов идти на антигосударственные дела.

Я расскажу Вам, товарищ СТАЛИН, историю передачи московской милицией в МГБ регулировщиков уличного движения.

В МВД СССР стали поступать заявления от трудящихся столицы и от приезжих граждан, что милиционеры на главных улицах Москвы грубят и не желают разговаривать с населением. При этом указывали номера постов, где эти милиционеры стоят. Когда мы занялись проверкой, то оказалось во всех случаях: это были сотрудники

охраны МГБ, стоявшие в форме милиции. Мы вынуждены были написать об этом АБАКУМОВУ. Вместо принятия мер, АБАКУМОВ попросил меня зайти, и вместе с ВЛАСИКОМ начали оскорблять меня и тов. КРУГЛОВА, заявляя при этом, что если они захотят, то заберут всех регулировщиков к себе.

Действительно, через двое суток поступило распоряжение о передаче регулировщиков в МГБ.

Сейчас работники МГБ сами говорят, что регулировщики им не нужны, да и практически получается нелепо. На парном посту теперь стоят по 4 человека. Вдоль улицы Горького в 100 метров друг от друга стоят сотрудники МГБ. Зачем, спрашивается, тратить вдвойне государственные средства. А ведь это делается, товарищ СТАЛИН, под видом усиления охраны членов Правительства.

АБАКУМОВ чувствует, что рано или поздно вскроются все его дела, поэтому он сейчас и старается убрать лиц, знающих об этих и других фактах.

Товарищ СТАЛИН! Прошу Вас поручите проверить факты, приведенные в этой записке, и все они подтвердятся. Я уверен, что в ходе проверки вскроется очень много других фактов, отрицательно влияющих на работу Министерства Государственной Безопасности.

Вместе с этим, я очень прошу Вас, дорогой товарищ СТАЛИН, поручить комиссии ЦК ВКП(б) разобраться с делом, которое создал АБАКУМОВ против меня для того, чтобы свести со мной личные счеты.

И. Серов

Опубликовано: Военные архивы России. 1993. № 1. С. 208—213.

№ 30

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС «О ПОЛОЖЕНИИ В МГБ»

4 декабря 1952 г.

Совершенно секретно

П2/1

<...>

3. Считать важнейшей и неотложной задачей партии, руководящих партийных органов, партийных организаций осуществление контроля за работой органов министерства государственной безопасности. Необходимо решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов министерства государственной безопасности и поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии, ее руководящих партийных органов, партийных организаций.

В этих целях:

а). обязать ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии систематически контролировать деятельность органов

МГБ, повседневно вникать по существу в их работу, периодически заслушивать отчеты и рассматривать планы работы органов МГБ, воспитывать чекистских работников в духе партийности, высокой бдительности, смелости и беззаветной преданности Родине.

Первые секретари обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий союзных республик обязаны интересоваться агентурной работой органов МГБ и им должен быть известен список всех агентов;

б). обязать первичные партийные организации МГБ СССР, республиканских министерств, областных и краевых управлений МГБ обеспечить развертывание критики и самокритики в организациях, своевременно сообщать руководящим партийным органам вплоть до ЦК КПСС о недостатках в работе министерств, управлений и отдельных работников.

Установить впредь такой порядок, чтобы секретари парторганизаций республиканских министерств, областных и краевых управлений МГБ утверждались обкомами, крайкомами, ЦК компартий союзных республик, а секретари партийных комитетов центрального аппарата МГБ СССР — ЦК КПСС;

в). поручить Бюро Президиума ЦК КПСС провести мероприятия по обеспечению постоянного контроля со стороны ЦК КПСС за работой министерства государственной безопасности СССР и по значительному укреплению центрального аппарата МГБ и его местных органов свежими, политическими проверенными и способными кадрами.

<...>

АП РФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 12. Л. 6—7. Копия.

№ 31

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЛАВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ ВОЙСК МВД СССР ПО ДЕЛУ Г.А. БЕЖАНОВА И С.А. КЛЕПОВА

«Утверждаю»

Зам. Главного военного прокурора
генерал-майор юстиции Д. Китаев

27 июля 1953 года

Совершенно секретно

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

гор. Москва

1953 года, июля 27 дня

Военный прокурор военной прокуратуры войск МВД СССР капитан юстиции Кожура рассмотрел в порядке надзора архивно-следственное дело № 100844 по обвинению Бежанова Григория Акимовича и других, —

НАШЕЛ:

Приговором Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР 16—17 октября 1951 года по Закону от 7 августа 1932 года и ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР осуждены к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет каждый, с поражением в правах на 3 года и конфискацией имущества —

1. Бежанов Григорий Акимович, 1897 года рождения, уроженец гор. Тбилиси, армянин, член КПСС с 1921 года, в Советской Армии с 1918 года, в органах МВД с 1921, награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и медалями «XX лет РККА», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.», бывшего начальника оперативного сектора МВД Федеральной земли Тюрингии в Германии, до ареста — министр госбезопасности Кабардинской АССР, генерал-майор.

Арестован 10.XII.1947 года.

2. Клепов Сергей Алексеевич, 1900 года рождения, уроженец гор. Воронежа, русский, член КПСС с 1923 года, в органах МВД с 1920 года, награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 степени, орденом Отечественной войны 2 степени, орденом Красного Знамени Узбекской ССР и медалями: «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.», до ареста — начальник оперативного сектора МВД провинции Саксонии в Германии, генерал-майор.

Арестован 30 января 1948 года.

Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР признаны виновными:

1. Бежанов, будучи начальником оперативного сектора МВД Федеральной земли Тюрингии, в период с июня 1945 года по сентября 1946 г. не осуществлял должного руководства и контроля за деятельностью своих подчиненных в оперативно-следственной работе, вследствие чего отдельными работниками были допущены грубейшие нарушения социалистической законности, выразившиеся в необоснованных арестах лиц немецкой национальности, в применении к ним мер физического воздействия и в заведомо искусственном создании уголовных дел.

В указанный период времени было прекращено за недоказанностью состава преступления 137 дел на 306 человек.

С применением избиений арестованных был создан ряд провокационных групповых дел по обвинению немецких граждан в тяжких преступлениях, направленных против Советского Союза.

Используя свое служебное положение, Бежанов в целях личного обогащения через своих подчиненных изыскивал наличие ценных предметов и вещей у нацистов и других лиц, и эти ценности изымал в свою пользу. Узнав, что арестованный Менге является владельцем лесопитомника, Бежанов в декабре 1945 года освободил его из-под стражи и после этого получил у него 40 чернобурых лис, а оплату за эти лисы произвел из денег, изъятых у арестованного Маргулиса.

В феврале 1946 года Бежанов присвоил сервиз из хрусталя и серебра, изъятый в поместье семьи барона Врангеля.

В конце апреля 1946 года Бежанов занял виллу торговца Шотте, в которой по возвращению ее хозяину не оказалось 7 ковров, 150 предметов столового серебра и других вещей.

При обыске на квартире у Бежанова было изъято большое количество вещей и предметов, подлежащих сдаче государству: более 3 тысяч метров различных тканей, 1476 предметов, входящих в столовые и чайные сервизы, 315 антикварных изделий — статуэток, ваз и т.п., 90 серебряных предметов, 22 меховых изделия (шубы, палантины), 41 ковер и ковровых дорожек, 359 предметов дамского белья и трикотажа, свыше 150 пар обуви и кожаных изделий, около 60 дамских платьев, 17 мужских костюмов, 13 художественных картин и другие ценности.

Виновным себя Бежанов признал. Однако, как видно из материалов дела и объяснений Бежанова, нарушения в оперативно-следственной работе по оперсектору Тюрингии были допущены в связи с тем, что 3/4 сотрудников были молодые и неопытные работники, и неоднократные постановления вопроса об укомплектовании оперсектора опытными работниками положительных результатов не дали. Как видно из объяснений Бежанова, он вел решительную борьбу со всякого рода извращениями в агентурно-следственной работе, вплоть до отдачи виновных под суд. Непосредственного участия в создании провокационных дел Бежанов не принимал.

Из материалов дела также видно, что оперсектором земли Тюрингии, возглавляемым Бежановым, была проведена большая работа по борьбе с вражескими элементами, фашистами и агентами иностранных разведок. Бежанов не отрицает свою вину и в присвоении ценностей и имущества, однако, утверждает, что 70% вывезенного им из Германии имущества приобретено им законным путем. Имея высокий оклад содержания, он много вещей покупал на собственные деньги, так как вещи стоили в то время очень дешево. Часть имущества им была приобретена для своих знакомых, однако, впоследствии они отказались его взять и таким образом все вещи остались у него.

Незаконно приобретенное имущество у Бежанова конфисковано и материального ущерба государство не понесло.

Учитывая изложенное и принимая во внимание, что Бежанов в течение ряда лет честно и безупречно работал на руководящей работе в органах МВД, за что имеет ряд правительственных наград, считал бы возможным дело в отношении его прекратить.

2. Клепов, являясь начальником оперативного сектора МВД провинции Саксония¹, злоупотребляя своим служебным положением, в целях личного обогащения, в период июнь 1945 года — начало 1947 года присваивал различное имущество и ценные вещи, подлежащие сдаче в доход государству. Клепов присвоил имущество и ценности двух крупных немецких вилл, и все это переправил к себе на квартиру в Москву.

При обыске на квартире у Клепова было изъято: 414 изделий из золота и серебра, дорогостоящие столовые и чайные сервизы из 301 предмета, 198 антикварных изделий — статуэток, ваз, 15 художественных картин, несколько фотоаппаратов, аккордеонов и другое имущество.

Виновным себя Клепов признал. В своей жалобе Клепов, осуждая свои действия, указывает, что все, присвоенное им имущество, было сохранено и оно в настоящее время конфисковано в доход государства. Просит пересмотреть приговор и простить эти его преступления.

Учитывая, что своими действиями Клепов не нанес материального ущерба государству, а также, учитывая его многолетнюю безупречную службу в органах МВД, за что он был неоднократно награжден Советским правительством, что возглавляемым Клеповым оперативным сектором провинции Саксония была проведена большая работа по ликвидации шпионов и диверсантов, считал бы возможным дело в отношении Клепова прекратить.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 373 и 378 УПК РСФСР,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Приговор Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 16—17 октября 1951 года по делу Бежанова Григория Акимовича и Клепова Сергея Алексеевича отменить, дело в отношении их производством прекратить, освободив Бежанова и Клепова из-под стражи.

Военный прокурор ВП войск МВД СССР
Капитан юстиции Кожура

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 8133. Л. 26—29. Заверенная копия.

¹ Так в тексте документа. Правильно — в земле Саксония (центр — Дрезден).

№ 32

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР ПО ДЕЛУ Г.А. БЕЖАНОВА И С.А. КЛЕПОВА**

29 июля 1953 г.

Совершенно секретно

**ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ № СП-0045/51
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

В составе: Председательствующего — генерал-лейтенанта юстиции ЧЕПЦОВА и членов: генерал-майоров юстиции МАТУЛЕВИЧА и СУСЛИНА, рассмотрев в заседании от 29 июля 1953 г. заключение Главной Военной Прокуратуры, вынесенное в порядке ст. ст. 373-378 УПК РСФСР по делу бывшего начальника оперативного сектора МВД СССР по федеральной земле Тюрингия в Германии Бежанова Григория Акимовича и бывшего начальника Оперативного сектора МВД СССР по провинции Саксония (Германия) КЛЕПОВА Сергея Алексеевича, осужденных по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 16-17 октября 1951 года по ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР и Закону от 7 августа 1932 г. «Об охране социалистической собственности» с определением наказания по совокупности преступлений по Закону от 7 августа 1932 года каждому по десяти лет лишения свободы в ИТЛ, с поражением в правах на три года, с конфискацией имущества с лишением БЕЖАНОВА медалей «За оборону Ленинграда», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и с лишением КЛЕПОВА медалей «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

Кроме того, военная Коллегия возбудила ходатайство перед президиумом Верховного Совета СССР о лишении БЕЖАНОВА ордена Ленина, двух орденов «Красное Знамя», ордена отечественной войны 1 степени, ордена «Красная Звезда», ордена «Знак Почета» и медали «XX лет РККА», о лишении КЛЕПОВА ордена Ленина, трех орденов «Красное Знамя» и ордена Кутузова 2 степени, двух орденов «Отечественная война» 1 степ. и ордена 2 степ., ордена Красного Знамени УзбССР и возбудила ходатайство перед Советом Министров СССР о лишении БЕЖАНОВА и КЛЕПОВА воинского звания «генерал-майор»,

заслушав доклад тов. СУСЛИНА и заключение Пом. Главного Военного Прокурора — полковника юстиции НОВИКОВА об отмене приговора в отношении БЕЖАНОВА и КЛЕПОВА о прекращении в отношении их обоих дела в уголовном порядке с освобождением из-под стражи,

УСТАНОВИЛА:

по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 17 октября 1951 г. БЕЖАНОВ Г.А. признан виновным в том, что он будучи

начальником оперативного сектора МВД СССР на территории Тюрингии в Германии в период с июня 1945 года по сентябрь 1946 года не осуществлял должного руководства и контроля за деятельностью своих подчиненных, вследствие чего последними допускались в ряде случаев грубейшие нарушения социалистической законности и имели место необоснованные аресты граждан из числа местного немецкого населения.

Кроме того, БЕЖАНОВ, используя служебное положение, присвоил ряд ценностей, изъятых у крупных местных немецких богачей как-то: присвоил ряд предметов из хрусталя и серебра, изъятых из поместья семьи торговца Менге, с виллы торговца Шотте присвоил несколько ковров и серебра, а также присваивал и другие ценности, изъятые у других крупных немецких собственников.

КЛЕПОВ признан виновным в том, что он, являясь начальником оперативного сектора МВД СССР по провинции Саксония в Германии, злоупотреблял своим служебным положением и в период пребывания в этой должности с июня 1945 г. по 1947 год присвоил ряд ценностей, изъятых у разных лиц из числа местных немецких богачей, как-то: 414 штук изделий из серебра и золота, 193 шт. антикварных изделий, 15 картин и другие предметы.

Как на предварительном, так и на судебном следствии БЕЖАНОВ и КЛЕПОВ подтверждают свою виновность в предъявленных им обвинениях.

Рассмотрев материалы дела и заключение Главной Военной Прокуратуры, Военная Коллегия Верховного Суда СССР находит, что БЕЖАНОВ и КЛЕПОВ своими действиями непосредственного ущерба Советскому государству не причинили и все предметы, приобретенные ими незаконным путем, изъятые, что БЕЖАНОВ и КЛЕПОВ в прошлом безупречно и добросовестно выполняли служебные обязанности в органах МВД СССР, о чем свидетельствуют полученные ими многочисленные награды, что в период последовавший после капитуляции фашистской Германии БЕЖАНОВ и КЛЕПОВ провели большую и напряженную работу в Германии по вскрытию и выкорчевыванию фашистских элементов на территории Тюрингии и Саксонии и что следствие по делу проводилось по ряду обстоятельств предъявленных обвинений необъективно и тенденциозно, о чем на суде заявлял БЕЖАНОВ, поэтому, соглашаясь с заключением Главной Военной Прокуратуры, Военная Коллегия Верховного Суда СССР –

ОПРЕДЕЛИЛА:

в приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 16-17 октября 1951 года внести изменения: в отношении БЕЖАНОВА Г.А. и КЛЕПОВА С.А. приговор отменить и дело о них в уголовном порядке прекратить с полной их реабилитацией.

№ 33

**ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА С.А. КЛЕПОВА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ
ПРИ ЦК КПСС М.Ф. ШКИРЯТОВУ**

24 октября 1953 г.

Председателю Комитета Партийного Контроля
при ЦК КПСС
товарищу Шкирятову М.Ф.

Объяснение¹.

Я, Клепов Сергей Алексеевич 1900 г.р., состоявший в рядах КПСС с января 1923 года по январь 1948 года и исключенный в связи с судимостью, представляю на рассмотрение Партийного Контроля нижеследующее мое объяснение.

В январе 1948 года, находясь на ответственной чекистской работе в Германии, я был арестован быв. МГБ СССР, доставлен в Москву и передан в распоряжение Следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

В начале следствие обвинило меня в расхищении ценностей Берлинского банка, якобы, совершенного в 1945 году в соучастии с некоторыми лицами из числа командования Группы оккупационных войск и аппарата Уполномоченного НКВД-НКГБ по Германии. От меня требовали признать себя виновным в этом, указать, где упрятаны ценности, и назвать, кто участвовал вместе со мной в этом деле, при этом провокационно намекали на конкретных лиц якобы уже арестованных и сознавшихся в этом.

Но так как я совершенно не имел отношения ни к каким банкам и тем более не мог иметь к Берлинскому банку, ибо моя служебная деятельность протекала первоначально к востоку от Берлина, а с июня 1945 года в Саксонии в гор. Дрезден, это нелепое обвинение, после долгих и мучительных домогательств было с меня снято.

Наряду с указанным обвинением следствие требовало от меня также признаться в растрате огромной суммы немецких рейхсмарок, изъятых Берлинским опер. сектором НКВД-НКГБ в каком-то немецком казначействе и якобы растраниженных на личные цели руководящим составом аппарата Уполномоченного, в том числе и мною.

Опирая по данному пункту обвинения против меня насквозь лживыми показаниями ранее арестованных моих сослуживцев — быв. начальника Берлинского оперсектора генерал-майора Сиднева и быв. начальника оперсектора по Тюрингии генерал-майора Бежанова, следствие, в том числе и лично быв. министр государст-

¹ Эта объяснительная записка была написана Клеповым вслед за поданным 5 сентября 1953 г. заявлением в КПК при ЦК КПСС с просьбой о восстановлении в партии (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 7031. Л. 19).

венной безопасности Абакумов, всячески домогались от меня не только личного признания, но и клеветнических показаний на ряд руководящих лиц.

Но, как и в первом случае, в этом новом обвинении не было ни малейшей доли правды.

Действительно, что финансовый аппарат возглавляемого мною оперсектора по Саксонии неоднократно и официально получал от финансового аппарата Уполномоченного НКВД-НКГБ по Германии немецкие рейхсмарки, необходимые на оперативные и хозяйственные расходы самого аппарата оперсектора и его четырех окружных и тридцати уездных отделов, но деньги эти расходовались в полном соответствии с существующими положениями и непосредственно финансовым аппаратом оперсектора, и моя роль, как руководителя, сводилась лишь к планированию при распределении денег по подразделениям.

Чудовищная несостоятельность этого обвинения в конце концов стала очевидной и для следствия, но лишь после того, как ими было установлено, что на все расходы, произведенные в подразделениях оперсектора, сохранились соответствующие оправдательные документы, подтвердившие законность расходования средств и мою непричастность к преступному посягательству на них.

Приведенные выше два пункта обвинения являлись основными и решающими в деле моего ареста, но, так как оба они в конце концов были сняты с меня, ввиду их полной необоснованности, следствием против меня было выдвинуто новое обвинение. Базируясь на фальсифицированных данных обыска, от меня стали домогаться признания в грабеже и присвоении немецкого имущества и ценностей, впоследствии сформулированного в обвинительном заключении и приговоре, как расхищение имущества двух немецких вилл.

Фальсификация данных обыска заключалась в том, что в протокол обыска и описи имущества вносили заведомо ложные сведения. Так, например, под рубрикой золотых изделий были внесены различные женские безделушки, изготовленные из т.н. немецкого золота и стоящие гроши; в серебряные вещи зачислялись предметы, состоящие из сплава; простые стекляшки именовались драгоценными камнями и т.д. Необъективность и стремление во что бы то ни стало доказать мою вину дошло до того, что следствие приписывало мне как похищенное из Германии, не только вещи, приобретенные там за деньги, но и вещи советского происхождения. Все имущество моей семьи, приобретенное на протяжении долгой трудовой жизни, следствием было взято под сомнение и произвольно толковалось как похищенное в Германии.

Дело это дошло до курьеза, так к числу предметов, похищенных в Германии, были отнесены наградные карманные золотые часы «Борель», несмотря на то, что на крышке они имели выгравирован-

ную надпись: «За блестящее выполнение задания Правительства Союза от Коллегии ГПУ» и соответствующую к ним грамоту.

Само обвинение меня в расхищении имущества было неправильным. В действительности дело обстояло так:

В июне 1945 года, после организации единого Главкомандования советских оккупационных войск в Германии, я получил приказ Уполномоченного НКВД-НКГБ по Германии генерал-полковника тов. Серова выехать в город Дрезден и принять там дела от Уполномоченного НКВД-НКГБ по 1-му Украинскому фронту генерал-лейтенанта Мешика, который вместе со штабом фронта должен был передислоцироваться в Баден (Австрия).

Оперативно-чекистская группа, возглавляемая Мешиком, в то время была расположена в Дрездене в ряде примыкавших друг к другу особняках (виллах), в одной из которых по Бауцнерштрассе находился штаб опергруппы.

При отъезде из Дрездена по указанию Мешика и при его личном участии отъезжающими было забрано и вывезено из особняков все более или менее ценное имущество, включительно до оконных занавесей и половых дорожек. Это произошло на глазах всего коллектива чекистов, оставшихся на работе в Дрездене, которые могут в любой момент подтвердить правдивость мною изложенного.

Об этом случае я докладывал своему руководству в гор. Берлин генерал-полковнику тов. Серову, указывая, что Мешик, первоначально пытавшийся, но безуспешно, забрать с собой в Австрию всех наиболее ценных работников и тем лишить меня возможности успешно выполнить поставленные передо мной задачи, в конце концов, напакостил, оставив для работы голые стены в служебных и жилых помещениях.

Действия Мешика были известны и в Москве. По крайней мере они осуждались быв. начальником Секретариата НКВД СССР Мамуловым, но без каких-либо выводов.

Таким образом, я полностью мог быть реабилитированным следствием, если бы последнее хотя бы элементарно подходило к делу объективно, правдиво. Добиваясь справедливости, я умолял следствие зафиксировать мои показания о действиях Мешика, подвергнуть объективной и несложной проверке их через живых свидетелей, но каждый раз я грубо и угрожающе одергивался. Я знал, что быв. министр госбезопасности Абакумов не поставит под удар Мешика, являвшегося его близким другом и заместителем по военной контрразведке. Мешик, кроме того, слыл приближенным Берия. Из всего этого я делал выводы о том, что выхода у меня нет.

История приписанного мне следствием расхищения имущества другой какой-то виллы не менее подла. В данном случае дело произошло так:

После отъезда из Дрездена Мешика и его группы, в целях создания необходимых условий сотрудникам для работы и отдыха, военной

комендатурой гор. Дрезден было предоставлено в распоряжение оперсектора несколько особняков и квартир бежавших на запад фашистов, достаточно мебелированных, но разбросанных в разных частях города. Из части квартир и особняков была перевезена мебель в служебные и жилые помещения, оголенные группой Мешика, в одном из которых проживал и я.

Для того, чтобы обосновать фальшивое обвинение, выдвинутое против меня, следствие уже после моего ареста прибегло к подлейшему методу, произведя опись не принадлежащего мне имущества на квартире в Дрездене и отнеся его к имуществу якобы мною похищенному.

Так бесстыдно была обоснована ложная версия с расхищением имущества другой виллы. Между тем, как буквально все без исключения военные и гражданские лица из числа советских граждан находились в ту пору на таком же положении, т.е. проживали в полностью мебелированных квартирах бежавших на запад немецких фашистов, и это следствию было известно, однако, игнорируя правду, оно создавало провокационное дело. В результате, несмотря на всю бездоказательность выдвинутых против меня обвинений, суд, базируясь исключительно лишь на т.н. моих «признаниях», полученных от меня следствием путем грубейшего нарушения революционной законности, применения, как к врагу физических мер воздействия, в виде одиннадцати суточной бессонницы, ругани, оскорблений и угроз, явного подлога и фабрикация протоколов допроса, вынес обвинительный приговор, подвергший меня осуждению к 10-ти годам лишения свободы.

Несправедливому приговору суда в отношении меня я был отчасти доволен, так как почти четырехлетнее нахождение меня во внутренней и Лефортовской тюрьмах МГБ СССР, в условиях строжайшего режима и изоляции, без достаточного питания и воздуха, неуклонно приближали меня к могиле, приговор же избавлял меня от дальнейших физических и нравственных страданий и, вместе с тем, вселял в меня надежды на лучшее будущее.

Для отбытия срока наказания в октябре 1951 года из Москвы я был направлен на строительство Волго-Донского судоходного канала им. В.И. Ленина, где за отличные показатели в работе и хорошее поведение, в сентябре 1952 года, в связи с окончанием строительства, на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 18-го августа 1952 года, я был досрочно освобожден от дальнейшего отбывания наказания, со снятием судимости.

По освобождении из лагерей, в октябре 1952 года, я пошел работать на строительство Сталинградской ГЭС, где в должности диспетчера Управления проработал до момента моего вызова в Москву, в связи с реабилитацией, т.е. до 25 августа 1953 года.

Только благодаря родной Коммунистической партии и Советскому Правительству правда восторжествовала, и с меня снято клеймо

расхитителя социалистической собственности, незаслуженно ко мне приклеенное карьеристами и подлецами.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 29-го июля 1953 года¹ приговор в отношении меня от 17 октября 1951 года отменен с прекращением дела, и я полностью реабилитирован.

Постановлением Совета Министров Союза ССР от 15/VIII-1953 года я восстановлен в воинском звании — генерал-майора.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 14/VIII-1953 года мне возвращено тринадцать правительственных наград.

В настоящее время МВД СССР я уволен в запас с выдачей пенсии по выслуге лет.

С великой радостью, отмечая справедливое освобождение меня от позорного клейма уголовного преступника, я, вместе с тем, рассматривая свое дело политически, признаю себя виновным перед Партией, как коммунист своим поведением, не оправдавший высокого доверия партии в условиях работы за границей.

Мое моральное падение произошло так:

В мае 1945 года, находясь на ответственной чекистской работе в оккупированной Германии и следуя примеру моих сослуживцев, я вызвал из Москвы в Германию свою жену — Клепову В.В., последняя, не будучи мною специально предупреждена, оказавшись в условиях тлетворного буржуазного окружения и следуя дурным примерам своих подруг — жен и родственниц командного состава Советской Армии, стала закупать в неограниченных размерах и нужное и ненужное барахло и различные безделушки и переправлять все это в Москву к себе домой, т.е., попросту говоря, стала заниматься барахольством. К этому она имела большие возможности, вытекающие из моего служебного положения. Я был хорошо материально обеспечен: получал ежемесячно около семи тысяч рублей советскими деньгами, передаваемых мною по аттестату на содержание моей, к тому времени, довольно многочисленной семьи, проживавшей в гор. Москве и состоящей из восьми человек. Кроме этих денег я получал двенадцать тысяч оккупационных марок, по условиям, существовавшим там составлявших целое состояние. Эти деньги ежемесячно, почти полностью, я передавал своей жене на ведение домашнего хозяйства. Кроме всего этого я имел бесплатную меблированную квартиру, генеральский продовольственный паек и т.д.

Располагая такими возможностями, жена, а впоследствии и навещавшие нас в Германии — дочь и племянница, не стесняли себя в производстве различного рода закупок, чему способствовал тот размах барахольства, который имел место там и относительная дешевизна закупаемого. Так, на протяжении двух с половиной лет закупалось и перевозилось в Москву к нам на квартиру различное барахло.

¹ См. документ № 32.

О недостойном, ошибочном поведении своей семьи я знал, но не только не принял необходимых мер к прекращению этого безобразия, но и сам, как видно, подвергся загниванию, рассматривая это позорище, как вполне нормальное и законное явление.

Верно, будучи очень загруженным и днем и ночью работой, я не имел возможности непосредственно участвовать к этому грязному делу, но своим поведением я, по существу, поощрял жену, дочь и племянницу и, по сути дела, явился основным виновником всего этого, с вытекающими отсюда последствиями.

Я должен также признаться перед партией и в том, что в 1945 году на мою квартиру в город Москву женой была отправлена вместе с нашими вещами и часть вещей, вовсе нам не принадлежащая. Дело обстояло так, из Берлина ко мне в Дрезден от имени бывшего начальника 3-го Главного Управления НКВД СССР генерал-лейтенанта Мильштейна¹ прибыл работник МВД СССР — Ананов, проводивший какую-то работу в Берлине, если не ошибаюсь, связанную с Потсдамской конференцией. Этот Ананов целью своей поездки имел барахольство и для себя и для Мильштейна. В знак благодарности мне и моей жене за оказанное содействие по закупкам, Ананов взялся доставить на мою квартиру в Москву купленный приемник, говоря, что в Берлине они имеют служебный вагон. В мое отсутствие, без моего ведома и согласия, моя жена передала Ананову из немецкого имущества занимаемой мною квартиры некоторые вещи, в том числе ковер, репродукцию какой-то картины, статуэтку дикого кабана, изготовленную из свинца, и, возможно, другие какие-либо мелкие и не ценные предметы. Всего набралось вещей целый ящик. Впоследствии, когда мне стало известно об этом, я уже не имел возможности возвратить эти вещи назад, учитывая строгий контроль и досмотр на границе и в Москве, установленный за всеми, отъезжавшими за границу, с другой стороны, ложный, мещанский стыд удержал меня от намерения сдать эти вещи в Москве в доход государства. Верно, все эти вещи и с другим лично моим имуществом впоследствии, по конфискации были сданы в доход государства.

Вот вся история моего дела. Снова и снова, на протяжении последних пяти лет, с глубокой болью и стыдом, анализируя свое непартийное поведение в Германии, я не могу найти для себя оправданий. Ведь как же могло случиться, что я, рабочий, воспитанный на протяжении четверти века Коммунистической партией, проводивший двадцать восемь лет, т.е. почти всю свою сознательную жизнь в органах пролетарской диктатуры, не мог оценить условий моей заграничной работы и позволить себе и своей семье заниматься делом, позорящим звание советского гражданина. Как я мог попасть в это болото, ведущее к буржуазному перерождению.

¹ Так в тексте документа. В 1943–1946 гг. С.Р. Мильштейн возглавлял 3-е управление НКГБ.

Я хорошо понимаю, что заслуживаю самого сурового партийного наказания, но я просил бы Комитет Партийного Контроля при решении моего вопроса учесть, что за двадцать пять лет моего пребывания в партии, я впервые допустил грубую политическую ошибку, за которую я уже частично понес тяжелое и физическое и моральное наказание, в виде почти пятилетних страданий.

На всем протяжении моей долголетней работы я ничем себя не запятнал. Честно и добросовестно выполнял я все, даваемые мне задания Партии и Правительства, и за успешное их выполнение многократно награждался и поощрялся.

Находясь в Германии по служебной линии, я имел значительные успехи, выдвинувшие возглавляемый мною оперативный сектор по земле Саксония в число передовых, образцовых по оперативно-чекистской работе.

Если мне Комитетом Партийного Контроля будет оказано высокое доверие, я заверяю Партию, что до конца своей жизни буду высоко нести звание члена Коммунистической Партии Советского Союза и никогда и не при каких обстоятельствах его не замараю.

гор. Москва
Клепов.

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 7031. Л. 11—18. Подлинник.

№ 34

СПРАВКА КПК ПРИ ЦК КПСС ПО ДЕЛУ С.А. КЛЕПОВА

Не позднее 22 января 1954 г¹.

Председателю Комитета Партийного Контроля
при ЦК КПСС
товарищу Шкирятову М.Ф.

СПРАВКА

В Комитет Партийного Контроля обратился с заявлением генерал-майор Клепов Сергей Алексеевич (член КПСС с 1923 года, п.б. № 2942200), в котором пишет, что в январе 1948 года он был арестован Министерством государственной безопасности СССР и исключен из членов КПСС. В связи с тем, что в настоящее время он полностью реабилитирован в предъявленных обвинениях Военной Коллегией Верховного Суда СССР, т. Клепов просит восстановить его членом КПСС.

Существо дела: В январе 1948 года, в бытность начальником оперативного сектора МГБ провинции Саксонии в Германии, Клепов был арестован Министерством государственной безопасности СССР и содержался под стражей до июля 1953 года.

¹ Датируется по времени рассмотрения дела Клепова на заседании КПК при ЦК КПСС – 22 января 1954 г.

На следствии ему было предъявлено обвинение в том, что он, являясь начальником оперсектора МГБ провинции Саксонии в Германии с июля 1945 года по январь 1947 года, злоупотреблял своим служебным положением и присваивал различное имущество и ценные вещи, подлежащие сдаче в доход государству, и разными путями переправлял их в Москву, чем причинил государству значительный материальный ущерб. По этим обвинениям Военная коллегия Верховного суда СССР 17 октября 1951 года осудила Клепова на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 3 года.

В июле 1953 года Военная прокуратура Советской Армии сделала представление в Верховный Суд СССР с просьбой об отмене приговора в отношении Клепова и прекращении дела по тем основаниям, что все присвоенное Клеповым имущество в настоящее время конфисковано и сдано в доход государства, а также то, что он долгое время безупречно служил в органах МГБ. Военная Коллегия Верховного Суда СССР, согласившись с мнением Военной прокуратуры, 29 июля 1953 года отменила свой приговор в отношении Клепова и дело прекратила с полной его реабилитацией.

Ознакомлением с судебными материалами и объяснениями т. Клепова, данными в Комитет Партийного Контроля, установлено, что Клепов, будучи на ответственной работе в Германии, вел себя неправильно и допускал действия, компрометирующие его как коммуниста и советского работника. Тов. Клепов, пользуясь тем, что большое количество трофейного имущества в Германии, подлежащего сдаче Советскому государству, не было своевременно взято на учет, присваивал из этого имущества ценные вещи, а часть скупал за бесценок и отправлял в Москву к себе на квартиру. Кроме того, пользуясь своим служебным положением, т. Клепов получал от своих подчиненных подарки государственным имуществом и использовал своих сослуживцев для перевозки присвоенного имущества в Москву.

На суде т. Клепов по этому вопросу показал, что «часть вещей с виллы, где я жил, была присвоена мною. В 1946 году я отправлял в Москву с полковником Анановым коробку со столовым серебром, чайный сервиз, два ковра, три картины, большую фигуру кабана из свинца и фигуру лошади из бронзы. Я также получал подарки от работника МГБ Таникяна¹ — одну картину и фарфоровую вазу. От секретаря ЦК Компартии Германии получил чайный сервиз на 24 персоны».

Всего, как установлено следственными материалами, т. Клепов привез из Германии 412 изделий из золота и серебра, столовые и чайные сервизы из 301 предмета, 198 антикварных изделий (статуэтки, вазы и др. предметы), 15 художественных картин, несколько фотоаппаратов и другое имущество.

В своих объяснениях в КПК т. Клепов пишет:

¹ Так в тексте документа. Правильно — Тоникян

«Я признаю себя виновным перед партией в том, что я, как коммунист своим поведением не оправдал высокого доверия партии в условиях работы за границей... По приезде в Германию моя семья стала закупать в неограниченных размерах и нужное, и ненужное барахло и различные безделушки и переправляла все это в Москву к себе домой. Должен признать, что на мою квартиру в Москву женой были отправлены вместе с нашими вещами и вещи, нам не принадлежащие. Я хорошо понимаю, что заслуживаю самого сурового наказания, но я просил бы учесть, что за двадцать пять лет пребывания в партии я впервые допустил грубую политическую ошибку».

Таким образом, т. Клепов, будучи на ответственной работе в Германии, вел себя неправильно и допускал действия, компрометирующие его как коммуниста и советского работника. Вместо того, чтобы оберегать государственное добро от расхищения, т. Клепов воспользовался тем, что большое количество трофейного имущества в Германии не было своевременно учтено, незаконно брал из этого имущества ценные вещи и переправлял их в Москву к себе на квартиру.

Клепов С.А., 1900 года рождения, член КПСС с 1923 года. С 1920 работал в органах НКГБ и МГБ, до этого был слесарем-железнодорожником. В 1925 году окончил школу им. Дзержинского. В начале войны в 1941 году Клепов посылался в Смоленск для организации партизанского движения. В 1942 г. работал по борьбе с бандитизмом на Кавказе, в 1943 году был назначен начальником НКГБ по охране тыла Юго-Западного фронта, а затем работал начальником 3 отдела МГБ СССР. В 1945 году он был послан на работу в Германию в качестве начальника оперативного сектора провинции Саксония. В настоящее время Клепов восстановлен в звании генерал-майора и уволен из органов МВД в запас.

В связи с изложенным, вношу предложение — рассмотреть заявление т. Клепова на Комитете Партийного Контроля при ЦК КПСС¹.

Ответ[ственный] контролер КПК при ЦК КПССС
Судаков

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 7031. Л. 20—22. Подлинник.

¹ Решение КПК при ЦК КПСС по делу Клепова было принято 22 января 1954 г. В нем подтверждалось его исключение из партии и говорилось о возможности вернуться к этому вопросу через год, если «дальнейшей примерной работой» С.А. Клепов «заслужит доверие парторганизации» и будет о том ходатайство райкома, горкома и обкома. О принятом КПК решении 6 февраля 1954 г. Н.С. Хрущеву было направлено письмо с кратким изложением существа дела (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 7031. Л. 24—25, 27). Вторично Клепов обратился в КПК 12 сентября 1956 г., но и на этот раз получил отказ в восстановлении в партии по той причине, что не было представлено ходатайств партийных органов. Тогда Клепов попытался вступить в члены партии обычным порядком, но в феврале 1960 г. по указанию Фрунзенского райкома партбюро цеха, где он работал, ему отказало (Там же. Л. 32, 39, 40).

№ 35

**ЗАЯВЛЕНИЕ Г.А. БЕЖАНОВА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ
ПРИ ЦК КПСС М.Ф. ШКИРЯТОВУ
О ВОССТАНОВЛЕНИИ В ПАРТИИ**

26 октября 1953 г.

Председателю Комитета Парт[ийного] Контроля
при ЦК КПСС
Тов. Шкирятову М.Ф.

В развитии моего первого заявления¹ в Комитет Партийного Контроля о рассмотрении вопроса моего восстановления в Партии представляю подробное объяснение:

Мне было предъявлено обвинение в незаконном привозе из Германии большого количества бытового имущества и в допущении случаев искривлений в агентурно-оперативной работе Опер. сектора с нарушением Революционной законности.

В части моего обвинения в привозе из Германии большого количества вещей — я последовательно, как на предварительном следствии, так и на суде не отрицал фактов, а в настоящее время в Комитете Партийного Контроля вновь подтверждаю свою вину.

Совершенно чистосердечно заявляю, что в этом вопросе поведение мое, как коммуниста, заслуживает самого строгого порицания, особенно с точки зрения партийной этики. Я, безусловно, виновен перед Партией, в рядах которой состоял около трех десятков лет совершенно незапятнанным. Мое партийное прошлое было безупречным и чистым. Могу ли в данном случае ограничиться только словами «я виновен»? Это вовсе не достаточно. Как могло случиться, что коммунист, всю свою сознательную жизнь воспитанный на лучших традициях нашей Великой Партии, прекрасно разбирающийся в принципах коммунистической морали, в быту скромный, в семье устойчивый — мог скатиться в болото обывательщины. Как видно остатки пережитков в сознании были еще живучи. Чем же больше можно объяснить создавшееся положение. Партии нужно сказать только правду, пусть она будет горькая правда. Надо осознать свою вину полностью и без всякого остатка.

В Германию я прибыл в начале июля 1945 г. без семьи. В продолжении первого месяца я был занят организацией Оперативного Сектора, преодолевая большие трудности, в связи с недостатком квалифицированных кадров, отсутствием переводчиков, отсутствием средств на содержание штата и т.п. В оперативную работу мы включились с первого же дня, поэтому я круглые сутки находился безотлучно в секторе — там и жил.

¹ Первое заявление в КПК при ЦК КПСС Г.А. Бежанов направил 4 сентября 1953 г. (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 8133. Л. 45).

С прибытием семьи, примерно, через месяц я перебрался на квартиру и к тому времени впервые получил зарплату, с какими-то начислениями, в сумме около 16-ти тысяч немецких марок. Эта сумма была настолько велика, по тогдашнему курсу, что семья, затратив только незначительную часть денег, приобрела большое количество вещей, мануфактуры, одежды, обуви и т.п. Промышленные товары продавались во многих магазинах, совершенно свободно, по весьма низким ценам.

В сентябре месяце в связи с началом учебного года, жена моя выехала в Советский Союз со старшим сыном — школьником и вывезла с собой все, что было куплено. К тому времени в гор. Веймаре открылась целая сеть магазинов «Военторга», откуда отпускались товары семьям офицеров и генералов по лимитным книжкам. Эти лимиты были баснословно большие. По возвращении в гор. Веймар жена моя получила лимитные книжки и в магазинах «Военторга» систематически наравне с семьями офицеров и генералов получала все, что отпускалось. К концу 1945 года, как видно, получилось новое довольно солидное накопление приобретенных вещей, поэтому, воспользовавшись приездом из Москвы сотрудника быв. МГБ Ананова Г.С., у которого был свой вагон, накопленные вещи были отправлены в Советский Союз. Вместе с вещами были отправлены два сервиза на 24 перс. каждый, купленные женой в гор. Веймаре в комиссионном магазине, по цене 630 марок за каждый комплект. С этим же вагоном т. Клепов отправил и свои вещи.

В первой половине 1946 года распоряжением Управления Советской Военной Администрации Тюрингии в гор. Бланкенхайме начала функционировать фарфоровая фабрика, которая отпускала за наличный расчет всем гражданам сервизы без всякого ограничения. На этой фабрике, по моему поручению, начальником хоз. отдела Сектора — капитаном Комовым было куплено за наличный расчет четыре сервиза, из коих: два были отправлены в Кабарду для дачи и дома отдыха Обкома, а два по заказу генерал-майора Свинелупова в Москву. Эти два комплекта долгое время лежали на квартире у Комова и когда Свинелупов отказался от этих сервизов, то пришлось и эти сервизы оставить себе. Таким образом, четыре полных сервиза, столовых и чайных на 24 перс[оны] каждый, т.е. 8 x 164 предметов = 1312 предметов. Вот почему при обыске и описи вещей оказалось сервизной посуды более тысяча предметов.

В течение этой же первой половины 1946 года я был перегружен своей работой и после реорганизации сектора объем работы стал настолько велик, что не имел никакой возможности уделять семье соответствующего внимания. Совершенно очевидно, что с моей стороны не были приняты жестких мер к прекращению и пресечению этих безобразий с приобретением столь большого количества вещей.

Впоследствии мне стало известно, что жены многих генералов, в том числе и моя жена, при распродаже советским и немецким

гражданам конфискованного бургомистрством¹ имущества бежавших из Германии фашистов, купили с торгов еще какие то вещи. Этим вещей я лично уже не видел, т.к. в конце июля м. меня тяжелобольного привезли в Москву, где я лежал в Барвихе около двух месяцев. Если к этим фактам прибавить покупку всяких безделушек, чулок, женского и мужского белья, то станет совершенно ясным, каким образом накопилось это имущество, имея ввиду, что в опись и конфискацию попали, кроме заграничных вещей, все имущество моей тещи, домашние вещи семьи отечественного производства, одежда, обувь, носильные вещи мои, жены, детей, тещи и племянницы, которая проживала у нас дома.

Вместо того, чтобы объективно выяснить и исследовать все эти вопросы, тем более, что с первого же дня моего ареста, я не отрицал своей вины, касающегося привоза вещей, следствие стало на путь чудовищной провокации, путем насилия, шантажа, применения невыносимых моральных, нравственных и физических пыток, добивалось получения моей подписи под фальсифицированными и сфабрикованными документами. Чтоб получить показания, направленные против меня, следствие арестовало моего водителя автомашины — мл. лейтенанта Семеновского Владимира, держало его в течение 26-ти месяцев во внутренней тюрьме и, не добившись никаких результатов, отпустило его на свободу. Все официальные счета и оправдательные документы на покупку имущества были налицо, но из дела исчезли. На суде эти документы не фигурировались², так как были уничтожены без законного оформления акта об уничтожении в моем присутствии и за моей подписью.

Обвинительное заключение по нашему делу, подписанное врагом народа Рюминым и утвержденное охвостьем презренного предателя Берия — Гоглидзе, представляет из себя от начала до конца образец бесстыжей, бессовестной лжи, фальши и сплошного вымысла.

Например, при обыске у меня на квартире были сняты с руки жены одни маленькие ручные золотые часики и обручальное кольцо, купленное мною еще в 1927 году. Только два золотых предмета. Одновременно было изъято некоторое количество домашней утвари из фразе, белого сплава, никеля и серебра. В документах и обвинительном заключении, подтасовав, написали: «При обыске изъято 169 золотых и серебряных предметов».

2-й пример: в питомнике чернобурых лис у торговца Минде³ в городе Веймаре были куплены за наличный расчет 26 штук лисиц и отправлены в Москву Свинелупову по его заказу. В фальсифицированных документах и обвинительном заключении сказано, что, якобы, я принудил торговца Минде за какую-то услугу продать мне

¹ Так в тексте документа.

² Так в тексте документа.

³ Так в тексте документа. Правильно — Менге (см. документ № 31).

40 штук шкуроч чернобурых лис. Этих лис у меня никогда не было, ни в Германии, ни в Советском Союзе. Это было куплено не для меня. Ни в одной описи не числятся, нигде не изъято. Из этого примера можно легко себе представить, какими «документами» оперировало следствие при составлении обвинительн[ьного] заключения.

3-й пример: в обвинительном заключении и фальсифицированных документах написано, что, якобы, я отправил в Советский Союз своим знакомым 260 комплектов сервиза, изготовленных на фабрике в гор. Бланкенхайме. Во-первых, это количество сервизов может поднять один полновесный жел. дор. состав. Во-вторых, один ж.д. состав с сервизом был отправлен по централизованным нарядам ГКО в Москву по распоряжению тов. Серова. Упаковкой, погрузкой и отправкой занимался представитель Берлина подполковник Федоровский, который перевел из Берлина стоимость посуды — около 200 000 марок. Какое я мог иметь отношение к этому эшелону трудно даже понять. С этим фактом следствие оскандалилось, явно завралось, не зная мер.

4-й пример: в обвинительном заключении и соответствующих фальсифицированных документах написано, что, якобы, я снял с руки сотрудника Мкртычева металлические часы, взял у него фотоаппарат и присвоил. Металлические часы были куплены Мкртычевым для моего сына за 600 марок, уплатил деньги я. Фотоаппарат был куплен в Веймарском городском отделе просвещения местного самоуправления за наличный расчет по официальному счету. Мкртычеву, в свое время, мною было объявлено два выговора за плохую работу. В марте месяце 1946 года он был снят с работы и отправлен на участок за женитьбу на непроверенной репатриантке. В сентябре месяце 1946 года по распоряжению тов. Серова Мкртычев за ряд преступлений лично мною был арестован и привлечен к уголов[ной] ответственности, впоследствии осужден.

Можно ли, в силу этих обстоятельств, верить в лживые показания осужденного Мкртычева. Провокационность таких показаний очевидна и не может являться доказательством. Самое же существо факта является, по меньшей мере, бредом умалишенного.

Привести можно десятки других примеров, но изложенного достаточно, чтоб сделать соответствующие выводы о характере и качестве проведенного «следствия» по моему делу.

Наконец, следствие оскандалилось и перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР. 16/17 октября 1951 г. в ходе судебного заседания было установлено, что два подсудимых по нашему делу Хренков и Вихрянов, просидевших под следствием в тюрьме по 3 года 8 месяцев, совершенно ни в чем не виновны. В течение этого срока Вихрянов около года лежал в психиатрическом отделении тюремной больницы, в результате дурного обращения следователей. Третий подсудимый Тужлов В.М. на суде со всей убедительностью доказал, что протокол его допроса следствием настолько был

фальсифицирован, что потом само же следствие не могло в нем разобраться. Суд принужден был Хренкова и Вихрянова оправдать вовсе, а Тужлову дать зачет и всех троих немедленно освободить из-под стражи.

Таким образом, расценивая по партийному все выше изложенное, я считаю, что, несмотря на наличие серьезных фактов извращения и искажения действительных материалов дела и грубейших нарушений Советских Социалистических законов со стороны следствия — все же существо и справедливость первого пункта моего обвинения остается в силе. Что же касается второго пункта обвинения по вопросу агентурно-оперативной работы, то ниже приведенное объяснение мое полностью опровергает это обвинение.

Из более чем полутора десятка тысяч агентурно-следственных дел, проведенных в Оперативном секторе Тюрингии за год с лишним, прошедших все прокурорские, судебные инстанции и военные трибуналы без единого случая опротестования или возвращения на доследование, абакумовцы Леонов, Лихачев, Комаров и др. (в свое время арестованные вместе с Абакумовым) раскопали несколько дел, составляющих сотые доли одного процента общего объема работы сектора и стремились доказать что, якобы, в нашей работе имели место большие пробелы и даже провалы. Характерно, что ни один из приведенных в деле фактов не был вскрыт следователем по моему делу, эти отдельные факты были давно известны сектору, своевременно вскрыты его аппаратом путем самопроверок и инструкторских обследований. Подобные дефекты на месте ликвидировались, результаты докладывались Уполномоченному по Германии Зам[естителю] Министра Внутр[енних] дел СССР тов. Серову, распоряжением которого делались соответствующие выводы и конкретные виновные наказывались. Можно ли было в основу моего обвинения в этой части, спустя два года, т.е. в 1948-м году выставить наши же документы и обзоры по ликвидированным дефектным делам и обвинять меня. Провокационность действий людей Абакумова в этом вопросе очевидна и не требует иного толкования.

Отдельные факты искривления и нарушения принципов агентурно-оперативной работы со стороны некоторых работников опер. сектора Тюрингии в действительности имели место, но не в том освещении и не в тех рамках, которые были преподнесены следствием. Существо этих фактов было извращено недопустимыми в следственной практике методами провокации, шантажа и запугивания сотрудников и свидетелей. Для «обоснования» этой провокации по прямому заданию предателя Абакумова, после моего отъезда из Тюрингии, его люди начали форменное преследование, запугивание и принуждение сотрудников, требуя от них ложных показаний о моей работе. Те сотрудники, которые не шли на путь провокации и оговора и отказывались давать на меня ложные показания — не-

медленно снимались с должностей, увольнялись из органов и откомандировывались в Советский Союз, как скомпрометированные (сотрудники Гульст, Алексеев, Васильев, Титов, Смелянский, Комов, Петросян, Мерквелишвили, Знароченко и мн[огие] др[угие]). Например, сотрудник Алексеев П.П. честнейший человек из Орехово-Зуевских ткачей, отказывавшийся дать ложные показания и оговорить меня, без всякой причины и без наличия компрометирующего материала, из Германии был откомандирован в Сов. Союз и сослан в восточные районы Чувашии. Сотрудник Комов по той же причине был арестован и осужден. Сотрудник Титов прекрасный агентурный и культурный работник постоянно находился под блокадой и жестоко преследовался абакумовскими людьми из-за меня.

Конкретно по делам: I. Сотрудник опер. сектора Жигарев, допустивший наиболее серьезные ошибки в оперативной работе, автор провокационного дела «Луч на Запад» и литерного мероприятия с убийством Бенцеля¹. Последний еще в начале августа м[есяца] 1946 года мною был смещен и заменен новым сотрудником из разведки пограничников — майором Шпак Денисом Ивановичем². Последнему я лично поручил до моего возвращения из отпуска по болезни, тщательно проверить работу Жигарева и результат проверки представить для доклада Руководству. Когда материалами проверки факты провокац[ионности] его работы подтвердились, и Жигарев не стал отрицать случая самочинного проведения операции с Бенцелем, тогда же, когда я вернулся из отпуска, вопрос был доложен тов. Серову, который приказал Жигарева арестовать, и дело передать Военному Прокурору Войск МВД. Жигарев мною был арестован, направлен в штаб Руководства в Потсдам-Бабельсберг и в последствии осужден. Я лично был арестован в декабре м[есяце] 1947 года. Жигарев еще находился в заключении в Москве, когда я в категорической форме потребовал очной ставки с Жигаревым, то следствие отказалось дать мне очной ставки³, т.к. этой очной ставкой следствие неминуемо было бы скомпрометировано с вытекающими последствиями. Боясь этого обстоятельства, следствие пошло дальше, оно даже не допросило меня по делу Жигарева, так как это было не выгодно. При наличии таких бесспорных фактов, можно ли говорить об объективности следствия.

II. По вопросу случаев нарушения Революционной законности со стороны сотрудников Зоннебергской опер. группы путем рукоприкладства к арестованным немцам. Этот факт искажен и приведен в следствии совершенно превратно с явной тенденцией во что бы то ни стало скомпрометировать меня, т.е. доказать мое бездействие. Действительность говорит обратное: в Зоннебергской оперативной группе возникло дело на гитлеровскую пиратскую фашистскую

¹ Так в тексте документа. Правильно — Бетцель (см. документ № 36).

² Так в тексте документа. Правильно — Шпак Тихон Иванович.

³ Так в тексте документа.

организацию под названием «Гитлер-Югенд-Эдельвайсен пиратен-вервольф». Нужно было во что бы то ни стало самыми энергичными мерами локализовать эту группу, так как вредное влияние указанной фашистской молодежной группы начало распространяться и на др. уезды. Вскоре были получены агентурные данные о готовящемся этой организацией пиратском террористическом акте, с намерением обстрелять группу автомашин Командующего Чуйкова и его штаба. Машины должны были следовать по глухим дорогам огромного лесного массива в юго-восточной части Тюрингии, граничащей с Баварией. Преступники намеревались после обстрела машин бежать в американскую зону. В момент установки пулеметов в заблаговременно заготовленные гнезда на одной из высот, эта группа, блокированная нами в соответствующем радиусе, была накрыта на месте преступления и снята, причем в наши руки попала большая группа участников заговора с автоматическим оружием, фаустпатронами, боевыми гранатами, пулеметами. В этой операции принимали участие молодые сотрудники Зоннебергской опер. группы из бывших белорусских партизан, присланных к нам в качестве стажеров, преданных коммунистов и боевых товарищей, но безмерно горячих и не имеющих никакого опыта в оперативно-следственной работе. Во время допросов арестованных выше указанными сотрудниками опер. группы было допущено рукоприкладство. Узнав об этих фактах, я лично выехал в г. Зоннеберг и вместе с нач. след. части сектора полковником Гульст провел тщательное расследование, установив, что подобные случаи имели место и с др. арестованными. В результате трое из сотрудников были сняты с работы и откомандированы в Советский Союз. На двоих было наложено административное взыскание. Начальник опер. группы Мерквелишвили распоряжением т. Серова был снят и переброшен на другой участок с понижением в должности. Вместо последнего назначен майор Знароченко. Хотя карательные меры, проведенные нами в этом уезде, были жестокие, но зато раз навсегда был положен конец всяким эксцессам и вражеским вылазкам. Этими мероприятиями я не ограничился: в целях оперативной профилактики через Зоннебергский уездный комитет единой социалистической партии Германии провели собрания родителей молодежи, на этих собраниях выступили активные члены компартии Германии, обвиняли родителей арестованных в бездействии, предупреджали об их ответственности за вражескую работу их сыновей. Эта разъяснительная работа, впоследствии, дала большие плоды. Молодежь уезда перестроилась, и начала активно помогать представителям Советской Военной Администрации в проведении очередных мероприятий наших оккупационных властей. Допустимо ли данный случай с рукоприкладством рассматривать изолированно без учета привходящих обстоятельств и без полного освещения вопроса. Путь, избранный следствием, как явствует, был довольно скользким.

III. Переброска в американскую зону со спец. заданием освобожденного из-под ареста Маргулиса в качестве агента.

Такая переброска агентуры за кордон, как правило, запрещается, но в отдельных, исключительных, случаях допускается и бывает закономерно, если агент имеет прямой подход и реальные возможности к объекту разработки, если дело не терпит отлагательства, и если имеется гарантия, что агент не станет на путь измены (невозвращенцем). В данном случае Маргулис лично знал объекта разработки и был у последнего в доверии. Реализация составленной агентурной комбинации не могла быть отложена. В качестве гарантии семья Маргулиса и родство¹ в гор. Лейпциге были под нашим контролем.

Расшифровка операции: в дни Нюрнбергского процесса над фашистскими главарями в зале международного суда в г. Нюрнберге появился явный агент американской разведки, один из лидеров Западно-Германской Либеральной партии, немец по национальности некто Мерфельд или Мерсфельд (фамилия не точная, не помню), который стал негласно распространять на процессе махровые анти-советские листовки среди иностранных журналистов, репортеров крупных газетных объединений и официальных представителей. По заданию Москвы надо было срочно и во что бы то ни стало Мерфельда заполучить, изыскать приманку, вызвать его в нашу зону, секретно изъять и доставить в Москву. Нами, по согласованию с Руководством, была составлена агентурная комбинация следующего порядка. Через Правление Либеральной партии на нашей зоне добились мы созыва внеочередной конференции этой партии (обосновав и удачно легендировав необходимость такого созыва). На эту конференцию Мерсфельд был приглашен в качестве представителя Либеральной партии Западной зоны. Функция Маргулиса, как агента состояла в том, что он, будучи лично знакомым с объектом, т.е. Мерсфельдом, должен был встретиться в гор. Нюрнберге с последним и передать ему это приглашение. Мерфельд был польщен этим приглашением, поддался нашей комбинации, в установленный день в районе города Кассель перешли демаркац[ионную] линию и при встрече с представителем либер[альной] партии нашей зоны был секретно изъят с соответствующими осторожностями и на самолете направлен в Москву. Это разовое задание Маргулис выполнил. Таким образом, цель была оправдана средством, хотя и рискованным. На следствии мне был предъявлен конкретно только этот случай переброски агента, освобожденного из-под ареста. В отношении остальных случаев было сказано огульно. Если бы дали конкретный материал по каждому отдельному случаю, то я мог бы представить обоснованный аналитический материал, подобно делу Маргулиса. Со стороны Жигарева были допущены отдельные нарушения общих принципов переброски агентуры, но Жигарев же не остался безнаказанным.

¹ Так в тексте документа.

IV. Что же касается необоснованных арестов немцев в Веймарской опер. группе на основе провокационных данных одного агента, не перекрытых другими данными, то по этому делу конкретно ничего не могу сказать, т.к. в это время я был в длительном отпуску в Совет[ском] Союзе по болезни. Когда я вернулся в Веймар, дело это без моего присутствия и участия уже было исправлено, арестованные были освобождены, а агент-provokator привлечен к ответственности. Возникновение и ликвидация этого дела было без меня. Прямым виновником этого дела был быв. и.о. зам. нач. сектора Никулин, которого следствие по моему делу взяло под защиту и использовало его как клеветника против меня.

Оперативным сектором Тюрингии была проделана большая работа, и результаты этой работы были налицо. Внутренняя агентура, в основном, отвечала своему назначению, т.к. вскрывала еще в зачатке всякие подпольн[ые] фашистские формирования. За год было вскрыто и ликвидировано около 135 фашист[ских] групп и группировок. Вражеская агентура не была в состоянии организовать и совершить ни одного диверсионного акта (это офици[альные] данные годового отчета). Не было зафиксировано ни одного случая поджога и умышленного пожара. Кроме одного случая бандпроявления в районе гор. Шляйц, быстро ликвидированный нами — больше не было других. За это же время в 110 случаях агентура своевременно предупреждала замыслы и намерения подрывной работы вражеских элементов на заводах, фабриках и предприятиях и принимались меры к их предотвращению. В 129 случаях на границе и внутри провинции нами изъяты чертежи технологических процессов крупных заводов, имеющих оборонное значение, при попытке передач этих документов американцам.

В результате всех наших мероприятий в помощь оккупац[ионным] властям в Тюрингии был своевременно закончен демонтаж и вывоз намеченных по плану объектов I, II и III очереди, без всяких помех и случаев саботажа. Ремонтный план выполнялся нормально. Земельная реформа была проведена без единого полит-эксцесса. Выборы в местные немецкие органы самоуправления прошли на высоком уровне. При слиянии партий в СЕПГ не было случая распространения антикоммунистических листовок и а[н]ти-с[оветских] выступлений.

В Тюрингии эта работа в 1946-м году была проверена Комиссией ЦК ВКП(б) во главе с Михаилом Андреевичем тов¹. Сусловым. Я лично был у Михаила Андреевича — оценка его была удовлетворительная, замечаний не было.

Благодаря надежному агентурному заслону нашей разведки для целей контрразведки опер. сектором были разысканы и арестованы, наряду с многочисленными крупными преступниками, такие

¹ Так в тексте документа.

как Николаи Вальтер — идеолог и руководитель старой немецкой военной разведки с его адъютантом (о его позднейшей разведыв[ательной] работе против нас и Америки до и во время последней войны сказано в книге «Тайная война против Америки» авторов Спейсера и Канн изд. 1946 или 1947 г.)¹. Разыскан был и арестован скрывающийся в гор. Иене заместитель Гесса — Зоммер-Вальтер — быв. Председ. Германского Имперского Суда — один из крупнейших функционеров фашистск[ой] партии. Таким же путем был арестован заместитель Рибентропа Штуцер, который должен был через Швецию начать переговоры с нашим полпредством в Швеции о сепаратном мире перед крахом Германской Армии под Одером и др.

В течение весны и лета 1946 года нами были арестованы 74 американских агента, переброшенных их разведорганами для подрыва работы в Тюрингии. В городе Майнингене была разыскана и изъята вся документация и архив Русского Отдела Германск[ого] Генштаба. Груз этот в 13 ж.-д. вагонах отправлен был в Москву.

Оператив[ным] сектором была проведена особенно большая работа по охране и агентурного обеспечения совершенно секретных объектов новейших видов оружия. Этот участок работы чрезвычайно трудный и весьма ответственный. Особых замечаний по этой работе я не имел.

В течение года моей работы в Тюрингии в качестве нач. опер. сектора МВД я фактически не имел заместителя. Обязанности заместителя исполнял подполковник Никулин, который в силу своей низкой культуры и моральных качеств не отвечал своему назначению. Вопрос о его замене я ставил неоднократно, но безрезультатно.

Работе я отдавал все свое время, не жалея последних сил. Если и были отдельные промахи в работе аппарата — это только потому, что физически я один не осиливал. Но ни одного случая не оставлял без соответствующего реагирования. Никакой вины за собой в этой части я не чувствую. В чем я виноват, т.е. по первой части обвинения, я полностью признался, но во второй части обвинения — совесть моя чиста, я не виноват.

Я благодарю Партию и Правительство за снятие с меня уголовной ответственности. Этот величайший акт гуманности и великодушия еще и еще раз обязывает меня, моих детей и близких отдать все свои силы, а если нужно и жизнь на благо нашего общего дела.

Безанов Г.А.
г. Москва.

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д.8133. Л. 1—22. Подлинник.

¹ Речь идет о книге: Сайерс М., Кан А. Тайная война против Америки. М., 1947.

№ 36
СПРАВКА КПК ПРИ ЦК КПСС
ПО ДЕЛУ Г.А. БЕЖАНОВА

Июль 1954 г¹.

Председателю Комитета Партийного Контроля
при ЦК КПСС
товарищу Шкирятову М.Ф.

СПРАВКА

В Комитет Партийного Контроля обратился с заявлением генерал-майор Бежанов Г.А. (член КПСС с 1921 года, п.б. № 1548950), в котором пишет, что он был исключен из членов КПСС Кабардинским обкомом партии, в связи с арестом органами госбезопасности СССР в 1947 году. В настоящее время, в связи с реабилитацией Военной Коллегией Верховного Суда, он просит пересмотреть решение об исключении его из партии и восстановить членом КПСС.

Тов. Бежанов Г.А., 1897 года рождения, по происхождению из семьи ремесленника, образование высшее, в 1920 году служил в Советской Армии, а с 1921 года работал в органах государственной безопасности, последняя должность — министр госбезопасности Кабардинской АССР.

В декабре 1947 года т. Бежанов был арестован Министерством государственной безопасности СССР и содержался в заключении до июля 1953 года.

На следствии ему было предъявлено обвинение в том, что он, будучи начальником оперативного сектора МВД Федеральной земли Тюрингии, в период с июня 1945 года по сентябрь 1946 года допускал грубейшие извращения в агентурной и следственной работе, вследствие чего отдельные работники оперсектора производили необоснованные аресты лиц немецкой национальности, применяли к ним меры физического воздействия и заведомо искусственно создавали уголовные дела.

Кроме того, т. Бежанову предъявлялось обвинение в том, что он, пользуясь своим служебным положением, в целях личного обогащения, занимался расхищением и присвоением ценностей и имущества на территории Германии, подлежащих сдаче Советскому государству, а затем разными путями переправлял их в Москву на свою квартиру.

По этим обвинениям Военная Коллегия Верховного Суда СССР в октябре 1951 года осудила Бежанова на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 3 года и конфискацией имущества.

В июле 1953 года Военная прокуратура Советской Армии после проверки этого дела в порядке надзора, сделала представление в

¹ Датируется по времени рассмотрения дела Бежанова на заседании КПК при ЦК КПСС (см.: РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 8133. Л. 52).

Верховный Суд СССР с просьбой отменить приговор по делу Бежанова и уголовное дело прекратила по тем основаниям, что Бежанов своими действиями непосредственного ущерба Советскому государству не причинил и все ценности, приобретенные им незаконным путем, изъяты и переданы государству, и что нарушения в оперативно-следственной работе были допущены в связи с тем, что $\frac{3}{4}$ сотрудников были молодыми и неопытными работниками, а также то, что он в прошлом безупречно и добросовестно выполнял служебные обязанности в органах МВД СССР.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР, соглашаясь с мнением Военной прокуратуры Советской Армии, 29 июля 1953 года отменила свой приговор в отношении Бежанова и дело прекратила с полной его реабилитацией.

Ознакомлением с судебными материалами по делу Бежанова и его объяснением, представленным в КПК, установлено, что независимо от прекращения уголовного дела, вина Бежанова в этом деле есть и заключается она в том, что он, будучи начальником оперативного сектора МВД Федеральной земли Тюрингии, в период с июля 1945 года по сентября 1946 года плохо контролировал работу подчиненных ему работников по оперативно-следственной работе, которые допускали грубейшие нарушения социалистической законности, производили необоснованные аресты лиц немецкой национальности и заведомо искусственно создавали уголовные дела.

Так, в 1946 году сотрудником оперативного сектора капитаном Шершаковым было заведено провокационное дело, по которому он давал задания агенту-провокатору склонять немцев к вступлению в фиктивную антисоветскую организацию «Берфильд», и когда такая «организация» была создана, «участники» ее были арестованы, а впоследствии их были вынуждены освободить, как незаконно арестованных.

В феврале 1946 года заместителем начальника 4-го отдела оперсектора, которым руководил т. Бежанов, капитаном Жигаревым (осужден) была заведена агентурная разработка «непримиримые», по которой из агентуры была создана фиктивная организация «Движение сопротивления» и в нее вербовались немцы. Когда же один немец по фамилии Бетцель отказался вступить в эту «организацию», агентурой, по заданию Жигарева, было произведено провокационное убийство Бетцеля, и на труп убитого была положена написанная работниками спецсектора¹ записка провокационного характера — «так будет со всеми изменниками немецкого народа».

Установлено также, что в январе 1946 года по указанию Бежанова бывшим сотрудником оперсектора капитаном Мкртычевым был незаконно арестован румынский подданный Маргулис по обвинению в шпионаже. При допросе его Бежанов лично применял к нему меры физического воздействия, но, не добившись от него никаких показаний,

¹ Так в тексте документа, правильно — оперсектора.

ний, вынужден был освободить его. После освобождения Маргулис был завербован Бежановым в качестве закордонного агента и дважды направлялся по заданиям в западную зону Германии.

По указанным фактам фальсификации дел Бежанов дал на суде следующие показания.

«Случаи, когда мои сотрудники составляли провокационные дела, по которым проходили немцы, якобы выступающие против СССР, были. Таких дел было 7—8 из 9 тысяч. Я объясняю это неопытностью оперативного состава. По делу Бетцеля: однажды Жигарев пришел ко мне на доклад и представил шесть планов, в том числе план убийства Бетцеля. Когда я ознакомился с этим планом, я, возможно машинально, делал исправления грамматических ошибок, но Жигареву я запретил осуществлять этот план. Я признаю себя виновным, что немецкий подданный Маргулис был арестован по моему распоряжению без достаточных оснований к этому. Как мотив для ареста было записано, что Маргулис занимается шпионажем. В процессе допроса я Маргулису нанес удар по лицу. Я виноват в том, что дважды посылал его в американскую зону». (л.д. 38, п. 42).

В своих объяснениях в КПК т. Бежанов сообщил, что подчиненные ему работники действительно допускали фальсификацию уголовных дел, и что за это был привлечен к судебной ответственности сотрудник оперсектора Жигарев. Он также сообщил, что лично он непосредственно участия в создании провокационных дел не принимал.

Проверкой также установлено, что т. Бежанов, находясь на ответственной работе в Германии, злоупотреблял своим служебным положением: пользуясь тем, что большое количество трофейного имущества не было взято на учет Советскими властями, в целях личного обогащения приобрел большое количество ценных вещей, а также незаконно брал ценности из имущества, подлежащего сдаче государству, и разными путями переправил их в г. Нальчик на свою квартиру.

Так, за короткий промежуток времени т. Бежановым было вывезено из Германии и обнаружено у него на квартире при обыске более 3 тысяч метров различных тканей, 8 столовых и чайных сервизов, состоящих из 1476 предметов, 315 антикварных изделий — статуэтки, вазы, 90 серебряных изделий, 22 меховых пальто и других изделий, 41 ковер и ковровых дорожек, 359 дамского белья, свыше 150 пар обуви, 323 пары дамских чулок, 60 дамских платьев, 17 мужских костюмов, 13 художественных картин, 6 радиоприемников и радиол, 4 аккордеона и другое имущество. Все это имущество было изъято при аресте Бежанова и сдано государству.

В своих объяснениях в КПК т. Бежанов пишет:

«В части моего обвинения в привозе из Германии большого количества вещей — я как на следствии, так и на суде не отрицал фактов и в настоящее время в Комитете Партийного Контроля вновь подтверждаю свою вину и даю суровую партийную оценку своим поступкам. Со-

вершено чистосердечно заявляю, что в этом вопросе поведение мое, как коммуниста, заслуживает самого сурового порицания».

Выводы: Таким образом, т. Бежанов виновен в том, что, работая начальником оперативного сектора МВД Федеральной земли Тюрингии (Германия), в период с июня 1945 г. по сентябрь 1946 года плохо осуществлял контроль за работой своих подчиненных в оперативно-следственной работе, следствием чего стали возможны факты грубейших нарушений социалистической законности, выразившиеся в необоснованных арестах лиц немецкой национальности, в применении к ним мер физического воздействия и заведомо искусственном создании дел по обвинению немецких граждан в преступлениях, направленных против Советской Армии.

Кроме того, он виновен в том, что, используя свое служебное положение, вывез из Германии в Москву такое большое количество ценных вещей, которое не требовалось для его семьи, что свидетельствует о его непартийном поведении в этом вопросе.

В связи с изложенным, вношу предложение рассмотреть этот вопрос на Комитете Партийного Контроля при ЦК КПСС¹.

Ответ[ственный] контролер КПК при ЦК КПСС
Судаков

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 8133. Л. 46—49. Заверенная копия.

№ 37

ПИСЬМО МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР С.Н. КРУГЛОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О ВЫДЕЛЕНИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИЗ МВД В САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ВЕДОМСТВО

4 февраля 1954 г.

№ 320/к

Совершенно секретно

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС
товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Министерство внутренних дел СССР представляет предложения о выделении органов государственной безопасности из Министерства внутренних дел СССР.

¹ Персональное дело Г.А. Бежанова рассматривалось на заседании КПК при ЦК КПСС в июне 1954 г., но решение не было принято, так как Бежанов оспорил заключение КПК и просил еще раз проверить его дело. В апреле 1955 г. он вновь был вызван в КПК в Москву, но не смог прибыть из-за болезни. Вскоре, 14 мая 1955 г., он умер в Тбилиси. В дальнейшем с ходатайством о восстановлении Г.А. Бежанова в партии обращался его сын, но положительного решения так и не добился (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 8133. Л. 52, 54, 62).

Существующее организационное построение Министерства внутренних дел СССР и его органов громоздко и не в состоянии обеспечить должного уровня агентурно-оперативной работы в свете задач, поставленных перед советской разведкой Центральным Комитетом КПСС и Советским Правительством.

В целях создания необходимых условий для улучшения разведывательной и контрразведывательной работы считаем целесообразным выделить из Министерства внутренних дел СССР оперативно-чекистские управления и отделы и на их базе создать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР.

I.

В состав Комитета по делам государственной безопасности включить:

1) Главное управление по разведке в капиталистических странах (ныне 2 Главное управление МВД СССР);

2) Главное управление по контрразведывательной работе внутри страны.

В целях объединения всей контрразведывательной работы внутри страны в состав этого управления войдут ныне существующие отдельно в составе МВД СССР — 4 Управление (секретно-политическое), 5 Управление (экономическое) и 6 Управление (оперативно-чекистская работа на транспорте);

3) Управление по контрразведывательной работе в Советской Армии и Военно-Морском Флоте (ныне 3 Управление МВД СССР);

4) Отдел по оперативно-чекистской работе на спецобъектах промышленности;

5) Службу наружного наблюдения (ныне 7 Управление МВД СССР);

6) Шифровально-дешифровальную службу (ныне 8 Управление МВД СССР);

7) Управление по охране руководителей Партии и Правительства (ныне 9 Управление МВД СССР);

8) Управление коменданта Московского Кремля (ныне 10 Управление МВД СССР);

9) Следственную часть;

10) Учетно-архивный отдел (архив, статистика, внутренние тюрьмы);

11) Службу оперативной техники (ныне 2 Спецотдел МВД СССР);

12) Отдел по изготовлению средств оперативной техники, средств тайнописи, документов для оперативных целей, экспертизе документов и почерков (ныне 3 и 5 Спецотделы МВД СССР);

13) Радиооперативную службу (ныне 4 Спецотдел МВД СССР).

Кроме того, в составе Комитета иметь — Управление кадров, Отдел учебных заведений, Хозяйственное управление, Финансово-

плановый отдел, Мобилизационный отдел, Контрольную инспекцию при Председателе Комитета и Секретариат, организуемые путем разделения соответствующих аппаратов, существующих в МВД СССР.

Для проведения на местах мероприятий, связанных с обеспечением государственной безопасности в стране, создать следующие периферийные органы Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР:

1) В республиках, краях и областях страны — Управления Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР;

2) В крупных промышленных городах страны, а также во всех районах Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и западных областей УССР иметь Уполномоченных Комитета с небольшим аппаратом;

3) В военных округах, соединениях и частях Советской Армии, на флотах и флотилиях Военно-Морского Флота — Особые отделы Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР (на базе существующих Особых отделов МВД);

4) На железных дорогах и водных бассейнах — аппараты Уполномоченных Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР (на базе существующих Дорожно-транспортных управлений и Водных отделов МВД СССР).

II.

После выделения из Министерства внутренних дел СССР органов разведки и контрразведки, передаваемых в Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР, в МВД СССР останутся:

1) Главное управление милиции, в состав которого включается Управление милиции на железнодорожном и водном транспорте;

2) Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний;

3) Главное управление пограничных войск;

4) Главное управление внутренней и конвойной охраны, создаваемое путем объединения ныне существующих управлений внутренней и конвойной охраны;

5) Главное управление пожарной охраны;

6) Главное управление службы МПВО;

7) Главное управление геодезии и картографии;

8) Главное управление военного снабжения;

9) Тюремное управление;

10) Военно-строительное управление;

11) Центральное архивное управление;

12) Отдел Правительственной связи («ВЧ» и АТС Кремля);

13) Отдел фельдъегерской связи;

14) Отдел по надзору за ссыльными, высланными и спецпоселенцами;

15) Отдел по хранению и учету государственных запасов драгоценных металлов, алмазного фонда и других ценностей;

16) Отдел по контролю и инспектированию ведомственной охраны;

17) Отдел железнодорожных и водных перевозок.

Кроме того, в состав МВД СССР будут входить следующие аппараты после разделения их с Комитетом по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР: Управление кадров, Управление учебных заведений, Особый отдел по войскам МВД, Плановый отдел, Центральный финансовый отдел, Главная бухгалтерия, Хозяйственное управление, Мобилизационный отдел, Учетно-архивный отдел, Шифровальный отдел, Контрольная инспекция при Министре и Секретариат.

Учитывая, что с включением в состав Министерства внутренних дел СССР Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний, МВД СССР будет выполнять большую производственную программу и значительный объем капитального строительства, необходимо восстановить в системе Министерства Управление материально-технического снабжения.

Одновременно вносится предложение об упразднении городских и районных отделов и отделений МВД, существование которых при проведении указанных организационных мероприятий не вызывается необходимостью. При этом имеется в виду оперативное руководство работой существующих в городах и районах органов пожарной охраны, архивных органов и спецкомендатур в местах поселений — возложить на начальников соответствующих отделов и отделений милиции.

III.

Проведение предлагаемых организационных мероприятий предусматривается в пределах утвержденной на 1954 год сметы на содержание Министерства внутренних дел СССР.

При организации Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР предусматривается существующую штатную численность оперативных управлений и отделов как в центре, так и на местах сократить на 20%, что составит 15 956 штатных единиц с годовой экономией государственных средств 346 млн. рублей.

Упразднение отделов и отделений МВД в административных районах страны (за исключением районов Эстонской, Латвийской и Литовской республик и западных областей Украины, где на базе райотделов МВД создаются аппараты Уполномоченных Комитета по делам государственной безопасности) даст сокращение 21 736 единиц с годовой экономией в сумме 320 млн. рублей.

Предусматривается также сокращение штатной численности органов МВД как центрального аппарата, так и периферийных на 20%, что даст сокращение 8839 штатных единиц с годовой экономией 194 млн. рублей.

В целом сокращение аппаратов Комитета по делам государственной безопасности и Министерства внутренних дел СССР даст экономию государственных средств в год в сумме 860 млн. рублей.

В соответствии с изложенным нами подготовлены проекты Постановления ЦК КПСС, Указа Президиума Верховного Совета СССР и Постановления Совета Министров СССР по вопросу об образовании Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Просим рассмотреть.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
С. КРУГЛОВ.

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 441. Л. 458—464. Заверенная копия¹.
Опубликовано: Исторический архив. 2002. № 1. С. 7—10².

№ 38
ИЗ ПРОТОКОЛЬНОЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ
ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ПО ВОПРОСУ ОБРАЗОВАНИЯ
КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Протокол № 50³
Заседание 8 февраля 1954 г.

2 пункт [Об образовании Комитета государственной безопасности СССР].

Тт. Хрущев, Маленков, Каганович, Ворошилов, Булганин.
Не публиковать⁴.

II. О людях. [Назначение на должности КГБ СССР и МВД СССР].
Тт. Хрущев, Каганович, Ворошилов, Микоян, Булганин, Шаталин.
Т. Маленков. Круглова — на вдуел⁵. На Комитет.

Т. Хрущев: Председателя или иначе — Серова.

Комитет,
или Бюро,
или управ[ление]⁶.

Т. Хрущев. Характеризует Серова.

Т. Маленков. Вызывает доверие. Лунева — первым замом.

¹ См. также: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 84. Л. 11—28.

² В указанной публикации приводятся также проекты постановлений ЦК КПСС и СМ СССР об образовании КГБ и черновая запись заседания Президиума ЦК КПСС от 8 февраля 1954 г. на котором обсуждался этот вопрос.

³ Слово «Прот[окол]», номер протокола и номер пункта II вписаны фиолетовой шариковой ручкой.

⁴ Принятый 13 марта 1954 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании КГБ при СМ СССР не публиковался в газетах.

⁵ Т.е. министра внутренних дел.

⁶ В документе помещено на левом поле.

Т. Ворошилов. Высказывает свое мнение.

Т. Булганин. Высказывается.

Т. Микоян. Высказывает[ся].

Т. Каганович. (За Серова), он будет связан более с парт[ийными] орг[анами]; К[омите]т — это отдел партийный.

Т. Маленков. Продолжает высказ[ываться]. Сейчас нос по ветру (на партию).

Т. Хрущев. И мы говори[ли]¹.

[**Маленков.**] Уроки должен будет свято извлекать.

Т. Булганин. О Ильичеве².

Панюшкин не подходит.

Взять Ильичева на замы к Серову.

Т. Маленков. Панюшкин слабый в аппарате. — Как мы поставим?

Т. Каганович. Сказать ему обо всем.

Т. Ворошилов. Опыт с Пономаренко: «всего отдам себя».

С вызовом³.

Т. Маленков⁴. Проект решени[я] о К[омите]те — принять.

Т. Каганович. Замеч[ания] по проект[у]: ближе к партии (Комитет). Сухая записка о перестройке органов⁵. МВД после июльского пленума пассивно ведет себя.

Сформулировать мотивировочный документ (что мы хотим), выделяя Комитет (в форме полуписьма).

Определить по существу — ведем лини[ю] на вскрытие действит[ельных] врагов и оградить честных людей; что чекист должен докладывать (парторган[ам]).

Нужно ли оперативно — чекист[ское] уп[равление]?

Охрана общественного [порядка].

Не образо[вы]вать (выделяется в указе).

Т. Маленков. (В принципе).

Решит[ь]; над докумен[том] поработать.

Т. Хрущев. Замечание т. Каганович[а] правильно.

В основу — прав[ильно]⁶.

Над документом поработать.

¹ Помещено на левом поле и взято в рамку.

² Сотрудник военной разведки генерал-лейтенант И.И. Ильичев не получил назначения в КГБ.

³ В документе помещено на левом поле.

⁴ В документе помещено на левом поле.

⁵ Речь идет о докладной записке Круглова, И.А. Серова и К.Ф. Лунева № 576/к от 22 августа 1953 г. в Президиум ЦК КПСС на имя Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева об укреплении кадров центрального аппарата и периферийных органов МВД проводимом в соответствии с решениями июльского (1953) Пленума ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 28. Л. 1—11; опубликовано: История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н.В. Петров; Отв. сост. Н.И. Владимирцев. М., 2004. С. 437—443).

⁶ В документе помещено на левом поле.

В порядке самокритики; в таком состоян[ии] 6 м[еся]цев держим. Совещание работников МВД и МГБ (во время пленума ЦК)¹.

Т. Булганин. Принять.

Т. Микоян. Транспортную [милицию] — (это милици[я]). Подумать.

Т. Маленков. О совещани[и] — после пленума.

Т. Ворошилов. Слабовато там наша большевистская п[озиция].

Т. Маленков. В основном принимает[ся].

Совещание проведем.

Партийность.

Т. Сабуров. Об устройстве на работу.

Т. Маленков (говорит). О людях: МВД — т. Круглова; К[омите]т — т. Серова; 1-м зам[естителем] — т. Лунева.

О замеч[аниях] т. Серову (сказать хотим).

Т. Булганин. Пусть скажут сам[и].

Т. Ворошилов.

Т. Круглов. Правильно, что меня определите в МВД. Оправ[даю] доверие партии и правительства. Я предан партии.

О Серове — положительно характ[еризует] недостатки в характере, поведен[ии], — не всегда доводит взгляд до конца, более вдумчив должен быть.

Т. Серов. Постараюсь оправдать доверие. О себе: не критически выполнял указания Берия, слепо выполнял. Должен [был] пойти в ЦК, не сделал.

Поспешность есть.

Некоторых из органов удалить, они слухи [распространяют].

Т. Маленков. Больше партийности.

Т. Каганович. Все сказать.

Т. Круглов и Серов. Вы проявляли пассивность (после июля). За душу чекистов не боролись.

В ЦК должны [были] прийти. Почему совещание не просили созвать?

По существу — не о схематическом решении идет дело.

По существу качественно должны изменить.

Характер меняется (в сторону политическую).

К личностям — на ст[роительст]ве показал себя хорошо (т. Круглов).

О Серове — опытный, ударник, имеет возможность оправдать доверие ЦК. Жидковат², но может уплотниться.

Высокой партийной и полит[ической] культурой обладал Дзержинский.

Серов должен завоевать эту культуру.

К[омите]т не будет просто администрировать, но глубже брать.

Моральный облик высоки[й].

Т. Суслов. Т. Серов должен укреплять партийность.

¹ Совещание состоялось в июне 1954 г., см.: стр. 148—150.

² В тексте: «житковат».

Ретиво выполнял указания Берия.

Вызывал к себе сек[ретарей] обкомов.

Т. Ворошилов. Выделение К[омите]та (из МВД) — важное дело.

Т. Круглову главное обращать вним[ание] не на ст[роительство], [а] на исправление людей.

Относительно К[омите]та.

О Серове — справится, если учтет замечания.

Почему не отреагировали на решение пленума?

Как Дзержинский работал!

Уметь ловить врага, уметь поставить организацию.

С помощью ЦК — может.

Т. Сабуров. Правильно сказал т. Каганович — если правильно поймут.

Испр[авительно]-труд[овые] лагеря — это название, это источник получения рабочей силы.

Т. Круглов — должен сделать из этого вывод.

Т. Микоян. За мелкие кражи — арест! Лагеря портят.

Об общест[венном] порядке в стране: есть города, где ночью бояться выходить на улицу.

Т. Серов. Общеполит[ических] вопросов у него будет много.

Способный, принципиальность, идейность, партийность, [но] легковат.

Т. Булганин. Согласен с Л.М. Каганович[ем].

Подумать т. Круглову, Серову.

Перестроятся, оправдают доверие.

Серову труднее будет перестроиться.

Н[ачальни]ками в лагеря посылают штрафных.

Т. Серову — труднее. Человек ударного порядка.

Вот когда Берия изобличен — вы замкнулись.

Вам надо подняться на уровень крупного парт[ийно]-полит[ического] работника.

Поменьше самообольщения, обратись за советом.

Т. Хрущев. Согласен с товарищами относительно МВД.

(Т. Круглов) — честный, с радостью согласен, но не понимает задач, как н[ачальни]к лагерей выступает: «Я строю...».

Милицию (в МВД иметь).

Большое понимание иметь.

Милиция (есть факты — стреляют в народ).

Об охране порядка на предприятиях. Пожарная охрана.

Прием граждан в милиции.

О лагерях (вернуться к системе Дзержинского — заводики, мастерские).

Это большое дело.

О т. Серове — по Украине — вел хорошо, иногда — два Серовых.

Иногда о бумажке узнаю из Москвы (Берия докладывал). Устойчивости партийной не было.

Резолюцию ополитизировать.

По МВД — по кадрам (поручить Кружкову, Шаталину, Дедову).

Курсы.

Т. Маленков. Все, что сказано, присоединяюсь.

Речь идет о большой перестройке.

Идите помогайте партии.

О Комитете — таит в себе, и в пользу партии, и злоупотребление властью.

Дело так поставить, чтобы не злоупотребляли.

За характеристикой кадров обращаемся в МВД (покончить с этим).

Люди стали зависеть от органов МВД.

Забрать в руки партии.

О МВД — т. Круглов не подготовлен (о чем говорили).

Он должен крепко перестроиться.

Лагеря — не наш идеал.

По-новому перестроиться.

Насчет Комитета¹

Внутри страны — взоры обращали на друзей, а не на врагов.

Какая же тут может быть любовь к органам?

От анонимок зависели люди.

Вне[шняя] разведка — низкий уровень (развал).

М.б. Ильичева взять в заместители, Лунева — на первого зама.

Честно служить партии. Не злоупотреблять властью.

Первая...²

В организаци[онном] отношении принимаем.

Тт. Круглов, Шаталин, Серов и Суслов, Лунев³ представят проекты с учетом состояв[шегося] обмена мнениями⁴ (в 5-дневный срок)⁵.

О замес[тителях] пусть представят и структуру⁶.

О гугагах — передаем в МВД⁷.

О лесных — передаем в МВД⁸.

Т. Ворошилов. Погранвойска почему в МВД? Это настоящие войска.

Т. Булганин. Чекиста поставить. За Серова.

Т. Микоян. За⁹ Серова. Близкий к партии.

Т. Каганович. Ближе.

¹ Далее выступления Маленкова и Ворошилова вписаны более ярким синим карандашом.

² Фраза не закончена.

³ Фамилия Лунева вписана сверху строки.

⁴ Слева весь абзац отчеркнут синим карандашом вертикальной волнистой линией.

⁵ Написано слева от абзаца синим карандашом и подчеркнуто.

⁶ Написано справа и относится к предыдущему абзацу.

⁷ Это и следующее предложение отчеркнуты слева волнистой вертикальной линией синим карандашом.

⁸ Против этого абзаца слева написано и зачеркнуто: «В 5».

⁹ Далее зачеркнуто: «Кр[углова]».

Т. Сулов. Не все хорошо у Серова. Предупредить его. Свысока к парторг[анам].

Т. Хрущев¹. О Серове я говорил Сталину. Серов, конечно, тоже писал.

Т. Первухин. Лучше (Серова) сейчас не найти. Грубый, н[ачальни]ка изображает, немножко подхалим.

Т. Шаталин. Я не голосовал бы за Серова. В аппарате отзыв плохой. Мало партийный, карьеристичный. Нос по ветру. Из Германии — натаскал².

Т. Маленков. Высказывается: доверять можно Серову.

Т. Каганович. Насчет угля³ в Берлине.

Т. Хрущев.

Т. Маленков.

<...>⁴

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 1—11. Подлинник.

Опубликовано: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Т. 1. М. 2003. С. 19—24.

№ 39

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ «МИНЕРАЛЬНОГО» ОСОБОГО ЛАГЕРЯ МВД А.Ф. РУЧКИНА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР С.Н. КРУГЛОВУ К СООБЩЕНИЮ ЗАКЛЮЧЕННОГО Б.И. ВОЙТЕХОВА О И.А. СЕРОВЕ

9 февраля 1954 г.

№ 8/3-1092

Совершенно секретно

Шифротелеграммой № 8915 от 28 января 1954 года исполняющий обязанности начальника следственной части по особоважным делам МВД СССР товарищ Козырев, дал нам указание о допросе заключенного ВОЙТЕХОВА, содержащегося в Минлаге, по его заявлению, направленному им в МВД СССР.

Будучи вызванным, ВОЙТЕХОВ рассказал об известном ему факте, касающемся Вашего заместителя товарища Серова И.А.⁵ В связи с тем, что ВОЙТЕХОВ сам не уверен в правдоподобности этого факта, мы сочли нецелесообразным допрашивать его, а ограничились отбором от него собственноручно изложенного сообщения, которое направляем на Ваше распоряжение.

¹ Впереди зачеркнуто: «т. Каганович».

² См. документ № 28.

³ Вписано простым карандашом поверх того же, написанного синим.

⁴ Опущен пункт II протокола о награждении моряков крейсера «Варяг»

⁵ Фамилия вписана от руки.

ПРИЛОЖЕНИЕ:
По тексту на 2-х листах.

Зам. начальника Управления Минлага МВД
Генерал-майор А. Ручкин

Министру Внутренних Дел СССР — Круглову.

В октябре месяце 1953 года направляясь из внутренней тюрьмы МВД в Москве обратно в лагерь (Инта — Коми АССР), в пути я впервые узнал, что политический бандит — Берия и его шайка арестованы и находятся под следствием. Еще до своего отъезда из Москвы я обратился к заместителю начальника следственной части по особо важным делам МВД СССР полковнику Козлову с просьбой о свидании с кем либо из руководства министерства, в чем очевидно мне было отказано, так увезли меня не дав мне никакого разговора. Как только мне стало известно, кем оказался Берия (имея ввиду весь масштаб его подлости, я должен сказать, что находясь девять месяцев в одиночке и естественно не зная, что в это время проходило за стенами тюрьмы, я не побоялся Козлову дать показания против Берия, нисколько не преувеличивая в спекулятивных целях значения их) — я вспомнил одну реплику, вернее короткий рассказ моего знакомого Василия Сталина в адрес заместителя министра внутренних дел Серова, сказанную мне при следующих обстоятельствах: однажды по приглашению Василия Сталина я приехал к нему на дачу, где застал в столовой какого-то неизвестного мне генерала и его жену, как впоследствии мне стало известно — заместителя министра внутренних дел Серова. Нашему знакомству предшествовал следующий анекдотический случай, произошедший со мной: не успели мы сесть за стол, как радио объявило о замене старых денежных знаков, новыми, в связи с чем я тут же вынул из внутреннего кармана пиджака объемистый пакет с десятью тысячами рублей и прочел вслух приложенную к нему на мое имя записку следующего содержания: — «Уважаемый Борис Ильич! Так как я Вас не застал в номере, то оставляю у дежурной по этажу взятые у Вас взаимнообразно десять тысяч рублей (следовала подпись). Меня весело поздравили с новой денежной реформой, после чего начался ужин, который ничем примечателен не был. Генерал мне явно понравился — он был прост в обращении, без всякой примеси чванства, умеренно пил и я не замечал у него никакого унижительного подбострастия перед Василием Сталиным, чем не раз в моем присутствии грешили другие. По окончании ужина, где кроме нас четырех никого не было, Серов вместе со своей супругой ушел к себе на дачу, которая по словам В.Сталина находилась где-то рядом, а мы остались вдвоем. Не помню точно, тогда же, т.е. в тот же вечер или несколько позже, Василий Сталин, по своей инициативе, ибо я никогда никаких вопросов ему не задавал, говорит мне буквально следующее: — «Этот человек теперь не у дел, но временно, так как в подвале его дачи об-

наружили уворованные в Германии слитки золота (в Германии он выполнял специальные задания отца), но он говорит, что это провокация против него и Лаврентий Павлович Берия посоветовал ему подольше болеть, пока все рассосется, а там он обещал ему помочь». Никаких дополнений к этому не последовало, так как я не проявил к этому вопросу никакого интереса. Вот только этот случай я и вспомнил в Кировской пересыльной тюрьме, в связи с чем, два месяца назад, через посредство заместителя нач. Кировского областного Управ[ления] МВД передал на Ваше имя соответствующее заявление. Так как я не знаю заменен ли Серов — и в связи с этим уже разоблачен, как прихвостень Берия, или наоборот — этот человек по прежнему пользуется заслуженным доверием партии и государства, т.е. я совершенно свободен от соображений «ситуации» считаю необходимым заявить, что сообщение свое, Василий Сталин, как это к сожалению для него было обычным сделал он в довольно выпившем состоянии, кроме того я вообще всегда с большой осторожностью относился и к его характеристикам и другим разговорам касательно обрисовки того или другого лица, ибо еще ни разу в жизни не видел человека так подверженного настроению и в соответствии с этим диаметрально противоположно менявшемуся в течении часа, отзываю об одном и том же лице. При всем этом я не посчитал возможным умолчать о вышеуказанном факте ибо иногда и маленькие факты вызывают большие дела, важные для государства.

4/2-54. Б. Войтехов.

Помета: в архив.

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4323. Л. 125—127. Подлинник.

№ 40

ИЗ СПРАВКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СМ СССР

И.А. СЕРОВА В ЦК КПСС ПО ДЕЛУ

«АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА»

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ УБИЙСТВА Г.Я. СОКОЛЬНИКОВА

И К.Б. РАДЕКА

№ 1621-с

29 июня 1956 г.

Совершенно секретно

<...>

Радек и Сокольников после осуждения среди своих сокамерников стали утверждать о своей невинности и о инсценировании всего процесса. Несомненно, что это и привело к тому, что в мае 1939 года было принято решение о их «ликвидации». Имеющиеся в архиве КГБ документальные данные свидетельствуют о том, что убийство Радека

и Сокольников проводилось под руководством Берия и Кобулова в соответствии со специально разработанным планом¹.

Непосредственное осуществление этих актов было возложено на работников 2 отдела НКВД СССР — ст. оперуполномоченного Кубаткина, оперуполномоченного Шарок и специально подобранных людей из числа арестованных, которые в секретном порядке выехали для выполнения задания в Верхнеуральскую и Тобольскую тюрьмы, в которых содержались Радек и Сокольников.

Как установлено, убийство Сокольников было произведено при следующих обстоятельствах.

Предварительно Сокольников был переведен в одиночную камеру, а 21 мая 1939 года, как это было обусловлено по плану, к нему вошли начальник тюрьмы Флягин, оперуполномоченный Шарок и прибывший из Москвы заключенный Лобов² (быв. пом. нач. ОО ЛВО, осужденный в связи с убийством С.М.Кирова), набросились на него и убили.

О случившемся тогда же был составлен фиктивный акт и оформлен протокол допроса заключенного Котова П.М. (под такой фамилией фигурировал Лобов). В этом протоколе, составленном начальником тюрьмы, обстоятельства убийства Сокольников описывались так:

«Вызывающий тон в вопросе Сокольников побудил во мне злобу. Я назвал его фашистским наймитом, и что за вас и подобных вам лидеров приходится и мне нести ответственность. Сокольников моментально встал с кровати и с угрожающим видом начал приближаться ко мне. Я сидел на своей кровати, рядом с которой стояла камерная параша, я схватил ее и ударом по голове отстранил его от себя» (арх. дело № 300954, т.1. л.д. 138)

При аналогичных обстоятельствах, под руководством ст. оперуполномоченного Кубаткина 19 мая 1939 года в Верхнеуральской тюрьме НКВД был убит и Радек.

И в данном случае это заранее подготовленное убийство было затем оформлено как результат драки. Так, в акте о смерти Радека, составленном администрацией тюрьмы, указывается:

«При осмотре трупа заключенного Радека К.Б., обнаружены на шее кровоподтеки, из уха и горла течет кровь, что явилось результатом сильного удара головой об пол. Смерть последовала в ре-

¹ В 1961 г. бывшие руководящие работники 2 отдела ГУГБ НКВД СССР П.В. Федотов и Я.Н. Матусов были вынуждены объясняться в ЦК КПСС по этому делу, и сообщили, кто на самом деле принимал решение о ликвидации Сокольников и Радека: «...Оперативно-чекистские отделения при политизоляторах свои донесения о поведении Радека и Сокольников и им подобных лиц направляли непосредственно в адрес лично Берия, который их посылал или докладывал Сталину, что было работникам отдела известно как со слов Кобулова, так и по смыслу, сколько помнится, его письменных указаний на донесениях политизоляторов» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 448. Л. 184). Оба, П.В. Федотов и Я.Н. Матусов утверждали, «что убийство Радека и Сокольников было совершено по указанию Сталина» (Там же. Л. 189).

² В 1961 г. П.М. Лобов был еще жив и вызывался в ЦК КПСС для дачи объяснений.

зультате нанесения побоев и удушения со стороны заключенного троцкиста Варежникова, о чем и составили настоящий акт». (арх. дело № 300935, т.1. л.д. 105)¹

Как установлено проверкой, вскоре после этого, осуществлявшие убийство заключенных Радека и Сокольников, Кубаткин и Шарок, работавшие до этого рядовыми сотрудниками аппарата НКВД, были назначены — Кубаткин начальником Управления НКВД Московской области, а Шарок — заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР.

Другие осужденные по этому делу — Строилов и Арнольд, также отказавшиеся от своих показаний, до осени 1941 года содержались в Орловской тюрьме НКВД, а 11 сентября 1941 года по заочному приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР, вынесенному без каких-либо оснований, в числе других заключенных были расстреляны.

Определенный интерес в этом же плане представляет и судьба быв. начальника Прокопьевского горотдела НКВД Овчинникова, у которого на связи находился Арнольд.

Овчинников в декабре 1940 года был осужден Военным Трибуналом Западно-Сибирского округа к 10 годам лишения свободы. Находясь под стражей, он рассказывал своим сокамерникам о фальсификации дела по обвинению Арнольда и заявлял о своем намерении написать об этом заявление.

24 марта 1941 года без наличия каких-либо дополнительных материалов дело Овчинникова было пересмотрено и приговором Военного Трибунала он был осужден к расстрелу.

<...>

Председатель Комитета государственной безопасности
при Совете Министров СССР И. Серов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 455. Л. 33—35. Подлинник.

¹ В материалах комиссии Н.М. Шверника в 1961 г. об убийстве Радека говорится подробнее: «В Верхне-Уральскую тюрьму в мае 1939 года выезжал оперативный работник 2 управления ГУГБ НКВД Кубаткин. Первый раз он возил с собой некоего Мартынова, якобы заключенного (личность не установлена), который был помещен в одну камеру с Радеком, преднамеренно учинил с ним драку, но убить Радека не смог и был увезен Кубаткиным из тюрьмы. Через несколько дней Кубаткин вновь приехал в тюрьму с другим заключенным по фамилии Варежников. Этого заключенного также поместили в камеру к Радеку. На следующий день, 19 мая, Варежников, спровоцировав драку, убил Радека. В акте, составленном администрацией тюрьмы, указано, что убивший Радека Варежников является якобы троцкистом. В действительности под фамилией Варежников был зашифрован Степанов И.И., бывший комендант НКВД Чечено-Ингушской АССР, арестованный в феврале 1939 года за серьезные должностные преступления. В ноябре того же года по указанию Берия Степанов освобожден из-под стражи. В постановлении о прекращении дела указано, что он выполнил «специальное задание», имеющее важное государственное значение». (Арх.-следственное дело № 726531, том 1, л.д.176—178)» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 448. Л. 190).

№ 41**ЗАПИСКА И.А. СЕРОВА В ЦК КПСС ОБ ОТПРАВЛЕННЫХ
В «ИНСТАНЦИИ» ДОКУМЕНТАХ КГБ**

22 июня 1957 г.

№ 1241-с

Совершенно секретно

Секретарю ЦК КПСС товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Представляю при этом справку об отправленных в инстанции документах Комитетом госбезопасности со дня его создания (март, 1954 г.) до 20 июня 1957 года.

1. Направлено телеграмм, полученных от резидентур КГБ из капиталистических стран по политическим, экономическим и военным вопросам:

а) в ЦК КПСС, в адрес тов. Хрущева Н.С. — 2508

б) в Совет Министров СССР, в адрес тов. Маленкова Г.М., а затем тов. Булганина Н.А. — 2316

в) за это же время по указанию ЦК КПСС было направлено членам Президиума ЦК КПСС — 293

2. Направлено в ЦК КПСС 2057 сборников (синяя папка) с дипломатической перепиской капиталистических государств с наличием в них 64 500 телеграмм.

Такое же количество было направлено в Совет Министров Союза ССР, в адрес тов. Маленкова Г.М., а затем тов. Булганина Н.А.

3. За этот же времени по оперативной работе органов госбезопасности, по вопросам политического, экономического и военного положения капиталистических стран, также по отдельным вопросам положения в странах народной демократии направлено в инстанции:

в ЦК КПСС — 4504 документа

в Совет Министров СССР — 1750 документов

Разница в количестве посланных документов в ЦК КПСС и Совет Министров объясняется тем, что в ЦК КПСС направлялось значительное количество документов (через наши связи) от Коммунистических партий капиталистических стран, о положении в социалистических партиях и по другим вопросам.

Следует также сказать, что за последний год тов. Булганин, а также аппарат Совета Министров часто уклонялись от решения вопросов, поставленных Комитетом госбезопасности, и рекомендовалось направлять их на решение в ЦК КПСС.

4. Из числа документов, указанных в п. 3, было поставлено на решение ЦК КПСС 907 вопросов и Совета Министров СССР — 330 вопросов.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
И. СЕРОВ.**

РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 224. Л. 55—56. Заверенная копия.
Опубликовано: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник / Под. ред. акад. А.Н. Яковлева; авторы-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 687—688.

№ 42
ИЗ ПРОТОКОЛЬНОЙ ЗАПИСИ
ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС
С ОБСУЖДЕНИЕМ ВОПРОСА О И.А. СЕРОВЕ

Протокол № 191.
Заседание 20 ноября 1958 г.

<...>¹

[О т. Серове]

т. Хрущев — о Разведупре и т. Серове.

Разное отношение со стороны членов Президиума ЦК.

Я пошел бы без надрыва, если передвинуть, то с сохранением содержания, но без утв[ерждения] замом.

Кого: м[ожет] б[ыть] Лунева?

Он считает лучше Ивашутина

т. Миронов — называет Ивашутина.

Серов — говорил, что лучше бы партработника — м[ожет] б[ыть] Шелепина.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1010. Л. 7—8. Подлинник.
Опубликовано: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Т. 1. М., 2003. С. 339—340.

№ 43
ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ
ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС
С ОБСУЖДЕНИЕМ ВОПРОСА О И.А. СЕРОВЕ.

Протокол № 192.
Заседание 24 ноября 1958 г.

О т. Серове

т. Хрущев. Преданно ведет себя.

т. Аристов. О положительных моментах т. Серова говорит.

т. Игнатов — о преданности т. Серова говорит.

т. Фурцева — т. Серов активно в комиссии т. Молотова вел себя, стойко.

¹ Опущен пункт с обсуждением вопроса об отмене постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о присвоении Н.А. Булганину звания Маршала Советского Союза.

т. Полянский — прямой человек, дело знает, выдержанный; поведение в июньские дни хорошее.

т. Поспелов — Серова враги ругают.
Резо[люция]: оставить.

РГАНИ. Ф. З. Оп. 12. Д. 1010. Л. 9. Подлинник.

Опубликовано: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Т. 1. М., 2003. С. 340.

№ 44

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС С ОБСУЖДЕНИЕМ ВОПРОСА О И.А. СЕРОВЕ

Протокол № 194.

Заседание 3 декабря 1958 г.

О т. Серове

т. Хрущев, Игнатов, Кириченко, Суслов, Микоян

1) Пришел ко мне т. Игнатов и поставил вопрос: правильно ли, не торопимся ли мы решать вопрос о т. Серове.

Т. Игнатов на звонок т. Кириченко сказал, что т. Серова у него нет, а он у него был. Это интриганский¹ шаг, осуждения заслуживает.

т. Игнатов. Ничего не скрывал, когда звонил т. Кириченко, у меня Серова не было, когда Серов вошел, я ему сразу сказал, что его зовут т. Кириченко. Я по телефону говорил, что у меня есть неясность в вопросе о Серове.

т. Кириченко. Был Малиновский при этом деле.

Серов сказал, что я не знаю, что Игнатов сказал, что у меня нет Серова.

т. Суслов. Т. Кириченко мне [говорил]² о случае...

Неправильно.

О Серове говорит — он мало считался с парторг[анами], он мало-партиен.

Проект положения — не было вопроса о рук[оводстве] партии. Надо сменить.

т. Брежнев. О пенсиях — версия(?) — для чего придумано, не знаю.

т. Козлов. Удивляет т. Игнатов, если ошибся — скажи, но такое поведение, был Серов, просил, толкнули. Нечестное поведение. Сделать вывод надо всем. Меня это взволновало. Честно надо сказать. Пенсионный [вопрос] разыгран.

О т. Серове — надо было заменить.

¹ В тексте: «интриганстский».

² В тексте первоначально написано «разговаривали», затем зачеркнуто «раз».

т. Микоян. Впечатление произвело. Пригласили на обед в Л[енин]-[гра]де.

Он отчитал.

Самое плохое, что не сказал т. Хрущеву, что Серов был у т. Игнатова. Надо решать теперь вопрос о Серове.

т. Аристов. Об отношении к т. Хрущеву — честное отношение должно быть.

Выдержки не хватает у т. Игнатова.

Т. Серов вел себя в трех случаях хорошо.

т. Игнатов. Все понял. Исчерпан.

Ничего не записывать.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1010. Л. 10—10 об. Подлинник.

Опубликовано: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Т. 1. М., 2003. С. 340—341.

№ 45

ЗАЯВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРЯ ПАРТКОМА ГРУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА И.А. БОЛЬШАКОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС Н.С. ХРУЩЕВУ О НЕПРАВИЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ И.А. СЕРОВА И НАРУШЕНИИ ИМ ПРИНЦИПОВ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА

8 января 1960 г.

Секретно

В Президиум ЦК КПСС

Товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу.

Постановление октябрьского Пленума ЦК КПСС (1957 г.) «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте»¹ требует повысить уровень руководства партийно-политической работой, добиться более активного участия в ней командиров и политработников, всех коммунистов.

Этими принципами проникнуто и содержание утвержденных ЦК КПСС положения о Военных Советах и инструкции армейским и флотским партийным организациям².

В развитие этого постановления октябрьского Пленума ЦК КПСС в центральных управлениях Министерства обороны, в том числе и в Главном Разведывательном управлении Генерального Штаба, созданы партийные комитеты на правах райкомов.

¹ См.: Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 439—441.

² «Инструкция организациям КПСС в Советской Армии и Военно-морском флоте» утверждена 27 апреля 1957 г. См.: Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 605—611.

Все это в значительной степени повысило уровень партийно-политической работы и инициативу партийных организаций.

Между тем в практической работе начальника Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба, члена ЦК КПСС, генерала армии Серова Ивана Александровича эти принципы и положения нарушаются. Никакого участия в работе партийного комитета т. Серов И.А. не принимает. Баллотироваться в состав парткома, при его создании, отказался. Вместо опоры на партийную организацию, как этого требует инструкция партийным организациям, проявляет администрирование. Ни одного заседания бюро парткома не посетил. На пленумах парткома не бывает. Лишь после настойчивых просьб посетил одно заседание пленума парткома, посвященное обсуждению задач на 1960 г., но и на этом пленуме не выступил и даже ушел с него, не дождавшись конца работы.

За 6 месяцев существования партийного комитета не дал ему ни одного направляющего указания или совета. Комитет строит всю свою работу по собственной инициативе и указаниям Главного политического управления.

Планами работы парткома т. Серов не интересуется. Он ни разу не пожелал выслушать партийной информации о положении в подчиненных ему управлениях, частях, институтах и учебных заведениях, а попытки парткома сделать это по собственной инициативе наталкиваются на его безучастное отношение к этим вопросам. В качестве основного источника информации он предпочитает представителей особых органов.

На ряд важнейших служебных совещаний секретаря парткома не приглашает, на замечания присутствующих пригласить секретаря парткома, отвечает, что ему нечего тут делать.

Как правило, противиться проведению таких демократических форм партийной работы, как партийные активы и пленумы партийного комитета, стараясь, все свести к служебным совещаниям и другим административным мероприятиям, на которых настоящая партийная критика отсутствует.

Своих заместителей упрекает в том, что они идут на поводу у парткома.

На предложение одного из заместителей поздравить от имени командования и парткома подчиненные ГРУ части с некоторыми государственными праздниками, отвечает: «А причем тут партком?».

При выборе делегатов на районную партийную конференцию заявлял, что это неправильно и что нам там делать нечего. На замечание, что он также избран делегатом, заявил, что он другое дело, маршалы и генералы армии могут выбираться.

При попытках парткома ознакомить его с принятыми без его участия на бюро или пленуме парткома решениями вычеркивает негодные ему формулировки, нарушая тем самым нормы партийной демократии.

Несмотря на указанные инструкции организациям КПСС в армии и флоте о том, что «партийные организации обязаны со знанием дела активно вникать во все стороны боевой подготовки» всячески препятствует этому, рассматривая это как ограничение его прав.

С партийным комитетом не считается и его мнение игнорирует.

От коллектива оторван, людей знает плохо. Подчиненные управления и части почти не посещает. Необходимым авторитетом среди личного состава не пользуется.

При решении важнейших вопросов работу ГРУ со своими заместителями советуется редко.

При обращении с подчиненными бывает груб и нетактичен. Например, одному из начальников управлений, подготовившему для него объективный и самокритичный доклад о состоянии работы в управлении и имеющихся недостатках, на служебном совещании бросает упрек, что он списывается в собственной беспомощности. Другому управлению, не разобравшись в деле, бросает упрек в подтасовке фактов, что не соответствует действительности и т.п. Все это людей обижает и создает повод для необъективных докладов в будущем.

К важнейшим вопросам работы т. Серов подходит поверхностно.

Все это не содействует повышению делового и политического авторитета т. Серова как начальника ГРУ и члена ЦК КПСС, среди зрелого партийного коллектива, а также создает большие трудности в работе партийной организации и партийного комитета, что не может не сказаться на успешном выполнении стоящих перед коллективом ответственных задач.

Секретарь партийного комитета Главного разведывательного управления Генерального штаба
Генерал-майор Большаков И.А.

Член КПСС с 1921 г.
Партбилет № 00186920

*Резолюция: Т.т. Суслову, Игнатову, Брежневу
Надо побеседовать с т. Серовым с участием т. Большакова.
Н. Хрущев.
23.1.1960 г.*

*Пометы: Беседу провели с участием т.т. Малиновского и Голикова. М.Суслов 30.03.[60]
Хранить в архиве. В.Горбунов. 14.04.60 г.*

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 318. Л. 17—19. Заверенная копия¹.

¹ На листах 20—22 того же дела имеется экземпляр письма, направленный Л.И. Брежневу. На первом листе этого документа помета: «Указание тов. Брежнева «В архив». 6.05.60. (Подпись неразборчива).

№ 46**ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА И.А. СЕРОВА
СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС М.А. СУСЛОВУ ПО ПОВОДУ
ОБВИНЕНИЙ, ИЗЛОЖЕННЫХ В ЗАЯВЛЕНИИ
И.А. БОЛЬШАКОВА**

10 марта 1960 г.

Секретно

Секретарю ЦК КПСС
товарищу Суслову М.А.¹.

В связи с объявленным мне заявлением секретаря парткома ГРУ тов. Большакова, считаю необходимым доложить следующее:

Содержание заявления тов. Большакова для меня явилось неожиданным, так как противоречит фактам.

Тов. Большаков написал заявление после четырех месяцев совместной работы, не зная, какая работа у нас проводилась за прошлое время, так как он состоял на учете в другой парторганизации. Кроме того, если у тов. Большакова за время работы возникали какие-либо вопросы, то, мне представляется, что он как секретарь парткома обязан обменяться со мной мнениями и лишь после того как попытки устранить недоразумение исчерпаны, тогда доложить в ЦК. Однако тов. Большаков поступил иначе, поэтому я докладываю факты, опровергающие заявление тов. Большакова о том, что я не принимаю участия в партийной работе, не бываю на заседаниях Пленума, не выступаю с докладами и т.д. и т.д.

1. За прошедший год работы в ГРУ Генштаба я выступал 15 раз на партийных собраниях в управлениях, в частях, научно-исследовательских институтах, в Военно-дипломатической академии, подчиненных ГРУ. Из них сделано 8 докладов на партийных собраниях и активах: об итогах XXI съезда КПСС, об итогах июльского Пленума ЦК КПСС, об итогах поездки Н.С. Хрущева в Америку, об итогах декабрьского Пленума ЦК КПСС, о Законе, принятом на Сессии Верховного Совета СССР. 4 раза выступал на партактивах и собраниях по вопросам: преобразования политотделов Министерства обороны в парторганизации, о партийной пропаганде и по текущим вопросам в парторганизации, где состою на учете. Мною прочитаны две лекции для офицеров и генералов Генштаба и Академии Генштаба по специальным вопросам. Я не перечисляю не менее десяти служебных совещаний, которые провел по работе.

И после всего этого заявить, что «я оторвался от коллектива, никакого участия в работе не принимал, подчиненные части не посещал» — это безответственно со стороны тов. Большакова. Еще более странным является заявление тов. Большакова о том, что я не

¹ На первом листе документа слева на полях имеются автографы секретарей ЦК КПСС М.А. Сулова, Н.Г. Игнатова и Л.И. Брежнева.

интересуюсь планами работы парткома и на заседаниях Пленума не бываю.

Я утверждаю, что ни одного месячного плана работы парткома без рассмотрения со мной тов. Большаковым не проводилось и в тех случаях, где мы с тов. Большаковым считали необходимым выступить или что провести вне очереди — все это делалось. Тов. Большаков почти ежедневно приходит ко мне по ряду вопросов и ни разу не было, чтобы мы не решили их. Я неоднократно говорил тов. Большакову, на что нам надо обратить внимание. Более того, он трижды мне говорил, что работа в ГРУ пошла лучше. В первом случае тов. Большаков мне принес письмо офицера, который переслал его через партком. В письме указывалось, что «За сравнительно короткий срок своего пребывания мы осуществили ряд принципиально важных организационных мероприятий, способствующих наилучшему выполнению стоящих перед нашей частью задач в интересах Советского государства». Тов. Большаков при этом сказал: «Все он тут верно пишет, а вот по Управлению кадров действительно мы не доработали». Я согласился.

Во втором случае 22 января с.г. ко мне зашел тов. Большаков и я ему рассказал о моем разговоре с Министром. Тов. Большаков, выслушав меня, заявил дословно: «Я не могу сказать, что Вы не участвуете в партийной работе или не занимаетесь офицерами. Был единственный случай, когда меня в Главпуре спросили о Дмитриевой, а я не знал существа вопроса. Я ничего не могу сказать о Вас плохого». (Дмитриева накануне вернулась из Лондона, не была еще опрошена, поэтому тов. Большаков о ней не знал).

Как теперь оказывается, второе высказывание тов. Большакова было уже после написанного им в ЦК заявления от 7 января с.г.¹

Наконец, 6 февраля с.г. тов. Большаков присутствовал у меня, когда я зачитал итоговую записку в ЦК о работе ГРУ в присутствии заместителей начальника ГРУ тов. Мамсурова и тов. Рогова, в которой были изложены итоги работы. Тов. Большаков на это сказал, что записка правильная и считал необходимым еще расширить ее.

Выходит, что он во всех трех случаях двурушничал. Думал и писал одно, а говорил другое. Так не должен поступать секретарь парторганизации. Где же партийная принципиальность тов. Большакова?

В заявлении изложены и служебные вопросы ГРУ: «нежелание заслушать партинформацию о положении дел в подчиненных частях и администрирование». И тут неправда². Наоборот, я, бывая в подчиненных частях, показываю тов. Большакову, что надо сделать по партийной линии, чтобы устранить недостатки. Так было по НИИ-17, по ЦНИИ-18, по ВДА и др.

В частности, у меня всегда вызывало беспокойство положение дел в парторганизации ЦНИИ-18, поэтому я указывал тов. Больша-

¹ Речь идет о заявлении Большакова от 8 января, см. предыдущий документ.

² Подчеркнуто автором документа.

кову обратить серьезное внимание. Он меня заверил, что все будет сделано, а оказалось, что тов. Большаков не знал положения дел в этой парторганизации. Когда возник вопрос о реорганизации Политотдела ЦНИИ-18 в парторганизацию, тов. Большаков «подобрал» на должность секретаря парткома тов. Кулакова и согласовал его с Главпуrom, а при голосовании из 320 коммунистов 164 проголосовали против тов. Кулакова. Это характеризует знание обстановки тов. Большаковым.

Что касается администрирования, то я должен доложить, что при разборе случаев недостойного поведения военных разведчиков за границей и других проступков, которые, к сожалению, имеют место, я с возмущением отношусь к таким людям, резко реагирую на такие факты и принимаю необходимые меры к тому, чтобы не повторялись такие случаи.

Нужно также сказать, что в ГРУ сложилась, на мой взгляд, неправильная практика, когда некоторые офицеры и генералы заискивают перед подчиненными, желая приобрести дешевый авторитет за счет необходимой требовательности по работе. Я считаю это нашим недостатком и серьезно указываю таким начальникам управлений на их неправильное поведение. Я это не считаю администрированием. Подлаживаться к недобросовестно выполняющим свои служебные обязанности работникам вредно для дела.

В Инструкции организациям КПСС в Советской Армии, утвержденной ЦК КПСС, указывается, что партийные организации обязаны вникать в работу, в воспитание личного состава, помогать командирам своевременно устранять недостатки, мешающие боеготовности частей. Партийные организации ГРУ активно помогают Командованию по этим вопросам, однако, мнение секретаря парткома тов. Большакова по изложенным им в заявлении вопросам, я полагаю, не отражает мнения коммунистов нашей партийной организации, в которой тов. Большаков работает фактически меньше полгода.

Кстати, должен доложить, что тов. Большаков и ранее допускал поспешные, непродуманные действия. Так, работая по подготовке нелегала-женщины, женился на ней, бросив семью. Будучи Военным атташе в США, не сумел организовать работу, создал склоку с сотрудниками, допускал пьянство и недостойное поведение, в связи с чем был через год отозван, из разведки отчислен и направлен в гражданский ВУЗ.

В заключении я должен объективно доложить, что у нас в ГРУ имеются еще недостатки, над устранением которых мы коллективно работаем, но вместе с этим за последнее время с помощью ЦК КПСС решены серьезные вопросы, которые не решались ряд лет. Офицеры и генералы стали более ответственно подходить к выполнению поставленных ЦК КПСС задач, повысилась конспирация. В результате проделанной работы добыты документы и материалы,

представляющие большую ценность для обороны страны, о чем доложено в ЦК КПСС.

Коротко о себе. У меня, как и у всякого человека имеются недостатки в характере, во взаимоотношениях и т.д. Эти недостатки чаще всего проявляются в то время, когда по работе не так получается, как хотелось бы, поэтому и проявляется невыдержанность и резкость.

Я стараюсь устранить эти недостатки, но на нашей ответственной и острой работе не всегда удается.

Полагаю, что возникшие недоразумения не повлияют на нашу работу, а коллектив коммунистов нашей парторганизации в состоянии правильно решать вопросы.

И. Серов

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 318. Л. 21—26. Подлинник.

№ 47

ПИСЬМО И.А. СЕРОВА ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС Н.С. ХРУЩЕВУ С ПРОСЬБОЙ СНЯТЬ НАЛОЖЕННЫЕ НА НЕГО ВЗЫСКАНИЯ

9 февраля 1964 г.

Секретно

Первому Секретарю ЦК КПСС тов. Хрущеву Н.С.

Никита Сергеевич! Несмотря на Вашу загруженность большими международными и государственными делами, направленными на улучшение жизни народов, я все же вынужден побеспокоить Вас ввиду непрекращающихся издевательств и оскорблений в отношении меня со стороны т. Миронова и т. Малиновского.

У меня сложилось убеждение, что я служу в Советской Армии для того, чтобы доставить удовольствие этим руководящим товарищам для личных оскорблений и компрометации меня среди сослуживцев, имея конечную цель затравить меня, спровоцировать на глупость, а затем растоптать меня.

Я заявляю, Никита Сергеевич, что для Серова партия превыше всего в жизни, и я с любым горем пойду в ЦК нашей партии, к Вам, но не поддамся ни на какую провокацию и не осрамлю ни партию, ни себя.

Когда меня направляли в Генштаб на работу, я Вам доложил, что меня т. Малиновский недоброжелательно встретит, так как он уже готовил своего любимца ген. Рогова на эту должность. Так оно и оказалось, но раз ЦК решил, то я 4 года старался изо всех сил, чтобы сделать полезное дело.

Что касается т. Миронова, то я знал давно его неприязненное ко мне отношение в течение ряда лет, чего он не скрывал от окружающих, но я не ожидал, что он из мести мне позволит настраивать против меня подведомственных ему лиц. Чтобы не быть голословным, я приведу факты, которые при надобности не трудно проверить.

Год назад меня выписали из больницы раньше положенного срока и вызвали в ЦК, где объявили о наложенных тяжелых взысканиях. Когда я вышел из ЦК, убитый горем и больно, меня «догнала» автомашина, а сидевший офицер предложил довести до дома. Мне было трудно идти и я сел. Видя, что я молчу, офицер сказал, что это машина маршала Жукова. Я попросил остановиться и дошел домой пешком. Кому понадобилась эта провокация? Возможно, эти люди рассчитывали, что в тяжелый для меня момент жизни они сумеют меня спровоцировать. Глупы и напрасны эти потуги. На следующее утро мне позвонили из кремлевской поликлиники и сообщили, что я откреплен от лечения, несмотря на то, что больничные врачи записали продолжить лечение в поликлинике.

Зачем нужно было т. Миронову измываться над больным человеком в такой тяжелый момент, тем более т. Миронов знает, что там лечатся тысячи пенсионеров, писателей, артистов и других лиц. Но месть ко мне т. Миронова затуманила его здравый рассудок и вместо простого человеческого отношения к больному отдает распоряжение срочно открепить. Кстати сказать, попытка открепить проявлялась и ранее, и для того, чтобы прикрыть это, он вместе со мной открепил генералов Горбатова, Лучинского и др. Только вмешательство министра здравоохранения т. Курашова отвело руку мстителя.

Я хочу также доложить, Никита Сергеевич, о разных слухах, распускаемых обо мне, и я не исключаю, что это делается с ведома т. Миронова, потому что в бытность его работы в КГБ мне дважды приходилось требовать от него объяснений, почему он вместо работы занимается интригами и сплетнями. Это может подтвердить быв[ший] нач. Главного управления генерал-лейтенант Леонов, старый коммунист, б[ывший] член Военного совета фронта, который несколько раз просил меня призвать к порядку т. Миронова (он был заместителем т. Леонова).

Тов. Леонов говорил, что «Миронов не работает, а занимается склоками и интригами и создает нерабочую обстановку в Главном управлении». В последний раз т. Леонов уже просил освободить от должности нач. Главного управления, так как не может больше работать с Мироновым, и добавил: «К тому же он родственник или друг дома т. Брежнева Л.И., поэтому Миронов останется, а мне надо уходить».

После этого, посоветовавшись, в ЦК КПСС было принято решение перевести т. Миронова в Ленинградскую область. Но и там т. Миронов, видимо, продолжал свою «деятельность» в том же стиле, так как мне через 4 месяца позвонил т. Козлов Ф.Р. и с руганью начал

меня упрекать за то, что послали плохого руководителя КГБ, интригана и склочника и просил заменить его. На мое возражение т. Козлов сказал, что обком партии его за это не будет выдвигать кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

О том, как работал т. Миронов в Ленинграде, можно привести один пример: пограничники дважды задерживали на границе одного гражданина с картой погранзоны за пазухой. Тов. Миронов дважды проводил «профилактическую» работу с этим изменником, а на третий раз он все же ушел за кордон. Я за такое несерьезное отношение к делу объявил т. Миронову выговор в приказе. Видимо, отсюда вся месть ко мне т. Миронова.

Никита Сергеевич! Я еще раз извиняюсь за беспокойство, но, поверьте, у меня уже больше нет сил и здоровья переносить непрекращающиеся издевательства, поэтому я решил доложить Вам.

В прошлом году я по решению командующего приехал к семье в двухнедельный отпуск, не отбытый в 1962 году. На следующий день посыпались телеграммы: немедленно вернуться на службу, ссылаясь на указание т. Малиновского. Я, к сожалению, в дороге заболел, и была температура 38 градусов. Я тогда обратился к т. Малиновскому, который ответил: «Надо вернуться или ложись в госпиталь». И действительно меня положили в госпиталь, где я находился на излечении 3 месяца.

Когда выписали из госпиталя, то врачебная комиссия дала освобождение на 10 дней, чтобы я научился самостоятельно ходить. Однако на следующий день прибыл на квартиру офицер из Управления кадров с предписанием через сутки быть на месте, не поинтересовавшись о заключении врачебной комиссии. Когда меня больного привезли на вокзал и под руки довели до вагона, то я поехал в сопровождении наружки, которая через две остановки, убедившись, что я не выскочил из вагона, вышла из вагона.

По приезде в Ташкент меня через две недели отвезли в госпиталь, где после исследования военно-врачебная комиссия округа вынесла заключение немедленно выехать в Центральную часть СССР.

Прибыв в законный отпуск, меня и здесь не оставили, стали терзать звонками и вызовами в Главное управление кадров с тем, чтобы поскорее выполнить указание министра и вытолкнуть куда-либо.

Вот сейчас я работаю в Куйбышеве около 5 месяцев. На днях, воспользовавшись тем, что получилось два дня выходных, я с разрешения командующего, приехал к семье на пару дней, и сразу же поднялась тревога. Позвонили ко мне, спрашивают, когда выезжаю обратно, затем снова звонок «какого-то офицера», который хочет со мной в Куйбышев прислать пакет (но никто не приходил). Явившись обратно в срок, командующий говорит, что ему попало — почему он отпустил и т.д. Ведь другие генералы и офицеры также ездят к родным, однако, никаких терзаний в отношении их не проводится.

Сколько надо иметь выдержки и терпения, чтобы не поддаваться провокации, и какое надо иметь сердце, чтобы все это выдержать. Можно перечислить еще много фактов, но я не хочу.

Никита Сергеевич!

Вот уже пошел второй год, как ЦК КПСС за допущенную ошибку наложил на меня серьезные взыскания. За это тяжелое для меня время я морально и физически много пережил и мне это будет уроком до конца жизни. За 41 год службы, из них 39 лет в Советской Армии, я впервые получил ряд взысканий: понижение в звании, лишение звания Героя Советского Союза и снижение в должности. Всю свою жизнь я без колебаний отдавал делу партии. Когда фашисты напали на Советский Союз, я не уклонился от выполнения священного долга перед Родиной, а вместе со всем народом участвовал в защите Родины, находясь на фронтах или выполняя задания ГОКО, не считаясь с лишениями и не щадя своей жизни. Неужели я за 41 год служения партии так мало сделал для Родины, что один промах в работе перетянул на чаше весов мои труды и здоровье, отданные на благо народа.

Я счел возможным обратиться в ЦК КПСС и к Вам с просьбой морально поддержать меня и снять наложенные взыскания.

В свою очередь я заверяю ЦК КПСС и Вас, что буду по-прежнему, до конца жизни, предан великим идеям нашей партии по строительству коммунизма и отдам свои силы этому благородному делу.

Никита Сергеевич! Я прошу верить мне, так как доверие партии и Ваше для меня дороже всего на свете.

И. Серов

Член КПСС с 1926 г.

Помета: тов. Брежнев Л.И. — читал. В архив. (Подпись неразборчива)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 454. Л. 39—43. Заверенная копия. Л. 44—47. Подлинник.

№ 48

ЗАЯВЛЕНИЕ И.А. СЕРОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС С ПРОСЬБОЙ СНЯТЬ НАЛОЖЕННЫЕ НА НЕГО ВЗЫСКАНИЯ

19 ноября 1964 г.

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

От члена КПСС Серова И.А.

Ввиду того, что мои неоднократные заявления в ЦК оставались без ответа, я вынужден еще раз обратиться с просьбой рассмотреть вопрос о снятии обвинения, так как мне очень тяжело переживать на старости лет допущенную ко мне несправедливость.

Теперь, когда Президиум ЦК пресек единоличную власть Хрущева и четко определил правила своей деятельности по руководству партией и страной, заявив, что ленинской партии чужды скороспелые выводы и поспешные решения и действия, я надеюсь на справедливое решение обо мне.

Заранее извиняюсь, что не мог короче изложить наболевшие у меня вопросы и переживания, при этом допускаю, что перечисление основных периодов моей 42-летней службы партии и Родине покажется излишним, но я не мог иначе поступить, так как на меня возведены горы клеветы, которая, к сожалению, была принята на веру, поэтому я вынужден внести ясность и сказать правду.

Четыре года назад бывший мой заместитель тов. Рогов после допуска КГБ, несмотря на мое возражение, воспользовавшись моим отсутствием, издал приказ о переводе из ракетных войск бывшего полковника Пеньковского, который, проработав полтора года, встал на путь предательства.

Я сразу же представил в ЦК письменное объяснение, а затем был вызван бывшим Секретарем ЦК т. Козловым, которому подробно доложил обстоятельства дела и просил проверить, если есть в чем сомнение. Тов. Козлов, выслушав, ответил, что все сказанное мной соответствует имеющимся в ЦК данным и добавил, что ЦК не сомневается в моей честности, однако считает, что я допустил ошибку, излишне доверяя заместителям и начальнику Управления кадров, за что я буду освобожден от должности. Я признал эту ошибку, хотя и счел такое наказание строгим.

Через несколько дней мне объявили приказ министра обороны об освобождении и назначении меня с понижением. Вместе с этим было приказано в 24 часа убыть к новому месту службы в Ташкент, не разрешив даже сдать дела и ознакомить заместителя с наиболее серьезными оперативными вопросами, которые знал только я. Затем срочно без меня собрали пленум парткома и вопреки Уставу партии вывели из состава пленума, даже не сообщив мне об этом.

Конечно, мне было очень тяжело переживать такое горе и особенно унижение человеческого достоинства, которое тотчас последовало не только в отношении меня, но и семьи.

Через два месяца меня вторично вызвали в ЦК и за то же самое дополнительно объявили два жестоких взыскания — о лишении звания Героя Советского Союза и о снижении воинского звания на три ступени.

На мой вопрос, почему за тот же проступок накладываются еще два взыскания, был один ответ: «Так решено». Убитый горем, я недоумевал о причинах такого решения, так как перед объявлением этих взысканий со мной никто не говорил, и не было предъявлено какой-либо дополнительной моей вины.

Затем, уже находясь в госпитале, я узнал, что проходимец Аджубей, пользуясь близостью к Хрущеву, использовал этот случай, что-

бы отомстить мне за высказанную о нем правду Хрущеву. Вот поэтому я и хочу доложить Президиуму ЦК все свои переживания, очиститься от всякой клеветы и восстановить правду.

Я, как и все, начал свою трудовую жизнь комсомольцем. В 1923 году по рекомендации Укома РКП(б) выбрали председателем волисполкома, откуда после двухлетней работы Вологодский губком РКП(б) в 1925 году командировал на учебу в военную школу. С тех пор вот уже 40 лет служу в армии, из них 14 лет был на командных должностях в артиллерии.

В 1939 году по окончании Военной академии им. Фрунзе нас, 200 командиров, постановлением Политбюро ЦК направили на руководящую работу в Особые отделы военных округов, при этом разъяснили, что ЦК очищает органы МВД от лиц, нарушивших законность, и вместо них направляет нас, военных коммунистов.

Некоторые лица умышленно пытаются изобразить, будто я много лет работал в органах, в том числе и в период массовых арестов 37-38 годов.

Осенью 1939 года, за две недели до воссоединения западных областей Украины, я решением Политбюро ЦК был назначен наркомом внутренних дел Украины. Это назначение и период работы были для меня тяжелыми, так как я не знал оперативной работы, и в то же время надо было обеспечить работу партийно-советских групп, выделенных ЦК Украины в области и районы для организации советских и партийных органов.

В те дни польские националисты, а затем оуновцы развернули активную враждебную борьбу против советских людей; а также местных активистов, убивая их, устраивая погромы и поджоги.

В 1940 году по поручению ЦК пришлось такую же работу проводить в Бессарабии против румынских буржуазных националистов.

В эти трудные годы становления Советской власти на территориях, впервые включенных в состав СССР, пришлось месяцами работать без отдыха и не раз рисковать головой. Но я знал, что выполняю поручение партии, поэтому отдавал все силы и умение для того, чтобы оправдать ее доверие. Я благодарен партийной организации Украины за доверие, которое мне было тогда оказано, — избранием членом Политбюро ЦК КП(б)У и депутатом Верховного Совета СССР.

Весной 1941 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) я был назначен заместителем наркома внутренних дел СССР. По приезде в Москву, меня сразу же командировали в Литву, Латвию и Эстонию для разоружения буржуазных войск этих стран. При разоружении офицеров Литовского корпуса, которые оказали сопротивление, только счастливая случайность спасла меня от пули стрелявшего в меня офицера.

Когда фашисты напали на Родину, я сразу же подал рапорт о переводе меня в армию с отправкой на фронт. Однако в моей прось-

бе отказали и поручили организовать из пограничников «войска по охране тыла фронтов»¹ и «штабы истребительных батальонов» и руководить их действиями.

Постановлением ГОКО на эти войска и штабы была возложена задача по борьбе с диверсантами и шпионами, забрасываемыми немцами в тылы наших фронтов.

Действия этих войск получили высокую оценку командующих фронтов и неоднократно упоминались в приказах Верховного Командования.

В тяжелые дни войны под Москвой, когда враг окружил столицу, постановлением Государственного Комитета Обороны меня отозвали с 1-го Украинского Фронта и назначили начальником Охраны Московской зоны обороны с задачей: задерживать отступающие с фронта разрозненные подразделения бойцов и формировать из них воинские части для обороны основных рубежей на подступах к Москве.

Нужно сказать, что офицеры и генералы нашего штаба провели большую работу по организации обороны Москвы вместе с частями гарнизона Москвы и тем самым способствовали общему успеху в борьбе с гитлеровскими захватчиками.

В эти тяжелые четыре месяца я безвыездно находился в передовых частях и не раз вместе с бойцами отражал атаки наступавших фашистов.

После того как немцев отогнали от Москвы, в апреле 1942 года я был направлен в Крым, где немцы прорвали фронт и повели наступление. Наше руководство фронта — Мехлис и Козлов не сумели организовать хорошую оборону, и началось неорганизованное отступление из Крыма.

Для руководства пограничными войсками Крыма, которых было в общей сложности до 6 тысяч человек (в 4-х погранотрядах), я и был направлен.

Только очевидец может объективно осветить трагедию, разыгравшуюся там, когда деморализованные войска, в панике, бросив оружие, тысячами устремились на берег Керченского пролива в надежде переправиться на Большую землю, а немецкие бомбардировщики на бреющем полете безнаказанно бомбили и расстреливали наших бойцов.

Когда был сдан г. Керчь, а направляемые войска продолжали отступление, мы с генералом Зиминим и полковником Серебряковым из четырех погранотрядов организовали оборону на высотах в районе Калийных катакомб, и в течение двух дней, несмотря на ураганный огонь артиллерии и атаки танков, наши пограничники не отступили со своих рубежей, не подпустили немцев к переправам, и тем самым спасли десятки тысяч бойцов от пленения.

Затем ночью мы отвели пограничников, которые благополучно переправились на косу Чушка.

¹ См. документ № 7.

Сами же мы оказались в тылу у наступавших немцев, так как катер не нашел пещеру, где мы укрылись.

Лишь ночью нам удалось на лодке переправиться через Керченский пролив. При подсчете переправившихся пограничников оказались в живых лишь 420 человек. Остальные погибли, защищая Родину. Среди переправившихся бойцов фронта тысячи были ранены при отсутствии медперсонала. Мы все оказывали им помощь. Достаточно сказать, что на косе Чушка после бомбежки мы с медсестрой ампутировали у бойца перочинным ножом ногу, перебитую осколком снаряда.

Осенью 1942 года, когда фашисты ринулись через Кавказские перевалы и вдоль Черноморского побережья с целью выйти к Бакинской и Грозненской нефти, меня послали ответственным за оборону Клухарского и Марухского перевалов.

Когда я прибыл в Сухуми, то уже немецкая горно-альпийская дивизия СС прорвалась через перевалы и двигалась к Сухуми.

Добравшись на лошадях по горным тропам до наших частей, мы организовали оборону, укрепив опорные пункты наиболее вероятных направлений наступления противника и заминировали все проходы в горах.

Несмотря на кровопролитные бои с немцами, превосходящими по численности и хорошо подготовленными, мы сумели их остановить. Затем после двухмесячной подготовки сами перешли в наступление и выгнали их за перевалы, несмотря на трудности ведения боя в горах на высоте до 3000 метров, где не хватало воздуха, и питались сухарями, сбрасываемыми нам с самолетов.

В последнем бою за овладение Клухарским перевалом мы с генералом Добрыниным, командиром полка Коробовым, адъютантом Тужловым попали под обстрел немецких минометов, где взрывом мины меня тяжело контузило, после чего систематически повторяются припадки с потерей сознания.

По окончании этой операции меня в ноябре 1942 года перебросили под Владикавказ, где создалась тяжелая обстановка, так как наступавшие немцы были в 4 километрах от Владикавказа и от Военно-Грузинской дороги, откуда открывался путь к Тбилиси и к Грозному.

Представитель Генерального штаба генерал-лейтенант Бобин¹, член Военного Совета фронта Саджая погибли при бомбежке аула Гизель.

Командование Закавказского фронта и Сев[еро]-Кавк[азской] группы войск, видя тяжелое положение на всех участках фронта, поставило нас с генералом Киселевым, который командовал дивизией, в известность, что они запросили разрешение Ставки занять новый оборонительный рубеж, отойдя с войсками на линию ст[аница] Слепцовская, Первомайское, то есть сдать немцам Владикавказ и Военно-Грузинскую дорогу.

¹ Так в тексте документа. Речь идет о П.И. Бодине.

Мы не согласились с этим решением, заявив, что можно обороняться и необходимо усилить войска.

Ставка не разрешила отступить. Нами были приняты меры по усилению оборонительных рубежей.

Две недели длились жестокие бои. Владикавказ методически обстреливался артиллерией, а пехота десятки раз атаковала наши позиции и особенно ожесточенно в дни 6 и 7 ноября. Мы с генералом Киселевым переползали из окопа в окоп, вселяя уверенность у бойцов и командиров в нашей победе, и воины мужественно дрались, но не сдали Владикавказа.

В то же время нашей оперативной группой была ликвидирована группа немецких диверсантов вместе с полковником, которые были заброшены с самолета в горы Урус-Мартановского района с задачей захватить Грозный с тыла, когда немецкие войска займут Владикавказ.

За боевые действия на Кавказе нас Указом Президиума Верховного Совета наградили. Я в числе других получил орден Ленина, а от Северо-Осетинского обкома — Почетную грамоту и серебряное оружие.

В 1943 году при наступлении Южного фронта на Ростов командующий донес в Ставку, что передвижению боеприпасов и продовольствия фронту препятствуют бандитствующие кавалерийские эскадроны калмыков, оставленные немцами в тылу из быв. Кав. дивизии, перешедшей в первых боях на сторону немцев. Предатели отбивали наши обозы, убивая сопровождавших солдат и командиров.

По указанию Ставки меня направили на место с задачей разоружить предателей, а при сопротивлении уничтожить. Для выполнения этой задачи был выделен мотострелковый полк и эскадрилья истребителей.

Более месяца нам пришлось гоняться за быстро передвигающимися по степи предателями, которые, укрывшись в глубоких балках, подстерегали нас и обстреливали из пулеметов трассирующими пулями. Благодаря летчикам, которые быстро находили бандитов и обстреливали их реактивными снарядами, нам удалось обезвредить этих предателей и обеспечить бесперебойную доставку боеприпасов и продовольствия на фронт.

Весной 1944 года в тылу 1-го Прибалтийского фронта, в лесах около Вильно появилась польская подпольная бригада, о чем донес командующий фронтом генерал Черняховский, и просил помочь ее разоружить. Нас с группой офицеров направили для совместных действий с командующим по разоружению бандитствующей бригады. На месте мы выяснили, что эта бригада, руководимая из Лондона Миколайчиком, предназначена «для обеспечения действий Польского правительства, находящегося в подполье». Большого труда нам стоило выявить местонахождение штаба бригады и свя-

заться с командиром бригады с тем, чтобы, если возможно, то мирно решить вопрос разоружения. Однако наши усилия ни к чему не привели, ввиду упорного нежелания командования подчиниться указаниям командующего фронтом.

Когда, окружив офицеров этой бригады, мы стали их разоружать, командир бригады генерал «Вилк» (псевдоним) выхватил на меня револьвер и не успел застрелить лишь благодаря генералу Петрову, выбившему у него из рук оружие. Я никогда не вспоминал этих неприятных случаев, но сейчас горечь незаслуженной обиды и оскорблений заставили меня это сделать.

В 1944 г. постановлением ГОКО я был назначен уполномоченным 1-го Белорусского фронта и одновременно по Польше, где нашей группе пришлось работать в сложных условиях, чтобы обеспечить деятельность Польского Комитета Национального Освобождения, работе которого активно противодействовали буржуазные националисты, руководимые из Лондона.

В лесах близ Варшавы скрывалось «Временное правительство Польши» из 13 министров во главе с генералом Окулицким — вице-премьером и военным министром. Эти контрреволюционные деятели бесшумно сопротивлялись организации народной власти в Польше, расстреливали и вешали активистов из рабочих и крестьян, имея свои карательные органы трибуналы, суды, контрразведку. Одновременно они убивали также и бойцов Советской Армии. Захватывая штабы этих повстанцев, наши оперативные группы изымали у них десятки килограммов золотых американских долларов, которые им сбрасывали ночью с самолетов.

После занятия нашими войсками Варшавы нам удалось выявить и задержать это «Правительство Польши», которое было предано суду военного трибунала. При дальнейшем наступлении фронта мы продвигались вместе с передовыми частями, выявляя руководящих нацистов и карателей, и не раз приходилось вступать с ними в перестрелку, когда они оказывали вооруженное сопротивление.

В последний этап наступления фронта, когда уже показался Берлин, у всех нас было единственное желание быстрее ворваться в город и заставить капитулировать фашистских захватчиков.

26 апреля 1945 года наступавший танковый батальон 2 танковой армии, с которым я продвигался, был у Берлина остановлен огнем фауст-снарядов. Было сразу подбито 12 танков. Видя, что активное наступление на нашем участке может сорваться, я, как бывший артиллерист, свел 4 танка в арт[иллерийскую] батарею, и наводчики прямой наводкой открыли огонь из пушек по засевшим в предметных домиках фашистам с фауст-снарядами. Они, в свою очередь, открыли по нам ураганный пулеметный огонь.

К исходу дня, выбив фашистов из их укрытий, батальон возобновил наступление, и вместе с пехотой армии генерала Берзарина мы ворвались в Лихтенбергский района г. Берлина. Через час мы

на улице Берлина встретились с генералом Берзариним и радовались такому успеху.

К моему счастью, у нас в округе есть танкисты генералы и офицеры, участвовавшие на этом же участке фронта в штурме Берлина, кроме моего адъютанта подполковника Тужлова.

Через несколько дней я по радио узнал, что группе генералов нашего фронта, отличившихся при штурме Берлина, в том числе и мне, присвоено звание Героя Советского Союза. Я был безгранично благодарен партии за такую оценку моих усилий в защите Родины и был рад, что оправдал ее доверие. Так почему же через 20 лет отбирать этот знак победы над врагом, в борьбе с которым я непосредственно участвовал и не посрамил свою любимую Родину.

Мне очень больно переживать это тяжелое испытание, но я не потерял веру в ЦК нашей партии и надеюсь на справедливость.

Я доложил только некоторые эпизоды своей работы в годы Отечественной войны. По всем этим вопросам и многим другим мной более подробно посылались донесения в соответствующие ведомства.

Я не буду задерживать Ваше внимание на работе, которую мне приходилось выполнять с первых дней капитуляции Германии, когда я был постановлением ГОКО назначен зам. главноначальствующего Советской Военной администрации. За два года была проведена большая работа по организации немецких органов власти и оказана помощь тов. Ульбрихту в партийной работе.

Основное внимание с первых же дней нами уделялось розыску немецких специалистов по конструированию и стрельбе ракетами Фау-1 и Фау-2, а также реактивных самолетов-снарядов.

Иногда приходилось ночами не спать для того, чтобы не упустить на Запад специалистов-ракетчиков и ученых по атомной энергии, которые к концу войны уже имели аппаратуру по синтезу урана и тяжелой воды.

В результате через два месяца разысканы крупные специалисты по атомной энергии, а также зам. главного конструктора Фау-2 Гретруп и его группа инженеров. Затем были найдены уцелевшие узлы и агрегаты к Фау-2, спрятанные фашистами в подземелье.

В течение 3 месяцев была организована сборка и опробование на стенде с запуском двигателей 17 ракет Фау-2 и других реактивных снарядов, которые отправлены в СССР. Все это хорошо знают ныне главный конструктор ракет и другие руководители конструкторских бюро по ракетным приборам, которые сами участвовали.

Они в последующем не раз говорили, что собранные и вывезенные в СССР ракеты явились хорошей базой для разработки нашими конструкторскими бюро ныне летающих в космос наших прекрасных ракет.

В тот же период нами была успешно проведена работа по розыску специалистов, занимающихся реактивной техникой, и организова-

на в Дессау на быв. заводе «Юнкерс» сборка экспериментальных реактивных самолетов под руководством главного конструктора завода «Юнкерс» профессора Бааде.

Через несколько месяцев для Министерства авиапромышленности СССР были выполнены два реактивных бомбардировщика с 6 двигателями каждый, со скоростью 850 км. в час и два высотных истребителя со скоростью более 1000 км. в час. Причем следует отметить, что наша авиационная промышленность в 1946 году имела лишь два реактивных двигателя, закупленных в Англии, «Нино» и «Дервент». Нет надобности говорить о выявленных и отправленных в СССР специалистах и продукции для Министерства среднего машиностроения.

В 1946 году по нашему предложению было принято решение Совета Министров и ЦК о вывозе из Германии для работы в СССР выявленных немецких специалистов по ракетной, авиационной, радиолокационной и другим видам техники, которые в течение 10 лет работали на наших оборонных предприятиях и получили высокую оценку соответствующих министерств, а часть их них была награждена орденами, а некоторым было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1947 году меня постановлением Политбюро ЦК назначили первым заместителем министра внутренних дел СССР и одновременно членом Спец. комитета по реактивной технике при Совете Министров СССР. В течение ряда лет я помогал в организации производства отечественных ракет дальнего радиуса и был членом государственной комиссии по пуску ракет Фау-2.

Члены комиссии и председатель т. Устинов Д.Ф. помнят, какие нервные испытания нам пришлось выдержать при первых «полетах» ракет, которые с работающими двигателями поднимались с пускового стола и, кувыркаясь, падали рядом или летели на 300 километров, но не в ту сторону, куда мы хотели.

Я никогда не уклонялся от поручений ЦК и старался их добросовестно выполнить, возможно, и с ошибками, так как по ряду вопросов, которые мне поручались, я не имел ни знаний, ни опыта.

Например, в 1950 году после трехлетнего строительства Волго-Донского канала обнаружилось, что к сроку, объявленному в газетах, строительство не закончить, так как на протяжении 15 километров канал не прорыт, а из 15 шлюзов не было ни одного готового.

В марте¹ вышло решение ЦК и Совета Министров, обязывающее меня закончить строительство канала через три месяца.

Несмотря на то, что за строительство канала отвечал другой зам. министра, я вылетел на место.

Я не буду описывать волнения, которые мне пришлось испытать и отвечать за гидросооружения, не имея понятия о законах гидротехники, и особенно, когда за месяц до окончания строительства,

¹ Имеется ввиду март 1952 г.

мне в Калач позвонил Сталин и предупредил, что «если к 1 июня не будет закончен канал, то у вас голова с плеч полетит», и хлопнул телефонную трубку.

В 1953 году, когда Президиум ЦК поручил мне по-новому организовать работу органов госбезопасности, я добросовестно в течение 5 лет выполнял эту работу, отдавая все силы и умение для того, чтобы оправдать доверие ЦК, и Президиум не раз давал положительную оценку работе КГБ.

В 1956 году, когда нам с т. Коневым И.С. было поручено организовать сопротивление контрреволюционному мятежу в Венгрии, я в ту же ночь вылетел на место и неоднократно рискуя жизнью, вместе с военными выполнил указание Президиума.

В конце 1958 года, когда мне было предложено перейти на работу в Генштаб (кстати, я и до сих пор не знаю причин этого перемещения), я без возражений согласился, и назвал товарищей, которые могли бы там работать, в том числе и т. Шелепина.

Работая в Генштабе, я по-прежнему старался также усердно выполнять свои обязанности и нужно сказать, что усилиями коллектива генералов и офицеров проделана большая работа, о которой не могу я здесь писать, но в ЦК имеются документы по особо важным военным и государственным вопросам. С большими усилиями мы добыли ряд ценных технических образцов за границей. Коммунисты Главного управления не раз выступали на партийных конференциях и говорили, что «сейчас мы действительно по-настоящему занимаемся своей работой, а не перепечатываем из заграничных газет бульварные новости».

За 4 года работы я делал все, что было в моих силах, чтобы добиться положительных результатов в работе.

Отдельно хочу остановиться по вопросу¹ о моем наказании. Меня удивляет неодинаковое отношение к имевшим место неоднократным более серьезным провалам за последнее время в КГБ.

В 1961 году изменил Родине офицер КГБ, который вместе с женой ушел в Западную Германию, сразу же после награждения его орденом Красного Знамени «за выполнение особого задания»². Затем изменил Родине подполковник КГБ, работавший резидентом в Финляндии, который вместе с женой и ребенком ушел к американцам³.

В этом же году в Швейцарии ушел к американцам начальник отдела КГБ предатель Носенко⁴.

Кроме того, нередко остаются в капиталистических странах различные туристы и командированные.

¹ Так в тексте документа.

² Речь идет о Богдане Сташинском, который был награжден орденом Красного Знамени за убийство С. Бандеры в Мюнхене в 1959 г.

³ Речь идет о А.М. Голицыне, сотруднике резидентуры КГБ в Хельсинки.

⁴ В действительности Ю.И. Носенко в феврале 1964 г., находясь в Швейцарии, попросил политического убежища у правительства США.

Предатели, работавшие на больших должностях в КГБ, несомненно, выдали противнику государственные секреты, к которым имели доступ, структуру органов госбезопасности за границей и внутри СССР, очевидно, некоторую агентуру за кордоном и сотрудников КГБ, работающих за границей под прикрытием.

Насколько мне известно, за такие серьезные провалы руководство КГБ отделалось замечанием, а меры наказания других руководящих сотрудников не идут ни в какое сравнение с тем, как наказали меня.

Неприятное ко мне отношение Хрущева я почувствовал еще летом 1957 года, на одном из приемов в Крыму. Когда очередь то-сто дошла до меня и было высказано обычное пожелание, встал Хрущев и, обращаясь ко мне, сказал: «КГБ — это наши глаза и уши, но если они будут смотреть не в ту сторону (т.е. не на него), то мы их выколем, а ушиотрежем и сделаем так, как сказал Тарас Бульба, — я тебя породил, я тебя и убью».

Это «приветствие» в мой адрес, очевидно, не забыли некоторые члены Президиума, а сидевший рядом со мной член ЦК Михайлов тихо сказал: «Я тебе, Иван, не завидую». Через год Хрущев выполнил свое обещание. Я был переведен в Генштаб.

Однако и сейчас, несмотря на то, что меня обесчестили и так жестоко наказали, нашлись люди, которые говорят, что ко мне «проявлена милость».

Посмотрел бы я на этих людей, если бы хоть половина оказанных мне милостей обрушилась на их головы. Мне стало известно, что для большей моей компрометации, уже после наложенных на меня взысканий, КГБ издало «сочинение», которое дают читать избранным генералам и офицерам армии.

В этом сочинении все было использовано, чтобы очернить меня с тем, чтобы читатели поверили этому. На мою законную просьбу ознакомиться с сочинением, мне было трусливо сказано, что такого документа нет. В соответствии с нашими законами всякое обвинение должно проверяться с участием виновного. При этом не должны проявляться личные свойства лиц проверяющих, а также лиц, которые руководят проверкой. Какая же может быть объективность в этом сочинении, если со мной никто ни разу не поговорил.

Я считаю, что высокое положение людей, составивших сочинение, никогда не будет доказательством их правоты так же, как и подчиненное положение человека не является доказательством его виновности.

Дорогие товарищи!

Заканчивая мое к вам обращение, в котором я высказал наиболее у меня вопросы, я хочу высказать большую благодарность ЦК за доверие, которое мне оказывалось, когда меня в течение 20 лет вы-бирали в состав ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР.

Я еще хочу сказать, что никогда не думал, что после 42 лет службы партии и Родине одна допущенная ошибка на чаше весов перетянет весь труд моей жизни.

Не думал также, что мне придется доказывать, что я не уклонялся в годы Отечественной войны от выполнения священного долга защиты моей Родины, что я не случайный человек в партии и в армии, что я отдаю все силы и здоровье на благо строительства нашего коммунистического общества.

Я не ожидал, что на старости, вот уже в течение двух лет, испытываю оскорбления и унижения вместо товарищеского отношения, о чем я не раз обращался в ЦК.

Я думаю, что ни один из наказанных за проступки не испытывает таких тяжелых переживаний, как это выпало на мою долю, когда и члены моей семьи получают унижающие достоинство человека уроки. Разве это не противоречит моральному кодексу строителя коммунизма.

В.И. Ленин, говоря о партийных и советских законах, подчеркивал, что в практике рассмотрения личных дел коммунистов взыскание должно соответствовать составу проступка человека, тогда у него не будет горечи обиды и не будет допущено несправедливости, так как строгость и справедливость — неразрывные понятия.

Я надеюсь на справедливое рассмотрение Президиумом ЦК КПСС моей просьбы о снятии взысканий с тем, чтобы я мог плодотворно работать до конца жизни там, где скажет ЦК КПСС, чтобы мой труд приносил пользу Родине, а мне моральное удовлетворение.

И. Серов.

Помета на первом листе: «Хранить в архиве. В. Горбунов. 25.11.64 г.»

Резолюция на отдельном листе:

«Ознакомить секретарей ЦК КПСС» и подписи: Подгорный, Титов, Пономарев, Рудаков, Андропов, Ильичев, Суслов, Кириленко¹.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 454. Л. 48—62. Заверенная копия.

**№ 49. ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СМ СССР
Ю.В. АНДРОПОВА В ЦК КПСС О РАБОТЕ И.А. СЕРОВА
НАД СВОИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ**

12 февраля 1971 г.

№ 375-А

Совершенно секретно

ЦК КПСС

Комитетом госбезопасности получены данные о том, что бывший Председатель КГБ при СМ СССР Серов И.А. в течение последних 2-х лет занят написанием воспоминаний о своей политической и государственной деятельности.

¹ На 62-м листе дела.

Толчком к написанию воспоминаний послужил выход в феврале 1969 года книги маршала Жукова, прочтя которую Серов И.А. в своем окружении заявил, что сможет написать «о вещах более интересных и исторически точнее».

При работе над воспоминаниями Серов И.А. использует свои записные книжки довоенного периода, готовые материалы печатает его жена.

Серов И.А. считает свою задачу более сложной, чем у Жукова, так как в связи с занимаемым им в прошлом постом он знал много государственных секретов и испытывает сомнение «можно ли это сейчас доверить бумаге».

Свои воспоминания Серов И.А. еще никому не показывал, хотя его близкому окружению известно о их существовании.

Председатель Комитета госбезопасности
Андропов

ЦА ФСБ. Ф.5. Оп. 18. Д. 44. Л. 12. Заверенная копия¹.

¹ Копию заверил заместитель начальника 7 отдела 2 Главного управления КГБ при СМ СССР В.Е. Кеворков.

ВИЗИТЫ СЕРОВА К СТАЛИНУ В КРЕМЛЬ¹

8 августа 1939 г.

Время приема:

16.55—17.55

Вызваны:

Серов И.А. — нач. 2 отд. ГУГБ НКВД

Кобелев П.П. — пред. ЦК Осоавиахима — пред. Правительственной комиссии по проведению дня авиации в Москве.

Агальцов Ф.А. — член Военного Совета ВВС (вышел в 18.15).

Макаров В.Е. — секретарь МГК ВКП(б).

Пронин В.П. — пред. исполкома Моссовета.

Локтионов А.Д. — нач. ВВС (вышел в 18.15).

Масленников И.И. — зам. наркома внутренних дел.

Михайлов Н.А. — 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ.

Арженухин Ф.К. — нач. Военно-воздушной академии ВВС (вошел в 17.10).

Картушев М.Ф. — зам. нач. Гл. упр. воздушного флота (вошел в 17.20).

Присутствовали:

Ворошилов, Жданов, Молотов (вошел в 17.35).

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

Предстоящее празднование дня военно-воздушного флота и проведение воздушного парада в Тушине намеченного на 18 августа.

3 июля 1941 г.

Время приема:

23.40—00.50

Вызваны:

Серов И.А. — 1-й зам. наркома госбезопасности.

Петров Г.А. — нач. Штаба истребительных батальонов НКВД.

Булганин Н.А. — зам. пред. СНК СССР.

Рухле И.Н. — нач. штаба ВВС

Жигарев П.Ф. — командующий ВВС Красной Армии

Голованов А.Е. — командующий авиацией дальнего действия (был с 24.00 до 00.40).

¹ Исторический архив. 1995. № 5—6. С. 47; 1996. № 2. С. 55; № 3. С. 4, 55; № 4. С. 102, 119, 130; № 5—6. С. 10, 12, 17. «Обсуждаемые вопросы и принятые решения» — реконструкция автора.

Жуков Г.К. — нач. Генерального Штаба (был с 24.00 до 01.40).

Кузнецов Н.Г. — нарком ВМФ (был с 24.00 до 01.40).

Присутствовали:

Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия, Каганович, Вознесенский.

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

1. Борьба с немецкими десантами и организация истребительных батальонов НКВД.

2. Сообщение Серова о ходе следствия по делам арестованных военных.

9 января 1942 г.

Время приема:

20.12—21.00

Вызваны:

Серов И.А. — зам. наркома внутренних дел.

Пересыпкин И.Т. — нарком связи

Воробьев И.Я. — нач. отд. правительственной ВЧ-связи НКВД

Присутствовали:

Маленков, Берия.

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

Вопросы работы правительственной ВЧ-связи.

4 февраля 1943 г.

Время приема:

22.40—23.10

Вызваны:

Серов И.А. — зам. наркома внутренних дел.

Сопруненко П.К. — нач. УПВИ НКВД

Присутствовали:

Молотов, Маленков, Берия, Щербаков (вошел в 22.50)

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

Организация приема и размещения военнопленных немцев в районе Сталинграда.

2 мая 1945 г.

Время приема:

18.45—19.15

Вызваны:

Серов И.А. — Уполномоченный НКВД по 1 Белорусскому фронту.

Мешик П.Я. — Уполномоченный НКВД по 1 Украинскому фронту (вошел в 19.00)

Антонов А.И. — начальник Генштаба (вошел в 19.00)

Штеменко С.М. — нач. Оперативного упр. Генштаба (вошел в 19.00).

Присутствовали:

Берия, Маленков, Вышинский

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

Организация управления делами гражданской администрации со стороны Уполномоченных НКВД по фронтам.
(Пост. ГКО № 8377 от 2 мая 1945 г.)

4 июня 1945 г.

Время приема:

18.45—20.30

Вызваны:

Серов И.А. — Уполномоченный НКВД по Германии.

Ульбрихт Вальтер — член ЦК КПГ.

Аккерман Антон — член ЦК КПГ.

Соботка Густав — член ЦК КПГ.

Присутствовал:

Молотов

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

Управление советской зоной оккупации Германии и организация немецких органов власти.

Постановлением СНК СССР № 1326-301сс от 6 июня 1945 г.

Серов назначен заместителем Главного начальника СВАГ по делам гражданской администрации.

14 марта 1946 г.

Время приема:

21.00—22.20

Вызваны:

Серов И.А. — Уполномоченный НКВД по Германии.

Новиков А.А. — командующий ВВС.

Хруничев М.В. — нарком авиационной промышленности (вышел в 21.45).

Яковлев А.С. — авиаконструктор (вышел в 21.45).

Репин А.К. — нач. Государственного НИИ ВВС.

Присутствовали:

Молотов, Берия, Маленков, Булганин, Микоян (вошел в 22.00)

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

Вывоз специалистов и оборудования из Германии

7 сентября 1946 г.

Время приема:

00.10—00.40

Вызван:

Серов И.А. — Уполномоченный МВД в Германии

Присутствовали:

Берия, Маленков, Микоян, Булганин, Косыгин.

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

1. Вопросы деятельности аппарата Уполномоченного МВД в Германии и предстоящая передача оперативной работы и дел в МГБ.
2. Организация вывоза из советской зоны оккупации Германии специалистов по реактивной технике.

Распоряжением СМ СССР № 10805-рс от 9 сентября 1946 г. Серову поручено провести операцию по выявлению и вывозу в СССР немецких специалистов.

17 апреля 1947 г.

Время приема:

22.10—22.35

Вызваны:

Серов И.А. — 1-й зам. министра внутр. дел.
Токаев Г.А. — сотр. Военно-воздушного отд. СВАГ.

Присутствовали:

Молотов, Маленков, Жданов, Микоян, Берия, Вознесенский, Ворошилов

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

Вывоз из Германии специалистов и оборудования по реактивной технике.

21 мая 1947 г.

Время приема:

22.00—23.45

Вызваны:

Абакумов В.С. — министр ГБ
Федотов П.В. — зам. министра ГБ
Круглов С.Н. — министр внутр. дел
Серов И.А. — 1-й зам. министра внутр. дел
Меркулов В.Н. — нач. ГУСИМЗ
Кобулов Б.З. — зам. нач. ГУСИМЗ (по Германии)
Кузнецов Ф.Ф. — нач. ГРУ Генштаба
Трусов Н.М. — нач. Развед. отд. ГСОВГ

Присутствовали:

Молотов, Берия, Жданов, Микоян, Маленков, Вознесенский

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

Организация разведывательной работы в Советской зоне оккупации Германии в связи с предстоящим созданием Комитета информации.

1 июля 1947 г.

Время приема:

21.30—21.50

Вызван:

Серов И.А. — 1-й зам. министра внутр. дел.

Присутствовали:

Берия, Жданов, Микоян, Маленков, Вознесенский.

Обсуждаемые вопросы и принятые решения:

Дополнительный вывоз из Германии специалистов.

Постановление СМ СССР № 2477-758сс от 14 июля о вывозе 100 немецких специалистов и 25 высококвалифицированных рабочих.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

- 25 августа 1905 — родился в деревне Афимская Кадниковского уезда Вологодской губернии в семье крестьянина-середняка.
- 1916 — окончил сельскую школу в городе Кадников.
- 1923 — окончил школу 2-й ступени в городе Кадников.
- май 1923 — начал работать заведующим избой-читальней в селе Покровском Кадниковского уезда.
- 1923 — вступил в комсомол.
- сентябрь 1923 — возглавил сельсовет в селе Замошье.
- июнь 1925 — принят кандидатом в члены РКП(б).
- август 1925 — направлен Вологодским губкомом РКП(б) на учебу в Ленинградскую пехотную школу.
- август 1928 — по окончании пехотной школы направлен на службу в войска.
- 1931 — обучался на артиллерийских курсах усовершенствования командного состава РККА.
- 1935 — поступил на учебу в Военно-инженерную академию РККА
- 1936 — перевелся на учебу Военную академию им. Фрунзе.
- 1936 — присвоено военное звание майора
- январь 1939 — окончил Военную академию им. Фрунзе.
- январь 1939 — направлен на руководящую работу в НКВД СССР.
- 9 февраля 1939 — назначен заместителем начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР.
- 15 февраля 1939 — присвоено звание майора ГБ.
- 18 февраля 1939 — назначен начальником Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР.
- 30 апреля 1939 — присвоено звание старшего майора ГБ.
- 29 июля 1939 — назначен начальником 2-го (секретно-политического) отдела ГУГБ и заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР.
- 2 сентября 1939 — приказом НКВД СССР назначен наркомом внутренних дел Украины.
- 4 сентября 1939 — присвоено звание комиссара ГБ 3 ранга.

- 26 апреля 1940 — награжден орденом Ленина (орден № 5849).
- 15 мая 1940 — выступил с речью на XV съезде КП(б) Украины.
- 17 мая 1940 — избран членом ЦК и членом Политбюро ЦК КП(б) Украины.
- 5 января 1941 — доизбран в состав депутатов Верховного Совета СССР 1 созыва.
- 3—5 февраля 1941 — участвовал в работе IV пленума ЦК КП(б) Украины, избран делегатом на XVIII партийную конференцию ВКП(б).
- 20 февраля 1941 — на XVIII партийной конференции ВКП(б) избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).
- 25 февраля 1941 — постановлением СНК СССР назначен 1-м заместителем наркома госбезопасности СССР.
- 7 мая 1941 — освобожден от обязанностей члена Политбюро ЦК КП(б) Украины в связи с «переходом на другую работу».
- 28 мая 1941 — награжден знаком «Заслуженный работник НКВД».
- 31 июля 1941 — постановлением СНК СССР назначен заместителем наркома внутренних дел СССР.
- 27 августа 1941 — приказом НКВД СССР № 001558 командирован в качестве начальника оперативной группы для выселения немецкого населения из АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей.
- 22 сентября 1941 — приказом НКВД СССР № 001353 ему объявлена благодарность за проведение выселения немцев.
- 13 октября 1941 — назначен начальником охраны НКВД Московской зоны.
- 28 декабря 1941 — приказом НКВД СССР № 001735 на него возложено руководство по созданию и обеспечению деятельности спецлагерей для военнопленных РККА побывавших в немецком окружении и плену.
- июнь — июль 1942 — выезд в командировку в Узбекистан и Туркмению для проверки работы местных НКВД.
- 2 июля 1942 — выступил на совещании работников НКВД в Ашхабаде.
- 29 октября 1942 — приказом НКВД СССР № 002387 командирован в УНКВД Красноярского края и Иркутской области для «оказания практической помощи местным органам НКВД».

- 13 декабря 1942 — награжден орденом Ленина (орден № 12156 вручен 25 декабря 1942 г.).
- 1942 — выезд в командировку в Архангельск и Мурманск для проверки работы областных управлений НКВД.
- 4 февраля 1943 — присвоено звание комиссара ГБ 2 ранга.
- 4 февраля 1943 — направлен в Сталинград для руководства на месте приемом пленных немцев и создания новых лагерей для военнопленных.
- 11 июня 1943 — постановлением ГКО № 3551сс вместе с С.Р. Мильштейном командирован для проверки состояния аэропортов и воздушной трассы Москва—Красноярск—Уэлькаль, с правом совершения полетов в Ном и Фербенкс.
- 20 сентября 1943 — награжден орденом Красного Знамени (орден № 88408 вручен 25 сентября 1943 г.).
- 8 марта 1944 — награжден орденом Суворова 1 степени за участие в операции по выселению чеченцев и ингушей (орден № 150 вручен 12 апреля 1944 г.).
- 7 июля 1944 — награжден орденом Красного Знамени за участие в операции по выселению крымских татар (орден № 555582 вручен 29 сентября 1944 г.).
- июль — август 1944 командирован в Вильнюс, затем в Каунас — для проведения разоружения отрядов польской Армии Крайовой.
награжден орденом Красного Знамени
- 3 ноября 1944 — (по выслуге лет).
приказом НКВД назначен Уполномоченным
- 11 января 1945 — НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту.
назначен Советником НКВД СССР при ми-
- 6 марта 1945 — нистерстве общественной безопасности Польши (освобожден 27 апреля 1945 г.).
награжден орденом Кутузова 1 степени за
- 21 апреля 1945 — руководство деятельностью оперативных групп НКВД «по изъятию вражеского элемента» в полосе действия 1-го Белорусского фронта (орден № 398 вручен 6 июня 1945 г.).
постановлением ГКО № 8377сс назначен
- 2 мая 1945 — заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом по делам гражданской администрации.
присвоено звание Героя Советского Союза
- 29 мая 1945 — с вручением медали «Золотая Звезда и ордена Ленина (вручены 6 июня 1945 г.).

- 6 июня 1945 — постановлением СНК СССР № 1326-301сс назначен заместителем Главного начальствующего СВАГ по делам гражданской администрации.
- 4 июля 1945 — приказом НКВД СССР № 00780 назначен Уполномоченным НКВД по ГСОВГ.
- 9 июля 1945 — присвоено звание генерал-полковника.
- 10 февраля 1946 — избран депутатом Верховного Совета СССР 2 созыва от Гомельского городского избирательного округа.
- 13 мая 1946 — постановлением СМ СССР № 1017-419сс включен в состав членов Специального комитета по реактивной технике при СМ СССР (с 10 мая 1947 — постановлением СМ СССР № 1454-388сс переименован в Комитет № 2 при СМ СССР).
- 1946 — награжден польским орденом «Виртути милитари 4 степени».
- 24 февраля 1947 — постановлением СМ СССР № 342 назначен 1-м заместителем министра внутренних дел СССР.
- апрель 1947 — прибыл из Германии на работу в Москву.
- 5 января 1952 — постановлением СМ СССР № 42-12с назначен заместителем председателя Коллегии МВД СССР.
- 8 марта 1952 — распоряжением СМ СССР № 4939-р командирован на строительство Волго-Донского канала для «осуществления постоянного руководства МВД СССР» на весь период до ввода канала в действие.
- 12 сентября 1952 — распоряжением МВД СССР № 1223 назначен председателем комиссии для проведения похорон заместителя министра внутренних дел СССР В.В.Чернышева.
- 19 сентября 1952 — награжден орденом Ленина (за строительство Волго-Донского канала).
- 14 октября 1952 — на XIX съезде КПСС избран кандидатом в члены ЦК КПСС.
- 10 декабря 1953 — решением Президиума ЦК КПСС (П43/Х) командирован на две недели в Берлин для ознакомления с экономическим положением в ГДР.
- 13 марта 1954 — Указом Президиума Верховного Совета СССР назначен председателем КГБ при СМ СССР.
- 4 мая 1954 — решением Президиума ЦК КПСС (П63/У) назначен членом Центральной комиссии

- по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке и на поселении.
- 27 февраля 1955 — избран депутатом Верховного Совета РСФСР 4 созыва.
- 8 августа 1955 — присвоено звание генерала армии.
- 25 августа 1955 — награжден орденом Ленина (в связи с 50-летием со дня рождения).
- 17 ноября —
- 19 декабря 1955 — сопровождал Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в ходе их официальной поездки в Индию, Бирму и Афганистан.
- 31 декабря 1955 — награжден орденом Красного Знамени (за обеспечение безопасности в ходе зарубежной поездки Н.С.Хрущева и Н.А.Булганина).
- 25 февраля 1956 — на XX съезде КПСС избран членом ЦК КПСС.
- апрель 1956 — поездка в Великобританию в составе советской правительственной делегации.
- 16 марта 1956 — решением Президиума ЦК КПСС (П6/XXXII) назначен членом Комиссии по подготовке и проведению Московского фестиваля молодежи и студентов в 1957 году.
- 18 декабря 1956 — награжден орденом Кутузова 1 степени (за подавление восстания в Венгрии).
- май 1957 — вместе с Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным находился с официальным визитом в Финляндии.
- июль 1957 — в составе советской партийно-правительственной делегации находился с визитом в Чехословакии.
- 16 марта 1958 — избран депутатом Верховного Совета СССР 5 созыва.
- 17 ноября 1958 — с 15.40 до 16.30 был на приеме у Н.С. Хрущева в Кремле.
- 3 декабря 1958 — решением Президиума ЦК КПСС (П194/XLVIII) освобожден от должности председателя КГБ и назначен начальником Главного разведывательного управления и заместителем начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР по разведке.
- 8 декабря 1958 — подписан Указ Президиума Верховного Совета об освобождении Серова от должности председателя КГБ при СМ СССР, одновре-

- менно, распоряжением СМ СССР № 3890-рс на новой должности начальника ГРУ ему сохранено материальное содержание, по ранее занимаемой должности.
- 31 декабря 1958 — председатель Комитета партийного контроля Н.М. Шверник направил Н.С. Хрущеву докладную записку о «фактах преступной деятельности Серова» с просьбой разрешить КПК «заняться делом Серова по существу».
- 31 декабря 1959 — с 12.20 до 12.40 был на приеме у Н.С. Хрущева в Кремле.
- июнь 1961 — участвует в совещании в ЦК КПСС по вопросам улучшения разведывательной деятельности и координации закордонной работы КГБ и ГРУ.
- август 1961 — поездка в Польшу.
- 29 марта 1962 — решением Президиума ЦК КПСС (П23/XXXVII) отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 года, которым были награждены активные участники и организаторы депортации чеченцев и ингушей.
- 2 февраля 1963 — решением Президиума ЦК КПСС (П81/3) освобожден от должности начальника ГРУ и заместителя начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР по разведке.
- 7 марта 1963 — решением Президиума ЦК КПСС (П86/44) «за потерю политической бдительности и недостойные поступки» понижен в военном звании до генерал-майора и лишен звания Героя Советского Союза. Комитету партийного контроля поручено рассмотреть вопрос о его партийной ответственности.
- 7 марта 1963 — постановлением СМ СССР № 263 понижен в звании до генерал-майора.
- 12 марта 1963 — Указом Президиума Верховного Совета СССР лишен звания Героя Советского Союза, медали «Золотая Звезда» и ордена Ленина.
- 9 апреля 1965 — Комитет партийного контроля, рассмотрев персональное дело Серова, исключил его из партии за «допущенные нарушения социалистической законности и использование служебного положения в личных целях».
- 1 сентября 1965 — приказом министра обороны СССР № 240 уволен в запас Вооруженных сил по болезни с правом ношения военной формы

и назначением пенсии в размере 300 рублей в месяц.

18 марта 1985 — Серов обратился с заявлением на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с просьбой снять с него «тяжелые взыскания».

1 июля 1990 — умер в Москве.

1995 — указом Президента Польской Республики лишен ордена «Виртути милитари 4 степени».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

Абакумов Виктор Семенович (1908—1954) —

с 1932 г. в органах ОГПУ, в 1938—1941 гг. нач. УНКВД Ростовской обл., с февраля 1941 г. зам. наркома внутр. дел СССР, одновременно с июля 1941 г. нач. Упр. Особых отделов НКВД СССР, в 1943—1946 гг. нач. ГУКР СМЕРШ НКО СССР, в мае 1946 — июле 1951 гг. министр госбезопасности СССР, генерал-полковник (09.07.45). Арестован 12 июля 1951 г., приговорен ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. к расстрелу — 9, 12, 16, 30, 37, 38, 40, 58, 60, 61, 63, 65—72, 74, 78—90, 92, 94, 95, 97—106, 108, 110, 115—119, 121, 122, 128—130, 133—135, 143, 151, 227, 244—251, 257, 268—273, 280, 282, 293, 344

Авторханов Абдурахман (1908—1997) —

в 1937 г. окончил Институт красной профессуры в Москве, затем на партийной работе в Чечено-Ингушской АССР, в 1937 г. был арестован органами НКВД, в 1942 г. освобожден. После оккупации немецкими войсками части территории Чечено-Ингушетии эмигрировал на Запад. Автор ряда книг, посвященных истории СССР: «Происхождение партократии» (1973), «Технология власти» (1976), «Сила и бессилие Брежнева» (1979), «Загадка смерти Сталина» (1981) и др. Умер в Мюнхене — 179

Агальцов Ф.А. (1900—1980) —

с 1938 г. член Военного совета ВВС РККА — 341

Агаянц Михаил Иванович (1906—1959) —

с 1932 г. в органах ОГПУ, с 1940 г. нач. 3 отделения 1 отд. ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, с 1942 г. зам. нач. 3 отд. 2 упр. НКВД СССР, с 1943 г. зам. нач. 2 отд. 2 упр. НКГБ СССР, в 1946—1951 гг. нач. 1 отд. 5 упр. МГБ, с 1954 г. зам. председателя КГБ при СМ Армянской ССР, полковник — 80, 207

Аджубей Алексей Иванович (1924—1993) —

в 1959—1964 гг. главный редактор газеты «Известия», зять Н.С. Хрущева — 329

Аккерман (Askermann) Антон (1905—1973) —

в 1945—1946 гг. член ЦК КПГ, в 1946—1950 гг. член ЦП СЕПГ — 343

¹ Более полные биографические сведения о руководящих партийных, советских и государственных деятелях, а также работниках госбезопасности см.: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС: Справочник. М., 1990; Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923—1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999; Ветераны внешней разведки СССР. М., 1995; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД: Справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; Под. ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999; Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник / Под. ред. акад. А.Н.Яковлева; авторы-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003.

Аксенов Александр Михайлович (1911—?) —

с 1935 г. в органах НКВД, с 1945 г. комендант Берлинского оперсектора НКВД-МВД-МГБ, капитан. С 1948 г. в УМГБ Грозненской и Курганской обл., майор. В 1953 г. уволен из МВД, работал проводником вагона артели «Прогресс» в Пятигорске, имел строгий выговор «за непартийное поведение, выразившееся в крохоборстве и нарушении принципов советской торговли» — 259, 260, 265

Александров Георгий Федорович (1908—1961) —

в 1940—1947 гг. нач. Упр. пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) — 48

Алексеев Петр Викторович (р. 1918) —

с 1941 г. в органах НКВД, в мае 1945 — августе 1947 г. нач. секретариата Берлинского оперсектора НКВД-МВД-МГБ, капитан, майор (1947). С 1947 г. в УМГБ Московской обл., затем в органах милиции в Великих Луках, подполковник — 259, 265

Алексеев Петр Порфирьевич (1912—?) —

с октября 1938 г. в органах НКВД, в 1945—1946 гг. сотрудник оперсектора НКВД-МВД земли Тюрингия, ст. лейтенант, затем на работе в УМГБ-УКГБ Московской обл., капитан (20.09.48). С марта 1955 г. оперуполн. ОБХСС Ореховского горотдела милиции Московской обл. — 294

Алидин Виктор Иванович (1911—2002) —

в апреле 1953 — мае 1954 гг. нач. отд. «П» МВД СССР, в 1971—1986 гг. нач. УКГБ по г. Москве и Московской обл., генерал-полковник (16.01.79) — 141

Ананов Георгий Сергеевич (1905—1977) —

с 1925 г. в органах ОГПУ, с июля 1944 г. зам. нач. 7 отд. 3 упр. НКГБ СССР, в 1945, полковник — 285, 287, 290

Андреев Михаил Александрович (1906—1971) —

с 1938 г. в органах НКВД, с 1939 г. следователь Следчасти ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в 1942—1946 гг. нач. отд. правительственной «ВЧ»-связи, генерал-майор (09.07.45). В октябре 1947 — феврале 1952 гг. под следствием в заключении — 208

Андрианов Василий Михайлович (1902—1978) —

в 1949—1953 гг. 1-й секретарь Ленинградского обкома партии — 140

Андропов Юрий Владимирович (1914—1984) —

в 1967—1982 гг. председатель КГБ, с 1982 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС — 199—201, 339, 340

Антипенко Николай Александрович (1901—1988) —

в 1945—1948 гг. нач. тыла ГСОВГ, затем нач. Главвоенстроя Вооруженных Сил СССР, генерал-лейтенант интендантской службы (1943) — 242

Антипов Алексей Максимович (1909—?) —

зам. нач. 3 отд. УГБ НКВД БССР, лейтенант ГБ — 207

Антонов Алексей Иннокентьевич (1896—1962) —

с февраля 1945 г. нач. Генштаба Вооруженных Сил СССР, член Ставки Верховного Главнокомандования, генерал армии (1943) — 224, 342

Анциелиович Ефим Самуйлович (1904—?) —

зам. нач. 5 отделения 2 спецотд. НКВД СССР, с 1946 г. зам. нач. отд. «Р» МГБ СССР, инженер-полковник (1949). Арестован 4 ноября 1951 г., освобожден в августе 1953 г. В ноябре 1953 г. уволен из МВД «по служебному несоответствию» — 128

Аполлонов Аркадий Николаевич (1907—1978) —

в марте 1942 — апреле 1948 гг. зам. наркома — министра внутр. дел СССР по войскам — 219, 245

Арженухин Ф.К. (1902—1941) —

нач. Военно-воздушной академии РККА, генерал-лейтенант авиации, расстрелян — 341

Аристов Аверкий Борисович (1903—1973) —

в 1952—1953 гг. и 1955—1960 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1952—1953 гг. и 1957—1961 гг. член Президиума ЦК КПСС — 170, 185, 186, 317, 319

Арнольд Валентин Вольфридович

(он же Васильев Валентин Васильевич) (1894—1941) —

зав. гаражом в «Кузбассстрое», 30 января 1937 г. приговорен на процессе «Антисоветского троцкистского центра» к 10 годам заключения. В сентябре 1941 г. расстрелян — 315

Астахов Андрей Тимофеевич (р. 1921) —

нач. заставы 333-го погранполка, ст. лейтенант — 238—240

Афанасьев Николай Порфирьевич (1902—1979) —

в 1945—1950 гг. Главный военный прокурор, генерал-лейтенант юстиции — 41

Бааде (Вааде) Брунольф (1904—1969) —

немецкий авиаконструктор — 336

Баграмян Иван Христофорович (1897—1982) —

с 1955 г. зам. министра обороны СССР, Маршал Советского Союза (1955) — 157

Бакакин А.С. —

в июне 1947 — июле 1948 гг. зав. отд. судебных и прокурорских органов Упр. кадров ЦК ВКП(б) — 118

Балакирев Владимир Петрович —

следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 210

Бандера Степан Андреевич (1908—1959) —

лидер украинского национального сопротивления, в 1959 г. убит в Мюнхене Богданом Сташинским (см.) — 154

Бандровска-Турска Эва (1899—1979) —
польская певица — 27

Барамия М.И. (1905—1959) —
в 1943—1951 гг. 2-й секретарь ЦК КП(б) Грузии, в 1951—1953 гг. под
арестом по «мингрельскому делу», в апреле 1953 г. освобожден и реабили-
тирован — 111, 112

Барминов Анатолий Андреевич —
ст. следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 210

Баррон Джон —
американский публицист, окончил факультет журналистики университета
Миссури — 6, 154

Басистый Николай Ефремович (1898—1971) —
с 1951 г. 1-й зам. военно-морского министра СССР, адмирал (1949) — 157

Батицкий Павел Федорович (1910—1984) —
в 1950—1953 гг. нач. Главного штаба — зам. главкома ВВС, с 1953 г. 1-й
зам. командующего войсками Московского ВО, Маршал Советского Сою-
за (1968) — 142

Беднов А.И. —
ст. оперуполн. 9 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 211

Бежанов Григорий Акимович (1897—1955).
Родился в семье кустаря-портного (отец имел мелкую торговлю, умер в
1903). Армянин. В коммунистической партии с 1921. В 1917 г. окончил
1-е коммерческое училище в Тифлисе, в 1918 г. поступил на медицинский
факультет Тифлисского ун-та, в 1929 г. экстерном сдал экзамены за 4 кур-
са в ин-те инженеров транспорта в Тифлисе. С 1918 г. работал экспедитором
табачной фабрики. В 1919—1920 гг. служил делопроизводителем
11 горной батареи Дашнакской армии в Эриванской губ. С 1920 в РККА.
В 1921—1923 гг. в транспортных органах ЧК в Тифлисе, затем зам. дирек-
тора в упр. Закавказской ж.д. С 1931 г. в органах ГПУ, работал на транс-
порте, с 1941 г. нач. Транспортного отд. НКВД Октябрьской ж.д., с 1943 г.
зам. нач. УНКГБ Ставропольского края, в октябре 1944 — декабре 1947 гг.
нарком — министр госбезопасности Кабардинской АССР, одновременно
в июне 1945 — сентябре 1946 гг. работал нач. оперсектора НКВД-МВД
земли Тюрингия. В декабре 1947 г. арестован. Приговорен ВК ВС СССР
17.10.51 по Указу от 07.08.32 и статье 193-17 «а» к 10 годам заключения
с последующим поражением в правах на 3 года. Определением Верховно-
го суда СССР от 23.07.53 приговор отменен и дело прекращено. Реабилити-
рован. Уволен из МВД с 01.08.53 в запас МО «по болезни». Генерал-
майор (09.07.45). Лишен звания генерал-майора 30.10.51 пост. СМ СССР
№ 4185-1926с как осужденный на 10 лет с поражением в политических
правах на 3 года «за злоупотребление служебным положением и хищение
социалистической собственности» — 82—85, 87, 139, 188, 189, 257,
261, 262—266, 268, 274—279, 280, 289, 298—302

Бейленсон М.М. —
оперуполн. 2 отделения 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 210

Белкин Михаил Ильич (1901—1980) —

с 1918 г. в органах ВЧК, в 1944—1945 гг. нач. УКР СМЕРШ 3-го Прибалтийского фронта, с июля 1945 г. нач. опергруппы СМЕРШ в Будапеште, в июле 1946 — июне 1947 гг. зам. нач. 1 П. упр. МГБ СССР, в июне 1947 — марте 1950 гг. нач. УКР МГБ Центральной группы войск, затем зам. нач. 1 упр. МГБ СССР, генерал-лейтенант. Арестован 28 октября 1951 г. Освобожден по постановлению Следчасти по ОВД МВД СССР от 4 июня 1953 г. Уволен из МВД «по фактам дискредитации». Работал слесарем-мотористом, контролером, ст. инженером, водителем-испытателем на Автозаводе им. Лихачева (ЗИЛ) в Москве — 107, 108, 128, 134

Белоцерковский Иван Митрофанович (1907—1941) —

в 1939—1941 гг. нач. УНКВД Волынской обл., ст. лейтенант ГБ (22.06.39), капитан ГБ (11.01.40), в апреле — июле 1941 г. нач. УНКГБ Волынской обл., затем нач. ОО НКВД 5-й армии Юго-Западного фронта, майор ГБ (28.07.41), погиб на фронте — 207

Беляев Николай Ильич (1903—1966) —

в 1955—1958 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1957—1960 гг. член Президиума ЦК КПСС — 170

Белянов Александр Михайлович (1903—1994) —

с 1939 г. в органах НКВД, в феврале — мае 1942 г. нач. ОО НКВД Крымского фронта, комиссар ГБ 3 ранга (19.07.41), в 1942 г. за неудачи в Крыму разжалован в звании до майора ГБ, с июля 1942 г. зам. нач. ОО НКВД Воронежского фронта, с 1943 г. зам. нач. УКР СМЕРШ 1-го Украинского фронта, генерал-майор — 244

Бендерский Евгений Григорьевич (1911—1971) —

ст. следователь Следчасти ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в 1947 г. зам. нач. отд. 2 П. упр. МГБ СССР, в 1953 г. нач. 2 отделения 6 отд. 4 упр. МВД СССР, полковник. В августе 1953 г. уволен в запас — 208

Бенедиктов Иван Александрович (1902—1983) —

с марта 1946 г. министр земледелия СССР — 158

Бер Отто —

нач. полиции района Лихтенберг в Берлине — 225

Берггольц Ольга Федоровна (1910—1975) —

советская писательница, поэт — 96

Бережков Валентин Михайлович (1916—1998) —

в 1939 г. переводчик НКВД СССР, до января 1945 г. пом. наркома иностранных дел СССР. Затем на журналистской работе. Умер в Лос-Анджелесе — 27

Берзарин Николай Эрстович (1904—1945) —

с мая 1944 г. командующий 5-й ударной армией, в апреле — июне 1945 г. военный комендант Берлина, генерал-полковник (1945), Герой Советского Союза (06.04.45). Погиб в автомобильной катастрофе 16 июня 1945 г. в Берлине — 334, 335

Берия Лаврентий Павлович (1899—1953) —

в 1938—1945 гг. нарком внутр. дел СССР, с 1946 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1953 г. министр внутр. дел и 1-й зам. председателя СМ СССР, Маршал Советского Союза (09.07.45). Расстрелян — 18, 19, 21—23, 27—34, 36—41, 49, 57, 60—65, 69, 73, 74, 76, 77, 79, 89, 94, 101, 103, 105, 111—115, 120, 121, 127, 129, 130, 132—143, 145, 147, 148, 156, 157, 163, 191, 208, 213, 222, 224, 227, 240, 244, 245, 252, 282, 291, 308, 309, 312—314, 342—345

Бетин Иван Иосифович (1907—1989) —

с 1933 г. в органах ОГПУ, в 1954—1960 гг. нач. 5 упр. КГБ при СМ СССР, с 1961 г. нач. факультета ВШ КГБ, генерал-майор (09.01.57). С 1967 г. на пенсии — 173

Бетцель —

немец, убит сотрудниками оперсектора НКВД-МВД в земле Тюрингия — 83, 294, 300, 301

Бзиава Константин Павлович (1905—?) —

с 1927 г. в органах ОГПУ, в 1946—1951 гг. зам. министра внутр. дел Грузии, в 1951—1952 гг. нач. УКР МГБ Закавказского ВО, генерал-майор (09.07.45), арестован 18 мая 1952 г., освобожден из заключения 10 апреля 1953 г. — 112, 134, 136

Бирюзов Сергей Семенович (1904—1964) —

в 1962—1964 гг. нач. Генштаба — 1-й зам. министра обороны СССР. Маршал Советского Союза (1955). Погиб в авиационной катастрофе — 195

Блиндерман Владимир Михайлович (1905—1960) —

с 1937 г. нач. отделения Центральной лаборатории 12 отд. ГУГБ НКВД СССР, с 1943 г. зам. нач. отд. «Б» НКГБ СССР, полковник ГБ (14.02.43), с 1946 г. нач. отд. «Р» МГБ СССР. В ноябре 1951 г. арестован, в августе 1953 г. освобожден и уволен из МВД «по служебному несоответствию» — 128

Блинов Афанасий Сергеевич (1904—1961) —

в 1946—1951 гг. зам. министра госбезопасности СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). С 1951 г. на работе в Министерстве госконтроля РСФСР. Лишен звания генерал-лейтенанта в 1954 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах» — 106, 109

Блок Петр Мордкович (1913—?) —

с 1938 г. в органах НКВД, с 1939 г. следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ, в 1941 г. оперуполн. 1 отделения 2 отд. 2 упр. НКГБ СССР — 209

Бобков Филипп Денисович (р. 1925) —

в 1985—1991 гг. 1-й зам. председателя КГБ СССР. Генерал армии (30.10.87) — 10

Богданов Николай Кузьмич (1907—1972) —

в марте 1953 — мае 1955 гг. нач. УМВД Ленинградской обл., генерал-лейтенант (09.07.45) — 63, 140

Бодин Павел Иванович (1900—1942) —

нач. штаба Закавказского фронта, генерал-лейтенант. Погиб 2 ноября 1942 г. — 332

Боков Федор Ефимович (1904—1984) —

с ноября 1926 г. в РККА, красноармеец-курсант полковой школы связи, секретарь бюро ВЛКСМ, секретарь партбюро стрелкового полка, школы мор. летчиков Северо-Кавказского ВО, в 1930 г. окончил военно-политические курсы Украинского ВО, в 1937 г. — Военно-политическую академию им. Ленина, с августа 1937 г. нач. курса, нач. ф-та, зам. нач. воен.-полит. академии ЛВО, МВО, с августа 1941 г. воен. комиссар, зам. нач. по оргвопросам в Ген. штабе, с апреля 1943 г. член Военного совета Северо-Западного фронта, с июня 1944 г. член Военного совета 5-й ударной армии на 2-м Прибалтийском, 2-м и 1-м Белорусских, 1-м Украинском фронтах, в июне 1945 — ноябре 1946 гг. член Военного совета ГСОВГ по делам СВАГ, затем в распоряжении Гл. полит. упр. ВС СССР, с мая 1947 г. зам. командующего по политчасти Приволжского ВО, в 1951 г. окончил Высшую военную академию им. Ворошилова, с октября 1952 г. пом. командующего по вузам Воронежского ВО, с сентября 1955 г. зам. нач. по политчасти Гл. упр. боевой подготовки, нач. высших курсов политсостава МО СССР, с июля 1961 г. на пенсии в Москве. Генерал-лейтенант (30.01.43) — 67, 255

Болховитин Анатолий Аркадьевич (1915—?) —

с 1938 г. в органах НКВД, следователь Следчасти ГЭУ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ, с мая 1943 г. ст. следователь, а в июле 1943 — марте 1953 гг. пом. нач. Следчасти НКГБ-МГБ СССР. С апреля 1954 г. нач. следств. отд. упр. милиции УМВД Тамбовской обл., полковник. В 1959 г. исключен из партии — 134, 211

Большаков —

член Военного трибунала войск НКВД по охране тыла ГСОВГ, капитан — 238

Большаков Иван Алексеевич (1902—1980) —

в 1959—1963 гг. секретарь парткома ГРУ Генштаба Вооруженных Сил, генерал-лейтенант (27.04.62) — 191, 192, 319, 321, 324

Бондаренко Николай Иванович (р. 1918) —

с 1939 г. в РККА, командир батареи, гвард. лейтенант. Осужден 15 июля 1946 г. за подлог и спекуляцию. Бежал 10 декабря 1946 г. из спецлагеря МВД в Германии. В 1947 г. задержан и осужден Военным трибуналом войск МВД в Германии по ст. 58-1 «а» и 58-10 УК РСФСР на 10 лет — 59

Бондаренко Николай Харитонович (1911—?) —

нач. 3 отд. ЭКУ НКВД БССР, ст. лейтенант ГБ — 208

Боханов Владимир Терентьевич (1906—?) —

в 1947 г. нач. отд. УКР МГБ Северной группы войск, в 1953 г. нач. 6 отд. 3 упр. МВД СССР, полковник — 188

Браун (Braun) Ева (1912—1945) —

жена Адольфа Гитлера — 62, 63

Браун (Braun) Карл —

берлинский архитектор — 91

Брежнев Леонид Ильич (1906—1982) —

с 1956 г. секретарь ЦК, с 1964 г. Первый, затем Генеральный (с 1966 г.) секретарь ЦК КПСС — 170, 172, 176, 183, 184—186, 192, 197, 198, 318, 321, 326, 328

Броверман Яков Михайлович (1908—?) —

зам. нач. Секретариата МГБ СССР. Арестован 13 ноября 1951 г. Осужден ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. на 25 лет по «делу Абакумова». Освобожден из лагеря в Мордовии 13 ноября 1976 г. — 109, 128, 134

Буденный Семен Михайлович (1883—1973) —

с 1938 г. член Президиума Верховного Совета СССР, Маршал Советского Союза (1935) — 158

Булганин Николай Александрович (1895—1975) —

с ноября 1944 г. зам. наркома обороны СССР и член ГКО, с 1947 г. министр Вооруженных Сил СССР, Маршал Советского Союза (с 1947 по 1958). В 1948—1958 гг. член Политбюро — Президиума ЦК ВКП(б) — КПСС, в феврале 1955 — марте 1958 гг. председатель СМ СССР — 36, 61, 69, 90, 103, 104, 121, 127, 130, 132, 145, 148, 157, 175—178, 180, 181, 189, 242, 256, 306—311, 316, 341, 343, 350

Буннов —

председатель Военного трибунала войск НКВД по охране тыла ГСОВГ, майор — 238

Вавилов Николай Иванович (1887—1943) —

директор Института генетики АН СССР, погиб в тюрьме — 13

Вадис Александр Анатольевич (1906—1968).

Родился в крестьянской семье. Украинец. В коммунистической партии с 1928 (исключен в 1952). В 1917 г. окончил 4 класса гимназии, был беспризорным в Киеве. В 1920—1922 гг. в РККА, затем батрачил, руководил комсомольской ячейкой детдома. В 1928—1930 гг. в РККА. С 1930 г. в органах ГПУ УССР, в 1939—1941 гг. нач. УНКВД Тернопольской обл., капитан ГБ (06.11.39). С 1941 г. в военной контрразведке, в 1944—1945 гг. нач. УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта, затем ГСОВГ, с июля 1945 г. нач. УКР СМЕРШ Забайкальско-Амурского ВО, в 1947—1951 гг. нач. Гл. упр. охраны МГБ СССР на ж.-д. и водном транспорте, в январе — ноябре 1951 г. зам. министра госбезопасности УССР. В ноябре 1951 г. уволен из МГБ и направлен на работу в ГУЛАГ. В декабре 1953 г. уволен из МВД «по фактам дискредитации». Генерал-лейтенант (25.09.44). Лишен звания генерал-лейтенанта в 1954 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах» — 61, 69, 70, 109, 207, 227, 245

Валленберг Рауль Густав (1912—1947) —

шведский дипломат, в январе 1945 г. арестован в Будапеште органами СМЕРШ, погиб в тюрьме — 158, 159

Ванников Борис Львович (1897—1962) —

в августе 1945 — июне 1953 гг. зам. председателя Специального комитета (по атомной проблеме) и нач. 1 Гл. упр. при СМ СССР — 158

Бараксо В.С. —

ст. следователь Следчасти ГУБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 212

Варежников — см. Степанов И.И.**Варенцов Сергей Сергеевич** (1901—1971) —

в 1955—1961 гг. командующий артиллерией Советской Армии, главный маршал артиллерии (1961), в 1961—1963 гг. кандидат в члены ЦК КПСС — 194—196

Василевский Александр Михайлович (1895—1977) —

в 1942—1945 гг. нач. Генштаба и зам. наркома обороны СССР, с февраля 1945 г. командующий 3-м Белорусским фронтом, с июня 1945 г. Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке, с 1946 г. нач. Генштаба и зам. министра Вооруженных Сил СССР, Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (29.07.44, 08.09.45) — 218

Василенко В.Х. (1897—1987) —

в 1950—1952 гг. гл. терапевт Лечсанупра Кремля, в 1952 г. арестован по «делу врачей», освобожден в апреле 1953 г. — 121

Василенок Михаил Клементьевич —

следователь Следчасти ГУБ НКВД СССР, сержант ГБ — 209

Васильев —

сотрудник оперсектора НКВД-МВД земли Тюрингия — 294

Васильев Василий Иванович (1906—?) —

с 1939 г. нач. отделения ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в марте — августе 1941 г. нач. 2 отделения 5 отд. 2 упр. НКГБ СССР, с августа 1941 г. нач. 1 отделения 5 отд. ЭКУ НКВД СССР — 208

Вернике Пауль (1922—1945) —

житель деревни Гарделеген, расстрелян по приговору советского военного трибунала — 53

«Вилк» — см. Кжижановский А.**Виноградов В.Н.** (1882—1964) —

терапевт, академик АМН СССР, в ноябре 1952 г. арестован по «делу врачей», освобожден в апреле 1953 г. — 121, 122

Вихрянов —

в 1945 г. сотрудник аппарата И.А. Серова — 188, 292, 293

Власик Николай Сидорович (1896—1967) —

в 1946—1952 гг. нач. Гл. упр. охраны МГБ СССР, в мае — декабре 1952 г. зам. нач. Упр. Баженовского ИТЛ МВД, генерал-лейтенант (09.07.45). Арестован 16 декабря 1952 г. Осужден 17 января 1955 г. к ссылке на 10 лет с лишением воинского звания и наград. В мае 1956 г. помилован — 88, 119, 121, 127, 134—136, 273

Владзимирский Лев Емельянович (1903—1953) —

в 1941—1946 гг. нач. Следчасти по ОВД НКГБ-НКВД-НКГБ-МГБ СССР, затем на руководящей работе в Гл. упр. советским имуществом за границей при СМ СССР. В марте — июле 1953 г. нач. Следчасти по ОВД МВД СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). Расстрелян «по делу Берии» — 133, 135, 143

Вознесенский Николай Алексеевич (1903—1950) —

в 1942—1949 гг. председатель Госплана СССР, в 1947—1949 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). Расстрелян по «Ленинградскому делу» — 252, 256, 342—345

Войтехов Б.И. —

заключенный — 311—313

Волков Александр Матвеевич —

нач. штаба войск НКВД по охране тыла 1-го Белорусского фронта, в июле 1945 — феврале 1953 гг. нач. штаба Упр. внутр. войск НКВД-МВД — внутр. войск МГБ в Германии, полковник — 220

Волков Александр Петрович (1904—1974) —

с октября 1946 г. зам. нач. 1 Гл. упр. МГБ СССР, с июня 1947 г. зам. нач. 5 упр., а в апреле 1948 — декабре 1951 гг. нач. 5 упр. МГБ СССР, полковник — 80, 81, 135

Волкогинов Дмитрий Антонович (1928—1995) —

доктор философских и доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, в 1991—1993 гг. руководитель Комиссии Верховного Совета России по приему-передаче архивов КПСС и КГБ на государственное хранение. Генерал-полковник — 11

Володин В.А. —

оперуполн. 10 отделения 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 210

Волошенко Константин Сидорович (1905—?) —

в 1938—1941 гг. нач. отделения ГЭУ НКВД СССР, лейтенант ГБ, в феврале — июле 1941 г. нач. УНКВД Краснодарского края, в 1941—1944 гг. нач. УНКВД-УНКГБ Алтайского края, в 1944 г. нач. УНКГБ Львовской обл., с 1944 г. нач. УНКГБ-УМГБ Смоленской, Ивановской обл., с 1952 г. зам. нач. УМГБ-УМВД-УКГБ Тульской обл., полковник — 207

Вомачек М. —

арестованный в 1949 г. хорват — 108

Воробьев Владимир Иванович (1907—1974) —

в 1943—1953 гг. нач. отделения отд. «А» НКГБ-МГБ СССР — 89

Воробьев Иван Яковлевич (1907—1973) —

с 1931 г. в органах ОГПУ, в октябре 1941—1942 гг. нач. Отд. правительственной «ВЧ»-связи НКВД СССР, с 1942 зам. нач. этого отд., полковник ГБ (14.02.43). В 1947—1952 гг. арестован, находился под следствием, затем на технической работе в отделе опертехники МГБ, в 5 спецотд. и ОТУ КГБ. Уволен из КГБ в 1967 г. Реабилитирован в 1995 г. — 82, 342

Воронов Николай Николаевич (1899—1968) —

с июля 1941 г. нач. артиллерии — зам. наркома обороны СССР, Главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965) — 271

Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) —

в 1926—1960 гг. член Политбюро — Президиума ЦК ВКП(б) — КПСС, Маршал Советского Союза (1935) — 26, 98, 146, 157, 162, 176, 269, 306—311, 341—344

Врангель —

барон, владелец поместья в Германии — 276

Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954) —

в марте 1949 — марте 1953 гг. министр иностранных дел СССР — 158, 343

Гаврилова —

сотрудница ГУВС НКВД СССР, лейтенант — 228

Гартман (Gartmann) Мартин Фридрих (1892—?) —

инспектор артиллерии, генерал-майор, задержан 11 июля 1945 г. в Веймаре и направлен в СССР, осужден Военным трибуналом войск МВД Московского округа 24 мая 1950 г. на 25 лет. Репатриирован в Германию 8 октября 1955 г. — 82

Геббельс (Goebbels) Йозеф (1897—1945) —

с 1933 г. министр пропаганды Германии, с 1944 г. имперский уполн. по проведению мобилизации — 46, 62

Гегечкори Евгений Петрович (1881-1954) —

меньшевик, с мая 1918 г. министр иностранных дел правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции во Франции. Брат жены Берия — 111

Гедич К.Г. —

ст. оперуполн. поста Охраны дипкорпуса 3 отд. ГУБ НКВД СССР, сержант ГБ — 211

Генкин Зиновий Григорьевич (1907—?) —

с 1931 г. в органах ОГПУ, с 1939 г. ст. следователь Следчасти ГУБ НКВД СССР, лейтенант ГБ, с 1946 г. ст. следователь Следчасти МГБ СССР, подполковник — 209

Герцовский Аркадий Яковлевич (1904—?) —

с 1920 в органах ВЧК, с февраля 1941 г. нач. 1 спецотд. НКВД СССР, в 1943—1953 гг. нач. отд. «А» НКГБ-МГБ СССР, генерал-майор (09.07.45). Арестован 3 октября 1953 г., осужден 6 июля 1955 г. на 10 лет ИТЛ — 80, 89

Гесс (Hess) Рудольф (1894—1987) —

руководитель «партийной канцелярии» НСДАП — 298

Гитлер (Hitler) Адольф (1889—1945) —

с 30 января 1933 — Рейхсканцлер Германии, с декабря 1941 г. Главнокомандующий германской сухопутной армией — 44, 62, 63, 225, 234, 271

Гладков Петр Андреевич (1902—1984) —

в 1939—1940 г. нач. УНКВД Белостокской обл., капитан ГБ (25.07.39) — 207

Гнеушев Павел Иванович (1914—?) —

с 1938 г. в органах НКВД, в 1941 г. ст. следователь 1 отделения 1 отд. Следчasti НКГБ СССР — 173

Гоглидзе Сергей Арсентьевич (1904—1953) —

с августа 1951 г. зам. министра госбезопасности СССР, с 20 ноября 1952 г. 1-й зам. министра госбезопасности СССР, генерал-полковник (09.07.45). Расстрелян по «делу Берии» — 115, 120—124, 126, 127, 129, 130, 134, 135, 139, 143, 291

Голиков Филипп Иванович (1900—1980) —

в 1938—1939 г. командующий Винницкой армейской группой войск, в 1958—1962 гг. нач. Гл. полит. упр. Советской Армии и ВМФ, Маршал Советского Союза (06.05.61) — 192, 204, 321

Голицын Анатолий Михайлович (р. 1926) —

офицер разведки МГБ-КГБ, в 1961 г. из резидентуры КГБ в Хельсинки бежал на Запад — 120, 337

Голованов А.Е. (1904—1975) —

командующий авиацией дальнего действия — 341

Горбатов Александр Васильевич (1891—1973) —

с 1912 г. в армии, с 1919 г. в РККА, командир кавалерийской дивизии, в 1937 г. арестован и осужден на 15 лет, в 1941 г. освобожден и реабилитирован, с июня 1945 г. командующий 5-й ударной армией и военный комендант Берлина, с ноября 1945 г. нач. Советской военной администрации провинции Мекленбург, с ноября 1946 г. в СССР — командующий 11-й гвард. армией, с мая 1954 г. командующий войсками Прибалтийского ВО, генерал-полковник (29.06.44), генерал армии (08.08.55), Герой Советского Союза (10.04.45) — 326

Горбатьюк Иван Маркович (1903—1957) —

в 1943—1945 гг. нач. Гл. упр. войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии, генерал-лейтенант — 229

Горбачев Михаил Сергеевич (р. 1931) —

в 1985—1991 гг. Генеральный секретарь ЦК КПСС, в 1990—1991 гг. Президент СССР — 199, 352

Горбунов В. —

в 1960 г. сотрудник аппарата ЦК КПСС — 321, 339

Гордеев Михаил Николаевич (1901—1972) —

зам. нач. 10 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ. Приказом НКВД № 00640 от 25 мая 1940 г. уволен из органов с арестом на 20 суток «за обман и фальсификацию в работе с агентурой». В 1940—1942 гг. — ст. инспектор, нач. отделения отд. кадров Гл. архивного упр. НКВД, с мая

1942 г. — нач. отд. секретных фондов Упр. гос. архивами НКВД СССР.
С 1944 г. на работе в системе ГУПВИ, затем в ГУЛАГе, подполковник внутр. службы. В 1954 г. уволен из МВД — 80, 208

Горегляд Алексей Адамович (1905—1986) —
в 1946—1950 гг. министр судостроительной промышленности СССР — 157

Горкин Александр Федорович (1897—1988) —
в 1957—1972 гг. председатель Верховного суда СССР — 194

Горлинский Николай Дмитриевич (1907—1965) —
с 1943 г. нач. УНКГБ-УМГБ Краснодарского края, в сентябре 1945 — апреле 1947 гг. уполн. НКВД-МВД и НКГБ-МГБ СССР по Эстонии, с 1949 г. нач. УМГБ Ленинградской обл., с декабря 1951 г. зам. нач. Волжского ИТЛ МВД по лагерю, в марте 1953 — марте 1954 гг. нач. 5 упр. МВД СССР. В июне 1954 г. уволен из КГБ «по служебному несоответствию». Генерал-лейтенант (09.07.45). Лишен звания генерал-лейтенанта в 1954 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах» — 64

Горохов Сергей Федорович (1901—1974) —
с 1918 г. секретарь зем-отдела в селе, с марта 1920 г. в РККА, красноармеец Тульской караульной роты, ком. роты, нач. полковой школы 52-го Ярославского пехотного полка, руководитель опытного полигона Московского ВО, в 1939 г. окончил Военную академию им. Молотова, с 1939 г. нач. штаба 99-й стрелковой дивизии в Киевском ВО и на Юго-Западном фронте, с декабря 1941 г. ком. 124-й отдельной стрелковой бригады Южно-Уральского ВО, МВО, с 1942 г. командующий группы войск, зам. командующего 51-й и 7-й армий на Сталинградском, 3-м и 4-м Украинском, Карельском фронтах, с марта 1945 г. ком. 40 гв. стрелкового корпуса на 2-м Белорусском фронте, с июля 1945 г. нач. Упр. комендантской службы СВАГ, с августа 1948 г. нач. УВД СВАГ, в декабре 1949 г. откомандирован в СССР, в 1951 г. окончил Высшее академические курсы Высшей Военной Академии им. Ворошилова, с февраля 1951 г. на военно-преподавательской работе. Генерал-майор (07.12.42) — 57

Горшенин Константин Петрович (1907—1978) —
с ноября 1943 г. Прокурор СССР, с марта 1946 г. Генеральный прокурор СССР, в январе 1948 — мае 1956 гг. министр юстиции СССР — 234

Горяинов Евгений Николаевич (1907—1964) —
с 1930 г. в органах ОГПУ, в 1945—1948 гг. зам. нач. УКР СМЕРШ — УКР МГБ ГСОВБ, генерал-майор — 66

Гостюшев —
капитан РККА — 24

Грачев —
командир авиадивизии ГСОВБ — 68

Гренвальд Р. —
в 1957 г. первый адъютант президента Финляндии — 178

Гретруп —

немецкий авиаинженер — 335

Грибов Михаил Васильевич (1905—?) —

в феврале — июле 1941 г. зам. наркома госбезопасности СССР по кадрам, в 1941—1945 гг. нарком внутр. дел, нарком госбезопасности Мордовской АССР, в 1945—1952 гг. нач. отд. «В» НКГБ-МГБ СССР, генерал-майор (09.07.45) — 272

Григоренко Петр Григорьевич (1907—1987) —

служил в РККА, в годы войны командовал дивизией, генерал-майор. В 1959 г. на партийном собрании выступил с резкой критикой политики КПСС, в 1961 г. был исключен из КПСС, в 1964 г. заключен в психиатрическую больницу. Впоследствии активный деятель правозащитного движения в СССР. С 1977 г. в эмиграции в США — 167

Гришаев Павел Иванович (р. 1918) —

с 1938 г. в органах НКВД, пом. нач. Следчасти МГБ СССР, подполковник. Уволен из МВД в октябре 1953 г. «по служебному несоответствию». С 1953 г. на преподавательской работе, с 1969 г. профессор кафедры уголовного права Всесоюзного юридического заочного института, Заслуженный деятель науки РСФСР (1981) — 130

Грицук Леонид Степанович (1906—1960) —

в декабре 1939 — июне 1941 гг. 1-й секретарь Львовского обкома КП(б)У, с 9 сентября 1941 г. член Военного совета 6-й армии — 215

Громько Андрей Андреевич (1909—1989) —

с 1957 г. министр иностранных дел СССР, в 1973—1988 гг. член Политбюро ЦК КПСС — 155, 156

Грюнвальд — см. Гренвальд**Гудериан (Guderian) Хайнц Вильгельм (1888—1954) —**

в июле 1944 — марте 1945 гг. нач. Генштаба сухопутных войск, генерал-полковник (1940). В марте 1945 г. уволен в запас — 46

Гузовский Александр Александрович (1904—?) —

с 1928 г. в органах ОГПУ, с 1943 г. нач. 9 отд. 2 упр. НКГБ СССР, с октября 1943 г. на работе в Алжире и Франции по линии разведки НКГБ-МГБ, полковник. С 1947 г. на пенсии, работал нач. отд. научной информации изд-ва иностранной литературы. Арестован в мае 1952 г., освобожден в августе 1954 г., реабилитирован, вернулся в изд-во — 120

Гульст Зиновий Наумович (1909—?) —

с 1931 г. в органах ГПУ Грузии, с апреля 1946 г. нач. следственного отд. оперсектора МВД земли Тюрингия, с ноября 1946 г. нач. окружного отд. МГБ в Пюстрове (Мекленбург), с апреля 1947 г. на руководящей работе в МВД Грузии, полковник. В апреле 1954 г. уволен из МВД «по фактам дискредитации», в 1959 г. исключен из партии — 294, 295

Гусев Я.Н. —

оперуполн. 9 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 211

Гуськов Анатолий Михайлович (р. 1914) —

с 1939 г. в органах НКВД, с 1959 г. нач. 3 Пл. упр. КГБ при СМ СССР, с 1963 г. нач. ОО КГБ Московского ВО, генерал-майор (14.01.56). В октябре 1970 г. уволен из КГБ «по возрасту» — 10

Двинский Борис Александрович (1894—1973) —

в 1944—1950 гг. нарком — министр заготовок СССР — 75, 256

Дедов А.Л. (1913—1961) —

с апреля 1953 г. зав. административным и торгово-финансовым отделом ЦК КПСС, в мае 1954 — марте 1955 гг. зав. административным отделом ЦК КПСС — 310

Демидов Сергей Петрович (1901—1981) —

с мая 1915 г. ученик столяра, кладовщик на ф-ке и в частном магазине в Москве, писарь волисполкома в Мышкино, с марта 1920 г. в РККА, красноармеец, курсант див. школы, ком. взвода Можайской, Подольской караульных рот в Смоленске, Тамбовской губ., МВО, с декабря 1927 г. ком. взвода, дивизиона войск ОГПУ, в 1931 г. окончил высшие стрелково-тактические курсы РККА, нач. штаба, военком, ком. 193-го полка войск ОГПУ-НКВД, зам. нач. окр. упр. по снабжению войск НКВД, с июня 1941 г. див. интендант, ком. полка, зам. ком. 109-й стрелковой дивизии, ком. 86-й стрелковой дивизии на Ленинградском, 2-м Белорусском фронтах, с июля 1945 г. нач. АХУ Штаба СВАГ, нач. упр. материально-техн. обеспечения СВАГ, в январе 1950 г. откомандирован на учебу, в 1950 г. окончил курсы усовершенствования командиров стрелковых дивизий при Военной академии им. Фрунзе, с апреля 1950 г. нач. окр. курсов усовершенствования офицерского состава МВО, с января 1956 г. на пенсии в Ленинграде. Генерал-майор (02.02.44) — 254

Джилас Милован (1911—1995) —

с 1932 г. член коммунистической партии Югославии (КПЮ), с 1940 г. член Исполкома КПЮ, с 1948 г. секретарь Исполкома КПЮ, в 1954 г. снят со своих постов и исключен из партии «за антимарксистские, антиленинские ревизионистские устремления». Неоднократно арестовывался властями Югославии. После опубликования книги «Беседы со Сталиным» был вновь арестован «за разглашение государственных тайн» — 45

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926) —

с 1917 г. председатель ВЧК — 145, 146, 308, 309

Димитров Георгий (1882—1949) —

в 1935—1943 гг. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, в 1943—1946 гг. сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), с 1946 г. председатель Совета министров Болгарии, с 1948 г. генеральный секретарь ЦК Болгарской компартии — 157

Дмитриева —

сотрудница ГРУ — 323

Доброхотов Василий Павлович (1911—1971) —

с сентября 1951 г. нач. Секретариата МГБ СССР, со 2 февраля 1952 г. 1-й

зам. нач. 1 Гл. упр. МГБ СССР, с 6 февраля 1953 г. нач. секретариата МГБ СССР, с марта 1953 г. зам. нач. Секретариата МВД СССР, с декабря 1953 г. зам. нач. 2 Гл. упр. МВД СССР, полковник. С марта 1954 г. нач. Секретариата КГБ при СМ СССР, генерал-майор (09.01.57) — 137

Добрынин Георгий Прокопьевич (1907—1977).

Родился в семье рабочего. Русский. В коммунистической партии с 1930 г. В 1939 г. окончил Военную академию им. Фрунзе. С 1925 г. в РККА, по окончании пехотной школы в Ульяновске направлен в войска ОГПУ. В 1939—1947 гг. зам. нач. ГУЛАГ НКВД-МВД СССР, одновременно с сентября 1942 г. в действующей армии, участвовал в обороне Кавказа, в апреле—мае 1944 г. нач. 6-го оперсектора в Евпатории, руководил выселением из Крыма, с сентября 1944 г. нач. Аспиндзского оперсектора по переселению из пограничных районов Грузии, в мае — августе 1945 г. находился в командировке в Германии: служил нач. оперсектора НКВД провинции Мекленбург — Западная Померания. В 1947—1951 гг. нач. ГУЛАГ МВД СССР, с 1951 г. зам. нач. упр. войск охраны промышленности и ж.д. МВД СССР, затем нач. Главной инспекции МВД СССР, с сентября 1952 г. нач. Гл. упр. МГБ СССР по контролю и инспектированию ведомственной охраны, в 1954—1959 гг. нач. 7 упр. КГБ при СМ СССР, в 1959—1962 гг. Старший консультант КГБ в Монголии. В июле 1962 г. уволен в отставку по болезни. Генерал-майор (09.07.45) — 332

Довгань И.К. —

оперуполн. 5 отделения 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 210

Домашев Анатолий Васильевич —

следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 210

Дорошевич Николай Степанович —

следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 209

Дудоров Николай Павлович (1906—1977) —

в 1956—1960 гг. министр внутр. дел СССР — 15, 16, 171, 172, 187, 188

Дукельский Семен Семенович (1892—1960) —

в 1939—1942 гг. нарком морского флота СССР — 157

Духович Сергей Григорьевич (1903—1970) —

в 1939—1940 гг. нач. УНКВД Пинской обл., капитан ГБ (02.11.39), затем зам. наркома внутр. дел БССР, майор ГБ (15.05.40) — 208

Дыгай Николай Александрович (1908—1963) —

в 1947—1949 гг. министр строительства военных и военно-морских предприятий СССР — 92

Евстафеев Серафим Васильевич (1904—1976) —

в августе 1951 — мае 1952 гг. зам. министра госбезопасности СССР — 105

Егоров П.И. (1899—1967) —

профессор-терапевт, нач. Лечсанупра Кремля. Арестован по «делу врачей», освобожден в апреле 1953 г — 121, 122

Ежов Николай Иванович (1895—1940) —

в 1936—1938 гг. нарком внутр. дел СССР, расстрелян — 9, 17, 18, 21, 22

Еломанов Сергей Иванович —

с 1939 г. следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 211

Еншин Михаил Александрович (1900—1984) —

с 1917 г. в армии, с 1923 г. в погранвойсках, в 1941 г. окончил Высшую школу войск НКВД, затем на преподавательской работе. В войну командовал дивизией на Ленинградском, Центральном, 1-м, 2-м и 3-м Белорусском фронтах, в 1944—1945 гг. командир 362-й стрелковой дивизии 50-й армии 2-го Белорусского фронта. Герой Советского Союза (06.04.45). В 1945 г. нач. Отд. комендантской службы УСВА провинции Мекленбург, генерал-майор (02.07.43), генерал-лейтенант (08.08.55). С 1958 г. в запасе — 236

Епишев Алексей Алексеевич (1908—1985) —

в августе 1951 — марте 1953 гг. зам. министра госбезопасности СССР по кадрам — 105, 157

Есиков Борис Семенович —

ветеран КГБ — 10

Ефименко Михаил Сергеевич (1907—1962) —

с января 1939 г. нач. 1 отд. ЭКУ НКВД БССР, ст. лейтенант ГБ — 207

Ефимов Сергей Александрович (1899—1975) —

с 1922 г. в органах ГПУ, работал в кремлевской охране, комендант дачи Сталина, генерал-майор (09.07.45). С 1952 г. на пенсии — 87

Жданов Андрей Александрович (1896—1948) —

в 1934—1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б), с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б) — 60, 256, 269, 341—345

Желтов А.С. (1904—1991) —

с 1953 г. нач. Гл. политуправления Министерства обороны СССР, генерал-полковник, в декабре 1957 — июне 1959 гг. зав. Отделом административных органов ЦК КПСС — 190

Жемчужина (Карлович) Полина Семеновна (1897—1970) —

жена В.М. Молотова (см.). В 1949 г. осуждена ОСО МГБ к ссылке, в марте 1953 г. реабилитирована — 157

Жигарев —

зам. нач. 4 отд. (следственного) оперсектора НКВД-МВД в земле Тюрингия, капитан — 294, 296, 300, 301

Жигарев Павел Федорович (1900—1963) —

в 1941—1942 гг. командующий ВВС Красной Армии — 341

Жордания Ной Николаевич (1869—1953) —

лидер грузинских меньшевиков, депутат 1-й Госдумы. В 1917—1918 гг. председатель Тифлисского Совета, председатель правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции — 111

Жуков Георгий Константинович (1896—1974) —

в июле 1945 — марте 1946 — Главнокомандующий ГСОВГ — Главнначальствующий СВАГ, в 1946—1953 гг. командующий войсками Одесского и Уральского ВО, в 1955—1957 гг. министр обороны СССР, Маршал Советского Союза (18.01.43), четырежды Герой Советского Союза (29.08.39, 29.07.44, 01.06.45, 01.12.56) — 12, 27, 40, 42, 45, 46, 49—51, 54, 56, 58, 61, 67—70, 84—86, 90, 142, 162, 166, 173, 176—178, 181, 198, 200, 201, 233, 237, 240—242, 246, 247, 266—270, 326, 340, 342

Журавлев Михаил Иванович (1911—1976) —

в 1941—1948 гг. нач. УНКВД-УМВД Московской обл., генерал-лейтенант (09.07.45) — 32, 63

Журавлев Павел Иванович (1901—1963) —

с 1923 г. в органах погранохраны и НКВД, с 1939 г. нач. 9 отделения 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в феврале — июле 1941 г. зам. нач. 5 отд. 2 упр. НКГБ СССР, капитан ГБ (28.04.41), в 1945—1946 гг. нач. опергруппы № 5 Берлинского оперсектора НКВД-МВД, затем нач. райотделов МГБ районов Фридрихсхаген и Трептов в Берлине, с 1948 г. нач. 1 отд., а в 1949—1952 гг. нач. отд. «МК» Аппарата уполн. МГБ СССР в Германии, полковник — 209

Завгородний Михаил Андреевич (1900—1983) —

с 1921 г. в органах ВЧК, с апреля 1939 г. нач. 3 Спецотдела НКВД УССР, капитан ГБ (28.04.39), с сентября 1941 г. зам. нач. ОББ НКВД СССР, полковник ГБ (14.02.43), с июля 1943 г. зам. нач. УНКВД Ставропольского края, с декабря 1943 г. нач. УНКВД Одесской обл., с апреля 1944 г. нач. УНКВД Станиславской обл., с августа 1945 г. нач. УНКВД-УМВД Измаильской обл. С июля 1948 г. на пенсии, работал зав. переселенческим отделом Измаильского облисполкома, с апреля 1950 г. на пенсии в Белгороде-Днестровском — 207

Задюченко С.Б. (1898—1972) —

с февраля 1938 г. 1-й секретарь Днепропетровского обкома КП(б)У, в 1951—1958 гг. инспектор ЦК ВКП(б) — КПСС — 157

Зайцев Михаил Андреевич (1903—?) —

в органах ОГПУ с 1932 г., в 1940 г. зам. нач. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 209

Зайчиков Василий Никифорович (1919—1988) —

в 1940 г. окончил Московский институт инженеров транспорта, затем на руководящей комсомольской работе, с января 1952 г. секретарь ЦК ВЛКСМ, в январе — марте 1953 г. зам. нач. Следчасти МГБ СССР, затем на учебе в ВПШ при ЦК КПСС, в дальнейшем на партийной работе. В 1965—1981 гг. зам. председателя АПН, зав. бюро АПН в Финляндии, с 1981 г. персональный пенсионер союзного значения — 129,130

Зальбер —

арестованный немец — 260

Зауэр —

владелец оружейного завода в Германии — 266

Захаров М.Г. —

в 1950 г. сотрудник КПК при ЦК ВКП(б) — 89

Захаров Николай Степанович (1909—2002) —

в 1954—1958 гг. нач. 1 отд. и зам. нач. 9 упр. КГБ при СМ СССР, с февраля 1958 г. нач. 9 упр. КГБ при СМ СССР, в 1961—1963 гг. зам. председателя, а в июле 1963 — апреле 1970 гг. 1-й зам. председателя КГБ при СМ СССР, генерал-полковник (09.12.64) — 11, 174, 175

Захаров Павел Фомич (1903—?) —

с 1930 в органах ОГПУ, в войну на фронте, нач. ОКР СМЕРШ 52 запасного стрелкового полка, в 1945—1946 гг. зам. нач. районной опергруппы НКВД-МВД в Берлине, майор — 260

Зачепа Иван Иванович (1900—1976) —

в 1939—1941 гг. нач. УНКВД Дрогобычской обл., капитан ГБ (11.01.40) — 207

Зеленин Павел Васильевич (1902—1965)

Родился в семье кузнеца. Русский. В коммунистической партии с 1929 г. В 1915 г. окончил двух классовое железнодорожное училище, работал учеником и подручным котельщика на з-де в Запорожье. С 1918 г. в РККА. С 1920 г. в органах ЧК на ж.д. Украины, с декабря 1939 г. нач. ДТО НКВД Белостокской ж.д. С 1941 г. на руководящей работе в органах военной контрразведки, в 1944—1945 гг. нач. УКР СМЕРШ НКО 3-го Белорусского фронта, с июля 1945 г. нач. УКР СМЕРШ НКО — УКР МГБ СССР ГСОВГ. С апреля 1947 г. в распоряжении упр. кадров МГБ СССР. Уволен из МГБ в запас по состоянию здоровья в декабре 1948 г. В октябре 1951 г. был арестован по обвинению в «подрывной деятельности в органах МГБ». Осужден ОСО МГБ СССР 23.08.52 по ст. 58-1«б» УК РСФСР на принудительное лечение «с изоляцией». В мае 1954 г. состав преступления переквалифицирован на ст. 193-17«а» УК РСФСР, и в соответствии с Указом об амнистии от 27.03.53 дело производством прекращено. Освобожден 15.05.54. Генерал-лейтенант (26.05.43). Лишен звания генерал-лейтенанта пост. СМ СССР № 2395-1145сс от 3 декабря 1954 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах госбезопасности и недостойный в связи с этим высокого звания генерала» — 66, 70, 109, 110, 151, 152, 244—246, 248, 269

Землячка-Самойлова (Залкинд) Розалия Самойловна (1876—1947) —

с 1939 г. член ЦК ВКП(б), в 1939—1943 гг. зам. председателя СНК СССР — 157

Зимин Павел Михайлович (1904—1973) —

в 1942 г. нач. войск НКВД по охране тыла Крымского фронта, в 1945 г. нач. войск НКВД по охране тыла 1-го Белорусского фронта, в июле 1945 — мае 1946 гг. нач. упр. войск НКВД-МВД в Германии, генерал-майор (20.12.42) — 220, 331

Знароченко Георгий Степанович (1914—1970) —

с 1938 г. в органах НКВД, в 1945—1946 гг. нач. опергруппы НКВД-МВД в г. Зонненберг, с 1946 г. нач. уездных отделов МГБ Эйзенах и Арнштадт

земли Тюрингия, майор. С 1952 г. сотрудник УМГБ Днепропетровской обл., подполковник — 294, 295

Зоммер (Sommer) Вальтер (1893—?) —

с 1928 г. член НСДАП, министр внутренних дел Тюрингии, с 1934 г. в «штабе Гесса», в 1941 г. президент Имперского суда — 298

Зуев Г.Г. —

оперуполн. 13 отделения 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 210

Зуев Павел Никитич (1901—1980) —

в марте 1940 — феврале 1941 гг. нач. П. тюремного упр. НКВД СССР, майор ГБ (14.03.40) — 213

«**Иванов**» —

псевдоним И.А. Серова — 41

Иванов —

нач. отделения ГЭУ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 207

Иванов Александр Петрович (1902—?) —

в 1941—1943 гг. нач. адм.-хоз. отделения УОО НКВД СССР, капитан ГБ, подполковник ГБ (11.02.43) — 270

Иванов Алексей Иванович (1911—?) —

с 1938 г. в органах НКВД, с 1939 г. следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ. В 1940 г. откомандирован в Эстонию — 212

Иванов Василий Герасимович (1914—?) —

с 1938 г. в органах НКВД, с 1939 г. следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ, в 1941 г. следователь 3 отделения 1 отд. Следчасти НКГБ СССР — 211

Иванов Владимир Васильевич (1909—1966) —

в апреле — июле 1953 г. нач. секретариата Особого совещания МВД СССР, генерал-майор (09.07.53). Лишен звания генерал-майора в 1955 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах...» — 134

Ивашутин Петр Иванович (1909—2002) —

с июня 1954 г. зам. председателя, а с января 1956 г. 1-й зам. председателя КГБ при СМ СССР, генерал-полковник (18.02.58), в марте 1963 — июне 1987 гг. нач. ГРУ Генштаба — зам. нач. Генштаба Вооруженных Сил СССР, генерал армии (23.02.71) — 170, 184, 195, 317

Игнатов Николай Григорьевич (1901—1966) —

в 1918—1932 гг. служил в РККА и ОГПУ. С 1934 г. на партийной работе. Приказом НКВД 25 ноября 1940 г. ему присвоено звание капитана ГБ за паса. С 1957 г. секретарь ЦК и член Президиума ЦК КПСС — 168, 181—186, 192, 317—319, 321

Игнатьев Семен Денисович (1904—1983) —

в 1951—1953 гг. министр госбезопасности СССР — 89, 103, 105—108, 112, 115—117, 119—122, 124, 126—130, 137, 139, 166

Илюшин-Эдельман Илья Израилевич (1897—1974) —

с 1919 в органах ВЧК, в 1946—1950 гг. зам. нач. 5 упр. МГБ СССР, генерал-майор (09.07.45). В марте 1950 г. уволен. В феврале 1953 г. арестован. Освобожден 4 июля 1953 г., затем на пенсии в Москве — 128

Ильичев Иван Иванович (1905—1983) —

в августе 1942 — марте 1943 гг. нач. ГРУ Генштаба Красной Армии, с 1943 г. зам. нач. ГРУ, генерал-лейтенант (06.12.42). С 1948 г. на дипломатической работе, в 1952—1953 гг. посол СССР в ГДР, в 1953—1956 гг. Верховный комиссар СССР в Австрии, посол СССР в Австрии — 310

Ильичев Леонид Федорович (1906—1990) —

в 1961—1965 гг. секретарь ЦК КПСС — 339

Ильяшенко Павел Степанович (1905—?) —

с 1938 г. в органах НКВД, с 1941 г. зам. нач. 1 отделения 2 отд. 3 упр. НКВД СССР, в 1940-х гг. зам. нач. отд. МГБ, полковник — 110

Иткин Леонид Ефимович (1910—?) —

с 1932 г. в органах ОГПУ, с сентября 1939 г. ст. следователь Следчасти ГЭУ, с мая 1940 г. пом. нач. Следчасти ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в 1941 г. зам. нач. 1 отд. Следчасти НКГБ СССР, с 1943 г. зам. нач. 11 отд. 2 упр. НКГБ СССР, затем зам. нач. следств. отд. УКР МГБ Московского ВО, полковник. В октябре 1951 г. арестован, освобожден 21 марта 1953 г. — 107, 128

Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991) —

в 1928—1939 гг. секретарь ЦК, в 1930—1957 гг. член Политбюро — Президиума ЦК ВКП(б) — КПСС — 69, 76, 85, 113, 132, 145, 162, 165, 166, 176—178, 181, 306—311, 342

Каганович Михаил Моисеевич (1888—1941) —

в 1939—1940 гг. нарком авиационной промышленности СССР, затем директор авиационного завода. Брат Л.М. Кагановича. Покончил с собой — 132, 157

Какучая Варлам Алексеевич (1905—1982) —

в 1943—1947 гг. нарком — министр госбезопасности Северо-Осетинской АССР, одновременно в 1945—1946 гг. находился в командировке в Берлине. Генерал-майор (09.07.45). В июле 1959 г. арестован, 17 июля 1956 г. осужден на 15 лет. Освобожден в 1968 г. — 241, 242, 248

Калинин Михаил Иванович (1875—1946) —

в 1938—1946 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР — 157

Кан (Kahn) Альберт (р. 1912) —

автор книги «Тайная война против Америки» — 298

Каранадзе Григорий Теофилович (1902—1970) —

в 1943—1952 гг. нарком — министр внутр. дел Грузии, генерал-лейтенант (09.07.45). В апреле 1952 — апреле 1953 гг. под следствием по «минг-рельскому делу» — 112, 134, 136

Карпенко Николай Матвеевич (1904—?) —

в 1947—1951 г. нач. УМГБ Алтайского края, генерал-майор (23.07.45). Арестован 3 декабря 1951 г., осужден ОСО при МГБ 2 июля 1952 г. «за злоупотребление служебным положением, хищение государственного имущества и ложный донос» на 10 лет. Вышел на свободу 14 ноября 1958 г. инвалидом 3 группы — 109, 110

Картушев М.Ф. (1904—1942) —

с 1938 г. зам. нач. Гл. упр. воздушного флота — 341

Кашеев Е.Г. —

в 1952 г. сотрудник 1 Гл. упр. МГБ СССР — 120

Квашнин Павел Алексеевич (1907—1973) —

с ноября 1920 г. рассыльный, рем. рабочий участка службы пути, пионер-вожатый, в 1932 г. окончил Ленинградский ин-т ж.д. транспорта, с 1932 г. в РККА в ж.д. войсках, нач. сектора корпуса ж.д. войск, преподаватель, пом. нач., нач. учебного отд. Московского ж.д. училища, адъютант кафедры Военно-инж. академии им. Куйбышева, с октября 1940 г. контролер, секретарь парткома Наркомата госконтроля СССР, с июля 1941 г. военком, зам. нач. по политчасти упр. воен. сообщений Генштаба РККА в Москве, с июня 1943 г. нач. упр. воен. сообщений на Северо-Западном, 2-м Белорусском, 3-м Украинском фронтах, с декабря 1944 г. нач., зам. нач. упр. уполн. воен. сообщений Советской Армии и НКПС по Румынии в Бухаресте, с июля 1945 г. нач. Транспортного отд. СВАГ в Берлине, с декабря 1945 г. нач. трансп. упр. СВАГ в Берлине, с февраля 1950 г. пом. командующего по стр-ву в г. Куйбышевка-Восточная, с июня 1951 г. нач. упр. спецстроя Главсевморпути в Москве. Генерал-майор технических войск (09.04.43) — 235

Кеворков Вячеслав Ервандович (р. 1923) —

с 1954 г. в органах КГБ, в 1969—1973 гг. зам, а с 1973 г. нач. 7 отд. 2 Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор (02.11.72). В 1982—1991 гг. зам. Генерального директора ТАСС, затем зав. бюро ИТАР — ТАСС в Германии — 200, 201

Кекконен (Кеккопеп) Урхо Калева (1900—1986) —

в 1956—1981 гг. президент Финляндии — 178

Кжижановский Александр —

в 1944 г. командовал Виленским и Новогрудским округами Армии Крайовой, подполковник — 334

Кидин Александр Николаевич (1909—1959) —

в 1951—1955 гг. 1-й секретарь Владимирского обкома партии, с 1955 г. зав. отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР, с апреля 1959 г. 1-й секретарь Удмуртского обкома КПСС — 106

Кириленко Андрей Павлович (1906—1990) —

в 1962—1982 гг. член Президиума — Политбюро ЦК КПСС, одновременно с 1966 г. секретарь ЦК КПСС — 186, 339

Кириченко Алексей Илларионович (1908—1975) —

в 1955—1960 гг. член Президиума ЦК КПСС, в 1957—1960 гг. секретарь ЦК КПСС — 170, 176, 181—187, 318—319

Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886—1934) —

с 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома — обкома, с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), убит 1 декабря 1934 г. — 314

Киселев Василий Иванович (1896—1968) —

с 1918 г. в РККА, воевал в Испании, награжден 2 января 1937 г. орденом Красного Знамени, в годы войны командир Орджоникидзеградской дивизии внутр. войск. Генерал-майор (24.01.42). С 1946 г. в отставке. Награжден 8 марта 1944 г. орденом Кутузова 2 степени за участие в депортации населения из Чечено-Ингушской АССР, награждение отменено 29 марта 1962 г — 332, 333

Китаев Д. И. —

зам. Главного военного прокурора, генерал-майор юстиции — 274

Клепов Сергей Алексеевич (1900—1972).

Родился в семье сапожника-кустаря Русский. В коммунистической партии с 1923 г. (исключен в 1955). В 1911 г. окончил церковно-приходскую школу в Воронеже, работал учеником слесаря на велосипедном треке, слесарем в депо. С 1920 г. в органах ВЧК на транспорте, в 1930 г. окончил школу Транспортного отд. ОГПУ, в 1939—1941 гг. нач. Дорожно-транспортного отд. НКВД Львовской ж.д., в феврале — июле 1941 г. нач. 6 отд. 2 упр. НКГБ СССР, в июле — сентябре 1941 г. нач. УНКВД Смоленской обл., затем нач. ОББ НКВД СССР, с июня 1942 г. нач. УНКВД Орджоникидзевского края, с декабря 1942 г. зам. нач. 2 упр. НКВД СССР, с мая 1943 г. зам. нач. 3 упр. НКГБ СССР, в июне 1945 — январе 1948 гг. нач. оперсектора НКВД-МВД-МГБ земли Саксония. В январе 1948 г. арестован. Приговорен ВК ВС СССР 17.10.51 по Указу от 07.08.32 и статье 193-17 «а» к 10 годам заключения с последующим поражением в правах на 3 года. Генерал-майор (09.07.45). Лишен звания 30.10.51 пост. СМ СССР № 4185-1926с как осужденный на 10 лет с поражением в политических правах на 3 года «за злоупотребление служебным положением и хищение социалистической собственности». Постановлением СМ СССР № 2171-881сс от 15.08.53 реабилитирован и восстановлен в звании. Приказом МВД СССР № 1592 от 07.10.53 уволен в запас «по сокращению штатов», приказом КГБ при СМ СССР № 275 от 10.08.66 формулировка изменена: «уволен по служебному несоответствию». В январе 1954 г. исключен из партии. Работал штамповщиком на з-де в Москве — 83—85, 87, 139, 188, 189, 244, 262—266, 274—279, 280, 286—288

Клепова В.В. —

жена С.А. Клепова — 284

Кобелев П.П. —

с января 1939 г. председатель ЦК Осоавиахима, комбриг — 341

Кобулов Амаяк Захарович (1906—1955) —

в декабре 1938 — сентябре 1939 гг. зам. наркома внутр. дел УССР, затем советник полпредства СССР в Германии (резидент НКВД), с 1941 г. нарком внутр. дел Узбекистана, с 1945 г. нач. Опер. упр. ГУПВИ НКВД-МВД СССР,

с июня 1951 г. нач. УПВИ и 1-й зам. нач. ГУЛАГа, генерал-лейтенант (09.07.45). Расстрелян — 22, 23, 33, 94

Кобулов Богдан Захарович (1904—1953) —

с июля 1941 г. зам. наркома внутр. дел СССР, в апреле 1943 — декабре 1945 гг. 1-й зам. наркома госбезопасности СССР, с 1946 г. зам. нач. Гл. упр. советского имущества за границей, работал в Германии, генерал-полковник (09.07.45). Расстрелян по «делу Берии» — 22, 31, 34, 35, 39, 64, 65, 133, 135—137, 140, 143, 314, 344

Ковалев Елисей Андреевич —

следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 209

Ковальчук Николай Кузьмич (1902—1972) —

Родился в семье таможенника. Украинец. В коммунистической партии с 1927 г. В 1919 г. окончил два класса школы 2-й ступени, работал разнорабочим в кожевенном производстве и в милиции. С 1926 г. в погранвойсках в Грузии, с января 1938 г. в органах НКВД Грузии, в 1939—1941 гг. нач. следственной части УНКВД Ленинградской обл. С 1941 г. на руководящей работе в военной контрразведке, в 1943—1945 гг. нач. УКР СМЕРШ 4-го Украинского фронта, в августе 1945 — мае 1946 гг. нач. УКР СМЕРШ Прикарпатского ВО. С мая 1946 г. зам. министра госбезопасности СССР, одновременно с сентября 1946 г. уполн. МГБ в Германии. С августа 1949 г. министр госбезопасности УССР, в марте — мае 1953 г. министр внутр. дел Латвийской ССР, в июне — июле 1953 г. Старший советник МВД в Польше, в сентябре 1953 — мае 1954 гг. нач. УМВД Ярославской обл. Генерал-лейтенант (25.09.44). Лишен звания 23.11.54 пост. СМ СССР № 2349-1118сс «как дискредитировавший себя за время работы в органах госбезопасности и недостойный в связи с этим высокого звания генерала» — 68, 71, 109, 249—251

Ковач Иштван (р. 1917) —

в ноябре 1956 г. нач. Генштаба министерства обороны Венгрии. В июне 1958 г. на закрытом процессе приговорен к 6 годам заключения. В 1960 г. освобожден, в 1990 г. реабилитирован — 171

Кожевников Николай Александрович (1911—1969) —

с 1937 г. в органах НКВД, с 1939 г. нач. 11 отделения 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в 1943—1945 гг. зам. нач. УНКГБ Московской обл., в 1945—1946 гг. советник Посольства СССР в Югославии, с августа 1947 г. нач. 6 отд. КИ при СМ СССР, с апреля 1950 г. нач. 2 отд. 1 упр. МГБ СССР, с июня 1953 г. зам. старшего советника МВД СССР при МГБ Румынии, полковник — 212

Кожура —

военный прокурор, капитан юстиции — 274, 277

Козлов —

в 1953 г. зам. нач. Следчасти по ОВД МВД СССР, полковник — 312

Козлов Дмитрий Тимофеевич (1896—1967) —

в январе — мае 1942 г. командующий Крымским фронтом, генерал-лейтенант (1940) — 331

Козлов Фрол Романович (1908—1965) — в 1957—1964 г. член Президиума ЦК КПСС, с 1960 г. секретарь ЦК КПСС — 185—187, 194, 318, 326, 329

Козырев Александр Александрович (1916—1974) — в июле 1953 — марте 1954 г. и.о. нач. Следчасти по ОВД МВД СССР, полковник ГБ (02.10.53) — 311

Колесниченко Иван Созонович (1907—1984) — с февраля 1924 г. чернорабочий мельницы, зав. политпросветом райкома, секретарь райкома ЛКСМУ в Тульчинском округе, в 1932 г. окончил инженерно-мелиоративный ин-т в Одессе, с марта 1932 г. в РККА, курсант, инструктор-пилот, и.о. военкома упр. ВВС Харьковского ВО, в 1939 г. окончил Высшие военно-политические курсы при Политуправлении РККА, с 1939 г. инспектор Гл. полит. упр. РККА, с 1942 г. член Военного совета 3-й гвард. армии на Юго-Западном, 1-м, 3-м, 4-м Украинских фронтах, с июля 1945 г. нач. УСВА земли Тюрингия, с ноября 1949 г. и.о. представителя СКК в Тюрингии, в сентябре 1950 г. откомандирован в СССР, в 1953 г. окончил Высшую военную академию им. Ворошилова, с апреля 1953 г. нач. политотдела и зам. нач. по политчасти Военной академии им. Фрунзе, с 1958 г. науч. работник научно-исслед. группы № 4 при Генштабе, с декабря 1960 г. нач. группы научных сотрудников Военно-политической академии им. Ленина, с мая 1964 г. пенсионер в Москве. Генерал-майор (06.06.43) — 233

Комаров Владимир Иванович (1916—1954) — с 1938 г. в органах НКВД, с июня 1946 г. зам. нач. Следчасти МГБ СССР, полковник. Арестован 26 июля 1951 г., приговорен ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. к расстрелу «по делу Абакумова» — 104, 128, 134, 293

Комов — в 1945—1947 гг. нач. ХОЗО оперсектора НКВД-МВД-МГБ земли Тюрингия, капитан — 290, 294

Конев Иван Степанович (1897—1973) — в мае 1944 — мае 1945 г. командующий 1-м Украинским фронтом, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (29.07.44, 01.06.45) — 45, 46, 58, 69, 337

Кноплев Дмитрий Владимирович — следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 211

Коняхин Николай Михайлович (1914—1977) — в 1938 г. окончил механический институт, работал конструктором на заводе, затем на партийной работе, в 1948—1950 г. слушатель ВШ МГБ СССР, затем военно-юридической академии, в марте — сентябре 1951 г. инструктор административного отд. ЦК ВКП(б), в сентябре 1951 — декабре 1953 гг. зам. нач. Следчасти МГБ-МВД СССР, затем нач. контрразведывательного отд. МВД-КГБ Чувашии. С 1955 г. зам. нач. предприятия п/я 648, нач. отд., затем упр. Исполкома Красного Креста, с 1960 г. зам. директора НИИ-801, с 1967 г. зам. директора НИИ прикладной физики в Москве — 129, 130

Корляков Иван Михайлович (1902—?) —

с 1937 г. в органах НКВД, с 1939 г. нач. 12 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в июне 1940 — январе 1942 гг. секретарь партбюро НКВД СССР, затем нач. политотдела машинно-тракторной станции в Куйбышевской обл. С 1943 г. в органах СМЕРШ, в 1944—1950 гг. зам. нач. отд. УКР СМЕРШ — УКР МГБ 1-го Белорусского фронта — ГСОВГ, с 1950 г. зам. нач. Свердловского райотдела милиции Москвы, подполковник — 207

Коробов —

в 1942 г. ком. полка, полковник — 332

Королев Николай Андрианович (1907—1986) —

в декабре 1950 — августе 1951 гг. зам. министра госбезопасности СССР по милиции. Арестован 4 ноября 1951 г., пробыл в заключении до декабря 1953 г., генерал-лейтенант (31.07.44), лишен генеральского звания в 1954 г. — 109, 128, 134

Коротков Александр Михайлович (1909—1961) —

с 1928 г. в органах ОГПУ, с 1957 г. ст. советник КГБ при органах ГБ ГДР, генерал-майор (14.01.56) — 193

Коротков Владимир Федорович (1908—?) —

нач. отделения Гл. архивного упр. НКВД, с 10 июля 1953 г. уволен из органов МВД «по болезни» — 79—82

Косыгин Алексей Николаевич (1904—1980) —

с 1940 зам. председателя СНК — СМ СССР, в 1948—1952 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б) — 343

Котиков Александр Георгиевич (1902—1981) —

с марта 1917 г. ученик медника на ф-ке в Москве, с 1919 г. на комсомольской работе, в 1921 г. окончил Тульский коммунистический ун-т, с 1921 г. зав. орг. отд. Привокзального райкома партии в Туле, с июля 1921 г. боец отряда по чистке партаппарата погр. губерний Украины, ответ. секретарь губкомпомгола в Житомире, с 1923 г. секретарь Тульского укома комсомола, с марта 1924 в РККА, красноармеец, ком. отделения, политрук роты, секретарь партбюро конвойного батальона в Кавказской Краснознаменной армии, в 1933 г. окончил Ленинградскую военно-политическую академию, с 1933 г. инспектор полит. упр. Северо-Кавказского ВО, с 1935 г. инструктор, а с 1940 г. зам. нач. орг. отд. Гл. полит. упр. РККА, с июля 1942 г. нач. полит. отд. 54-й армии Волховского фронта, в 1943 г. окончил ускоренные курсы Военной академии им. Фрунзе, с ноября 1943 г. нач. полит. отд. 61-й армии 1-го Белорусского фронта, с июля 1945 г. нач. УСВА провинции Саксония, с марта 1946 г. Военный комендант советского сектора Берлина, одновременно в декабре 1949 — феврале 1950 гг. представитель СКК в Берлине, в июле 1950 г. откомандирован на учебу в СССР. В 1952 г. окончил Высшую военную академию им. Ворошилова, с марта 1952 г. зам. нач. по политчасти гл. упр. авиавооружения ВВС, с сентября 1955 г. на пенсии в Москве. Генерал-майор (02.11.44) — 233

Котляр Леонтий Захарович (1901—1953) —

в 1941 г. нач. Гл. военно-инженерного упр. Красной Армии, с октября 1941 г. нач. Гл. упр. оборонительных работ. Генерал-полковник инж. войск (19.03.44), Герой Советского Союза (28.04.45) — 32

Котов Михаил Григорьевич (р. 1918) —

с 1939 г. в органах НКВД, в 1954—1957 гг. резидент КГБ в Финляндии, с 1957 г. зам. нач. 1 Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор (09.12.64) — 178

Котов П.М. — см. Лобов П.М.

Кочегаров Максим Константинович (1899—?) —

с 1920 в органах ВЧК. С 1947 г. нач. упр. делами МГБ СССР, генерал-майор. Арестован 25 июля 1951 г., осужден ВК ВС СССР 20 января 1954 г. на 10 лет «за расхищение государственных средств и материальных ценностей». На основании Указа об амнистии 1953 г. срок сокращен до 5 лет. Освобожден из-под стражи 6 декабря 1954 г. — 104, 128, 130, 134

Кочетов Николай Федорович (р. 1924) —

пом. нач. заставы 333-го погранполка, мл. лейтенант — 238—240

Кочлавашвили Александр Иванович (1906—1977) —

в июне 1952 — марте 1953 гг. министр госбезопасности Грузии, генерал-майор (09.07.45) — 115

Кошелев Борис Михайлович (1902—?) —

с 1936 г. в органах НКВД, до ареста занимал должность нач. 2 отд. ХОЗУ Гл. упр. охраны МГБ СССР, майор интендантской службы, арестован в мае 1952 г., освобожден в апреле 1953 г. — 120

Крахамбаров А.М. —

оперуполн. 9 отделения 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 210

Кривулин Самуил Аронович (1903—1972) —

с 1937 г. в органах НКВД, с апреля 1939 г. нач. отд-я 1 отд. ГЭУ НКВД СССР, с июня 1941 г. в органах военной контрразведки, нач. ОО НКВД 31-й армии, зам. нач. ОО НКВД 20-й армии, в 1943—1945 гг. зам. нач. ОКР СМЕРШ армии 3-го Белорусского фронта, подполковник. С марта 1946 г. зам. директора фабрики Гознак по режиму. В декабре 1947 г. уволен из МГБ по сокращению штатов, работал гл. контролером по режиму ВНИИ Гознак, директором магазина № 34 райпищеторга, нач. цеха полиграфической фабрики № 2 в Москве — 210, 212

Круглов Сергей Никифорович (1907—1977) —

с 1939 г. зам. наркома внутр. дел СССР, в декабре 1945 — марте 1953 гг. и в июне 1953 — январе 1956 гг. нарком — министр внутр. дел СССР, генерал-полковник (09.07.45) — 28, 34, 65, 70—73, 78, 79, 92, 94, 97, 137, 140—142, 145, 147, 153, 163, 243, 249—252, 256, 268, 273, 302, 306, 308—312, 344

Кружков В.С. (1905—1991) —

в 1953—1955 гг. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС — 310

Крупенин —

сотрудник финансового отд. аппарата уполн. НКВД в Германии — 263

Крутов Роман Васильевич (1903—1987) —

в 1939—1941 гг. нач. УНКВД Ровенской обл., капитан ГБ (06.11.39) — 207

Кубаткин Петр Николаевич (1907—1950) —

в 1939 г. сотрудник 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ (04.04.39), в июне 1939 — феврале 1941 г. нач. УНКВД Московской обл., ст. майор ГБ (13.06.39). В 1945 г. уполн. НКВД СССР по 2-му Прибалтийскому фронту, в июне — сентябре 1946 г. нач. 1 Гл. упр. МГБ СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). Расстрелян по «Ленинградскому делу» — 37, 118, 314, 315

Кудря Иван Данилович (1912—1942) —

с 1938 г. в органах НКВД, оперуполн. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ. В годы войны нач. разведывательно-диверсионной группы в Киеве, капитан. Арестован и казнен. В 1965 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза — 209

Кузнецов Александр Степанович (1906—1977) —

с 1932 г. в органах милиции, с 1944 г. опер. уполн. Кинешемского горотдела НКВД, в 1945—1947 гг. ст. оперуполн. по учету Берлинского оперсектора НКВД, нач. оперучетного отделения Берлинского оперсектора МВД-МГБ, ст. лейтенант, капитан. С 1947 г. опер. уполн. милиции в Иваново, с 1957 г. на пенсии — 260, 265

Кузнецов Алексей Александрович (1905—1950) —

в 1946—1949 гг. секретарь ЦК ВКП(б), расстрелян по «Ленинградскому делу» — 82, 83, 100, 118, 128, 130, 257

Кузнецов Иван Михайлович (1916—?) —

с 1938 г. в органах НКВД, адъютант, нач. личной охраны В.С. Абакумова — нач. охраны 1 отд. Упр. охраны № 2 Гл. упр. охраны МГБ СССР, подполковник. В июле 1951 г. арестован. В августе 1953 г. осужден ОСО МВД на 7 лет. В сентябре 1954 г. освобожден условно-досрочно — 129, 270

Кузнецов Николай Герасимович (1902—1974) —

в 1939—1946 гг. нарком Военно-Морского Флота СССР, в 1951—1953 гг. военно-морской министр СССР, Адмирал Флота Советского Союза — 158, 342

Кузнецов Федор Федотович (1904—1979) —

в марте 1943 — мае 1947 гг. нач. ГРУ Генштаба Вооруженных Сил, с 30 мая 1947 г. зам. председателя Комитета информации при СМ СССР, генерал-полковник (29.07.44) — 344

Кузьмичев Сергей Федорович (1908—1989) — с 1932 по 1947 г. служил

в личной охране Сталина, дослужился к 1947 г. до нач. Упр. охраны № 1 МГБ. С 1947 г. на учебе в Высшей школе МГБ, затем работал уполн. СМ СССР по курортам Сочи — Мацеста, с ноября 1949 г. возглавил Упр. охраны № 2 МГБ СССР, а с августа 1950 г. стал зам. нач. УМГБ Брянской области, генерал-майор (09.07.45). В январе — марте 1953 г. и июне 1953 — феврале 1954 гг. находился под следствием, освобожден и реабилитирован. С 1954 г. на пенсии. В 1963—1964 гг. работал зам. директора по хоз. части педагогического училища № 4 в Москве — 87, 88, 127, 134, 137, 138

Кулаков —

секретарь парткома ЦНИИ-18 — 324

Кулешов Николай Арсентьевич (1909—1969) —

с 1933 г. в органах ОГПУ в 1938 г. окончил Всесоюзную правовую академию, с сентября 1939 г. пом. нач. Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ, в 1941—1946 гг. в военной контрразведке — ОО и СМЕРШ, затем в центральном аппарате МГБ СССР, с апреля 1951 г. ст. редактор ВШ МГБ СССР — 208

Куликов В.И. —

зам. нач. 5 отделения 3 отд. ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ — 211

Кульчицкий П.А. —

пом. Главного военного прокурора — 89

Куприянов Александр Родионович (1905—?) —

ст. следователь Следчасти ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в начале 1950-х гг. в 7 упр. МГБ СССР — 211

Курашов Сергей Владимирович (1901—1965) —

с января 1959 г. министр здравоохранения СССР — 326

Куусинен Отто Вильгельмович (1881—1964) —

в 1957—1964 гг. секретарь ЦК КПСС и член Президиума ЦК КПСС — 158, 182

Кушнерев Сергей Михайлович (1902—1956) —

с 1927 г. в органах ОГПУ, с 1939 г. следователь Следчасти ГЭУ НКВД СССР, лейтенант ГБ, с августа 1941 г. пом. нач. Следчасти НКВД-НКГБ СССР, подполковник, в 1946—1950 гг. нач. школы следственных работников МГБ СССР, полковник. В июне 1950 г. уволен из МГБ, работал нач. секретной части и отд. кадров Института питания в Москве — 209

Кюйн Вильгельм (1880—1945) —

житель деревни Гарделеген, расстрелян по приговору советского военного трибунала — 53

Лагуткин Емельян Сергеевич (1900—1983) —

в феврале 1948 — феврале 1949 гг. нач. УМВД Ленинградской обл., с марта 1949 г. зам. нач. УМВД Калужской обл., генерал-майор. В марте 1950 г. уволен в отставку — 127

Лалиашвили П.Г. —

оперуполн. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 209

Лангфанг Александр Иванович (1907—1990) —

с 1931 г. в органах ОГПУ, в 1938—1940 гг. зам. нач. 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, капитан ГБ (17.01.39). С мая 1940 г. на работе во внешней разведке НКВД-МГБ, генерал-лейтенант (09.07.45). В 1954—1955 гг. зам. нач. УКГБ Красноярского края. Арестован 4 апреля 1957 г. Осужден ВК ВС СССР 9 сентября 1958 г. на 15 лет. Освобожден 4 апреля 1972 г. из лагеря в Мордовии. Проживал в Москве — 207

Лангфельдер Вильмош Карлович (1912—1947?) —

шофер Р. Валленберга, в январе 1945 г. арестован органами СМЕРШ в Будапеште — 158, 159

Ланина —

врач 1-го стрелкового батальона 16-го погранполка — 44

Ленин (Ульянов Владимир Ильич) (1870—1924) —

лидер большевистского крыла в РСДРП, с 1917 г. председатель Совета Народных Комиссаров Российской республики (РСФСР), с 1923 г. председатель Совета Народных Комиссаров СССР — 124, 271, 339

Леонов Александр Георгиевич (1905—1954) —

с 1921 г. в органах ВЧК, с мая 1946 г. нач. Следчасти МГБ СССР, генерал-майор. Арестован 13 июля 1951 г., приговорен ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. к расстрелу по «делу Абакумова» — 104, 128, 134, 293

Леонов Дмитрий Сергеевич (1899—1981) —

с июля 1953 г. нач. 3 упр. МВД СССР, в 1954—1959 гг. нач. 3 Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант (06.12.42) — 326

Либенсон Ефим Михайлович (1917—?) —

с сентября 1939 г. ст. следователь Следчасти ГЭУ, с мая 1940 г. пом. нач. Следчасти ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, с 1943 г. зам. наркома госбезопасности Калмыкии — УНКГБ Астраханской обл., затем зам. нач. УМГБ Пензенской обл., подполковник. Арестован 31 января 1953 г. По постановлению Следчасти МВД СССР 29 апреля 1953 г. дело прекращено и из-под стражи освобожден. Вновь арестован 28 ноября 1953 г. «за тяжкое преступление против КПСС». Осужден ВК ВС СССР 30 июля 1955 г. по ст. 58-7 УК РСФСР на 25 лет. Освобожден 13 декабря 1968 г. — 209

Лихачев Михаил Тимофеевич (1913—1954) —

с 1932 г. в органах милиции, с 1937 г. в органах НКВД, с мая 1946 г. зам. нач. Следчасти МГБ СССР, полковник. Арестован 13 июля 1951 г., приговорен ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. к расстрелу «по делу Абакумова» — 104, 128, 134, 293

Лиховидов —

военный прокурор Закавказского ВО — 112, 113

Лобов Прокопий Максимович (1899—?) —

с 1921 г. в органах ВЧК, награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» № 505. Сотрудник Ленинградского УНКВД, после убийства С.М. Кирова приговорен ВК ВС СССР 23 января 1935 г. «за халатное отношение к служебным обязанностям» к 2 годам — 314

Логинов Л.А. (1900—1952) —

зам. заведующего особым сектором ЦК ВКП(б) — 248

Логинов Федор Георгиевич (1900—1958) —

с ноября 1942 г. зам. наркома электростанций СССР — 157

Локтионов А.Д. (1893—1941) —

с 1937 г. нач. ВВС РККА, с 1939 г. зам. наркома обороны СССР, генерал-полковник, расстрелян — 341

Лунев Константин Федорович (1907—1980) —

в 1954—1959 гг. 1-й зам. председателя КГБ при СМ СССР. Генерал-майор (31.05.54) — 147, 153, 184, 185, 306, 308, 310, 317

Лунин В.Д. —

оперуполн. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 211

Луферов Петр Александрович (1899—1968) —

с 1919 г. в органах ВЧК, в 1939—1941 гг. зам. нач. секретариата ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в 1941-1947 гг. нач. секретариата ГУЛАГ. Подполковник. С декабря 1947 г. на пенсии. В 1948—1950 гг. нач. 1 отд. Всесоюзного объединения «Союзпромспор» Министерства внешней торговли — 210

Лучинский Александр Александрович (1900—1990) —

в 1958—1964 гг. 1-й зам. Главного инспектора Министерства обороны СССР, генерал армии (1955) — 326

Лынько Владимир Семенович (1911—1981) —

зам. нач. Гл. упр. охраны МГБ СССР, полковник, арестован 10 мая 1952 г., осужден ОСО при МГБ 4 октября 1952 г. на 10 лет «за преступную халатность». Освобожден в апреле 1953 г. из Владимирской тюрьмы, после ареста Берии вновь в заключении до февраля 1954 г. Освобожден «по амнистии» — 120, 134

Лубимов Александр Васильевич (1898—1967) —

в 1939—1948 гг. нарком — министр торговли СССР — 253

Лущков Генрих Самойлович (1900—1945) —

в 1937—1938 гг. нач. УНКВД Дальневосточного края, комиссар ГБ 3 ранга (29.11.35), 13 июня 1938 г. бежал в Маньчжурию — 22

Майрановский Григорий Моисеевич (1899—1964) —

с 1937 г. в органах НКВД, заведовал токсикологической лабораторией, проводил опыты на заключенных, приговоренных к смертной казни, убивал их с помощью различных ядов. По заданию руководства МГБ СССР участвовал в тайных убийствах политических противников. Полковник медицинской службы. В декабре 1951 г. арестован, осужден 14 февраля 1953 г. ОСО при МГБ к 10 годам заключения. В 1961 г. освобожден из тюрьмы, без реабилитации — 110, 158, 159

Макаров Василий Емельянович (1903—1975) —

в 1939—1940 гг. секретарь МК ВКП(б), в 1950—1951 гг. зам. министра госбезопасности СССР по кадрам. Генерал-лейтенант — 105, 341

Маклярский Исидор Борисович (1909—1978) —

с 1927 г. в органах ОГПУ, арестован 1 мая 1937 г., освобожден «за недоказанностью преступления», работал в системе ГУЛАГа и УПВИ НКВД, в 1943—1946 гг. нач. отд. в 4 упр. НКГБ СССР, полковник ГБ (30.04.45).

В 1947 г. уволен из МГБ, писатель-драматург, член Союза советских писателей. Арестован 6 ноября 1951 г., освобожден «по амнистии» 21 ноября 1953 г., но без реабилитации. Остались в силе обвинения в измене Родине, вредительстве, антисоветской агитации и т.п. — 109

Маленков Георгий Максимилианович (1902—1988) —

в 1939—1946 и 1948—1953 гг. секретарь ЦК, в 1946—1957 гг. член Политбюро — Президиума ЦК ВКП(б) — КПСС. В марте 1953 — феврале 1955 гг. председатель СМ СССР — 63—65, 73, 82, 88, 94, 100, 103, 105, 113, 120, 121, 124, 127, 128, 130, 132, 133, 138, 140—142, 145, 146, 148, 157, 159, 165, 166, 170, 176—178, 181, 205, 224, 242, 302, 306—311, 316, 342—345

Малетер Пал (1917—1958) —

в ноябре 1956 г. министр обороны в правительстве Имре Надя. В июне 1958 г. на закрытом процессе приговорен к смерти — 171

Малин Владимир Никифорович (1906—1982) —

в 1954—1965 гг. зав. Общим отделом ЦК КПСС — 82

Малинин Леонид Андреевич (1907—1982) —

с 1933 г. в органах ОГПУ, в январе 1946 — феврале 1948 гг. зам. политсоветника при Главноначальствующем СВАГ, генерал-майор (09.07.45) — 246, 248

Малиновский Родион Яковлевич (1898—1967) —

в 1957—1967 гг. министр обороны СССР, Маршал Советского Союза (1944) — 158, 192, 197, 318, 321, 325—327

Мальков Павел Михайлович (1904—1983) —

в 1938 г. окончил Военную академию им. Фрунзе, с 1938 г. в органах НКВД, в июле 1945 — августе 1948 гг. нач. Отд. внутр. дел (с 1947 — упр.) СВАГ, генерал-майор (09.07.45) — 252

Маляров Михаил Петрович (1909—1984) —

с 1935 г. в органах военной прокуратуры, с января 1948 г. военный прокурор СВАГ, с января 1950 г. военный прокурор Ленинградского ВО, в марте 1955 — феврале 1957 гг. нач. Следственного упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор юстиции. В 1964—1976 гг. 1-й зам. Генерального прокурора СССР — 173

Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович (1903—1968) —

с октября 1957 г. 1-й зам. нач. ГРУ Генштаба Вооруженных Сил, генерал-полковник (27.04.62), Герой Советского Союза (29.05.45) — 323

Мамулов Степан Соломонович (1902—1976) —

в марте — апреле 1953 г. нач. Секретариата МВД СССР, затем зав. отд. ЦК КП Грузии, генерал-лейтенант (09.07.45). Арестован 30 июня 1953 г., осужден 28 сентября 1954 г. к 15 годам тюремного заключения — 137, 282

Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959) —

в 1928—1943 гг. секретарь исполкома Коминтерна, с 1944 г. нарком иностранных дел УССР — 157

Мао Цзэдун (1893—1976) —

в 1943—1976 гг. председатель ЦК Коммунистической партии Китая — 150

Маргулис —

арестован оперсектором НКВД-МВД в земле Тюрингия — 276, 296, 300, 301

Марков —

командир автобатальона ГСОВГ — 242

Маслеников Владимир Иванович (1910—?) —

с 1938 г. в органах НКВД, нач. оперативного отд. Гл. упр. охраны МГБ СССР, арестован 5 февраля 1953 г. за то, что «преступно относился к поступавшим к нему сигналам о вредительском лечении руководителей партии и правительства». Освобожден из-под стражи с полным прекращением дела и реабилитацией 18 апреля 1953 г. по постановлению следственной части по ОВД МВД СССР — 127, 134

Масленников Иван Иванович (1900—1954) —

в 1939—1943 зам. наркома внутр. дел СССР по войскам — 341

Масленников Федор Семенович —

следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 209

Матулевич Иван Осипович (1895—1961) —

с 1945 г. член ВК ВС СССР, с 1948 г. зам. председателя ВК ВС СССР, генерал-лейтенант юстиции. В 1955 г. исключен из партии и лишен генеральского звания — 278

Матусов Яков Наумович (1908—?) —

сотрудник 2 упр. НКГБ СССР, полковник ГБ (16.04.43), уволен из МГБ в июле 1946 г., работал зав. центральной юридической консультацией и сохранял дружеские связи с бывшими сослуживцами в МГБ. Арестован 2 ноября 1951 г., реабилитирован и освобожден из заключения 5 июня 1953 г. — 109, 117, 134

Мгеладзе Акакий Иванович (1910—1980) —

в апреле 1952 — апреле 1953 гг. 1-й секретарь ЦК КП Грузии, затем работал директором совхоза — 113, 114

Мелешенков Тимофей Тимофеевич (1905—1942) —

с 1938 г. в органах НКВД, зам. нач. отделения ГЭУ НКВД СССР, лейтенант ГБ, с 1941 г. нач. 5 отделения СПО НКГБ Латвии, убит — 207

Мельников Григорий Александрович (1898—1972) —

в декабре 1946 — декабре 1951 гг. зам. уполномоченного МГБ в Германии, генерал-майор — 61

Менге —

торговец — 83, 276, 279, 291

Мерквелишвили —

сотрудник оперсектора НКВД-МВД земли Тюрингия — 294, 295

Меркулов Всеволод Николаевич (1895—1953) —

в 1938—1941 гг. зам. наркома внутр. дел СССР, в 1941 и в 1943—1946 гг. нарком госбезопасности СССР, генерал армии (09.07.45). Расстрелян по «делу Берии» — 23, 30, 31, 38, 63, 65, 66, 118, 133, 135, 143, 204, 213, 243, 344

Мерсфельд —

функционер Либерально-демократической партии, похищен органами НКВД в Германии — 296

Мехлис Лев Захарович (1889—1953) —

в 1940—1950 гг. министр государственного контроля СССР. В мае 1942 г. представитель Ставки ВГК на Крымском фронте, генерал-полковник (1944) — 157, 331

Мешик Павел Яковлевич (1910—1953) —

в 1940—1941 гг. нач. 1 отд. ГЭУ НКВД СССР, майор ГБ (04.09.39). Расстрелян по «делу Берии» — 38, 49, 134, 143, 208, 245, 268, 282, 283, 342

Николайчик Станислав (1901—1966) —

в 1943—1944 гг. премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне, в 1945—1947 гг. член Временного правительства Польши в Варшаве, в 1947 г. эмигрировал — 35, 333

Никоян Анастас Иванович (1895—1978) —

в 1935—1966 гг. член Политбюро — Президиума ЦК ВКП(б) — КПСС — 64, 75, 98, 145, 168, 176, 183, 185, 187, 306—311, 318—319, 343—345

Мильштейн Соломон Рафаилович (1899—1955) —

в 1943—1946 гг. нач. 3 (транспортного) упр. НКГБ-МГБ СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). Расстрелян — 34, 133, 135, 213, 268, 285, 348

Миронов Александр Николаевич (1896—1968) —

с 1923 г. в органах ОГПУ, нач. внутр. тюрьмы МГБ СССР, полковник. С 1953 г. на пенсии — 134

Миронов Николай Романович (1913—1964) —

секретарь Кировоградского обкома КП(б)У, в 1951 г. направлен в органы ГБ, в 1956—1959 гг. нач. УКГБ по Ленинградской обл., генерал-майор (1956), в июне 1959 — октябре 1964 гг. зав. Отделом административных органов ЦК КПСС. Погиб в авиационной катастрофе — 184, 195, 197, 198, 317, 325—327

Мисюров Александр Петрович (1902—1966) —

в 1939—1940 гг. нач. УНКВД Барановичской обл., полковник (22.05.39) — 208

Михайлов Алексей Никифорович (1905—?) —

в 1939—1941 гг. нач. УНКВД Станиславской обл., капитан ГБ (25.03.39) — 207

Михайлов Николай Александрович (1906—1982) —

в 1938—1952 гг. первый секретарь ЦК ВЛКСМ, с октября 1952 г. секретарь ЦК и член Президиума ЦК КПСС, с марта 1953 г. первый секретарь Московского обкома КПСС, в 1955—1960 гг. министр культуры СССР — 178, 338, 341

Михеев Анатолий Николаевич (1911—1941) —

в 1939—1940 гг. нач. ОО Киевского Особого ВО, майор ГБ (07.09.39), с июля 1941 г. нач. ОО НКВД Юго-Западного фронта, погиб при выходе из окружения под Киевом — 204—206

Михнич А.Ф. —

оперуполн. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 209

Мкртычев Сурен Агапетович (р. 1915) —

сотрудник оперсектора НКВД-МВД в земле Тюрингия, ст. лейтенант (05.05.43), в 1946 г. нач. опергруппы МВД в г. Заальфельде, капитан (1945) — 292, 300

Мокичев К.А. —

зам. Генерального прокурора СССР — 104

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) —

в 1930—1941 гг. председатель СНК СССР, в 1939—1949 гг. нарком — министр иностранных дел СССР, в 1926—1957 гг. член Политбюро — Президиума ЦК ВКП(б) — КПСС — 25, 60, 62, 64, 73, 75, 83, 98, 103, 113, 132, 148, 162, 165, 166, 174, 176, 178, 180, 181, 185, 242, 317, 341—344

Москаленко Кирилл Семенович (1902—1985) —

в 1946—1959 гг. командующий армией, войсками Московского района (округа) ПВО, Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1978) — 142

Мухин Константин Васильевич (р. 1919) —

старшина 333-го погранполка — 239—240

Мухитдинов Нуриддин Акрамович (р. 1917) —

в 1957—1961 гг. секретарь ЦК и член Президиума ЦК КПСС — 176, 182

Неру Джавахарлал (1889—1964) —

в 1947—1964 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Индии — 175

Никитин Леонид Сергеевич (1913—?) —

адъютант И.А. Серова, с марта 1953 г. дежурный секретарь зам. министра внутр. дел СССР И.А. Серова — 84

Никитин П.В. (1909—1959) —

в 1948—1955 гг. зам. председателя Госплана СССР — 144

Никитинский Иосиф Илларионович (1905—1974) —

в 1939—1947 гг. возглавлял архивное упр. НКВД-МВД СССР, генерал-майор (09.07.45) — 80

Никифоров Александр Тихонович (1902—1968) —

с 1923 г. в органах ОГПУ, в 1946—1951 гг. нач. УМГБ Тамбовской обл., генерал-майор (23.07.45). В январе — апреле 1952 г. под следствием в Бутырской тюрьме. В декабре 1952 г. осужден ВК ВС СССР на полтора года «за клевету». В январе 1953 г. лишен генеральского звания. С 1952 г. ст. инженер Мосгоргеотреста — 110

Николаи Вальтер (1873—1947) —

в период 1-й мировой войны нач. разведслужбы Генштаба германской армии, с 1918 г. в отставке. В 1945 г. арестован органами НКВД в Германии, этапирован в Москву, умер в заключении — 298

Никулин Дмитрий Георгиевич (1903—1978) —

в 1945—1947 гг. зам. нач. оперсектора НКВД-МВД-МГБ земли Тюрингия, подполковник — 297, 298

Новиков —

в 1953 г. пом. Гл. военного прокурора, полковник юстиции — 278

Новиков Александр Александрович (1900—1976) —

с апреля 1942 г. командующий ВВС Красной Армии, Главный маршал авиации (1944), дважды Герой Советского Союза (1945). В 1946 г. арестован, в 1953 г. освобожден и реабилитирован — 69, 246, 247, 343

Новиков Василий Михайлович (1902—1965) —

с 1921 г. в органах ВЧК, в 1946—1952 гг. нач. 3 упр. в 3 Гл. упр. МГБ СССР, затем зам. нач. упр. милиции Челябинской обл., генерал-майор (25.09.44) — 247

Норман —

секретарь СДПГ в английской зоне — 74

Носенко Юрий Иванович (р. 1927) —

офицер 2 гл. упр. КГБ при СМ СССР, в феврале 1964 г. будучи в командировке бежал в США. В СССР заочно приговорен к расстрелу — 337

Ночвин Иван Иванович (1913—?) —

с 1937 г. в органах милиции, в 1945—1946 гг. нач. фин. отд. Берлинского оперсектора НКВД-МВД. В 1953 г. исключен из партии — 257, 259, 262, 263

Образцов Николай Александрович —

ст. следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 211

Обручников Борис Павлович (1905—1988) —

с февраля 1941 г. зам. наркома — министра внутр. дел СССР по кадрам, в июле 1952 — марте 1953 гг. зам. министра госбезопасности СССР, в марте — июле 1953 г. нач. упр. кадров МВД СССР, генерал-лейтенант (09.07.45), лишен звания в 1955 г. — 137, 227

Овчинников Иван Васильевич (1898—1941) —

с 1923 г. в органах ГПУ, в феврале 1933 — ноябре 1936 г. возглавлял Прокопьевский гор. отд. ГПУ-НКВД, затем до мая 1938 г. был нач. Томско-

го гор. отд. НКВД. Капитан ГБ. С октября 1938 г. нач. УСВИТЛ и пом. нач. «Дальстроя», затем нач. упр. дорожного строительства «Дальстроя». Расстрелян — 315

Огольцов Сергей Иванович (1900—1977) — в ноябре 1952 — марте 1953 гг. 1-й зам. министра госбезопасности СССР, в апреле — июле 1953 г. под следствием по обвинению в убийстве С. Михоэлса. В 1954 г. уволен в запас. Генерал-лейтенант (09.07.45), лишен генеральского звания в 1959 г. — 101, 103, 104, 121, 122, 124, 135

Околович Георгий Сергеевич (1901—1980) — один из руководителей НТС, в 1962—1970 гг. возглавлял издательство «Посев» — 154

Окулицкий Леопольд (1898—1946) — участник Варшавского восстания, командующий Армией Крайовой. В июне 1945 г. приговорен ВК ВС СССР к 10 годам, умер 24 декабря 1946 г. в больнице Бутырской тюрьмы — 7, 41, 334

Онищенко — секретарь Военного трибунала войск НКВД по охране тыла ГСОВГ, лейтенант адм. службы — 238

Осетров Владимир Петрович (1904—1952) — в 1943—1947 гг. зам. нач. ХОЗУ НКВД-МВД СССР, с августа 1947 г. нач. ХОЗУ МВД СССР, с мая 1950 г. зам. нач. Гл. упр. лагерей горно-металлургических предприятий МВД по общим вопросам, полковник ГБ (07.04.43) — 240

Павлов Иван Елисеевич — ст. следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 210

Павловский Семен Григорьевич (1906—?) — зам. нач. отд. 2 Гл. упр. МГБ СССР, полковник. Арестован в октябре 1951 г., освобожден в 1953 г. В феврале 1954 г. уволен из МВД «по служебному несоответствию» — 107

Павлычев Леонид Михайлович (1908—?) — с 1931 г. в органах ОГПУ, работал в УНКВД Горьковской обл, а с января 1938 г. нач. отделения, пом. нач. отд. НКВД УССР, в июле — октябре 1938 г. зам. нач. УНКВД Киевской обл., с октября 1938 г. нач. 2 отд. УГБ НКВД УССР, капитан ГБ (25.02.39). В июле 1940 г. уволен из НКВД. В марте 1941 г. исключен из партии — 207

Палкин Арон Моисеевич (1903—?) — с 18 июля 1946 г. нач. отд. «Д» МГБ СССР, полковник. Арестован 19 октября 1951 г. Осужден ВК ВС 13 октября 1952 г. на 15 лет (за хищения). Освобожден из лагеря досрочно 29 мая 1956 г. — 107, 110, 128

Панюшкин Александр Семенович (1905—1974) — в июле 1953 — марте 1954 гг. нач. 2 Гл. упр. МВД СССР, в апреле 1954 — июне 1955 гг. нач. 1 Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор (31.05.54) — 153

Патоличев Николай Семенович (1908—1989) — в 1946—1947 гг. секретарь ЦК ВКП(б) — 177, 256

Пеньковский Олег Владимирович (1919—1963) — сотрудник ГРУ, полковник. Арестован 22 октября 1962 г. в Москве, обвинен в шпионаже. Приговорен 11 мая 1963 г. ВК ВС СССР на процессе к расстрелу — 6, 10, 11, 194—196, 329

Первухин Михаил Георгиевич (1904—1978) — в 1952—1957 гг. член Президиума ЦК КПСС, в 1957—1961 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС — 146, 157, 176, 311

Пересыпкин И.Т. (1904—1978) — в 1939—1944 гг. нарком связи СССР, маршал войск связи (1944) — 342

Петров Гавриил Александрович (1901—1961) — с 1918 г. в РККА, с 1922 г. в органах ГПУ и погранвойсках, с 25 июня 1941 г. нач. Оперативно-разведывательного упр. ГУПВ — нач. штаба истребительных батальонов НКВД СССР. Генерал-майор (04.06.40), генерал-лейтенант (17.11.44). 8 марта 1944 г. награжден орденом Кутузова 2 степени за участие в депортации населения из Чечено-Ингушской АССР, награждение отменено 29 марта 1962 г. — 245, 334, 341

Петров Николай Николаевич (1915—?) — с 1939 г. в органах НКВД, в июле 1950 — октябре 1951 гг. советник МГБ в Северной Корее, полковник (1949). В октябре 1951 — феврале 1953 гг. под следствием — 110

Петровский Леонид Петрович (р. 1933) — в 1966—1969 гг. мл. научный сотрудник Центрального музея Ленина в Москве, в 1969 г. исключен из КПСС за правозащитную деятельность — 167

Петропавловский В.А. — оперуполн. 11 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 211

Петросян — сотрудник оперсектора НКВД-МВД земли Тюрингия — 294

Печенев Т.М. — оперуполн. секретариата ГЭУ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 210

Пик (Ріеск) Вильгельм (1876—1960) — с 1935 г. председатель ЦК КПГ, в 1933—1945 гг. в эмиграции, в 1946 г. председатель КПГ, в 1946—1954 гг. председатель СЕПГ, в 1949—1960 гг. президент ГДР. Герой Труда ГДР (1951) — 157

Пинзур Израиль Львович (1907—?) — пом. нач. Следчасти ГУГБ НКВД СССР, капитан ГБ, с 1943 г. зам. нач. 11 отд. 2 упр. НКГБ СССР, полковник. Уволен из МГБ в мае 1952 г. В 1957 г. исключен из партии — 210

Питовранов Евгений Петрович (1915—1999) —

в декабре 1950 — октябре 1951 г. зам. министра госбезопасности. Арестован 28 октября 1951 г., освобожден 1 ноября 1952 г. С 5 января 1953 г. нач. упр. по разведке за границей ГРУ МГБ СССР, генерал-майор (09.07.45) — 104—106, 108, 117—122, 125, 138

Подгорный Николай Викторович (1903—1983) —

в 1960—1977 гг. член Президиума — Политбюро ЦК КПСС, одновременно в 1963—1965 гг. секретарь ЦК КПСС — 186, 339

Полевой Демьян Иванович —

следователь Следчасти ГЭУ НКВД СССР, сержант ГБ — 211

Положинский Константин Тимофеевич (1905—1976) —

с 1926 г. в органах ОГПУ, в 1939—1941 г. нач. 3 отд. Транспортного упр. НКВД УССР, ст. лейтенант ГБ. В марте — августе 1941 г. нач. УНКВД Ворошиловградской обл., затем в транспортных органах НКВД-МГБ. С 1952 г. на пенсии — 207

Полухин Василий Игнатьевич —

следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 209

Полянский Дмитрий Степанович (1917—2001) —

в 1960—1976 гг. член Президиума — Политбюро ЦК КПСС — 185, 186, 318

Пономарев Борис Николаевич (1905—1995) —

в 1961—1986 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1972—1986 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС — 339

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902—1984) —

в 1938—1947 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, в 1948—1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б) — КПСС — 25, 135

Попов Георгий Михайлович (1906—1968) —

в 1941 г. 2-й секретарь Московского горкома ВКП(б) — 32

Поскребышев Александр Николаевич (1891—1965) —

в 1934—1952 гг. зав. особым сектором ЦК ВКП(б) — 74, 104, 115, 120, 158

Поспелов Петр Николаевич (1898—1979) —

в 1953—1960 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1957—1961 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС — 147, 157, 170, 182, 185, 186, 318

Поссекедь (Possekely) Ральф (р. 1961) —

немецкий историк — 46

Прищепа Петр Калинович (1906—?) —

с 1939 г. в органах НКВД, в 1941—1943 гг. зам. нач. ОО НКВД Калининского фронта, в 1943—1945 гг. нач. УКР СМЕРШ Киевского ВО, генерал-майор (21.02.44) — 244

Пронин Василий Прохорович (1905—1993) —
в 1939—1944 г. председатель исполкома Моссовета — 341

Прохоренко —
нач. штаба 331-го погранполка, майор — 227

Прохоров —
ком. 12-й бригады войск НКВД по охране особо важных предприятий
пром-ти — 228

Пташкин Иван Емельянович (1911—1941) —
в 1939—1940 г. нач. УНКВД Минской обл., капитан ГБ (31.03.39). Погиб
на фронте — 208

Путинцев Арсений Васильевич (р. 1917) —
ст. следователь, затем пом. нач. Следчасти по ОВД МГБ-МВД СССР, пол-
ковник. В январе 1954 г. уволен из МВД. Арестован 17 декабря 1954 г.,
осужден ВК ВС СССР 8 июня 1955 г. на 25 лет, освобожден в 1963 г. —
268

Радек Карл Бернгардович (1885—1939) —
приговорен 30 января 1937 г. на процессе «Антисоветского троцкистского
центра» к 10 годам заключения. Убит в тюрьме — 313—315

Райхман Леонид Федорович (1908—1990) —
с 1933 г. в органах ОГПУ, с 1946 г. зам. нач. 2 Гл. упр. МГБ СССР, генерал-
лейтенант (09.07.45). Арестован в октябре 1951 г., освобожден после
смерти Сталина. В мае — июле 1953 г. нач. Контрольной инспекции при
министре внутр. дел СССР. Уволен 17 июля «по служебному несоответст-
вию», арестован 21 августа 1953 г. «за тяжкое преступление против
КПСС». Осужден ВК ВС 15 августа 1956 г. на 5 лет, освобожден из Бутыр-
ской тюрьмы 10 ноября 1956 г., работал юрисконсультom в Москве —
106, 107, 128, 134, 137, 138

Рапава Авксентий Нарикиевич (1899—1955) —
руководящий работник НКВД-МГБ Грузии, с 1948 г. министр юстиции Гру-
зии. Арестован в ноябре 1951 г., освобожден в апреле 1953 г., в апреле —
июле 1953 г. министр госконтроля Грузии. Арестован 17 июля 1953 г., при-
говорен ВК ВС СССР на процессе в Тбилиси 19 сентября 1955 г. к расстре-
лу — 112, 134, 136, 268

Ребет Лев —
деятель украинского национально-освободительного движения. По зада-
нию КГБ убит в 1957 г. Богданом Сташинским (см.) — 154

Редель Вилли (1887—1947) —
дипломат, бывший секретарь немецкой миссии в Бухаресте, советник
1 класса. Арестован органами СМЕРШ 8 сентября 1944 г., содержался в
Лефортовской и Внутренних тюрьмах МГБ как военнопленный. Тайно убит
сотрудниками МГБ 15 октября 1947 г. при этапировании в Красногорский
лагерь МВД для военнопленных — 158, 159

Редер (Raeder) Эрих (1876—1960) —

с 1943 г. адмирал-инспектор ВМФ Германии, гросс-адмирал (1939). Приговорен в 1946 г. в Нюрнберге к пожизненному заключению. В 1955 г. освобожден — 84

Репин А.К. (1903—1976) —

с 1944 г. нач. Государственного научно-испытательного института ВВС Красной Армии — 343

Решетников П.М. (1905—?) —

с января 1939 г. зам. наркома внутр. дел БССР, капитан ГБ (21.02.39). С мая 1940 г. в ГУЛАГе, в октябре 1942 — августе 1945 гг. нач. Упр. Восточно-Уральского ИТЛ, подполковник ГБ (11.02.43). Снят с должности и уволен из НКВД «за незаконные действия». В 1946 г. исключен из партии — 208

Риббентроп (Ribbentrop) Иоахим (1893—1946) —

в 1938—1945 гг. министр иностранных дел Германии, в 1946 г. приговорен в Нюрнберге к смертной казни — 25, 298

Рогов Александр Семенович (1901—1992) —

в апреле 1959 — феврале 1963 гг. зам. нач. ГРУ Генштаба Вооруженных Сил, генерал-лейтенант (18.02.58), генерал-полковник (27.04.62). Решением Президиума ЦК КПСС 7 марта 1963 г. «за потерю политической бдительности» снят с должности и понижен в звании до генерал-майора — 323, 325, 329

Рогов Вячеслав Павлович (1900—1972) —

в 1946—1949 гг. нач. 4 упр. МГБ СССР, затем секретарь парткома МГБ СССР, генерал-майор (26.05.43). Уволен из МГБ 24 октября 1951 г., затем на работе в ГУЛАГе — 106, 109

Родос Борис Вениаминович (1905—1956) —

в 1921 г. окончил Высшее начальное училище в Мелитополе, работал упаковщиком во фруктовом магазине, торговал папиросами с рук, конторщик в райпотребсоюзе, счетовод в заповеднике «Аскания-Нова», секретарь бюро жалоб и рабочкома, с 1931 г. в органах ОГПУ, с 1939 г. зам. нач. Следчасти ГУГБ НКВД СССР, капитан ГБ, майор ГБ (12.07.41), с августа 1941 г. зам. нач. Следчасти НКВД-НКГБ-МГБ СССР, полковник ГБ (14.02.43). В 1946—1947 гг. нач. следственного отд. УМГБ Крымской обл., в 1952 г. уволен из МГБ. Арестован 5 октября 1953 г. «за тяжкое преступление против КПСС». Приговорен ВК ВС СССР 26 февраля 1956 г. по ст. 58-1«б», 58-8, 58-11 УК РСФСР к расстрелу — 29, 208

Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968) —

в 1945—1949 гг. Главнокомандующий Северной группой войск, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945) — 58, 69, 271

Ромжа Федор (1911—1947) —

глава Греко-католической (униатской) церкви Закарпатской Украины, епископ. 27 октября 1947 г. сотрудниками МГБ на него было совершено на-

падение близ Мукачева, он был сильно изувечен, попал в больницу. Умер в больнице 1 ноября в результате инъекции яда — 158

Рудаков Александр Петрович (1910—1966) — с 1962 г. секретарь ЦК КПСС — 339

Руденко Роман Андреевич (1907—1981) — в 1953—1981 гг. Генеральный прокурор СССР — 142, 143, 170, 178, 198

Рухадзе Николай Максимович (1905—1955) — с июля 1945 г. нач. УКР СМЕРШ Тбилисского ВО, в октябре 1945 — январе 1946 гг. в командировке в Германии, в 1948—1952 гг. министр госбезопасности Грузии, генерал-лейтенант (02.11.44). Арестован 11 июля 1952 г., приговорен ВК ВС СССР на процессе в Тбилиси 19 сентября 1955 г. к расстрелу — 112, 113—115, 129, 134, 241

Рухле И.Н. — нач. Штаба ВВС, полковник — 341

Ручкин Алексей Федорович (1903—1975) — с марта 1953 г. нач. УМВД Ростовской области, в октябре 1953 — июне 1954 гг. зам. нач. по оперработе и режиму Упр. Минерального ИТЛ, генерал-майор (09.07.45). Лишен генеральского звания в 1955 г. — 311, 312

Рыбаков Б.Я. — следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 211

Рыбалко Павел Семенович (1894—1948) — с апреля 1946 г. 1-й зам. командующего бронетанковыми и механизированными войсками, маршал бронетанковых войск (1943), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945) — 69

Рыков Алексей Иванович (1881—1938) — в 1924—1930 гг. председатель СНК СССР, расстрелян — 157

Рюмин Михаил Дмитриевич (1913—1954) — в 1951—1952 гг. нач. Следчасти МГБ — зам. министра госбезопасности СССР, полковник (04.10.51). С ноября 1952 г. ст. контролер министерства госконтроля СССР. Арестован 17 марта 1953 г. Приговорен ВК ВС СССР 7 июля 1954 г. к расстрелу — 89, 102—109, 115, 120, 121, 131, 135, 291

Рясной Василий Степанович (1904—1995) — с 1943 г. нарком внутр. дел УССР, с января 1946 г. 1-й зам. наркома — министра внутр. дел СССР, с февраля 1947 г. зам. министра внутр. дел СССР, с февраля 1952 г. зам. министра госбезопасности и нач. 2 Гл. упр. МГБ СССР, с марта 1953 г. нач. 2 Гл. упр. МВД СССР, в мае 1953 — марте 1956 гг. нач. УМВД г. Москвы и Московской обл., генерал-лейтенант (09.07.45). В июле 1956 г. уволен из МВД «по фактам дискредитации» — 63, 95, 115, 120, 121, 257

Сабуров Максим Захарович (1900—1977) — в 1952—1957 гг. член Президиума ЦК КПСС — 146, 157, 176, 177, 308, 309

Савинкин Николай Иванович (1913—1993) —

в 1968—1987 г. зав. отделом административных органов ЦК КПСС — 199

Савченко Иван Тихонович (1908—?) —

в августе 1951 — июле 1952 г. зам. министра госбезопасности СССР — 105

Савченко Сергей Романович (1904—1966) —

с ноября 1951 г. нач. 1 Гл. упр. МГБ — зам. министра госбезопасности СССР, генерал-лейтенант (09.07.45) — 118

Саджая Алексей Николаевич (1898—1942) —

в 1941—1942 г. 1-й зам. пред. СНК Грузии — 332

Сайерс Майкл —

автор книги «Тайная война против Америки» — 298

Сафонов Григорий Николаевич (1904—1972) —

в 1948—1953 г. Генеральный прокурор СССР — 112

Сачков Николай Иванович (1906—1978) —

с 1925 г. на бухгалтерской работе, с 1939 г. в органах НКВД, в июле 1945 — марте 1947 г. нач. фин. отд. аппарата уполн. НКВД-МГБ в Германии, затем, нач. финотдела УМВД Вологодской обл. В феврале 1948 — июле 1951 г. в заключении. Реабилитирован 14 мая ВК ВС СССР «за отсутствием состава преступления». С сентября 1951 г. зам. гл. бухгалтера ИТК № 1 УМВД Московской обл., затем на финансовой работе в Рязани, ст. бухгалтер ФЗО, председатель первичной организации общества слепых, ст. бухгалтер технического училища — 257, 263

Свердлов Андрей Яковлевич (1911—1969) —

сын деятеля большевистской партии Якова Моисеевича Свердлова (председателя ВЦИК в 1917—1919 гг.). Работал нач. цеха на Автозаводе им. Сталина (ЗИС), в январе 1938 г. арестован НКВД по обвинению в троцкизме. С ноября 1938 г. в органах НКВД, работал в секретно-политическом отд. В 1945—1951 г. зам. нач. отд. «К» МГБ СССР, полковник. Арестован в октябре 1951 г., освобожден 18 мая 1953 г. В июне — августе 1953 г. пом. нач. 4 отд. 4 упр. МВД СССР, с 1 сентября 1953 г. уволен в запас. Работал ст. научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — 107, 117, 128, 134

Свинелупов Михаил Георгиевич (1903—1979) —

в 1943—1951 г. зам. наркома — министра госбезопасности СССР по кадрам, генерал-майор (09.07.45) — 290, 291

Селивановский Николай Николаевич (1901—1997) —

с 1922 в органах ГПУ, в 1943—1946 г. зам. нач. ГУКР СМЕРШ, с января 1945 г. уполн. НКВД по 4 Украинскому фронту, с апреля 1945 г. советник при министерстве общественной безопасности Польши. В 1946—1951 г. зам. министра госбезопасности СССР, арестован 2 ноября 1951 г., в 1953 г. освобожден и в августе 1953 г. уволен в запас. Генерал-лейтенант (26.05.43) — 38, 106, 109, 128, 134

Семенов Юлиан Семенович (1931—1993) — журналист, писатель — 200, 201

Семеновский Владимир Александрович — в 1942 г. сотрудник НКВД Кабардино-Балкарии, в 1945—1946 гг. в Германии, личный шофер Г.А. Бежанова (см.), мл. лейтенант — 291

Семичастный Владимир Ефимович (1924—2001) — в 1961—1967 гг. председатель КГБ при СМ СССР. Генерал-полковник (09.12.64) — 11, 159, 162, 183, 194

Семочкин П.А. — оперуполн. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 209

Сергеев Алексей Андреевич (1905—1978) — в 1939—1941 гг. нач. УНКВД Брестской обл., капитан ГБ (07.06.39) — 207

Сергиенко Василий Тимофеевич (1903—1982) — с февраля 1940 г. зам. наркома внутр. дел УССР и нач. УНКВД Львовской обл., майор ГБ (04.09.39), ст. майор ГБ (14.03.40) — 206

Серебряков Борис Павлович (1904—1957) — с 1938 г. в погранвойсках, в 1942 г. нач. штаба стрелковой дивизии, участвовал в боях за Севастополь, с августа 1942 г. в войсках НКВД по охране тыла ряда фронтов, генерал-майор (01.09.43). В 1946—1950 гг. министр внутр. дел Карело-Финской ССР, позднее зам. нач. Гл. упр. милиции МВД СССР. В мае 1954 г. уволен в запас — 331

Серов Александр Павлович (1870—1940) — отец И.А. Серова — 15

Серов Александр Павлович (1870—?) — в 1907—1913 гг. сотрудник Вологодского губернского жандармского упр. — 80, 81

Серов Александр Павлович — в 1911—1917 гг. сотрудник Вологодского губернского жандармского упр. — 80, 81

Серова Христина Александровна (1907—?) — родилась в г. Кадникове, в 1953 г. сотрудница Гл. архивного упр. МВД СССР, капитан. В 1956 г. ст. научный сотрудник отд. секретных фондов ЦГАОР. В марте 1960 г. уволена «по болезни» (приказ МВД СССР № 212 от 15.03.60). Сестра И.А. Серова — 80

Сигов Г.И. — оперуполн. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 209

Сиднев Алексей Матвеевич (1907—1958). Родился в семье кочегара. Русский. В коммунистической партии с 1931 г. В 1921 г. окончил школу 1 ступени в Саратове, в 1928 г. — рабочий вечерний университет, в 1932 г. — Ленинградскую военно-инженерную школу, в 1939 г. — три курса Московской военно-инженерной академии.

С 1928 г. в РККА. С 1939 г. на руководящей работе в военной контрразведке, с 1941 г. на фронте, в 1944—1945 гг. зам. нач. УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта. В июне 1945 г. — декабре 1947 гг. нач. оперсектора НКВД-МВД-МГБ Берлина. С декабря 1947 г. министр госбезопасности Татарской АССР. В январе 1948 г. арестован. Осужден 6 октября 1951 г. ОСО МГБ и направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. В июле 1953 г. освобожден из-под стражи и уволен из МВД «по фактам дискредитации». Генерал-майор (26.05.43) — 61, 70, 83—85, 87, 139, 188, 189, 245, 257—268, 280

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979) — русский советский писатель, поэт — 62, 98, 157

Синев Андрей Никифорович (1902—1942) — с 1921 г. в органах ВЧК, с 1939 г. нач. секретариата Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ, в 1941 г. нач. 4 отделения 2 отд. Следчасти НКГБ СССР, с 1942 г. в ОО НКВД Волховского фронта, 25 июня 1942 г. пропал без вести — 211

Сковородкин Николай Иванович — следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 210

Смелянский Петр Филиппович (1911—?) — сотрудник оперсектора НКВД-МВД земли Тюрингия — 294

Соботтка (Sobottka) Густав (1886—1953) — в 1945-1946 гг. член ЦК КПГ, в 1945-1948 гг. второй вице-президент, затем президент немецкого Центрального упр. топливной промышленности в Советской зоне оккупации Германии — 343

Соколов Алексей Иванович (1897—1942) — в 1939—1941 гг. нач. УНКВД Вилейской обл., капитан ГБ (02.11.39). В 1942 г. зам. нач. ОО НКВД 2-й Ударной армии, погиб на фронте — 207

Соколовский Василий Данилович (1897—1968) — с 1945 г. зам. Главноначальствующего, в 1946—1949 гг. Главноначальствующий СВАГ — Главнокомандующий ГСОВГ, генерал армии (27.08.43), Маршал Советского Союза (03.06.46), Герой Советского Союза (29.05.45) — 69, 73, 76, 77, 90—92, 157, 255, 256

Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888—1939) — приговорен 30 января 1937 г. на процессе «Антисоветского троцкистского центра» к 10 годам заключения. Убит в тюрьме — 313—315

Соловьев А.А. — писатель, драматург — 108

Соломенцев Михаил Сергеевич (р. 1913) — в 1983—1988 гг. член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС — 199

Сопруненко Петр Карпович (1908—1992) — в 1939—1943 гг. нач. УПВИ НКВД СССР, генерал-майор (09.07.45) — 217, 342

Сорокоумов А.В. —

ст. оперуполн. 1 отд. ГЭУ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 209

Сталин Василий Иосифович (1921—1962) —

сын И.В. Сталина. Служил в ВВС РККА, в 1945 г. командир авиадивизии, генерал-лейтенант (1944) — 246, 312, 313

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953) —

с 1922 г. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) — ВКП(б), с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б) — КПСС, одновременно в 1941—1953 гг. председатель СНК — СМ СССР, Герой Советского Союза (26.06.45) — 5—9, 12, 14, 15, 18—22, 25, 26, 29, 32, 34—38, 40, 41, 45—49, 54—56, 58—65, 67—70, 73—78, 82, 83, 85—91, 94—98, 100—108, 110—133, 135, 136, 138, 139, 147, 152, 155—157, 160, 162, 164, 165, 167, 168, 176, 180, 214, 216, 224, 243, 244—248, 256, 257, 268—273, 311, 337, 341

Стаханов Николай Павлович (1901—1977) —

в августе 1951 — марте 1953 гг. зам. министра госбезопасности СССР, генерал-лейтенант — 106, 228

Сташинский Богдан Николаевич (р. 1931) —

сотрудник КГБ, псевдоним — «Тарас». По заданию КГБ, санкционированному Президиумом ЦК КПСС убил в ФРГ руководителей украинского национального сопротивления Льва Ребета (в 1957 г.) и Степана Бандеру (в 1959 г.). В ноябре 1959 г. награжден за это орденом Красного Знамени. 12 августа 1961 г. бежал в Западный Берлин. Сделал сенсационные разоблачения советских тайных методов расправы. Осужден в ФРГ на 8 лет — 154, 337

Степанов И.И. —

комендант НКВД Чечено-Ингушской АССР, с февраля по ноябрь 1939 г. находился в заключении — 315

Строилов Михаил Степанович (1899—1941) —

приговорен 30 января 1937 г. на процессе «Антисоветского троцкистского центра» к 8 годам заключения. В сентябре 1941 г. расстрелян — 315

Субандрио —

в 1954—1956 гг. посол Индонезии в СССР — 180

Судаков В.В. —

ответственный контролер КПК при ЦК КПСС — 288, 302

Судариков Федор Иванович (1905—1971) —

в 1935 г. окончил Московский ин-т истории и философии, с 1938 г. в органах НКВД, с 1939 г. оперуполн. 6 отделения 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ. В июле-декабре 1945 г. нач. опергруппы НКВД г. Бернбурга, майор. С 1948 г. в МГБ Белоруссии — 210

Судоплатов Павел Анатольевич (1907—1996) —

в 1946—1950 гг. нач. Службы «ДР» МГБ СССР, с октября 1950 г. нач. Бюро № 1 МГБ СССР, в марте — мае 1953 г. нач. 9 отд. и зам. нач. 2 Гл. упр. МВД СССР, в мае — июле 1953 г. нач. 9 отд. МВД СССР, генерал-лейтенант

(09.07.45). Арестован 21 августа 1953 г., осужден ВК ВС 12 августа 1958 г. на 15 лет, освобожден в 1968 г. — 28, 101, 110, 158, 200, 272

Суслин Андрей Григорьевич (1896—1976) —

с 1938 г. член ВК ВС СССР, генерал-майор юстиции. С августа 1955 г. на пенсии — 278

Сулов Михаил Андреевич (1902—1982) —

с 1947 г. секретарь ЦК, в 1955—1982 гг. член Президиума — Политбюро ЦК КПСС — 135, 145—147, 157, 168, 176, 183, 185, 192, 198, 297, 308, 310, 311, 318—319, 321, 322, 339

Суходольский Владимир Николаевич (1907—1966) —

с 1938 г. в органах НКВД, с 1939 г. зам. нач. 1 отд. ГЭУ НКВД СССР, капитан ГБ. В 1940—1941 гг. нач. отд. НКВД Эстонии, с 1941 г. нач. УНКГБ-УНКВД Тульской обл., с 1943 г. нач. УНКГБ-УМГБ Тульской обл., генерал-майор (09.07.45) — 207

Тавдишвили Мирон (Мириан) Кириллович (1909—?) —

с декабря 1951 г. заместитель министра госбезопасности Грузии, подполковник, арестован в 1952 г., освобожден из заключения в октябре 1953 г. по амнистии. Уволен в январе 1954 г. из МВД «по фактам дискредитации» — 115

Твардовский Александр Трифонович (1910—1971) —

русский советский поэт, гл. редактор журнала «Новый мир» (1950—1954, 1958—1970) — 157

Твердохлебенко Алексей Михайлович (1905—?) —

нач. 1 отд. ЭКУ НКВД УССР, ст. лейтенант ГБ, с 1943 г. в НКГБ Северо-Осетинской АССР — 207

Телегин Константин Федорович (1899—1981) —

с 1918 г. в РККА, в 1931 г. окончил Военно-политическую академию им. Толмачева в Ленинграде, с декабря 1939 г. военком войск НКВД по охране тыла, член Военного совета МВО, Донского, Сталинградского, Центрального, 1-го Белорусского фронтов, в июне 1945 — мае 1946 гг. 1-й член Военного совета ГСОВГ, генерал-лейтенант. С 1946 г. слушатель Высших академических курсов усовершенствования политсостава. В январе 1948 г. арестован, осужден 20 марта 1952 г. к 25 годам заключения «за хищение имущества и недонесение о контрреволюционном преступлении». В июле 1953 г. освобожден и реабилитирован. С августа 1956 г. на пенсии. Генерал-лейтенант (24.08.43) — 49, 232, 235, 240—242

Тимошенко Семен Константинович (1895—1970) —

с сентября 1939 г. командующий войсками Украинского фронта, затем командующий войсками Северо-Западного фронта, в мае 1940 — июле 1941 гг. нарком обороны СССР, Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965) — 23, 157, 204—206

Титов —

сотрудник оперсектора НКВД-МВД земли Тюрингия — 294

Титов Виталий Николаевич (1907—1980) —
в 1962—1965 гг. секретарь ЦК КПСС — 195, 339

Титов Сергей Васильевич —
следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 209

Ткаченко Иван Максимович (1910—1955) —
с 1938 г. в органах НКВД, с 1939 г. нач. 1, затем 2 отд. ЭКУ НКВД УССР, ст. лейтенант ГБ. С 1940 г. зам. наркома внутр. дел УССР, в 1941 г. нач. УНКГБ Львовской обл. и одновременно зам. наркома госбезопасности УССР, с ноября 1941 г. нач. 7 спецотдела НКВД СССР. В 1943—1944 гг. нач. УНКВД Ставропольского края, с декабря 1944 г. уполн. НКВД и НКГБ по Литовской ССР, одновременно с января 1945 г. уполн. НКВД по 1-му Прибалтийскому фронту, с февраля 1945 г. уполн. НКВД по Земландской группе войск 3-го Белорусского фронта. Генерал-лейтенант (09.07.45) — 38, 207

Токаев Григорий Александрович (Токати Григори)
(1909—2003) —

с 1932 г. в РККА, в 1938 г. окончил Военно-воздушную академию им. Жуковского, работал нач. лаборатории аэродинамики, ст. преподавателем Военно-воздушной академии, с 1945 на работе в Военно-воздушном отд. СВАГ, отвечал за сбор информации о немецкой ракетной программе и разработке реактивных самолетов, инженер-майор. В 1947 г. перешел в британский сектор Берлина. Проживал в Великобритании, работал в области авиации и ракетной техники в Великобритании и США. Автор книг, обличающих советский режим: «Сталин — это война» (1951), «Предательство идеалов» (1954), «Товарищ Икс» (1955), автор ряда статей разоблачавших планы СССР по созданию баллистических ракет оснащенных биологическим оружием — 74, 344

Толбухин Федор Иванович (1894—1949) —
в июле 1945 — январе 1947 гг. Главнокомандующий Южной группой войск, Маршал Советского Союза (1944) — 58

Толстой Алексей Николаевич (1883—1945) — русский советский писатель — 48

Тоникян Ашот Богданович (1905—?) —
с 1926 г. в органах ОГПУ, в 1945 г. нач. опергруппы НКВД на 1-м Украинском фронте, в апреле — июне 1945 г. нач. опергруппы НКВД в Бранденбурге и Потсдаме, в июне 1945 — январе 1946 гг. нач. опергруппы НКВД Хемницкого округа, подполковник, в марте 1946 — сентябре 1952 гг. зам. министра госбезопасности Армении, полковник. С 1952 г. на пенсии, работал директором Гос. оперного театра в Ереване — 287

Трембель Валериан Петрович (1903—?) —
руководитель «фронтового отдела» НТС. 20 июня 1954 г. похищен агентами КГБ в американской зоне оккупации Австрии в Линце — 154

Трусов Николай Михайлович (1906—1985) —
в 1945—1948 гг. нач. разведывательного отд. ГСОВГ, генерал-майор, позднее — зам. нач. ГРУ Генштаба, генерал-лейтенант (08.08.55) — 344

Труфанов Николай Иванович (1900—1982) —

в июле — октябре 1945 военный комендант Лейпцига — 242

Трушнович Александр Рудольфович (1894—1954) —

руководитель НТС в Западном Берлине, похищен агентами КГБ, умер при перевозке — 153, 154

Тужлов Василий Михайлович (1913—1983) —

с 1935 г. в войсках НКВД, в 1942 — октябре 1947 г. секретарь зам. наркома — министра внутр. дел СССР И.А. Серова, затем на учебе, подполковник. В феврале 1948 — октябре 1951 гг. под следствием во Внутренней тюрьме МГБ. С 1952 г. служил в ж.-д. войсках. С 1957 г. на пенсии в Москве, работал нач. конторы ЖЭК № 6 Дзержинского района, инженером в «Союзрезинотехнике» — 84, 89, 188, 257, 263, 265, 270, 292, 293, 332, 335

Тюльпанов Сергей Иванович (1901—1984) —

с 1919 г. в РККА, пом. шофера, красноармеец, делопроизводитель, бухгалтер, нач. финотдела 10-й стрелковой дивизии, 7-й Туркестанской бригады, в 1923—1924 гг. делопроизводитель окр. хоз. упр. Ленинградского ВО, затем на учебе, в 1929 г. окончил Ленинградский педагогический ин-т им. Герцена, затем на преподавательской работе в военных заведениях, в 1937—1940 гг. зав. кафедрой политэкономики, профессор Лесотехнической академии им. Кирова, с 1940 г. зав. кафедрой Ленинских курсов при ЦК ВКП(б) в Ленинграде, с 1941 г. на фронте, нач. 7 отделения политотдела 42-й армии, нач. 7 отд. политуправления Ленинградского фронта, в 1942—1945 гг. нач. 7 отд. политуправления Юго-Восточного, Сталинградского, Южного, 4-го Украинского фронтов, в октябре 1945 — октябре 1949 гг. нач. Упр. пропаганды (информации) СВАГ, полковник, генерал-майор (11.05.49) — 57

Ульбрихт (Ulbricht) Вальтер (1893—1973) —

член политбюро ЦК КПГ с 1935 г., в 1946—1949 гг. зам. председателя СЕПГ, в 1950—1953 гг. генеральный секретарь ЦК СЕПГ, в 1953—1971 гг. 1-й секретарь ЦК СЕПГ, с сентября 1960 г. председатель Государственного совета, председатель Национального совета обороны ГДР. Трижды Герой Труда ГДР (1953, 1958, 1963), Герой Советского Союза (1963) — 144, 269, 335, 343

Успенский Александр Иванович (1902—1940) —

в январе — ноябре 1938 г. нарком внутр. дел УССР, комиссар ГБ 3 ранга (25.01.38). Расстрелян — 21, 22

Устинов А.С. —

оперуполн. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 209

Устинов Дмитрий Федорович (1909—1984) —

в 1965—1966 гг. секретарь ЦК КПСС, с 1976 г. член Политбюро ЦК КПСС и министр обороны СССР, Маршал Советского Союза (1976) — 157, 336

Утехин Георгий Валентинович (1906—1987) —

в 1949—1951 гг. нач. 1 упр. МГБ СССР, генерал-майор (02.11.44). Арестован 29 октября 1951 г., освобожден 21 марта 1953 г. С 4 апреля 1953 г.

зам. нач. 4 упр. МВД СССР, с 1 сентября 1953 г. нач. 1 отд. УМВД Челябинской обл. — 108, 128, 134

Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — советский писатель, в 1946—1954 гг. генеральный секретарь правления Союза писателей СССР — 157

Фастовский Илья Ефимович (1899—1971) — с 1920 г. в органах ВЧК, нач. 4 отделения 5 отд. 3 упр. НКВД СССР, с 1943 г. в НКГБ-МГБ, полковник. В феврале 1953 г. арестован, в июле 1953 г. освобожден — 128

Федоров К.Н. — оперуполн. 8 отделения 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ — 210

Федоровский — в 1945 г. представитель СВАГ, подполковник — 292

Федосеев Иван Иванович (1907—1950) — сотрудник Гл. упр. охраны МГБ СССР, зам. коменданта дачи Сталина, подполковник. Арестован 23 июня 1947 г. Приговорен ВК ВС СССР 18 апреля 1950 г. к расстрелу. Реабилитирован посмертно 14 апреля 1956 г. — 14, 87—89, 127, 189

Федотов Петр Васильевич (1900—1963) — в сентябре 1946 — мае 1947 гг. нач. 1 Гл. упр. МГБ СССР, одновременно зам. министра госбезопасности СССР, затем зам. председателя Комитета информации при СМ СССР, в 1954—1956 гг. нач. 2 Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). В 1959 г. уволен из КГБ. Лишен звания генерал-лейтенанта в мае 1959 г. — 118, 173, 268, 344

Федюнинский Иван Иванович (1900—1977) — с 1920 г. в РККА, с июля 1943 г. командующий 11-й, 2-й армиями на Западном, Ленинградском, 2-м Белорусском, 2-м Прибалтийском фронтах, с июля 1945 г. нач. СВА провинции Мекленбург и Западная Померания. С февраля 1946 г. командующий войсками Архангельского ВО, с ноября 1951 г. зам., а с ноября 1953 г. 1-й зам. главнокомандующего ГСОВГ, с апреля 1954 г. командующий войсками Закавказского ВО, с декабря 1957 г. — Туркестанского ВО, с декабря 1965 г. военный инспектор — советник группы генеральных инспекторов МО СССР, генерал-полковник (05.10.44), генерал армии (08.08.55), Герой Советского Союза (29.08.1939) — 233

Филаретов Глеб Васильевич (1901—1979) — в октябре 1938 — феврале 1939 гг. зам. наркома внутр. дел СССР, одновременно с ноября 1938 г. нач. ГУЛАГа — 18

Филиппов Тарас Филиппович (1899—1974) — в 1947—1949 гг. нач. ГУПВИ МВД СССР, генерал-лейтенант (08.04.44) — 92

Финкель И.Д. — работник Московского обкома ВКП(б), пом. Н.С. Хрущева — 189

Финкельберг Григорий Павлович (1901—1974) —

с 1930 г. в органах ОГПУ, в 1938—1941 гг. зам. нач. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ (05.11.37), капитан ГБ (22.10.40), с 1941 г. в органах ОО — СМЕРШ на фронте, в 1945—1947 гг. зам. нач. ОКР СМЕРШ — МГБ 5-й Ударной армии ГСОВГ, полковник (13.04.46). В марте 1947 — марте 1949 гг. зам. нач. оперсектора МГБ земли Мекленбург. С марта 1949 г. на пенсии в Москве — 207, 211, 212

Фитин Павел Михайлович (1907—1971) —

в 1943—1946 гг. нач. 1 упр. (разведка) НКГБ СССР, генерал-лейтенант (09.07.45) — 118

Флягин Василий Петрович (1909—?) —

с 1938 г. в органах НКВД, политрук Тобольской тюрьмы, с 1 апреля 1939 г. нач. Тобольской тюрьмы УНКВД Омской обл., с апреля 1940 г. зам. нач. Тюремного отд. НКВД Чувашии, с 1941 г. в РККА — 314

Фокин Петр Максимович (1900—1979).

Родился в семье крестьянина. Русский. В коммунистической партии с 1921 г. С 1919 г. в РККА. В 1922—1924 гг. в органах ГПУ в Самаре и Ташкенте, затем на работе в советской торговле, в 1932 г. заочно окончил 1-й курс Московской академии снабжения. С 1930 г. вновь в органах ОГПУ, с 1941 г. нарком внутр. дел Крымской АССР, в 1944—1946 гг. нач. УНКГБ-УМГБ Крымской обл., одновременно в июне 1945 — феврале 1946 гг. работал нач. оперсектора НКВД провинции Бранденбург. В июле 1946 г. снят с должности нач. УМГБ Крымской обл. «за использование служебного положения в корыстных целях». С 1947 г. зам. нач. УМГБ Бобруйской обл. В ноябре 1951 г. уволен в запас по состоянию здоровья. Генерал-лейтенант (09.07.45) — 241

Фомичев Василий Алексеевич (р. 1909) —

инструктор политотдела 333-го погранполка, капитан — 238—240

Фридман Исаак Эммануилович (1902—1967) —

с 1932 г. в органах ОГПУ, зам. нач. отделения 4 отд. ГУГБ НКВД СССР, в январе 1939 г. уволен, работал преподавателем ВШ НКВД, в войну в СМЕРШ, в 1940-х гг. пом. нач. отд. МГБ СССР, полковник. В феврале 1953 г. арестован, в июле 1953 г. освобожден — 128

Фурцева Екатерина Алексеевна (1910—1974) —

в 1956—1960 гг. секретарь ЦК, в 1957—1961 член Президиума ЦК КПСС, с 1960 г. министр культуры СССР — 170, 176, 182, 185, 186, 198, 317

Хайченко —

член Военного трибунала войск НКВД по охране тыла ГСОВГ, майор — 238

Харитонов А.П. —

следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 211

Харитонов Федор Петрович (1907—1991) —

в 1954—1957 гг. нач. 4 упр. КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант (09.07.45) — 149

Хохлов Николай Евгеньевич (р. 1922) —

сотрудник МГБ-МВД, остался на Западе. Заочно приговорен ВК ВС СССР 5 июля 1954 г. «за измену Родине» к расстрелу, 27 марта 1992 г. помилован Указом Президента РФ — 154

Хренков М.А. —

в 1942—1947 гг. адъютант И.А. Серова — 83, 84, 188, 265, 292, 293

Хрулев Андрей Васильевич (1892—1962) —

с 1943 г. нач. тыла Красной Армии, в 1946—1951 гг. нач. тыла Вооруженных Сил СССР — зам. министра Вооруженных Сил по тылу, генерал армии (1943) — 253, 256

Хруничев М.В. (1901—1961) —

в 1946—1953 гг. министр авиационной пром-ти СССР — 343

Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971) —

с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1938—1947 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1953—1964 гг. Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958 г. председатель СМ СССР, Герой Советского Союза (17.04.64) — 5, 6, 9, 11, 14, 23, 26, 27, 35, 36, 75, 76, 82, 85, 121, 133, 138, 139, 141—143, 146, 148—152, 157, 159, 162, 163, 165, 167, 170, 172—192, 194—197, 204—206, 216, 302, 306—311, 316—319, 321, 322, 325, 329, 330, 338, 350, 351

Цанава Лаврентий Фомич (1900—1955) —

в 1938—1941 гг. нарком внутр. дел БССР, с 1943 г. нарком — министр госбезопасности БССР, в январе — июне 1945 г. уполн. НКВД по 2-му Белорусскому фронту, генерал-лейтенант (09.07.45). В октябре 1951 — феврале 1952 гг. зам. министра госбезопасности СССР, одновременно с ноября 1951 г. нач. 2-го упр. МГБ СССР. Арестован 4 апреля 1953 г., умер под следствием — 37, 38, 115, 135, 213, 245

Цепков Виктор Георгиевич (1905—1976) —

с 1938 г. в органах НКВД, с 1944 г. пом. нач. Следчасти НКГБ-МГБ СССР, подполковник, в 1947—1950 гг. нач. Следчасти МГБ УССР, в июне 1950 — сентябре 1951 гг. зам. министра госбезопасности УССР, с октября 1951 г. зам. нач. Следчасти МГБ СССР, полковник. Арестован в марте 1953 г., освобожден и реабилитирован в августе 1953 г. С 1954 г. в милиции, с 1955 г. на пенсии — 113, 135

Чайковский Герман Маркович (1909—?) —

с 1930 г. в органах ОГПУ, в 1941 г. зам. нач. 2-го отд. 2-го упр. НКГБ СССР, с 1942 г. в УНКВД Приморского края, в 1940-х гг. нач. отделения МГБ СССР, полковник. В феврале 1953 г. арестован, в мае 1953 г. освобожден — 128

Чарквиани Кандид Нестерович (1907—?) —

в 1938—1952 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии — 113

Чванов Георгий Георгиевич (р. 1914) —

с 1938 г. в погранвойсках, в 1945 г. ст. пом. нач. развед. отделения 331-го погранполка войск НКВД по охране тыла 1-го Белорусского фронта, капи-

тан. С 1945 г. в аппарате уполн. НКВД-МГБ в Германии, нач. уездных отделов МГБ Гримма, Дипольдисвальде. С 1949 в УМГБ-УКГБ Саратовской обл. С 1959 г. на пенсии, работал отв. секретарем Саратовского отделения Всероссийского общества охраны природы — 221

Чепраков Н.С. —

оперуполн. 12 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 211

Чепцов Александр Александрович (1902—1980) —

в августе 1948 — июне 1957 гг. председатель ВК ВС СССР, генерал-лейтенант юстиции. С 1957 г. на пенсии — 278

Череватенко Михаил Иванович (1903—1941) —

в 1939—1941 гг. нач. УНКВД Ворошиловградской обл., с марта 1941 г. нач. УНКВД Киевской обл., капитан ГБ (25.02.39). Погиб 1 октября 1941 г. — 217

Чернов Иван Александрович (1906—1991) —

в 1946—1951 гг. нач. Секретариата МГБ СССР, полковник. Арестован в декабре 1951 г. Осужден ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. по «делу Абакумова» на 15 лет. Освобожден в 1966 г. — 106, 109, 128, 134

Черноусов Борис Николаевич (1908—1978) —

2-й секретарь Московского обкома ВКП(б) — 32

Чернышев Василий Васильевич (1896—1952) —

в августе 1937 — сентябре 1952 гг. зам. наркома — министра внутр. дел СССР, генерал-полковник (09.07.45) — 18, 95, 349

Чернышев Михаил Владимирович (р. 1912) —

с 1938 г. в органах НКВД, с 1939 г. мл. следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, сержант ГБ. В 1945—1950 гг. нач. отделения, зам. нач. следственного отд. Берлинского оперсектора НКВД-МГБ, майор, подполковник — 212

Черняков Александр Георгиевич (?—1969) —

в 1945 г. нач. Военных сообщений (ВОСО) 1-го Белорусского фронта, затем ГСОВГ, генерал-лейтенант техн. войск (11.07.45) — 241

Черняховский Иван Данилович (1906—1945) —

командующий войсками 3-го Белорусского фронта, генерал армии (1944), дважды Герой Советского Союза (1943, 1944) — 35, 333

Черчилль (Churchill) Уинстон (1874—1965) —

в 1940—1945 гг. премьер-министр Великобритании — 64

Чечев Александр Александрович (1899-1964) —

в 1940 г. нач. 2 отд. Гл. тюремного упр. НКВД СССР, капитан ГБ. В 1954 г. уволен из МВД — 213

Чуйков Василий Иванович (1900—1982) —

с 1917 г. на флоте, с 1918 г. в РККА, в 1925 г. окончил Военную академию им. Фрунзе, с июля 1945 г. нач. СВА земли Тюрингия, затем зам., 1-й зам. Главнокомандующего ГСОВГ, с 1949 г. Главнокомандующий ГСОВГ, с марта

1949 г. Главнoначальствующий СВАГ, с ноября 1949 г. председатель СКК в Германии, с мая 1953 г. командующий войсками Киевского ВО, с апреля 1960 г. главнокомандующий сухопутными войсками и зам. министра обороны СССР, с июля 1961 г. нач. гражданской обороны СССР, с 1972 г. генеральный инспектор групп генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, генерал-полковник (27.10.43), генерал армии (12.11.48), Маршал Советского Союза (10.03.55). Герой Советского Союза (19.03.43) — 25, 26, 157, 295

Шалин Михаил Алексеевич (1897—1970) —

в июле 1952 — августе 1956 г. и октябре 1957 — декабре 1958 г. нач. ГРУ Генштаба Советской Армии, генерал-полковник (31.05.54) — 185

Шапошников Борис Михайлович (1882—1945) —

в 1942—1943 гг. зам. наркома обороны СССР, Маршал Советского Союза (1940) — 219

Шарапов Владимир Максимович (1894—1972) —

в 1939—1941 гг. нач. Гл. упр. конвойных войск НКВД СССР, генерал-майор (04.06.40), генерал-лейтенант (13.09.44) — 217

Шария Петр Афанасьевич (1902—1983) —

в 1938—1943 гг. на руководящей работе в разведке НКВД-НКГБ, комиссар ГБ 3 ранга (14.02.43). С августа 1943 г. секретарь ЦК КП(б) Грузии по пропаганде, затем профессор философского ф-та Тбилисского гос. ун-та. Арестован 15 февраля 1952 г., освобожден в марте 1953 г. В апреле — июне 1953 г. пом. 1-го заместителя председателя СМ СССР (Берии). Вновь арестован 27 июня 1953 г., осужден ВК ВС СССР 28 сентября 1954 г. на 10 лет — 112, 134, 136

Шарок Григорий Федорович (1900—1981) —

с 1932 г. в органах ОГПУ, с октября 1939 г. зам. наркома внутр. дел Казахстана, с 1940 г. в НКВД Литвы, с 1942 г. нач. 2 отд. 4 упр. НКВД СССР, полковник ГБ (14.02.43), с ноября 1943 г. нач. 2 упр. НКГБ БССР, с октябре 1946 нач. УМГБ Молодеченской обл., с января 1948 г. зам. нач. 1 отд. 5 упр. МГБ СССР, с октября 1949 г. зам. нач. 1 отд. 7 упр. МГБ СССР. С мая 1954 г. на пенсии в Москве, работал инструктором Центрального автотоклуба — 314, 315

Шаталин Николай Николаевич (1904—1984) —

в 1953—1955 гг. секретарь ЦК КПСС — 143, 146, 147, 310, 311

Шварцман Лев Леонидович (1907—1955) —

родился в семье банковского служащего, отец служил в Белой армии и в 1919 г. погиб в бою. В 1924 г. окончил трудовую школу в Киеве, работал разносчиком газет, репортером, зав. отделом редакции газеты «Московский комсомолец» и ответственным секретарем редакции газеты «Рабочая Москва», с 1937 г. в органах НКВД, с декабря 1938 г. пом. нач. Следчасти НКВД СССР, сентября 1939 г. зам. нач. Следчасти ГЭУ НКВД СССР, с февраля 1941 г. зам. нач. Следчасти НКГБ СССР, с августа 1941 г. зам. нач. Следчасти НКВД-НКГБ-МГБ СССР, полковник. Арестован 13 июля 1951 г. Приговорен ВК ВС СССР 3 марта 1955 г. к расстрелу — 104, 121, 122, 128, 130, 134, 143

Шверник Николай Михайлович (1888—1970) —

в 1946—1953 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР, в 1956—1966 гг. председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, в 1957—1966 гг. член Президиума ЦК КПСС — 157, 176, 188, 189, 351

Шебунин Александр Иванович (1896—1975) —

с 1915 г. служил в 1-й гренадерской артбригаде в Москве, с 1918 г. в РККА, затем комиссар бригады ВЧК, участвовал в подавлении восстания Антонова. В войну нач. тыла Южного, Северо-Кавказского, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, с 1945 г. нач. тыла ГСОВГ, в 1958—1964 гг. зам. министра обороны ССР по устройству и расквартированию войск, затем консультант группы консультантов министерства обороны. Генерал-майор интендантской службы (04.06.40), генерал-лейтенант интендантской службы (29.08.43), генерал-полковник интендантской службы (19.04.45) — 91

Шевченко Николай Григорьевич (1901—?) —

с 1920 г. в погранохране и органах НКВД, в сентябре 1937 — сентябре 1938 гг. нач. горотдела НКВД в Кирово (ныне Кировоград), затем пом. нач. ОО НКВД Киевского ВО, с 1939 г. нач. 5 отд. УГБ НКВД УССР, в ноябре 1940 откомандирован в Эстонию, капитан ГБ (22.06.39). В 1953 г. исключен из партии — 207

Шейнин Лев Романович (1906—1967) —

следователь Прокуратуры СССР, писатель, драматург. Арестован 19 октября 1951 г., освобожден в ноябре 1953 г. — 107

Шелепин Алексей Николаевич (1918—1994) —

в 1958—1961 гг. председатель КГБ при СМ СССР, с 1961 г. секретарь ЦК, в 1964—1975 гг. член Политбюро ЦК КПСС — 156, 184, 190, 193, 317, 337

Шенейман Фридрих (1892—1945) —

бургомистр деревни Гарделеген, расстрелян по приговору советского военного трибунала — 52, 53

Шепилов Дмитрий Трофимович (1905—1995) —

в 1956—1957 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС — 5, 11, 98, 174, 176

Шершаков —

сотрудник оперсектора НКВД-МВД в земле Тюрингия, капитан — 300

Шефер Рихард —

бургомистр деревни Кольштедт (Тюрингия), в 1945 г. расстрелян по приговору советского военного трибунала — 53

Шипков И.В. —

следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 212

Шкирятов Матвей Федорович (1883—1954) —

с 1939 г. зам. председателя Комиссии партийного контроля, с 1952 г.

председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС — 103, 280, 286, 289, 299

Шкурин Алексей Калининлович (1904—?) —

с 1937 г. в органах НКВД, с сентября 1939 г. пом. нач. Следчасти ГУГБ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ. В 1940—1941 гг. зам. наркома внутр. дел. Эстонии, в 1941—1942 гг. зам. нач. ОО Московского ВО, в 1942—1946 гг. нач. ОО НКВД — ОКР СМЕРШ 47-й армии, полковник ГБ (14.02.43). В 1946—1949 гг. нач. УМГБ Брянской обл, затем нач. упр. милиции Калининской обл. В апреле 1954 г. уволен «по фактам дискредитации» — 209

Шлюгер Шолом Самойлович (1912—?) —

с 1936 г. в органах НКВД, с ноября 1947 г. зам. нач. отд. «2-В», затем отд. «2-Г» 2 Гл. упр. МГБ СССР, полковник ГБ (1943), с января 1952 г. зам. нач. 2 отд. УМГБ Горьковской обл. Арестован в январе 1953 г., освобожден в марте 1953 г. Уволен из МВД в июле 1953 г. — 134

Шмашковский — см. Успенский А.И.

Шотте —

торговец — 276, 279

Шпак Тихон Иванович (1911—?) —

с 1932 г. в погранвойсках. В 1945 г. нач. 2 отделения развед. отд. Упр. войск НКВД по охране тыла 1-го Белорусского фронта. В 1946—1947 гг. нач. отделения оперсектора МВД-МГБ земли Тюрингия, майор. Затем на работе в МГБ Молдавии, Литвы и в УМГБ Краснодарского края — 294

Шрейдер Михаил Павлович (1902—1978) —

с 1919 г. в органах ВЧК, в 1938 г. нач. УРКМ и зам. наркома внутр. дел Казахстана. В 1938 г. арестован, осужден на 10 лет — 19

Шройдер Отто (1896—1945) —

житель деревни Гарделеген, расстрелян по приговору советского военного трибунала — 53

Штеменко Сергей Матвеевич (1907—1976) —

с 1943 г. нач. Оперативного упр. Генштаба, с февраля 1945 г. 1-й зам. нач. Генштаба, генерал армии (13.11.48) — 342

Штуцер —

сотрудник МИД Германии, арестован оперсектором НКВД — 298

Шубняков Федор Григорьевич (1916—1998) —

с 1937 г. в органах НКВД, в январе — ноябре 1951 г. нач. 2 Гл. упр. МГБ СССР, полковник (13.12.46). Арестован в октябре 1951 г., освобожден в марте 1953 г. С 17 марта 1953 г. зам. нач. 1 Гл. упр. МВД СССР, в 1954 г. зам. нач. 2 Гл. упр. КГБ при СМ СССР, с ноября 1954 г. на работе в Австрии. С ноября 1958 г. в действующем резерве КГБ — зам. директора по режиму отделения Института прикладной математики АН СССР. В мае 1965 г. уволен в запас — 106, 109, 134

Шумилин Александр Алексеевич (р. 1914) —

с 1942 г. в РККА, на фронте, нач. отд. продовольственного снабжения Ин-

тендантского упр. 2-го Прибалтийского фронта, с сентября 1945 г. зам. нач. Отд. торговли и снабжения СВАГ, с марта 1946 г. зам. нач. Упр. торговли и снабжения СВАГ, подполковник — 76, 254, 255

Шустин Семен Матвеевич (1908—1978) —

с 1939 г. в органах НКВД, с июня 1939 г. зам. нач. 4 отд. ГЭУ НКВД СССР, капитан ГБ, в 1940—1941 гг. 1-й зам. наркома внутр. дел Латвии, в феврале — июле 1941 г. нарком госбезопасности Латвии, с 1941 г. нач. УНКВД Кировской обл., с 1943 г. на руководящей работе в системе ГУЛАГа, полковник (29.03.45). С 1960 г. на пенсии в Ленинграде, работал мастером, нач. смены, инженером по технике безопасности Ижорского завода — 207

Щербakov Александр Сергеевич (1901—1945) —

в 1941—1945 гг. секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) — 157, 271, 342

Эйзенхауэр (Eisenhower) Дуайт (1890—1969) —

в 1945 командующий войсками США в Германии — 47

Эйтингон Наум Исаакович (1899—1981) —

в 1946—1950 гг. зам. нач. Службы «ДР» МГБ СССР, с октября 1950 г. зам. нач. Бюро № 1 МГБ СССР, генерал-майор (09.07.45). Арестован в октябре 1951 г., освобожден 19 марта 1953 г. В мае — июле 1953 г. нач. 9 отд. МВД СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). Арестован 20 августа 1953 г., осужден ВК ВС СССР 6 марта 1957 г. на 12 лет, освобожден в марте 1964 г. — 101, 107, 110, 128, 134, 137, 138, 158

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) —

советский журналист, писатель — 44, 45, 48

Этингер Яков Г. (1887—1951) —

врач, профессор-консультант, арестован в ноябре 1950 г., умер под следствием — 103, 104

Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938) —

в 1934—1936 гг. нарком внутр. дел СССР, расстрелян — 108

Яковлев А.С. (1906—1989) —

советский авиаконструктор, генерал-полковник-инженер (1946) — 343

Якубов Загид Нажидович (1906—?) —

с 1932 г. в органах ОГПУ, с 1939 г. следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ — 212

Ярославский Емельян Михайлович

(Губельман Миней Израилевич) (1878—1943) —

в 1921—1922 гг. член ЦК РКП(б), в 1939—1943 гг. член ЦК ВКП(б), с 1931 г. председатель Всесоюзного общества старых большевиков — 157

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Стремительная карьера	15
Глава 2. Трофейная Германия	43
Глава 3. Битва титанов	79
Глава 4. Падение Абакумова	100
Глава 5. 1953 год	132
Глава 6. Первый председатель	145
Глава 7. Начальник военной разведки	191
Глава 8. Опала	197
Документы	
№ 1. Автобиография И.А. Серова. 8 мая 1940 г.	203
№ 2. Из докладной записки И.А. Серова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии о поведении Н.С. Хрущева и С.К. Тимошенко во Львове. 27 сентября 1939 г.	204
№ 3. Приказ НКВД СССР № 00308 «Об организации оперативных троек в УНКВД западных областей Украины и Белоруссии». 7 марта 1940 г.	206
№ 4. Приказ НКВД СССР № 00342 «Об оказании помощи в оперативно- чекистской работе УНКВД Западных областей УССР и БССР». 20 марта 1940 г.	208
№ 5. Речь И.А. Серова на XV съезде Коммунистической Партии (большевиков) Украины. 15 мая 1940 г.	214
№ 6. Приказ НКВД СССР № 001098 «О разгрузке тюрем УССР». 3 сентября 1940 г.	217
№ 7. Положение о войсках НКВД по охране тыла действующей Красной Армии. 28 апреля 1942 г.	217
№ 8. Директива Штаба войск НКВД по охране тыла 1-го Белорусского фронта № Ш/1-00578 с объявлением директивы Уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.А. Серова об «оперативно-чекистских мероприятиях на территории Польши». 20 марта 1945 г.	219
№ 9. Сообщение И.А. Серова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии об обстановке в осажденном Берлине. 23 апреля 1945 г.	222
№ 10. Сообщение И.А. Серова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии о положении в занятых советскими войсками районах Берлина. 24 апреля 1945 г.	224
№ 11. Директива начальника штаба 331 пограничного полка № 1-1249 об отмеченном заместителем наркома внутренних дел СССР И.А. Серовым неблаговидном поведении пограничников. 25 апреля 1945 г.	226
№ 12. Письмо И.А. Серова народному комиссару внутренних дел	

СССР Л.П. Берии о неправильном указании начальника ГУКР СМЕРШ В.С. Абакумова о создании в городах Германии оперативных групп СМЕРШ. 22 июля 1945 г.	227
№ 13. Директива Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии № 15/10-002243 о запрещении личному составу войск НКВД, находящемуся за границей, незаконного приобретения вещей и их перевозки в СССР. 25/27 июля 1945 г.	228
№ 14. Вступительное слово И.А. Серова на совещании руководящих работников Советской военной администрации федеральных земель и провинций Германии. 14 августа 1945 г.	229
№ 15. Выступление И.А. Серова на совещании руководящих работников Советской военной администрации федеральных земель и провинций Германии. 16 августа 1945 г.	232
№ 16. Приговор Военного трибунала войск НКВД по охране тыла ГСОВГ по делу о расхищении ценностей из Рейхсбанка 23 октября 1945 г.	238
№ 17. Письмо И.А. Серова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии о неправильном поведении К.Ф. Телегина и его попытках скомпрометировать работников НКВД. 28 ноября 1945 г.	240
№ 18. Письмо наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглова и наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова И.В. Сталину с предложением о назначении И.А. Серова по совместительству уполномоченным НКГБ в Германии. 31 января 1946 г.	243
№ 19. Из письма И.А. Серова И.В. Сталину о неправильном отношении к нему В.С. Абакумова и преследовании с его стороны. 8 сентября 1946 г.	244
№ 20. Шифротелеграмма И.В. Сталина из Сочи министру госбезопасности СССР В.С. Абакумову с требованием прекращения слежки за И.А. Серовым в Берлине. 12 сентября 1946 г.	248
№ 21. Шифротелеграмма министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова в Сочи И.В. Сталину об ошибочности сведений в отношении установления слежки за Серовым. 13 сентября 1946 г.	248
№ 22. Письмо министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову с просьбой дать указание И.А. Серову о передаче «чекистского обслуживания» аппарата СВАГ органам МГБ. 16 октября 1946 г.	249
№ 23. Письмо министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову с просьбой отменить распоряжение И.А. Серова об использовании внутренних войск в Германии. 24 октября 1946 г.	250
№ 24. Письмо И.А. Серова министру внутренних дел С.Н. Круглову о передаче дел Уполномоченному МГБ в Германии Н.К. Ковальчуку и о завершении своей работы в Германии. 2 ноября 1946 г.	251
№ 25. Письмо И.А. Серова заместителю председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии о необходимости снижения норм снабжения руководящего состава СВАГ, об излишках продовольствия в Германии и о его вывозе в СССР. Не позднее 20 октября 1946 г.	252
№ 26. Письмо И.В. Сталина А.А. Жданову, Н.А. Вознесенскому,	

Н.А. Булганину, Н.С. Патоличеву, Б.А. Двинскому, А.В. Хрулеву о предложениях, изложенных в записке И.А. Серова о вывозе продовольствия из Германии. 3 ноября 1946 г.	256
№ 27. Письмо министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова И.В. Сталину с просьбой утвердить И.А. Серова первым заместителем министра внутренних дел СССР. 23 февраля 1947 г.	256
№ 28. Сопроводительное письмо министра госбезопасности В.С. Абакумова И.В. Сталину к протоколу допроса бывшего начальника оперативного сектора НКВД-МВД в Берлине А.М. Сиднева. 6 февраля 1948 г.	257
№ 29. Письмо И.А. Серова И.В. Сталину о неблагоприятных поступках министра госбезопасности В.С. Абакумова. 8 февраля 1948 г.	268
№ 30. Из постановления ЦК КПСС «О положении в МГБ». 4 декабря 1952 г.	273
№ 31. Заключение Главной военной прокуратуры войск МВД СССР по делу Г.А. Бежанова и С.А. Клепова. 27 июля 1953 г.	274
№ 32. Определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Г.А. Бежанова и С.А. Клепова. 29 июля 1953 г.	278
№ 33. Объяснительная записка С.А. Клепова председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М.Ф. Шкирятову. 24 октября 1953 г.	280
№ 34. Справка КПК при ЦК КПСС по делу С.А. Клепова. Не позднее 22 января 1954 г.	286
№ 35. Заявление Г.А. Бежанова председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М.Ф. Шкирятову о восстановлении в партии. 26 октября 1953 г.	289
№ 36. Справка КПК при ЦК КПСС по делу Г.А. Бежанова. Июль 1954 г.	299
№ 37. Письмо министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова в Президиум ЦК КПСС о выделении органов государственной безопасности из МВД в самостоятельное ведомство. 4 февраля 1954 г.	302
№ 38. Из протокольной записи заседания Президиума ЦК КПСС по вопросу образования Комитета государственной безопасности. 8 февраля 1954 г.	306
№ 39. Сопроводительное письмо заместителя начальника управления «Минерального» особого лагеря МВД А.Ф. Ручкина министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову к сообщению заключенного Б.И. Войтехова о И.А. Серове. 9 февраля 1954 г.	311
№ 40. Из справки председателя КГБ при СМ СССР И.А. Серова в ЦК КПСС по делу «Антисоветского троцкистского центра» об обстоятельствах убийства Г.Я. Сокольников и К.Б. Радека. 29 июня 1956 г.	313
№ 41. Записка И.А. Серова в ЦК КПСС об отправленных в «инстанции» документах КГБ. 22 июня 1957 г.	316
№ 42. Из протокольной записи заседания Президиума ЦК КПСС с обсуждением вопроса о И.А. Серове. 20 ноября 1958 г.	317
№ 43. Протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС с обсуждением вопроса о И.А. Серове. 24 ноября 1958 г.	317
№ 44. Протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС с обсуждением вопроса о И.А. Серове. 3 декабря 1958 г.	318

№ 45. Заявление секретаря парткома ГРУ Генерального штаба И.А. Большакова в Президиум ЦК КПСС Н.С. Хрущеву о неправильном поведении И.А. Серова и нарушении им принципов партийного руководства. 8 января 1960 г.	319
№ 46. Объяснительная записка И.А. Серова секретарю ЦК КПСС М.А. Сулову по поводу обвинений, изложенных в заявлении И.А. Большакова. 10 марта 1960 г.	322
№ 47. Письмо И.А. Серова Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву с просьбой снять наложенные на него взыскания. 9 февраля 1964 г.	325
№ 48. Заявление И.А. Серова в Президиум ЦК КПСС с просьбой снять наложенные на него взыскания. 19 ноября 1964 г.	328
№ 49. Записка председателя КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС о работе И.А. Серова над своими воспоминаниями. 12 февраля 1971 г.	339
Визиты Серова к Сталину в Кремль	341
Биографическая хроника	346
Указатель имен	352

ПЕТРОВ Никита Васильевич – заместитель председателя Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал». Автор более полусотни научных статей, посвященных истории советского террора, массовых репрессий и карательных ведомств от ВЧК до КГБ. Многие статьи опубликованы на немецком, английском, французском, итальянском, нидерландском и польском языках и касаются истории сталинских репрессий против иностранных граждан. Среди его наиболее заметных работ по истории развития структуры и кадровой политики органов ВЧК-КГБ и ГУЛАГа можно назвать следующие издания: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД: Справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000; Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; авторы-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003; История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах / Т. 2. Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н.В. Петров; Отв. сост. Н.И. Владимирцев. М., 2004, а также изданная Гуверовским институтом войны, революции и мира биография наркома внутренних дел Н.И. Ежова: Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895—1940. Hoover institution press, Stanford, California, 2002 (в соавторстве с Марком Янсенем).

Никита Васильевич Петров
ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ ИВАН СЕРОВ

Редактор В. Кабанов
Корректор Ю. Бакланова
Художник В. Черниевский

ЛР № 061660 от 06. 01. 97 г.

Подписано к печати 01. 09. 2005 г.
Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Baltica.
Усл.-печ. л. 21,84. Тираж 2500 экз.
Заказ № 0514020.

ООО «Издательская фирма Материк»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 24, стр. 3.
Тел./факс 925 02 62
E-mail: materik@awax.ru
[http:// www.materik.info](http://www.materik.info)

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Петров Н.В.

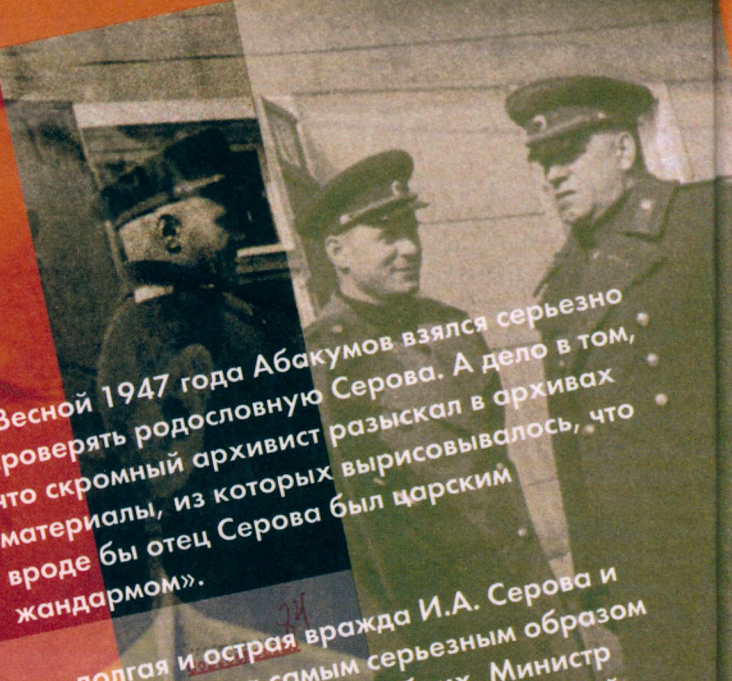
П29 Первый председатель КГБ Иван Серов. — М.: Материк, 2005. — 416 с.

ISBN 5-85646-129-0

Книга о первом председателе КГБ Иване Александровиче Серове — не просто биография. Это прежде всего опыт исследования его жизни и деятельности, предпринятый на строго документальной основе. В основу книги легли не только воспоминания его сослуживцев, но и многочисленные, ранее неизвестные архивные материалы, включая и архивы бывшего КГБ. Центральное место в повествовании занимает многолетний конфликт между всесильным руководителем СМЕРШ Абакумовым и заместителем наркома внутренних дел Серовым. Первому этот конфликт стоил жизни, второму — карьеры. В судьбе Серова — его взлете и падении — явственно отразились весь драматизм и ужас советской эпохи.

Книга снабжена аннотированным указателем имен. В приложении приводятся 49 важнейших и интереснейших документов полно и выпукло характеризующих личность первого председателя КГБ, включая заявления, написанные им и направленные на имя Сталина, а позднее в ЦК КПСС.

ББК 63.3(2)6-8Серов

«Весной 1947 года Абакумов взялся серьезно проверять родословную Серова. А дело в том, что скромный архивист разыскал в архивах материалы, из которых вырисовывалось, что вроде бы отец Серова был царским жандармом».

«...долгая и острая вражда И.А. Серова и В.С. Абакумова самым серьезным образом отразилась на карьере обоих. Министр госбезопасности Абакумов пал жертвой Сталина. В июле 1951 года он был снят с должности, арестован и его будущий расстрел был предreshен. Серову же в этом смысле повезло, вплоть до смерти Сталина он сохранял свой пост первого заместителя министра внутренних дел».

«В ноябре 1956 года Серов принял активное участие в подавлении народного восстания в Венгрии. На заседании Президиума ЦК КПСС 1 ноября 1956 года, когда обсуждалась обстановка в Венгрии, Серов высказался наиболее воинственно: «Надо решительные меры принимать. Оккупировать надо страну».

А.А. Серов
1945 год